

История политической мысли

Бентам И.

**Введение в основания
нравственности
и законодательства**

Москва
РОССПЭН
1998

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Иеремия Бентам принадлежит к числу тех классиков западного общества, о которых отечественный читатель немало слышал, но мало что подлинно знает. Слышал, вероятно, во время штудий марксизма-ленинизма советского периода филиппики о филистерстве Бентама автора «Капитала», позднее — панегирики английскому мыслителю как открывателю принципа полезности, рьяному стороннику частной собственности, рыночной свободы и представительного правления со стороны российских либералов конца 80—90-х гг. Мало же знает потому, что труды Бентама после революции 1917 г. у нас не издавались, а до этого в XIX веке издавались без системы и нередко в весьма купированном виде (к примеру, его рассуждения о религии — не о православии, а религии вообще — с точки зрения принципа полезности обычно опускались). В любом случае они давно стали почти недостижимым раритетом. Специальная литература о Бентаме на русском языке — за исключением разве что монографий П.Левенсона и П.Покровского, вышедших в конце XIX и начале XX века и имеющих скорее описательный, чем аналитический, характер, — по сути дела отсутствует.

На Западе же спорам о теоретическом наследии Бентама нет конца. Причем полемика ведется на нескольких фронтах: между защитниками и критиками либерализма, между сторонниками утилитаристского либерализма и их либеральными оппонентами, наконец, между приверженцами различных версий утилитаризма. И это — оставляя в стороне собственно историко-философские дебаты, например, об отношении Бентама к духу эпохи Просвещения, о его рационализме, о влиянии на классиков политэкономии XIX века, о степени оригинальности разработки им самих принципов теории полезности, о роли в подготовке реформы избирательной системы Британии, начавшейся в 30-е гг. прошлого века, и т.д. Разные оценки трудов Бентама, разные взгляды на его творчество неизбежны. Но каких бы взглядов ни придерживаться, ясно одно: речь идет о столь масштабном явлении — будь то в силу собственного вклада в науку или вследствие созвучности с мощными сдвигами в духовной ситуации Запада на рубеже XVIII—XIX веков, определившими очень многое на столетия вперед, — что оно стало пороговым в эволюции общественнознания — и далеко не только англо-американского.

Вероятно, прав один из крупнейших современных знатоков идей Бентама Б.Парех, написавший: «Его (Бентама, — Б.К.) понимание человека очень грубо, его моральная теория наивна и столь субъективна, как те, которые он отвергает, его онтология примитивна, его анализ основных правовых и политических понятий — путанный и поверхностный. Несмотря на все это, он остается важной исторической фигурой по двум главным причинам. Во-первых... он великолепно опрокинул или во всяком случае подверг серьезному сомнению обоснованность целого ряда господствовавших в то время этических и политических доктрин, таких как моральный интуитивизм, общественный договор, естественное состояние и — самоочевидные — естественные права. Сделав это, он развернул широкий спектр проблем, которые преследовали многие следующие за ним поколения моральных и политических философов. Во-вторых, разрабатывая эти проблемы, он представил множество пронизательных идей о природе правовой и политической жизни, которые в своей совокупности означают не что иное, как подведение нового фундамента под классический либерализм» (Parekh B. Introduction // Bentham's Political Thought. L.: Croom Helm, 1973. P. 44).

Данное издание наиболее известной и влиятельной работы Бентама представляет собой публикацию расширенного и исправленного ее перевода, напечатанного в 1867 г. «Русской книжной торговлей». Текст сверен по изданию: Bentham J. A Fragment on Government and An Introduction to the Principles of Morals and Legislation / Ed. W.Harrison. Oxford: Basil Blackwell, 1948.

В настоящем издании впервые на русском языке приводятся многие пространные сноски Бентама, важные для уяснения как его методологии, так и суждений по отдельным философским, юридическим, историческим вопросам, опущенные в публикации 1867 г. Вместе с тем сохраняются два фрагмента из работы Э.Дюмона, одного из ближайших сподвижников Бентама, включенные во «Введение в основы нравственности и законодательства» издателем эдинбургского собрания сочинений Бентама, печатавшегося в 1838—1943 гг. Д.Боурингом, но опущенные в позднейших публикациях. Разумеется, эти фрагменты нельзя рассматривать в качестве простых «дополнений» к тексту Бентама, как вслед за Боурингом делали составители русского издания. Но они — интересные

и серьезные комментарии, которые заслуживают тем большего внимания, что труды Дюмона на русском языке не печатались.

Глава I

О принципе полезности

I.

Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. К их престолу привязаны, с одной стороны, образчик хорошего и дурного и, с другой, цель причин и действий. Они управляют нами во всем, что мы делаем: всякое усилие, которое мы можем сделать, чтобы отвергнуть это подданство, послужит только к тому, чтобы доказать и подтвердить его. На словах человек может претендовать на отрицание их могущества, но в действительности он всегда останется подчинен им. Принцип полезности¹ признает это подчинение и берет его в основание той системы, цель которой возвести здание счастья руками разума и закона. Системы, которые подвергают его сомнению, занимаются звуками вместо смысла, капризом вместо разума, мраком вместо света.

Но довольно метафор и декламации — нравственная наука должна быть совершенствуема не такими средствами.

II.

Принцип полезности есть основание настоящего труда, поэтому будет не лишним в самом начале дать точный и определенный отчет о том, что понимается здесь под этим принципом. Под принципом полезности понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью. Я говорю: какое бы то ни было действие, и потому говорю не только о всяком действии частного лица, но и о всякой мере правительства.

III.

Под полезностью понимается то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье (все это в настоящем случае сводится к одному), предупреждать вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь: если эта сторона есть целое общество, то счастье общества; если это отдельное лицо, то счастье этого отдельного лица.

IV.

¹ Примечание автора, 1822 г. К этому обозначению прибавлено было недавно, или заменило его, выражение: принцип *величайшего* (возможного) счастья или *благоденствия* (greatest happiness or greatest felicity principle) — выражение, употребляемое для краткости, вместо того чтобы говорить: *тот принцип*, который полагает величайшее счастье всех тех, о чьем интересе идет дело, истинной и должной целью человеческого действия, целью, единственно истинной и должной и во всех отношениях желательной; и далее целью человеческого действия во всех положениях, и особенно в положении должностного лица или собрания должностных лиц, пользующихся правительственной властью. Слово *полезность* не так ясно указывает на идеи *удовольствия и страдания*, как слова *счастье и благоденствие*; притом оно не ведет также к количественной оценке тех интересов, о которых идет дело; того числа, которое есть обстоятельство, в самых обширных размерах содействующее образованию той меры, о которой здесь речь, именно меры хорошего и дурного, или справедливого и ложного (standard of right and wrong), по которой одной можно справедливо судить о свойстве поведения человека во всех положениях. Это отсутствие достаточно ясной связи между идеями *счастья и удовольствия*, с одной стороны, и идеей *пользы*, с другой, я всегда считал весьма значительной помехой к принятию этого принципа, которое иначе могло бы иметь место. >

Интерес общества есть одно из самых общих выражений, какие только встречаются во фразеологии нравственного учения: неудивительно, что смысл его часто теряется. Когда это слово имеет смысл, он таков. Общество есть искусственное *тело*, состоящее из индивидуальных лиц, которые рассматриваются как составляющие его *члены*. Что же такое есть в этом случае интерес общества? Сумма интересов отдельных членов, составляющих его.

V.

Напрасно толковать об интересе общества, не понимая, что такое интерес отдельного лица. Известная вещь может содействовать интересу или быть в интересах отдельного лица тогда, когда она стремится увеличить целую сумму его удовольствий или, что одно и то же, уменьшить целую сумму его страданий.

VI.

Поэтому известное действие может называться сообразным с принципом полезности (относительно целого общества), когда его стремление увеличить счастье общества больше, чем стремление уменьшить его.

VII.

Известная мера правительства (это только особенный род действия, совершаемого частным лицом или лицами) может быть названа сообразной с принципом полезности или внушенной этим принципом, когда таким же образом стремление этой меры увеличить счастье общества бывает больше, чем ее стремление уменьшить это счастье.

VIII.

Когда человек полагает, что известное действие, или, в частности, мера правительства, сообразны с принципом полезности, то, для удобства речи, возможно предположить род закона или правила, называемого законом или *правилом полезности*, и говорить об этом действии как сообразном с этим законом или правилом.

IX.

Известный человек может быть назван последователем принципа полезности, когда одобрение или неодобрение им какого-нибудь действия или меры определяются и соразмеряются тем стремлением, какое он предполагает в них к увеличению или уменьшению счастья общества, или, другими словами, когда его одобрение или неодобрение определяются сообразностью или несообразностью этих действий с законами или правилами полезности.

X.

О действии, сообразном с принципом полезности, всегда можно сказать: или что оно таково, что должно быть осуществлено, или по крайней мере, что оно не таково, что не должно быть осуществлено. Можно также сказать, что хорошо было бы его сделать или, по крайней мере, неплохо было бы, если бы оно было сделано; что это хорошее действие или, по крайней мере, что это — не плохое действие. Объясняемые таким образом, слова *должно*, *хороший*, *плохой* и другие подобные слова имеют смысл; если они объясняются иначе, они не имеют смысла.

XI.

Была ли когда-нибудь формально оспариваема верность этого принципа? Могло бы казаться, что была — теми, кто не знает, что они говорят. Возможно ли для этого принципа какое-нибудь прямое доказательство? Могло бы казаться, что нет, так как то, что служит для доказательства чего-

нибудь другого, само не может быть доказываемо: цепь доказательств должна где-нибудь иметь свое начало. Давать такое доказательство невозможно, да и не нужно.

ХII.

Но, впрочем, нет также или даже не было живого человеческого существа, как бы оно ни было тупо или извращено, которое бы не ссылалось на принцип полезности во многих и, может быть, в большей части случаев своей жизни. По естественному устройству человеческой природы люди в большей части своей жизни вообще, не думая, принимают этот принцип, если не для определения своих собственных действий, то по крайней мере для суждения о своих действиях и действиях других людей. В то же самое время было, вероятно, не много людей, даже из самых умных, которые были расположены принимать этот принцип во всей его чистоте и без ограничений. Мало даже таких людей, которые бы не воспользовались тем или другим случаем спорить против этого принципа: или потому что они не всегда понимали, как прилагать его, или вследствие того или другого предрассудка, по которому они боялись исследовать его или не могли разделять его. Потому что люди сделаны из такого вещества, что в вопросах принципов и в практических делах, на истинном или ложном пути, самое редкое из человеческих качеств есть последовательность.

ХIII.

Когда человек хочет опровергать принцип пользы, то свои доводы для этого он, сам того не сознавая, извлекает из этого же самого принципа². Его аргументы, если они доказывают что-нибудь, доказывают не то, что принцип плох, но что, сообразно с предполагаемыми им приложениями, он

² «Принцип полезности (я слышал такого рода мнение) есть опасный принцип: в некоторых случаях сообразовываться с ним (to consult it) опасно». Но это равнозначно тому, чтобы сказать — что? То, что сообразовываться с полезностью не сочетается с полезностью, короче говоря, сообразоваться с ней через несообразование.

Прибавление автора. Июль 1822 г. Вскоре после публикации «Фрагмента о правительстве» в 1776 г., в котором принцип полезности был представлен в качестве всеохватывающего и всемогущего принципа, человеком, который сделал приведенное выше замечание, был Александр Веддерборн, в то время — генеральный атторней или его заместитель, позднее — канцлер Англии, последовательно обладавший титулами лорда Лафборо и графа Роспина. Это замечание было сделано не при мне, но в присутствии того человека, который почти немедленно передал его мне. Отнюдь не самопротиворечивое, оно было проницательным и совершенно истинным. Этот выдающийся государственный муж со всей обстоятельностью понимал состояние правительства, тогда как рядовой человек в то время смыслил в этом гораздо меньше, чем того от него ожидали, его рассуждения не были хоть сколько-нибудь полно применены к сфере конституционного права, следовательно, и к тем чертам английского правительства, по которым сейчас столь отчетливо видно, что единственными целями, на которые был в любое время направлен его курс, являлись величайшее счастье одного вместе с несколькими привилегированными или без них. Принцип полезности был наименованием, в то время использованным мной и другими, чтобы обозначить то, что более ясным и поучительным образом может быть, как выше, обозначено именем принцип величайшего счастья. «Этот принцип (сказал Веддерборн) является опасным». Сказав так, он сказал то, что в определенной степени строго верно: как можно отрицать, что принцип, утверждающий в качестве единственно правильной и справедливой цели правительства наибольшее счастье наибольшего числа людей, является опасным. Бесспорно опасным для любого правительства, которое своей действительной целью и предметом имеет величайшее счастье некоего одного с прибавлением определенного относительно малого числа других, которых он из удовольствия или удобства допустил к участию в этом деле на положении младших партнеров. Поэтому он действительно опасен интересам — дурным интересам — всех тех администраторов, включая и главного среди них, чьи интересы состоят в максимизации проволочек, притеснений и трат в судебных и других делах для увеличения выгод, извлекаемых из этого. «В правлении, которое бы имело своей целью наибольшее счастье наибольшего числа людей, Веддерборн мог бы быть генерал-атторнеем и затем канцлером; но он не был бы генерал-атторнеем с 15.000 фунтов стерлингов жалованья и не был бы канцлером с званием пэра, с veto над всей юстицией, с 25.000 фунтов жалованья и с 500 синеккурами в своем распоряжении под названием церковных бенефиций, кроме еще *et caeteras*».

плохо применен. Возможно ли человеку двинуть землю? Да; но сначала он должен найти другую землю, на которой бы он мог стать.

XIV.

Опровергать правильность этого принципа аргументами невозможно; но по тем причинам, какие были упомянуты, или по каким-нибудь смутным или пристрастным понятиям о нем, иной человек может не находить его себе по вкусу. В этом случае, если человек находит установление своих мнений о таком предмете стоящим хлопот, пусть он идет следующими ступенями, и наконец он, может быть, помирится с ним.

1. Пусть он решит для себя, желал ли бы он отвергнуть этот принцип совершенно; если так, пусть он рассмотрит, к чему могут привести его рассуждения (особенно в вопросах политических)?

2. Если желает, пусть он решит для себя, желал ли бы он рассуждать и действовать без всякого принципа, или нет ли другого принципа, по которому бы он хотел рассуждать и действовать?

3. Если есть, пусть он рассудит и решит для себя: есть ли этот, будто бы им найденный, принцип в самом деле какой-нибудь особый понятный принцип или не есть ли это принцип только на словах, род фразы, которая, в сущности, выражает ни более ни менее как подтверждение его собственных лишенных основания мнений; т.е. то, что в другом человеке он был бы способен назвать капризом?

4. Если он склонен думать, что его собственное одобрение или неодобрение, привязанное к идее какого-нибудь действия, без всякого отношения к его последствиям, есть достаточное основание для его суждений и действий, — пусть он спросит себя: может ли быть его мнение стандартом хорошего и плохого относительно всякого другого человека, или мнение всякого другого человека имеет ту же привилегию быть таким стандартом для себя.

5. В первом случае пусть он спросит себя, не есть ли его принцип деспотический и враждебный всему остальному человеческому роду?

6. Во втором случае — не есть ли это принцип анархический или не будет ли на этом основании столько же различных стандартов хорошего и плохого, сколько есть людей? Или, даже для одного и того же человека, не может ли одна и та же вещь быть хорошей сегодня и быть плохой (без малейшей перемены в своих свойствах) завтра? Или не будет ли одна и та же вещь хорошей и плохой на одном и том же месте и в одно и то же время? И, в обоих случаях, не придут ли все аргументы к концу? И если два человека сказали «мне нравится это» и «мне это не нравится», есть ли им (по такому принципу) что-нибудь еще сказать друг другу?

7. Если бы он сказал себе — нет: потому что мнение, которое он предлагает как стандарт, должно быть основано на размышлении, пусть он скажет, при каких обстоятельствах это размышление должно изменить свой ход. Если при обстоятельствах, имеющих отношение к полезности действия, тогда пусть он скажет: не значит ли это изменять своему собственному принципу и искать помощи у того же, против чего он выставляет свой принцип; если же размышление зависит не от этих обстоятельств, то от каких же других?

8. Если он хочет пойти на сделку и принять одну долю своего принципа и одну долю принципа полезности, пусть он скажет: в какой степени он хочет принять их?

9. Если он решил для себя, где он остановится, пусть он спросит себя: как он оправдывает себе принятие его до этой степени и почему он не хочет принимать его дальше?

10. Допустив, что какой-нибудь другой принцип, кроме принципа полезности, есть истинный принцип, которому человек справедливо может следовать; допустив, что слово *хороший, справедливый* (right) может иметь смысл без отношения к полезности, пусть он скажет: существует ли такая вещь как мотив, по которому бы человек следовал ее правилам; если есть, пусть он скажет, какой это мотив и чем он отличается от тех, которые побуждают принимать правила полезности; если нет, то пусть он наконец скажет, на что же может быть годен этот другой принцип?

Глава II

О принципах, противоположных принципу полезности

I.

Если принцип полезности есть настоящий принцип, которым можно руководиться, и притом во всех случаях, из сказанного выше следует, что всякий принцип, чем-нибудь отличный от него, должен быть по необходимости ложный. Поэтому, чтобы сказать, что какой-нибудь другой принцип есть ложный, нужно только показать, что он есть то, что есть, т.е. принцип, правила которого в том или другом пункте отличны от правил принципа полезности; показать это значит опровергнуть его.

II.

Известный принцип может отличаться от принципа полезности двояким образом: 1) Постоянно противореча ему — это можно сказать, например, о принципе, который может быть назван принципом аскетизма. 2) Иногда противореча ему, иногда нет, как случится, это можно сказать о другом, который может быть назван принципом симпатии и антипатии.

III.

Под принципом аскетизма я понимаю тот принцип, который, подобно принципу полезности, одобряет или не одобряет всякое действие, смотря по его предполагаемой тенденции увеличивать или уменьшать счастье той стороны, об интересе которой идет дело; но — противоположным образом: одобряя действия, насколько они стремятся уменьшить счастье, и не одобряя их, насколько они стремятся увеличить его.

IV.

Очевидно, что всякий, кто осуждает малейшую долю удовольствия как такового, из какого бы источника оно ни происходило, есть pro tanto последователь принципа аскетизма. Только на основании этого принципа, а не принципа полезности могло бы быть осуждено гнуснейшее удовольствие, извлекаемое самым низким злодеем из своего преступления, если бы оно стояло одно. Но дело в том, что оно никогда не стоит одно, но необходимо сопровождается таким количеством страдания (или, что одно и то же, таким шансом на известное количество страдания), что в сравнении с ним удовольствие превращается в ничто, и это есть настоящий и единственный, но совершенно достаточный, резон сделать это основанием для наказания.

V.

Есть два класса людей весьма различного характера, которые, по-видимому, принимают принцип аскетизма: один — разряд моралистов, другой — разряд собственно аскетов. Сообразно с этим различны были и мотивы, которые, по-видимому, обратили на него внимание этих различных сторон. Надежда, т.е. ожидание удовольствия, одушевляло, по-видимому, первых: надежда, пища философской гордости — надежда на почести и репутацию между людьми. Страх — т.е. ожидание страдания, по-видимому, одушевлял вторых: страх, порождение суеверной фантазии, страх будущего наказания мстительным и злобным Божеством. Я говорю в этом случае: страх, потому что относительно невидимого будущего страх могущественнее надежды. Эти обстоятельства характеризуют две различные партии между последователями принципа аскетизма; партии и их мотивы различны, принцип — один и тот же.

VI.

Впрочем, партия собственно аскетов, по-видимому, провела его дальше, чем философская: они действовали более последовательно и менее благоразумно. Философская партия едва ли шла дальше осуждения удовольствия, партия собственно аскетическая часто доходила до того, что считала заслугой и обязанностью искать страдания. Философская партия едва ли шла дальше того, что

смотрела на страдание индифферентно. Это не зло, говорили они; они не говорили, что это — добро. Они и не отвергали всех удовольствий вообще. Они отвергали только те, которые они называли грубыми, т.е. удовольствия органические или такие, происхождение которых могло быть легко прослежено до органических; они даже любили и восхваляли утонченность. Впрочем, восхваляли не под именем удовольствия; чтобы очистить его от грязи его нечистого происхождения, необходимо было переменить его имя: оно должно было называться почетным, славным, приличным, *honestum*, *decorum*, словом, не чем иным, как удовольствием.

VII.

Из этих двух источников произошли учения, от которых мнения всей массы человечества получили окраску этого принципа: у одних — от философского, у других — от собственно аскетического, у третьих — от обоих. Люди с воспитанием — чаще от философского, как более соответственного возвышенности их понятий; люди простые чаще от суеверного, как более соответственного узости их ума, не расширенного знанием, и их зависимому состоянию, постоянно открытому приступам страха. Впрочем, оттенки, происходившие из этих двух источников, могли естественно смешиваться, так как человек не мог всегда знать, который из них больше на него действовал, и они часто могли подкреплять и оживлять друг друга. Это согласие произвело род союза между сторонами, которые в других отношениях были столь различного характера, и побуждало их в разных случаях соединяться против общего врага, последователя принципа полезности, которого они согласно клеймили ненавистным именем эпикурейца.

VIII.

Впрочем, как бы горячо последователи принципа аскетизма ни принимали его в качестве правила для частной жизни, этот принцип не приобретал, кажется, никакого особенно важного значения в приложении к делу правительства. В немногих случаях он был проведен отчасти философской партией, свидетельство — спартанский образ правления. Хотя, может быть, он может считаться в этом случае мерой безопасности и приложением принципа полезности — приложением, пожалуй, поспешным и превратным. Едва ли когда-нибудь до значительной степени этот принцип был проведен собственно аскетической партией, потому что разные монашеские ордена и общества квакеров, домплеров, моравских братьев и другие религиозные общины были свободные общества, к принятию правил которых никто не мог быть принуждаем без собственного согласия. Сколько бы человек ни думал находить заслугу в делании себя несчастным, по-видимому, ни в одном из этих обществ не появлялось никогда мысли, что для человека может быть заслугой, если не обязанностью, делать несчастными других; хотя казалось бы, что если известное количество несчастья есть такая вожденная вещь, то было бы все равно, будет ли каждый сам делать себя несчастным или один будет делать несчастным другого. Правда, что из того же самого источника, откуда началась у аскетов собственно привязанность к принципу аскетизма, произошли другие учения и обычаи, вследствие которых несчастье в изобилии производимо было в одном человеке посредством другого; доказательство — религиозные войны и религиозные преследования. Но страсть к произведению несчастья действовала в этих случаях на том же специальном основании: дело ограничивалось лицами известного свойства: их мучили не как людей, а как еретиков и неверных. Причинять то же несчастье своим собратьям по вере или по секте было бы даже в глазах самих этих людей столь же достойно порицания, как и в глазах последователя принципа полезности. Дать себе известное число ударов бича было действительно заслугой для человека, но дать то же число ударов другому без его согласия было бы грехом...

IX.

Принцип аскетизма первоначально был, кажется, мечтой некоторых слишком торопливых мыслителей, которые, увидев или предположив, что некоторые удовольствия, вкушаемые в известных обстоятельствах, сопровождаются наконец страданиями, превышающими эти удовольствия, стали возражать против всякой вещи, которая представлялась под именем удовольствия. Дошедши до этого и забыв пункт, из которого они вышли, они пошли дальше и,

наконец, стали считать заслугой любить страдание. Мы видим, что и это есть, в сущности, только неверное приложение принципа полезности.

X.

Принцип полезности может выполняться последовательно, и сказать, что чем последовательнее он будет выполняться, тем лучше должно быть человеческому роду, будет одна тавтология. Принцип аскетизма никогда не был и никогда не может быть последовательно выполнен ни одним живым существом...

XI.

Между принципами, противоположными³ принципу полезности, в настоящее время наибольшее влияние в делах правительственных имеет, кажется, тот, который может быть назван принципом симпатии и антипатии. Под принципом симпатии и антипатии я разумею тот принцип, который одобряет или не одобряет известные действия не по их тенденции увеличивать счастье и не по их тенденции уменьшать счастье той стороны, об интересе которой идет речь, но только потому, что человек чувствует в себе расположение одобрять или не одобрять их; выставляя это одобрение или неодобрение достаточным резонансом само по себе и отвергая необходимость отыскивать какое-нибудь другое внешнее основание. Так в общем отделе морали, а в частном отделе политики, измеряя количество (и определяя основание) наказания степенью неодобрения.

XII.

Очевидно, что это скорее принцип по названию, чем в действительности; это не есть сам по себе положительный принцип, а разве только термин для обозначения отрицания всякого принципа. Что человек ожидает найти в принципе — это нечто, указывающее на внешние соображения, способные обосновать и направлять внутренние чувства одобрения или неодобрения; это ожидание плохо исполняется представлением ни более ни менее, как о том, что каждое из этих чувств — основание и мерка для него самого.

³ Нижеследующее примечание было впервые напечатано в январе 1789 года. Необходимо более обстоятельно прописать принцип прихоти. Там, где он применяется к выбору действий, предписанных или запрещенных, поощряемых или наказуемых (одним словом, являющихся предметом обязательств, подлежащих исполнению), его можно с полным основанием назвать, как это сделано в тексте, принципом симпатии и антипатии. Но это наименование не вполне подходит к нему, когда он применяется в выборе между *результатами* (действий), которые служат источниками претензий на что-либо с точки зрения *прав*: там, где уже установлены действия запрещенные и дозволенные, обязанности и права, единственный вопрос может заключаться в том, при каких обстоятельствах человек наделяется правами и подчиняется обязательствам? Из какой череды событий выбирается случай для наделения или ненаделения его правами или подчинения его обязательствам? В этом втором случае этот принцип может совершенно точно быть охарактеризован как *фантастический принцип*. Симпатии и антипатии являются аффектами способности чувствовать. Но выбор претензий на что-либо с точки зрения прав на основаниях, не связанных с полезностью, во многих случаях является плодом не аффектов, а воображения.

Когда, оправдывая статью английского общего права, считающую в определенных случаях возможным, чтобы дяди имели предпочтительное право наследования перед отцами, лорд Коук произвел своего рода неуклюжесть, обнаруженную им в правах, устраняющих их (отцов) от наследования по прямой линии, это было сделано не потому, что он особо любил дядей или ненавидел отцов, но потому, что воображение, а не разум представило ему аналогию в том виде, в каком она возникла, и потому, что для суждения, не соблюдающего стандарт полезности или не знакомого с искусством сообразовываться с ним, воображение остается единственным наставником, уж коли аффекты оставлены в стороне. [...]

XIII.

Пересматривая каталог человеческих действий (говорит последователь этого принципа) с целью определить, которые из них должны быть отмечены печатью неодобрения, вам нужно только посоветоваться с вашими собственными чувствами: все то, что вы чувствуете в себе склонность осудить, дурно уже по этой самой причине. По той же самой причине это может заслуживать наказания; если вы ненавидите сильно, наказывайте сильно; если вы ненавидите мало, наказывайте мало; одним словом, наказывайте настолько, насколько ненавидите. Если вы не ненавидите вовсе, и не наказывайте вовсе: нежные чувства души не должны быть превышаемы и подавляемы грубыми и жесткими правилами политической пользы.

XIV.

Различные системы, составленные для определения хорошего и плохого, все могут быть сведены к принципу симпатии и антипатии. Одной разборки достаточно для всех них. Все они состоят из разных ухищрений избежать обязанности обращаться к какому-то внешнему стандарту и заставить читателя согласиться, что мнение автора есть уже достаточный резон само по себе. Фразы различны, но принцип один и тот же^{4*}.

XV.

Очевидно, что правила этого принципа будут часто совпадать с правилами принципа полезности, хотя, быть может, и без всякого подобного намерения. Вероятно, чаще, чем не совпадать: в этом и заключается причина того, почему дело уголовной юстиции могло дойти до того сносного положения, в котором мы вообще видим его в настоящее время. Потому что может ли быть какое-нибудь более естественное и более общее основание ненависти к известному обычаю, как не вред этого обычая? То, отчего все люди могут страдать, все они будут ненавидеть. Впрочем, это не есть постоянная причина, потому что, когда человек страдает, он не всегда знает, отчего он страдает. Человек может, например, сильно страдать от нового налога, не будучи в состоянии найти причину своей тягости в несправедливости какого-нибудь соседа, который уклонился от платежа старого налога.

XVI.

Принцип симпатии и антипатии чрезвычайно склонен заблуждаться в сторону суровости. Именно, прилагая наказание во многих случаях, которые не заслуживают никакого наказания, и во многих случаях, которые заслуживают некоторого наказания, прилагая его в большей степени, чем они заслуживают. Нельзя вообразить такого случая, как бы он ни был тривиален и далек от вреда, из которого бы этот принцип не извлек основания для наказания. Всякое различие во вкусах, всякое

⁴ Довольно любопытно наблюдать различные изобретения, которые придумывали люди, и разнообразные фразы, которые они употребляли для того, чтобы скрыть от света и, если возможно, от самих себя это весьма общее и потому весьма извинительное самодовольство.

1. Один говорит, что у человека есть нечто, служащее к тому, чтобы говорить ему, что хорошо и что плохо; это называется н р а в с т в е н н ы м чувством — и тогда эти люди принимаются спокойно за дело и решают: такая-то вещь хороша, такая-то плоха. Почему? «Потому что так говорит мое нравственное чувство».

2. Другой человек приходит и переменяет фразу: вместо нравственного чувства он ссылается на з д р а в ы й с м ы с л (common sense). Затем он говорит нам, что «здравый смысл» научает его тому, что хорошо и что плохо, — говорит с такой же уверенностью, как первые. Под здравым смыслом он понимает то или другое чувство, которое, по его словам, общее всему человечеству; а смысл или чувство (sense) тех, у кого этот смысл не такой, как у автора, вовсе не принимается в соображение как вещь, не стоящая внимания. Эта выдумка лучше первой, потому что «нравственное чувство» вещь новая и человек может долго размышлять о нем, не имея все-таки возможности понять его; а «здравый смысл» так же стар, как мир, и нет человека, который бы не стал сердиться, если бы о нем подумали, что у него меньше здравого смысла, чем у его соседей. Эта уловка дает другое преимущество: создавая видимость причастности.

различие во мнениях, о том или о другом предмете. Нет такого ничтожного несогласия во мнениях, которое бы при упрямстве и споре не могло сделаться серьезным. Каждый становится в глазах другого врагом и если законы позволяют, то и преступником⁵. Вот одно из обстоятельств, по которым человеческий род отличается (не совсем к своей выгоде) от бессмысленных творений.

XVII.

Впрочем, есть также и примеры того, что этот принцип заблуждается в сторону снисходительности. Близкий и понятный вред возбуждает в людях антипатию. Отдаленный и незаметный, но все-таки действительный вред может не иметь на них никакого действия. В дальнейшем изложении нам встретится много примеров в доказательство этого. Приводить их значило бы нарушить порядок нашего изложения.

XVIII.

Быть может, покажется удивительным, что до сих пор здесь не было упомянуто о *теологическом* принципе; разумея тот принцип, который повелевает обращаться за стандартом хорошего и плохого к высшей воле. Но дело в том, что, в сущности, это не есть особый принцип. Более или менее, это всегда тот или другой из трех вышеупомянутых принципов, являющийся в другом виде. Воля Бога, подразумеваемая здесь, не может быть его явленная воля, как она представляется в священных книгах, потому что это система, к которой в настоящее время никто не думает прибегать для выяснения деталей политического управления; и даже прежде, чем прилагать ее к подробностям частной жизни, самые замечательные духовные лица всех убеждений вообще допускают, что она нуждается в довольно обширных толкованиях: иначе к чему сочинения этих лиц? И для руководства в этих толкованиях допускается также, что должен быть принят какой-нибудь другой стандарт. Таким образом, воля, понимаемая в этом случае, есть то, что может быть названо *предполагаемой* (*presumptive*) волей, т.е. та воля, которая предполагается таковой волей вследствие сообразности ее правил с правилами какого-нибудь другого принципа. Каков же может быть этот другой принцип? Он должен быть одним из трех упомянутых выше, потому что, как мы видели, больше их не может быть. Ясно поэтому, что, выводя откровения из рассмотрения, стандарт хорошего и плохого не может быть никак объяснен тем, что могло бы быть сказано о том, что есть высшая воля. В самом деле, мы можем быть совершенно уверены, что все, что хорошо, сообразно с волей Бога; но это так мало отвечает цели показать, что хорошо, что сначала необходимо знать, какая вещь хороша, чтобы узнать потом, сообразна ли она с волей Бога⁶.

⁵ Король английский Иаков I питал чрезвычайную антипатию к арианам — двое из них были сожжены. Это удовольствие он доставил себе без большого затруднения: понятия того времени благоприятствовали этому. Он написал свирепую книгу против Ворстия, за то, что тот был, что называлось, арминианином, потому что Ворстий был далеко. Он написал также свирепую книгу под названием «A Counterblast to Тобассо», против употребления этого зелья, недавно пред этим введенного сэром Уолтером Ралеем. Если бы понятия того времени помогли ему, он сжег бы анабаптиста и курильщика табака на одном огне. Впрочем, он получил удовлетворение, осудив на смерть Уолтера Ралея, хотя и за другое преступление.

Споры об относительном превосходстве французской и итальянской музыки привели в Париже к весьма серьезным схваткам. Одна из партий (говорит д'Аламбер) была готова втянуть в этот раздор и правительство. [...]

⁶ Теологический принцип соотносит все с Божьим соизволением? Но что такое Божье соизволение? Бог не исповедуется нам ни в устной, ни в письменной форме. Как тогда мы можем знать, в чем состоит его соизволение? Только наблюдая то, в чем состоит наше соизволение, и объявляя это его (соизволением). Соответственно, то, что называется Божьим соизволением, есть и должно быть (откровение — в сторону) не чем иным, как соизволением человека, кто бы им ни был, который объявляет то, что — как он верит — является Божьим соизволением. Как вы можете знать, что от такого-то и такого-то действия нужно воздержаться? С чего вы можете хотя бы предположить это? «Потому что его совершение, как я полагаю, будет в целом пагубно для счастья человечества», — говорит сторонник принципа полезности. «Потому что его осуществление сопровождается большим чувственным или, по крайней мере, мелким и преходящим удовлетворением», — говорит сторонник принципа аскетизма. «Потому что мне неприятна мысль о нем, и я не могу и не должен быть

XIX.

Есть две вещи, которые легко смешиваются, но которые нам важно внимательно различать: мотив или причина, которая, имея влияние на ум человека, производит какое-нибудь действие; и основание или резон, который побуждает законодателя или другое лицо смотреть на действие глазами одобрения. Когда, в частном случае этого вопроса, действие оказывает результаты, нами одобряемые, и особенно если нам случается заметить, что тот же самый мотив может часто и в других случаях производить такие же результаты, мы бываем способны переносить наше одобрение на самый мотив и за настоящее основание одобрения, даваемого нами этому действию, принимать его происхождение от этого мотива. Таким способом чувство антипатии часто принималось за настоящее основание действия. Например, в том или другом случае антипатия есть причина действия, которое сопровождается хорошими следствиями, но это не делает ее хорошим основанием действия ни в этом, ни в другом случае. Более того. Не только следствия хороши, но действующий видит наперед, что они будут таковы. Это в самом деле может сделать действие совершенно хорошим действием, но это не делает антипатии хорошим основанием для действия. Потому что то же самое чувство антипатии, если слепо на него полагаться, может, и очень часто, производить самые дурные следствия. Поэтому антипатия никогда не может быть хорошим основанием для действия. Поэтому не может быть таковым и чувство досады (*resentment*), которое, как мы подробнее увидим дальше, есть только видоизменение антипатии. В конце концов единственное правильное основание для действия, какое только может существовать, есть соображение полезности, которое, если оно составляет истинный принцип действия и одобрения в каком-нибудь одном случае, составляет его и во всяком другом. Множество других принципов, т.е. других мотивов, могут быть причинами, почему такое и такое действие было сделано, т.е. резонами или причинами их совершения; но один только принцип полезности может быть причиной, почему оно *должно было бы* быть сделано. Антипатия или досада всегда должны быть поверяемы, если мы хотим предупредить их вредное влияние. Поверяемы чем? Всегда принципом полезности. Принцип полезности и не требует и не допускает никакого другого регулятора, кроме самого себя.

Ответ на возражения против принципа полезности⁷

Против принципа полезности можно выставлять мелкие сомнения и мелкие словесные трудности, но ему невозможно противопоставить никакого действительного и ясного возражения. В самом деле, как бы пришлось оспаривать его, если не доводами, извлеченными из этого самого принципа? Сказать, что он опасен, значит сказать, что может быть противно полезности соображаться с полезностью.

Затруднение в этом вопросе происходит от некоторой запутанности языка. Обыкновенно представляют *добродетель* в противоположность *пользе*. Добродетель, говорят, есть пожертвование нашими интересами нашему долгу. Чтобы выразить мысль ясно, следовало бы сказать, что интересы бывают разного рода и что различные интересы, в известных обстоятельствах, бывают несовместимы. Добродетель есть пожертвование меньшим интересом большему интересу, минутным интересом — продолжительному, сомнительным — несомнительному. Всякая идея добродетели, не проистекающая из этого понятия, столько же темна, сколько ненадежен ее мотив.

Те, кто для примирения хотят различать политику и мораль и принять принципом для первой пользу, а для второй справедливость, только обнаруживают смутные понятия. Все различие между политикой и моралью то, что одна руководит действиями правительств, другая поступками отдельных лиц, но цель их одна и та же — счастье. То, что политически хорошо, не должно быть

принуждаем сказать вам, почему», — говорит тот, кто действует на основе принципа антипатии. Тот, кто утверждает, что берет за стандарт (хорошего и плохого) волю Бога, должен необходимым образом дать ответ словами одного из этих трех (персонажей).

⁷ Следующее здесь добавление взято (и в английском издании) из «*Traité de Législation*» Дюмона, чтобы пополнить изложение принципов Бентама, как оно делалось при его жизни. (Dumont. I, стр. 18—20, гл. V).

Прим. редактора. Э.Дюмон, уроженец Женевы, личный секретарь Мирабо, знакомится с Бентамом в 1788 г. и становится его учеником, составителем, издателем, комментатором ряда работ Бентама, популяризатором его идей, в первую очередь — во Франции.

нравственно дурно, если только арифметические правила, верные для больших чисел, должны быть верны и для маленьких.

Можно делать зло, полагая, что следуешь *принципу пользы*. Слабый и ограниченный ум обманывается, принимая в соображение только небольшую часть разных родов добра и зла. Человек страстный обманывается, придавая чрезмерную важность какому-нибудь благу, которое скрывает от него вещи неудобные. То, что делает человека злым, есть привычка к удовольствиям, вредным для других, и это самое предполагает отсутствие многих видов удовольствия. Но не должно сваливать на *принцип* тех ошибок, которые ему противоречат и которые он один может помочь исправить. Если человек плохо считает, в этом виновата не арифметика, а он сам. Если упреки, которые делают Макиавелли, основательны, его ошибки происходят не от того, что он руководился принципом полезности, а от того, что он неверно применил его. Автор Анти-Макиавелли хорошо понимал это. Он опровергает «*Il Principe*», показывая, что его правила губительны и что дурная нравственность есть дурная политика.

Те, которые после чтения «*de Officiis*» Цицерона и платонических моралистов имеют смутное понятие о *полезном* как противоположности *честному*, часто приводят слова Аристиды о проекте, который Фемистокл хотел открыть только ему одному. «Проект Фемистокла очень выгоден, — сказал Аристид собравшемуся народу, — но он очень несправедлив». Здесь думают видеть решительную противоположность полезного и справедливого; но думающие так ошибаются: это только сравнение разных родов добра и зла. *Несправедливое* есть термин, обозначающий совокупность всех зол, происходящих от положения, в котором люди не могут больше доверяться один другому. Аристид мог бы сказать: «Проект Фемистокла был бы полезен на одну минуту и был бы вреден на целые века: то, что он нам дает, есть ничто в сравнении с тем, что он у нас отнимает».

Этот принцип полезности, скажут, есть только возобновление эпикуреизма, а известно, как разрушительно действовало это учение на нравы; это всегда было учение самых испорченных людей.

Правда, Эпикур один из древних, кто имеет ту заслугу, что знал истинный источник нравственности; но предполагать, что его учение допускает следствия, в которых его упрекают, значит предполагать, что счастье может быть враждебно тому же самому счастью. *Sic praesentibus utaris voluptatibus ut futuris non poseas*. (Пользуйся настоящими удовольствиями так, чтобы не вредить будущим.) Сенека согласен здесь с Эпикуром: и чего же больше можно желать для народов, как не удаления всяких удовольствий, вредных самому себе или другим? И это самое разве не есть принцип полезности?

Но, скажут еще, каждый делает сам себя судьей своей пользы: всякие обязанности прекратятся между людьми, как скоро люди найдут, что им нет интереса в этих обязанностях.

Каждый делает сам себя судьей своей пользы; это так, и это должно быть; иначе человек не был бы разумно действующим существом; тот, кто не судит о том, что ему полезно, меньше чем ребенок, это — идиот. Чувство долга, которое привязывает людей к их обязательствам, есть не что иное, как чувство интереса высшего разряда, который берет верх над интересом подчиненным. На людей оказывает влияние не одна только частная польза того или другого обязательства, но в случае, когда обязательство становится отяготительным для одной из сторон, на них оказывает влияние общая польза обязательств, доверие, которое каждый просвещенный человек желает внушить к своему слову, чтобы считаться человеком надежным и пользоваться выгодами, связанными с честностью и уважением. Не обязательство само по себе составляет долг, потому что обязательства, не имеющие силы, и есть обязательства незаконные. Почему? Потому что их считают вредными. Итак, силу условия составляет его польза.

Все действия самой возвышенной добродетели можно легко привести к расчету благ и зол. Представлять добродетель как следствие разума и объяснять ее простым и понятным образом вовсе не значит ни унижать, ни ослаблять ее.

Посмотрите, в какой круг попадают те, которые не хотят признать принципа полезности. — Я должен сдерживать свое обещание. Почему? Потому что мне предписывает это моя совесть. Как вы знаете, что совесть вам это предписывает? Потому что я имею об этом внутреннее чувство. Почему вы должны повиноваться своей совести? Потому что повиноваться совести значит повиноваться своему Создателю. Почему вы должны делать это? Потому что это есть мой первый долг. Как вы это знаете? Потому что это говорит мне моя совесть и т.д. Вот вечный путь, из которого нет выхода, вот источник упорства и непобедимых заблуждений. Потому что если все судить по чувству, то не останется никакого средства различить внушения просвещенной совести от внушений совести слепой. Все преследователи имеют одну силу и все фанатики одно и то же право.

Если вы хотите отвергнуть принцип полезности, потому что его можно дурно прилагать, то чем вы его замените? Какое вы нашли правило, которым бы нельзя было злоупотребить? Где этот непогрешимый компас?

Замените ли вы его каким-нибудь нравственно деспотическим принципом, который приказывает людям действовать таким и таким образом, не зная, почему, из одного повиновения?

Замените ли вы его каким-нибудь анархическим и капризным принципом, основанным единственно на ваших внутренних и личных чувствах?

В этом случае какие мотивы представите вы людям, чтобы убедить их следовать за вами? Будут ли они независимы от своего интереса? Если они не согласятся с вами, как вы будете рассуждать с ними, как успеете примирить их? Куда призовете вы все секты, все мнения, все противоречия, существующие в мире, если не к трибуналу общего интереса?

Глава III

О четырех санкциях, или источниках страдания и удовольствия

I.

Выше было сказано, что счастье отдельных лиц, из которых составляется общество, т.е. их удовольствия и их безопасность, есть цель и единственная цель, которую должен иметь в виду законодатель: это — единственный стандарт, с которым каждое отдельное лицо, насколько это зависит от законодателя, должно бы быть *заставлено* сообразовать свое поведение. Но какова бы ни была та вещь, которую человеку *следовало бы* сделать, положительно *заставить его сделать* ее можно только страданием или удовольствием. Бросив общий взгляд на эти два обширных предмета (т.е. удовольствие, или, что одно и то же, свободу от страдания) в смысле *конечных* причин, необходимо будет взглянуть на страдание и удовольствие само по себе в смысле действенных (efficient) причин или средств.

II.

Можно отличить четыре источника, из которых обыкновенно проистекают удовольствие и страдание; рассматриваемые отдельно, они могут быть названы — *физическими, политическими, нравственными и религиозными*; и в той мере, в какой удовольствия и страдания, принадлежащие каждому из этих источников, способны давать обязательную силу какому-нибудь закону или правилу поведения, все они могут быть названы санкциями⁸.

III.

Если страдание и удовольствие происходят или ожидаются в настоящей жизни и по естественному ходу природы, не будучи видоизменены преднамеренно вмешательством воли какого-нибудь человеческого существа или каким-нибудь чрезвычайным вмешательством Высшего невидимого существа, то можно сказать, что эти удовольствия и страдания происходят или относятся к *физической санкции*.

IV.

Если они происходят или ожидаются от частного лица или разряда лиц в обществе, которые под именами, соответствующими имени *судьи*, избираются с особенной целью распределения их, согласно с волей государя или высшей правительственной власти в государстве, то можно сказать, что эти страдания и удовольствия происходят от *политической санкции*.

⁸ Sanctio в латинском языке использовалось для обозначения *акта обязывания* и — согласно общему грамматическому переносу значения — *любой вещи, которая служит для того, чтобы обязывать человека*, а именно — соблюдать тот или иной способ поведения. Согласно латинскому грамматике (Сервию) значение этого слова произведено длительным и сложным процессом (какие обычно и имеют место, и в большой мере должны иметь место при производстве интеллектуальных идей из чувственных) из слова *кровь*, поскольку у римлян для того, чтобы запечатлеть в народе убеждение, что те или иные способы поведения будут сделаны обязательными для людей силой того, что я называю религиозной санкцией (т.е., что человека, если он не станет соблюдать данный способ поведения, заставят страдать посредством сверхъестественного вмешательства некоего высшего существа), жрецы изобрели определенные церемонии, в ходе которых использовалась кровь жертв. Следовательно, санкция есть источник обязывающих сил или *мотивов, т.е. страданий и удовольствий, которые, будучи связанными с теми или другими способами поведения, действуют и являются единственными силами, которые могут действовать в качестве мотивов* (см. гл. X «Мотивы»).

V.

Если они исходят или ожидаются от случайных лиц в обществе, к которым сторона, о которой идет речь, может иметь отношение в течение своей жизни, — по свободному расположению каждого человека, а не по каким-нибудь установленным или принятым с общего согласия правилам, — то можно сказать, что они происходят от нравственной или общественной (*popular*) санкции⁹.

VI.

Если они исходят или ожидаются прямо от руки Высшего невидимого существа, в настоящей ли жизни или в будущей, то можно сказать, что они происходят от *религиозной санкции*.

VII.

Удовольствия или страдания, которые могут ожидаться от *физической, политической* или *нравственной санкции*, все они, если только могут ожидаться, должны иметь ожидаемое исполнение в настоящей жизни; те, которые могут ожидаться от *религиозной санкции*, могут иметь ожидаемое исполнение и в *настоящей* и в *будущей* жизни.

VIII.

Те, которые могут быть испытаны в настоящей жизни, естественно, могут быть такими, к каким способна человеческая природа в течение настоящей жизни; и из каждого из этих источников могут проистекать все удовольствия или страдания, к которым способна человеческая природа в течение настоящей жизни. Относительно этих последних (с которыми только мы и имеем дело теперь), те из них, которые принадлежат одной из упомянутых санкций, не отличаются окончательно по своему роду от тех, которые принадлежат какой-нибудь другой из трех санкций: единственное различие между ними заключается в обстоятельствах, сопровождающих их совершение. Страдание, постигающее человека в естественном и свободном ходе вещей, должно бы называться, например, *бедствием*; и в этом случае, если предположить, что оно постигло человека вследствие какого-нибудь его неблагоразумия, оно может быть названо наказанием, проистекающим от физической санкции. Но то же самое страдание, если оно навлечено по закону, будет тем, что называется *наказанием*; если человек подвергается ему от недостатка дружеской помощи, отказ в которой причинен дурным поведением или предполагаемым дурным поведением страдающего лица, будет наказанием, происходящим от нравственной санкции; если оно навлечено непосредственным вмешательством Провидения, то будет наказанием, происходящим от религиозной санкции.

IX.

Имущество человека, или сам он, сгорает от огня. Если это произошло от так называемого простого случая, это было бы *бедствием*; если от его собственного неблагоразумия (например, от небрежного обращения со свечкой), это может называться наказанием физической санкции; если это произошло с ним по приговору политической власти — наказанием, принадлежащим к *политической* санкции, т.е. тем, что обыкновенно называется наказанием; если от недостатка помощи, в которой сосед отказал ему, почему-нибудь не любя его нравственного характера, — наказанием *нравственной* санкции; если от непосредственного неблагоприятия Божия, обнаружившегося вследствие какого-нибудь совершенного им *греха* или от какой-нибудь рассеянности, причиненной страхом такого неблагоприятия, — наказанием религиозной санкции.

⁹ Термин «общественная» подходит больше, так как он более прямо указывает на причину, образующую эту санкцию, а также на ее отношение к более общей фразе «общественное мнение», по-французски — *opinion publique*, что есть имя, данное в этой стране той опекающей власти, о которой в последнее время так много говорят и которой совершено так много. Однако это обозначение не вполне удачно и не выразительно, т.к. если мнение имеет существенное значение, то это только благодаря влиянию, которое оно оказывает на действие при посредстве аффектов.

X.

Что касается удовольствий и страданий, принадлежащих к религиозной санкции и относящихся к будущей жизни, мы не можем знать, какого рода они могут быть. Они не открыты нашему наблюдению. В течение настоящей жизни они составляют только предмет ожидания, и, будет ли это ожидание происходить от естественной или откровенной религии, мы не можем иметь никакой идеи об особенном роде этого удовольствия или страдания, если они отличны от всех тех, которые открыты нашему наблюдению. Лучшие идеи, какие мы можем получить о таких страданиях и удовольствиях, остаются совершенно неопределенными относительно качества. В каких других отношениях наши идеи о них могут быть определены, будет рассмотрено в другом месте.

XI.

Из этих четырех санкций физическая, как мы заметили, составляет вполне основу политической и нравственной, точно так же и религиозной, насколько эта последняя имеет отношение к настоящей жизни. Она заключается в каждой из трех остальных. Она может действовать во всяком случае (т.е. всякое из страданий или удовольствий, к ней принадлежащих, может действовать) независимо от них; ни одна из них не может действовать иначе как средствами ее. Словом, силы природы могут действовать сами; но ни общественные власти, ни люди вообще, ни Бог — в том случае, который мы предположили выше, — не могут действовать иначе, как через силы природы.

XII.

Для этих четырех предметов, имеющих по своей природе столько общего, казалось полезным найти общее имя. Это казалось полезным, во-первых, для удобства наименования различных удовольствий и страданий, для которых иначе едва ли бы можно было найти равно характерные названия; во-вторых, для представления действительности (efficacy) известных нравственных сил, влияние которых нелегко должным образом проследить. Имеет ли политическая санкция влияние на поведение человечества? Нравственная и религиозная санкции имеют его слишком много. Действия политического правителя на каждом дюйме своего хода могут находить помощь или препятствие в этих двух посторонних силах, которые, та или другая, или обе вместе, непременно бывают его противниками или союзниками. Случится ли ему оставить их вне своих расчетов? Он может быть почти уверен, что ошибется в результате. В дальнейшем изложении мы найдем обильные доказательства всего этого. Поэтому политическому правителю полезно всегда иметь их в виду, и притом под таким именем, которое бы выражало их отношения к его собственным целям и намерениям.

Глава IV

Как можно измерить ценность известного количества удовольствия или страдания

I.

Итак, удовольствия и избежание страданий составляют те *цели*, которые имеет в виду законодатель, поэтому ему полезно понять их *ценность*. Удовольствия и страдания — это орудия, которыми он должен действовать, поэтому ему полезно знать их силу, которая опять, с другой точки зрения, есть их ценность.

II.

Для лица, рассматриваемого само по себе, ценность удовольствия или страдания, рассматриваемых сами по себе, будет больше или меньше, смотря по следующим четырем обстоятельствам¹⁰:

- 1) *их интенсивности*;
- 2) *их продолжительности*;
- 3) *их несомненности или сомнительности*;
- 4) *их близости или отдаленности*.

III.

Таковы обстоятельства, которые должны быть определены при оценке удовольствия или страдания, рассматриваемых каждое само по себе. Но когда ценность какого-нибудь удовольствия или страдания рассматривается с целью оценить тенденцию какого-нибудь *действия*, которым оно производится, то надо принять в соображение два другие обстоятельства, именно:

5) *их плодовитость*, т.е. их шансы на то, будут ли за ними следовать ощущения *того же* рода, т.е. удовольствия, если это было удовольствие, страдания, если это было страдание;

6) *их чистоту*, или шансы на то, что за ними не последуют ощущения *противоположного* рода, т.е. страдания, если это было удовольствие, удовольствия, если это было страдание.

Впрочем, в строгом смысле эти два последние обстоятельства едва ли могут считаться свойствами самого удовольствия или страдания, поэтому в строгом смысле они могут быть не принимаемы в расчет ценности этого удовольствия или этого страдания. В строгом смысле они должны считаться только свойствами действия или другого события, которыми такое удовольствие или страдание производится, и поэтому они должны приниматься в расчет только при оценке тенденции такого действия или такого события.

¹⁰ Эти обстоятельства являются основными элементами или измерениями ценности удовольствия или страдания.

Вскоре после выхода первого издания (данной книги) для более эффективного запоминания этих основных пунктов, на которых зиждется все здание морали и законодательства, были сложены следующие стихи:

Intense, long, certain, speedy, fruitful, pure —
Such marks in pleasures and in pains endure.
Such pleasures seek if private by thy end,
If it be public, wide let them extend.
Such pains avoid, whichever be thy view:
If pains must come, let them extend to few.

(Перевод в прозе: Интенсивный, длительный, определенный, быстрый, плодотворный, чистый — такие характеристики сохраняются у удовольствий и страданий. Если твоя цель — цель частной жизни, ищи этих удовольствий. Если она — цель общественной жизни, дай им распространиться как можно шире. Каков бы ни был твой взгляд, избегай страданий. Если им все же суждено случиться, пусть они затронут немногих.)

IV.

Для *известного количества* лиц, относительно каждого из которых рассматривается ценность удовольствия или страдания, эта ценность будет больше или меньше, смотря по семи обстоятельствам; именно, шести предыдущим, т.е.:

- 1) их интенсивности;
- 2) их продолжительности;
- 3) их несомненности или сомнительности;
- 4) их близости и отдаленности;
- 5) их плодovitости;
- 6) их чистоте.

И одному еще, именно:

7) их распространению, т.е. числу лиц, на которых они простираются, или (другими словами) которых они затрагивают.

V.

Итак, чтобы определить с точностью общую тенденцию какого-нибудь действия, затрагивающего интересы общества, поступайте следующим образом. Начните с какого-нибудь одного лица из тех, чьи интересы кажутся затронутыми наиболее непосредственно, и определите:

1. Ценность каждого замечаемого *удовольствия*, которое, по-видимому, производится этим действием в *первой* инстанции.

2. Ценность каждого *страдания*, которое, по-видимому, производится им в *первой* инстанции.

3. Ценность каждого удовольствия, которое производится *после* первого. Это составляет *плодовитость первого удовольствия и нечистоту* первого страдания.

4. Ценность каждого страдания, которое, по-видимому, производится им после первого. Это составляет *плодовитость* первого страдания и *нечистоту* первого удовольствия.

5. Сложите все ценности всех удовольствий, с одной стороны, и все ценности всех страданий, с другой. Если баланс будет на стороне удовольствия, он даст хорошую тенденцию действия вообще, относительно интересов этого *индивидуального* лица; если он будет на стороне страдания, то даст плохую тенденцию действия вообще.

6. Определите *число* лиц, интересы которых являются затронутыми, и повторите вышеуказанный процесс относительно каждого. *Сложите* числа, выражающие степени хорошей *тенденции* действия на каждого индивидуума, относительно которого эта тенденция вообще *хороша*; сделайте это еще для каждого индивидуума, относительно которого эта тенденция вообще хороша; сделайте это для каждого индивидуума, относительно которого эта тенденция вообще плоха. Сведите *баланс*; если он будет на стороне *удовольствия*, то даст общую хорошую тенденцию действия относительно целого числа или общества заинтересованных индивидуумов; если на стороне страдания, — общую плохую тенденцию его относительно того же общества.

VI.

Нельзя ожидать, чтобы этот процесс строго исполнялся перед каждым нравственным суждением или перед каждым законодательным или судебным действием. Но его можно всегда иметь в виду; и насколько процесс, действительно выполняемый в этих случаях, будет приближаться к нему, настолько такой процесс приблизится к характеру точного процесса.

VII.

Тот же процесс прилагается подобным же образом к удовольствию и страданию, какого бы они ни были вида и наименования: — к удовольствию, будет ли оно называться *благо* (что есть собственно причина, или орудие удовольствия), *прибыль* (что есть отдаленное удовольствие, или причина или орудие отдаленного удовольствия), или *удобство*, или *выгода*, *счастье* и т.д.; — к страданию, будет ли оно называться *зло* (соответствующее благу или добру) или *вред*, *неудобство*, *невыгода*, *убыток*, *несчастье* и т.д.

VIII.

И это вовсе не новая, не сомнительная, а тем менее бесполезная теория. Во всем этом нет ничего кроме того, что совершенно согласно с практикой человечества, где только есть у людей ясные понятия о своем интересе. Например, имеет ценность известная собственность, поземельное владение. По какой причине? По причине удовольствий всякого рода, которые она дает человеку возможность производить, и, что одно и то же, по причине страданий всякого рода, которые она дает возможность отвратить. Но всем известно, что ценность такой собственности возвышается или падает, смотря по продолжительности или краткости времени, которое человек употребляет на нее, несомненности или сомнительности того, вступит или он во владение ею, близости или отдаленности времени, когда он вступит в это владение. Что касается до интенсивности удовольствий, которые человек может извлечь из нее, об этом никогда не бывает и мысли, потому что это зависит от употребления, какое может сделать из нее всякое частное лицо, и это не может быть оценено до тех пор, пока не окажутся частные удовольствия, какие он может извлечь из нее, или частные страдания, которые он может с ее помощью удалить. По той же самой причине он не думает ни о *плодовитости*, ни о *чистоте* этих удовольствий.

Столько мы скажем об удовольствии и страдании, счастье и несчастье *вообще*. Мы рассмотрим теперь некоторые частные роды страдания и удовольствия.

Глава V

Удовольствия и страдания, их роды

I.

Представив то, что принадлежит одинаково всем родам удовольствий и страданий, мы изложим теперь различные роды страданий и удовольствий, каждый особо. Страдания и удовольствия могут быть названы одним общим именем *интересующих* восприятий (*interesting perceptions*). Они бывают простые и сложные. Простые — те, из которых каждое не может быть разложено на многие; сложные — те, которые могут быть разложены на различные простые. Поэтому сложное интересующее восприятие может состоять или: 1) из одних удовольствий; 2) из одних страданий, или 3) из удовольствия или удовольствий и страдания или страданий вместе. Разряд удовольствия, например, должно ли оно считаться скорее сложным удовольствием, чем различными простыми, — определяется свойством возбуждающей причины. Когда удовольствия возбуждаются все сразу действием одной и той же причины, они могут считаться все вместе составляющими только одно удовольствие.

II.

Простые удовольствия, к которым восприимчива человеческая природа, следующие: 1) удовольствия чувств; 2) удовольствия богатства; 3) удовольствия искусства; 4) удовольствия дружбы; 5) удовольствия хорошего имени; 6) удовольствия власти; 7) удовольствия благочестия; 8) удовольствия благосклонности; 9) удовольствия неблагосклонности; 10) удовольствия памяти; 11) удовольствия воображения; 12) удовольствия ожидания; 13) удовольствия, зависящие от ассоциации; 14) удовольствия облегчения.

III.

Различные простые страдания, кажется, следующие: 1) страдания лишения; 2) страдания чувств; 3) страдания неловкости; 4) страдания вражды; 5) страдания дурного имени; 6) страдания благочестия; 7) страдания благосклонности; 8) страдания неблагосклонности; 9) страдания памяти; 10) страдания воображения; 11) страдания ожидания; 12) страдания, зависящие от ассоциации¹¹.

IV.

1. Удовольствия чувств, кажется, следующие: 1) удовольствия вкуса или нёба, включая сюда всякие удовольствия, которые испытываются при удовлетворении требований голода или жажды; 2) удовольствия опьянения; 3) удовольствия органа обоняния; 4) удовольствия осязания; 5) простые удовольствия уха, независимые от ассоциаций; 6) простые удовольствия глаза, независимые от ассоциаций; 7) удовольствия половые; 8) удовольствия здоровья, или внутреннее приятное ощущение, в состоянии полного здоровья и силы; особенно во время умеренного телесного упражнения; 9) удовольствия новизны, или удовольствия, проистекающие от удовлетворения требований любопытства, приложением новых предметов к какому-нибудь из чувств.

V.

2. Под удовольствиями богатства можно понимать те удовольствия, какие человек способен выводить из сознания владения вещью или вещами, которые стоят в списке орудий наслаждения или безопасности, и особенно в первое время приобретения этих вещей: в это время такое удовольствие может быть названо удовольствием прибыли или приобретения; в другое время — удовольствием владения.

¹¹ Приведенный здесь каталог представляется полным списком различных простых удовольствий и страданий, к которым способна человеческая природа; так что, если человек по какому-нибудь случаю ощущает удовольствие или страдание, оно или может быть отнесено к тому или другому из указанных здесь разрядов, или может быть разложено на такие разряды...

3. Удовольствия искусства, исполняемого на различных предметах, суть удовольствия, сопровождающие приложение таких частных орудий наслаждения к их употреблению, которые не могут быть прилагаемы без большей или меньшей доли трудности и навыка.

VI.

4. Удовольствия дружбы, или саморекомендация, — те удовольствия, которые могут сопровождать убеждение человека, что он приобретает или владеет расположением того или другого определенного лица или лиц в частности: или, как говорится, что он с ним или с ними на хорошей ноге, и, как плод этого, — что он может иметь выгоду их добровольных и даровых услуг.

VII.

5. Удовольствия хорошего имени — те, которые сопровождают убеждение человека, что он приобретает или владеет расположением окружающих его людей, то есть таких членов общества, с которыми он может иметь дело; и как средство к этому, — что он владеет их любовью или уважением, или тем и другим вместе; и как плод этого, что он может рассчитывать на выгоду их добровольных и даровых услуг. Эти удовольствия могут также назваться удовольствиями хорошей репутации, удовольствиями чести или удовольствиями нравственной санкции.

VIII.

6. Удовольствия власти — те, которые сопровождают убеждение человека, что он посредством возбуждения надежд и опасений может побуждать приносить ему выгоду своими услугами, — т.е. побуждать надеждой каких-нибудь услуг или опасением каких-нибудь отягощений, которые он может сделать народу.

IX.

7. Удовольствия благочестия — те, которые сопровождают веру человека, что он приобретает или владеет благоволением или милостью Высшего Существа, и, как плод этого, что он может насладиться удовольствиями, которые получаются по особой Божией воле в этой жизни или в будущей. Они могут также назваться удовольствиями религии, удовольствиями религиозного расположения или удовольствиями религиозной санкции.

X.

8. Удовольствия благосклонности — удовольствия, происходящие от зрелища удовольствий, которыми, по нашему предположению, пользуются существа, могущие быть предметами благосклонности; т.е. чувствующие существа, которые нам близки; к ним обыкновенно принадлежат: 1) Высшее Существо; 2) человеческие существа; 3) другие животные. Эти удовольствия также могут назваться удовольствиями расположения, симпатии или удовольствиями благосклонных или общественных чувствований.

XI.

9. Удовольствия неблагосклонности — удовольствия, происходящие от зрелища страданий, переносимых, по нашему мнению, существами, которые могут быть предметом неблагосклонности; именно: 1) человеческие существа; 2) другие животные. Они могут быть также названы удовольствиями нерасположения, гневной раздражительности, антипатии или удовольствиями неблагосклонных и необщественных чувствований.

XII.

10. Удовольствия памяти — те, которые человек, насладившись теми или другими удовольствиями, или даже в некоторых случаях перенесши те или другие страдания, — хочет испытать еще раз, с точностью припоминая их в том порядке и с теми обстоятельствами, в каких он

действительно наслаждался ими или переносил их. Эти производные удовольствия, естественно, могут быть распределяемы на столько же видов, как те первоначальные восприятия, с которых они копируются. Они могут быть также названы удовольствиями простого воспоминания.

XIII.

11. Удовольствия воображения — те, которые могут быть произведены созерцанием каких-нибудь таких удовольствий, на какие может случайно навести память, но в другом порядке и с другими группами обстоятельств. Их можно, следовательно, отнести к какому-нибудь из трех главных пунктов времени: настоящему, прошедшему или будущему. Очевидно, что они могут допустить столько же различий, как удовольствия предыдущего класса.

XIV.

12. Удовольствия ожидания — те, которые происходят от созерцания какого-нибудь рода удовольствия, относимого к будущему времени и сопровождаемого *чувством веры*. Они также допускают те же самые различия¹².

XV.

13. Удовольствия ассоциации — те, которые могут вызвать известные предметы или случаи, не сами по себе, но только в силу известной ассоциации, связывающей их в уме человека с известными предметами или случаями, которые приятны сами по себе. Таково, например, удовольствие, полученное от мастерства, когда оно доставляется теми действиями, которые составляют игру в шахматы. Она получает свое приятное качество вследствие ассоциации отчасти с удовольствиями мастерства, производящего действия, приятные сами по себе, отчасти от ассоциации с удовольствиями власти. Таково же удовольствие удачи, когда оно доставляется такими случаями, как в азартной игре или в другой игре случая, в которой игра идет не на интерес. Она извлекает свое приятное качество от ассоциации с одним из удовольствий богатства, т.е. с удовольствием приобретения его.

XVI.

14. Далее мы увидим страдания, происходящие от удовольствий, таким же образом мы можем видеть теперь удовольствия от страданий. К каталогу удовольствий можно прибавить удовольствия *облегчения*, или удовольствия, которые испытывает человек, когда, перенесши в течение известного времени какое-нибудь страдание, он чувствует, что это страдание проходит или ослабевает. Эти удовольствия, конечно, могут быть разделяемы на столько же видов, сколько есть страданий, и могут произвести столько же удовольствий памяти, воображения и ожидания.

XVII.

1. Страдания лишения — те, которые могут происходить от мысли, что человек в настоящее время не владеет каким-нибудь из разных родов удовольствий. Поэтому страдания лишения могут быть разделены на столько же родов, сколько удовольствий, которым они соответствуют и от отсутствия которых они могут происходить.

XVIII.

Есть три рода страданий, которые представляют столько же видоизменений разных родов лишения. Когда наслаждение каким-нибудь удовольствием особенно желается, но без всякого ожидания, близкого к уверенности, то проистекающее отсюда страдание лишения принимает особенное имя и называется страданием желания или неудовлетворенного желания.

¹² В отличие от них, все другие удовольствия могут быть названы удовольствиями наслаждения или пользования (enjoyment).

XIX.

Когда бывает, что наслаждение ищется со степенью ожидания, близкой к уверенности, и это ожидание внезапно прекращается, то это называется страданием разочарования (disappointment).

XX.

Страдание лишения принимает имя *сожаления* в двух случаях: 1) когда оно основано на памяти об удовольствии, которым человек однажды наслаждался, но которым он, по-видимому, больше наслаждаться не будет; 2) когда оно основано на идее удовольствия, которым человек никогда действительно не наслаждался и, быть может, даже не ожидает наслаждаться, но которым (как предполагается) он мог бы наслаждаться, если бы произошел тот или другой случай, который на деле не происходил.

XXI.

2. Различные страдания чувств бывают, кажется, следующие: 1) страдания голода и жажды, или неприятные ощущения, производимые недостатком нужных веществ, которые должны входить в пищеварительный канал; 2) страдания вкуса, или неприятные ощущения, производимые прикосновением различных веществ к нёбу и другим верхним частям того же канала; 3) страдания органа обоняния, или неприятные ощущения, производимые частицами разных веществ, когда они касаются этого органа; 4) страдания осязания, или неприятные ощущения, производимые прикосновением разных веществ к коже; 5) простые страдания слуха, или неприятные ощущения, возбуждаемые в органе этого чувства разными родами звуков, независимо (как прежде) от ассоциации; 6) простые страдания зрения, или неприятные ощущения, если такие бывают, которые могут быть возбуждены в органе этого чувства видимыми образами, независимо от принципа ассоциации¹³; 7) страдания, происходящие от чрезмерного жара или холода, если только они не относятся к осязанию; 8) страдания болезни, или острые и тягостные ощущения, происходящие от разных болезней и нездоровья, которым подвержена человеческая природа; 9) страдания упражнения, телесного или умственного, или тягостное ощущение, которое может сопровождать всякое большое усилие и ума, и тела.

XXII.

3¹⁴. Страдания неловкости — те, которые происходят иногда от безуспешного усилия применить к делу какое-нибудь частное орудие наслаждения или безопасности или от трудности, которую человек испытывает при таком применении¹⁵.

¹³ Удовольствие полового чувства, кажется, не имеет соответственного ему положительного страдания: оно имеет только страдание лишения, или страдание умственного класса, страдание неудовлетворенного желания. Если от недостатка такого удовольствия происходит какое-нибудь положительное страдание тела, то это относится к разряду страданий болезни.

¹⁴ Удовольствия новизны не имеют соответственных им положительных страданий. Страдание, испытываемое человеком, когда он не знает, что ему с собой делать, и выражаемое по-французски словом *ennui* (скука), есть страдание лишения — страдание, происходящее от отсутствия не только удовольствий новизны, но и всяких удовольствий вообще.

Удовольствия богатства также не имеют соответственных им положительных страданий; единственные страдания, противоположные им, суть страдания лишения. Если от отсутствия богатства происходят какие-нибудь положительные страдания, они могут быть отнесены к какому-нибудь другому классу положительных страданий; главным образом к страданиям чувств. Например, от недостатка пищи происходят страдания голода, от недостатка одежды — страдания холода, и т.д.

¹⁵ Возможно, является вопросом то, считать ли это положительным страданием само по себе или же это — не что иное, как страдания лишения, происходящие от осознания нехватки мастерства. Однако это — вопрос о словах, и не имеет особого значения, как его определить.

XXIII.

4. Стдания вражды — те, которые могут сопровождать убеждение человека, что он подвержен недоброжелательству того или другого отдельного лица или лиц в частности или что он с ним или с ними в дурных отношениях и — вследствие этого — что он подвержен каким-нибудь страданиям, которых это лицо может быть причиной.

XXIV.

5. Стдания дурного имени — те, которые сопровождают убеждение человека, что он подвержен или может быть подвержен недоброжелательству окружающих его людей. Они могут также назваться страданиями дурной репутации, бесчестья, или страданиями нравственной санкции¹⁶.

XXV.

6¹⁷. Стдания благочестия, те которые сопровождают убеждение человека, что он подвержен неблагоприятию Высшего Существа — и вследствие этого подвержен известным страданиям, посылаемым Его особенными решениями, в настоящей жизни или в будущей. Они могут быть также названы страданиями религии, страданиями религиозного расположения или страданиями религиозной санкции. Когда это убеждение считается основательным, эти страдания называются обыкновенно религиозным ужасом, когда оно считается мало основательным — суеверным ужасом.

XXVI.

7. Стдания благосклонности — те, которые происходят от зрелища каких-нибудь страданий, предполагаемых у других существ. Они могут назваться также страданиями доброжелательства или симпатии, или страданиями благосклонных или общественных чувствований.

XXVII.

8. Стдания неблагоприятности — те, которые происходят от зрелища каких-нибудь удовольствий, предполагаемых у других существ, которые составляют предмет нелюбви человека. Они могут также назваться страданиями недоброжелательства, антипатии или страданиями неблагоприятных и необщественных чувствований.

XXVIII.

9. Стдания памяти могут основываться на каждом из вышеупомянутых родов, на каждом из страданий лишения и из страданий положительных. Они вполне соответствуют удовольствиям памяти.

¹⁶ В той мере, в какой об окружающих людях можно думать, что они вследствие какого-то события не настроены выказывать данному человеку ту степень уважения и доброжелательства, которую бы они иначе выказывали, или не склонны оказывать ему тех видов или того количества услуг, на которые иначе он мог бы рассчитывать, страдание, вытекающее из всего этого, должно рассматриваться как страдание лишения. Если же о людях можно думать, что они относятся к данному человеку с такой степенью неприязни и неуважения, что расположены делать ему определенное зло, то это следует рассматривать как положительное страдание. Страдание лишения и положительное страдание в данном случае неразлично переходят друг в друга.

¹⁷ Кажется, не имеется положительных страданий, соответствующих удовольствиям власти. Стдания, которые человек может испытывать от отсутствия или утраты власти, суть — в той мере, в какой власть отличается от других источников удовольствия, — по-видимому, не что иное, как страдания лишения.

XXIX.

10. Страдания воображения также могут основываться на каждом из вышеупомянутых родов как страданий лишения, так и положительных страданий; в других отношениях они вполне соответствуют удовольствиям воображения.

XXX.

11. Страдания ожидания могут основываться на каждом из вышеупомянутых родов как страданий лишения, так и положительных страданий. Они могут быть также названы страданиями предвидения (apprehension)¹⁸.

XXXI.

12. Страдания, происходящие от ассоциации, вполне соответствуют удовольствиям ассоциации.

XXXII.

В приведенном списке есть известные удовольствия или страдания, предполагающие существование какого-нибудь удовольствия или страдания у какого-нибудь другого лица, к которому имеют отношение удовольствие или страдание первого лица (о котором идет речь): такие удовольствия и страдания могут быть названы обращенными вовне (extra-regarding). Другие не предполагают ничего подобного и могут быть названы обращенными на себя (selfregarding). Единственные удовольствия и страдания, обращенные вовне, суть удовольствия и страдания благосклонности и неблагосклонности; все остальные — обращены на себя¹⁹.

XXXIII.

Из всех этих различных родов удовольствий и страданий едва ли есть хоть одно, которое бы по разным причинам не могло подлежать рассмотрению закона. Если совершено преступление, — то вред его и заключается в его стремлении разрушить у тех или других лиц те или другие удовольствия или причинить им те или другие страдания, а это и составляет основание к наказанию. Перспектива каких-нибудь из этих удовольствий или освобождения от каких-нибудь из этих страданий составляет мотив (побудительную причину) или искушение; достижение того или другого и составляет выгоду преступления. Если преступник должен быть наказан, — он может быть наказан только причинением одного или больше из этих страданий²⁰.

¹⁸ В отличие от них, все другие страдания могут быть названы страданиями терпения.

¹⁹ Таким путем удовольствия и страдания дружбы могут более ясно отличаться от удовольствий и страданий доброжелательства, а с другой стороны, — неприязни от недоброжелательства. Удовольствия и страдания дружбы и неприязни принадлежат к типу обращенных на себя, тогда как доброжелательства и недоброжелательства — к типу обращенных вовне.

²⁰ Представить каталог сложных удовольствий и страданий, в то же время аналитически раскладывая их на несколько простых удовольствий и страданий, из которых состоят первые, было бы не только любопытно, но и полезно. Но подобное рассмотрение заняло бы слишком много места, чтобы его излагать здесь. Однако без краткого образчика такого анализа, служащего в качестве иллюстрации, едва ли можно обойтись.

Удовольствия, воспринимаемые глазом и ухом, обычно очень сложны. Например, удовольствие сельского вида состоит обычно из следующих удовольствий:

Глава VI

Об обстоятельствах, имеющих влияние на чувствительность

I.

Страдание и удовольствие производятся в человеке действием известных причин. Но количество удовольствия и страдания идет не однообразно в пропорции с причиной, другими словами, с количеством силы, употребляемой этою причиной. Истина этого замечания основывается не на какой-нибудь метафизической тонкости в значении, придаваемом выражениям *причина*, *количество*, *сила*: оно будет столько же верно, каким бы способом мы ни измеряли эту силу.

II.

Расположение человека чувствовать то или другое количество удовольствия или страдания от приложения причины данной силы есть то, что мы называем степенью или *количеством* (*quantum*) чувствительности этого человека. Она может быть или *общая*, относящаяся к сумме причин, которые действуют на человека в течение данного периода, или *частная*, относящаяся к действию какой-нибудь одной частной причины или рода причины.

III.

Но в одном и том же человеке одни причины страдания или удовольствия произведут больше страдания или удовольствия, чем произведут какие-нибудь другие причины страдания или удовольствия, и эта пропорция будет у разных людей различна. Предрасположение человека иметь пропорцию, в которой он испытывает действие двух таких причин, отличную от пропорции, в которой испытывает то же действие другой человек, может быть названо качеством или *наклонностью* его чувствительности. Например, один человек может сильнее испытывать удовольствия вкуса, другой — удовольствия слуха. Так же точно, если есть различие в природе или пропорции двух страданий и удовольствий, которые они испытывают каждый от одной и той же причины, случай не такой частый, как предыдущий. Например, от одной обиды один человек может почувствовать то же количество огорчения и досады вместе, как и другой, но один из них почувствует большую долю огорчения, чем досады, другой — большую долю досады, чем огорчения.

IV.

Всякий случай, который служит причиной удовольствия или страдания, может быть назван *возбуждающей* причиной, если удовольствия, то приятной причиной; если страдания, то горестной, печальной, тягостной причиной²¹.

V.

Итак, если количество удовольствия или страдания, которые человек способен испытать от приложения *возбуждающей* причины, не зависит вполне от этой причины, то в некоторой степени оно будет зависеть от какого-нибудь другого обстоятельства или обстоятельств: эти обстоятельства, каковы бы они ни были, могут быть названы *обстоятельствами, имеющими влияние на чувствительность*.

VI.

²¹ Возбуждающая причина, производимое ею удовольствие или страдание и намерение, производимое этим удовольствием или страданием в качестве мотива, так тесно связаны друг с другом, что я боюсь, что в дальнейшем изложении не при всех случаях мог достаточно разделять их. Я счел необходимым предупредить об этом читателя, и, если после этого окажется какая-нибудь подобная ошибка, можно надеяться, что она не произведет больших недоразумений.

Эти обстоятельства будут различно прилагаться к разным возбуждающим причинам, так что известное обстоятельство не будет вовсе прилагаться к одной возбуждающей причине и будет прилагаться с большою силою к другой. Но, не входя теперь в эти различия, нелишним будет собрать все обстоятельства, которые могут иметь влияние на действие *всякой* возбуждающей причины. Здесь, как и выше, прежде всего лучше перечислить их сколько можно точнейшим образом и потом посвятить несколько слов отдельному объяснению каждой из них. Они, кажется, следующие: 1. Здоровье. 2. Сила. 3. Крепость. 4. Телесное несовершенство. 5. Количество и качество знания. 6. Сила умственных способностей. 7. Твердость характера. 8. Постоянство характера. 9. Направление наклонностей. 10. Нравственная чувствительность. 11. Нравственные наклонности. 12. Религиозная чувствительность. 13. Религиозные наклонности. 14. Чувствительность симпатии. 15. Наклонности симпатии. 16. Чувствительность антипатии. 17. Наклонности антипатии. 18. Безумие. 19. Обыкновенные занятия. 20. Денежные обстоятельства. 21. Связи через симпатию. 22. Связи через антипатию. 23. Основной склад тела. 24. Основной склад духа (mind). 25. Пол. 26. Возраст. 27. Общественное положение. 28. Воспитание. 29. Климат. 30. Племенное происхождение. 31. Форма правления. 32. Религиозное исповедание²².

VII.

1. Здоровье есть отсутствие болезни и, следовательно, всех тех родов страдания, которые принадлежат к симптомам болезни. О человеке можно сказать, что он находится в состоянии здоровья, когда он не сознает никаких тягостных ощущений, первое местопребывание которых можно найти где-нибудь в его теле. Относительно общей чувствительности человек, находящийся под гнетом какого-нибудь телесного расстройства, или, как говорится, в дурном состоянии здоровья, бывает менее чувствителен к влиянию приятной причины и более чувствителен к влиянию опечаливающей причины, чем если бы он был здоров.

VIII.

2. Обстоятельство силы, хотя относительно причинности тесно связано с обстоятельством здоровья, совершенно от него отлично. В самом деле, один и тот же человек вообще бывает сильнее в хорошем состоянии здоровья, чем в дурном. Но один человек даже при дурном состоянии здоровья может быть сильнее, чем другой даже при хорошем. Слабость есть обыкновенный спутник болезни,

²² Аналитический обзор всех этих обстоятельств будет дан в заключение этой главы: его необходимо было отнести туда, так как он был бы непонятен, если бы предварительно не были разъяснены некоторые из этих обстоятельств.

Исследовать обширное разнообразие возбуждающих или умеряющих причин, имеющих влияние на чувствительность человека; определить границы каждой; распутать их из той путаницы, в которой они перемешиваются; представить действие каждой ясно пред глазами читателя — быть может, все это если не есть еще труд, абсолютно самый тяжелый, то, по крайней мере, один из самых тяжелых в пределах нравственной физиологии. Исследования подобного рода никогда не могут быть вполне удовлетворительны без примеров. Составить достаточное собрание таких примеров потребовало бы большого труда и мелочной точности: нужно было бы перерыть историю и биографию, нужно было бы перечитать множество книг для этой цели. Через такой процесс настоящий труд без сомнения много бы выиграл в занимательности; но он вышел бы так громаден по своему объему, что одна эта глава разрослась бы в значительный том. Выдуманные случаи, хотя иной раз и могут доставить довольно сносные объяснения, никогда не могут быть вполне удовлетворительны. По этой и еще по другим причинам я должен ограничиться сухим и общим изложением, оставляя примеры, хотя и чувствую, что без примеров мое изложение наполовину потеряет свое действие. Впрочем, предмет так труден и так нов, что хотя я и далеко не исчерпал его, но, полагаю, успел кое-что сделать, если мог указать главные точки зрения и если приступил к делу с таким методом, который облегчит исследования более счастливых изыскателей.

Большая трудность заключается в характере слов, которые не составляют, как слова «страдание» и «удовольствие», имен однородных реальных существей, для которых нельзя найти одного общего рода и которые поэтому никогда не могут быть внесены в какой-нибудь полный план распределения без обширной и круговой цепи исследований, — но должны быть собираемы здесь и там, где они случайно попадутся.

но вследствие основного склада тела человек может быть слаб всю свою жизнь, не испытывая никакой болезни. Здоровье, как мы заметили, главным образом есть обстоятельство отрицательное, сила положительное. Степень силы человека может быть измеряема с некоторой точностью.

IX.

3. Крепость есть обстоятельство, хотя и тесно связанное с обстоятельством силы, но отличное от него. Крепость есть отсутствие раздражительности. Раздражительность относится или к страданию, происходящему от действия механических причин, или к болезни, происходящей от действия причин чисто физиологических. Раздражительность в первом смысле есть расположение подвергаться большей или меньшей степени страдания от приложения механической причины; такова большая часть тех приложений, посредством которых производятся простые огорчающие наказания, удары, сечение и др. В последнем смысле раздражительность есть расположение подвергаться болезни с большей или меньшей легкостью от приложения какого-нибудь орудия, действующего на тело физиологическими свойствами, как, например, в лихорадке, в простудах или других воспалительных болезнях, производимых действием сырого воздуха, — или испытывать непосредственное нездоровье, как, например, в ослаблении или зябкости, производимых слишком большим или слишком малым количеством теплоты.

Крепость, даже в том смысле, в котором она противопоставляется действию механических причин, отличается от силы. Внешние признаки силы — изобилие и твердость мышечных волокон; признаки крепости в этом смысле — твердость мышечных волокон и нечувствительность кожи. Сила есть более дар природы, крепость — дар воспитания. Если два человека были воспитаны один как джентльмен, другой — как простой матрос, то первый может быть сильнее, в то же время второй будет крепче.

X.

4. Под телесным несовершенством разумеется состояние того человека, который или отличается каким-нибудь заметным уродством, или лишен какого-нибудь из тех органов или способностей, какими вообще снабжены люди того же пола и возраста, который, например, имеет заячью губу, который глух или потерял руку. Это обстоятельство, как нездоровье, стремится вообще уменьшать более или менее действие всякого приятного обстоятельства и увеличивать действие печаливающего обстоятельства. Впрочем, действие этого обстоятельства допускает большое разнообразие, тем более что существует большое разнообразие тех способов, которыми человек может страдать в своей личной наружности и в своих телесных органах и способностях: обо всех этих различиях будет сказано в своем месте.

XI.

5. До сих пор говорено было об обстоятельствах, относящихся к состоянию тела; переходим теперь к обстоятельствам, принадлежащим к состоянию духа: польза упоминания о них обнаружится дальше. Прежде всего назовем количество и качество знания, которым владеет человек, — то есть количество и качество идей, которые он имеет действительно в запасе и может при случае припомнить; — разумея такие идеи, которые в том или другом отношении представляют интерес, то есть тем или другим способом могут оказывать влияние на счастье этого человека или на счастье других людей. Когда этих идей много и они имеют значение, о человеке говорят, что это человек просвещенный, если их мало или они не важны, его называют невеждой.

XII.

6. Под силой умственных способностей разумеется степень легкости, которую испытывает человек в своих усилиях припомнить как те идеи, какие уже собраны в его складе знаний, так и другие, которые по какому-нибудь случаю он может пожелать поместить туда же. Для обозначения подобного случая, кажется, и употребляются вообще выражения *талант* и *дарование*. Сюда могут быть отнесены различные качества, такие как легкость понимания, точность и твердость памяти, сила внимания, ясность суждения, широта взгляда, живость и быстрота воображения. Сила

умственных способностей вообще, кажется, довольно точно соответствует общей силе тела, как каждое из этих качеств в частности соответствует частной силе.

XIII.

7. Твердость характера, с одной стороны, и раздражительность — с другой, определяются пропорцией между степенями эффективности воздействия на человека, во-первых, той возбуждающей причины, значение которой определяется преимущественно ее величиной, во-вторых, той (причины), значение которой главным образом определяется близостью²³. О человеке можно сказать, что он твердого характера, когда небольшие удовольствия или страдания, настоящие или близкие, не действуют на него в большей пропорции относительно их силы, чем большие удовольствия или страдания, которые сомнительны или отдалены; и можно назвать его человеком раздражительного характера, когда бывает противное.

XIV.

8. Постоянство относится ко времени, в течение которого данная возбуждающая причина давней силы продолжает действовать на человека почти тем же образом и в той же степени, как сначала, когда нельзя заметить никакого вмешательства внешних событий или перемены обстоятельств, которые бы могли произвести изменение в ее силе.

XV.

9. Под направлением склонности человека разумеется склонность его ожидать удовольствия или страдания скорее от одних предметов, чем от других. О склонностях человека можно сказать, что они имеют такое или другое направление, когда между несколькими родами предметов, в некоторой степени доставляющих удовольствие всем людям, этот человек способен ожидать больше удовольствия от одного особенного рода, чем от другого особенного рода, или ожидать больше удовольствия от данного особенного рода, чем стал бы ожидать от этого же самого рода другой человек; или когда между разными родами предметов, одному человеку доставляющих удовольствие, а другому не доставляющих, этот человек способен ожидать или не ожидать удовольствия от предмета того или другого рода; так же точно и относительно страданий. Хотя это обстоятельство тесно связано с обстоятельством склонности чувствительности человека, но его можно отличить от него. Количество удовольствия или страдания, какое человек в данном случае может испытать от какого бы то ни было предмета, может много зависеть от ожиданий его получить удовольствие или страдание с этой стороны, но это количество не абсолютно определяется ими, потому что удовольствие или страдание могут прийти к нему с такой стороны, с которой он не привык ожидать их.

XVI.

10. Обстоятельства *нравственной, религиозной, симпатической и антипатической чувствительности*, рассматриваемые ближе, оказываются как будто заключающимися в обстоятельстве направления склонностей. Впрочем, по особенной важности, они могут быть упомянуты отдельно. Нравственную чувствительность человека можно назвать сильной, когда страдания и удовольствия нравственной санкции в его глазах кажутся, в сравнении с другими удовольствиями и страданиями (и, следовательно, оказывают влияние), больше, чем в глазах лиц, с которыми он сравнивается; другими словами, когда чувство чести оказывает на него более чем обыкновенное действие; эту нравственную чувствительность можно назвать слабой, когда бывает противное.

XVII.

²³ Когда, к примеру, решив ввиду грозящих неудобств не раскрывать некоторый факт, хотя это может привести его на дыбу, человек упорствует в своем решении после того, как дыба представлена ему и даже применена к нему.

11. Нравственная чувствительность относится, кажется, к среднему уровню действия страданий и удовольствий нравственной санкции на все роды случаев, к которым она прилагается или может быть прилагаема. Она относится к средней силе или *количеству* толчков или побуждений, которые дух (mind) получает из этого источника в течение данного периода. Нравственная склонность относится к частным актам, к которым в разных частных случаях считается прилагаемой сила этой санкции. Она относится к *качеству* или направлению этих толчков. Поэтому она допускает столько же различий, сколько есть внушений, которые может породить нравственная санкция. О человеке можно сказать, что он имеет ту или другую *нравственную склонность* или имеет нравственную склонность в пользу того или другого действия, когда он относит это действие к числу тех, совершение которых требуется нравственной санкцией.

XVIII.

12. Что было сказано относительно нравственной чувствительности, может быть приложено, *mutatis mutandis*, к религиозной.

XIX.

13. Что было сказано о нравственных склонностях, может также быть приложено, *mutatis mutandis*, к религиозным склонностям.

XX.

14. Под симпатической чувствительностью надо понимать склонность человека извлекать удовольствие из счастья других чувствующих существ и извлекать страдание из их несчастья. Она тем сильнее, чем больше пропорция между тем удовольствием или страданием, которые он чувствует ради них, и тем удовольствием или страданием, которые (как это кажется ему) они чувствуют сами.

XXI.

15. Симпатическая склонность относится к разряду лиц, которые составляют предмет симпатии человека, и актов или других обстоятельств, относящихся к лицам, которые возбуждают симпатию. Эти предметы симпатии могут быть: 1) известные отдельные лица; 2) какой-нибудь второстепенный класс лиц; 3) целая нация; 4) человечество вообще; 5) все чувствующее творение. Соответственно чем шире многочисленные предметы симпатии, тем, можно сказать, шире аффект, к которому человек имеет склонность.

XXII.

16, 17. Антипатическая чувствительность и антипатические склонности составляют прямую противоположность симпатической чувствительности и склонностей. Под антипатической чувствительностью надо понимать склонность человека извлекать страдание из счастья других чувствующих существ и удовольствие из их несчастья.

XXIII.

18. Обстоятельство безумия соответствует обстоятельству телесного несовершенства. Впрочем, оно допускает гораздо меньше разнообразия, так как душа (сколько мы можем заметить) есть вещь неделимая, в которой нельзя различать частей, как в теле. Те меньшие степени несовершенства, которым может быть подвержен ум, кажется, заключаются в упомянутых выше разрядах невежества, слабости ума, раздражительности и непостоянства или в других, которые к ним сводятся. Здесь мы имеем в виду те чрезвычайные виды и степени умственного несовершенства, которые, где бы ни имели место, столько же заметны и несомненны, как хромота или слепота в теле, и которые действуют, по-видимому, отчасти производя чрезвычайную степень вышеупомянутых несовершенств, отчасти давая чрезвычайный и противный здравому смыслу размер склонностям.

XXIV.

19. Под обыкновенными занятиями человека надо понимать в этом случае как те, которые он производит для выгоды, так и те, которым он отдается для удовольствия в настоящем. Рассмотрение самой выгоды относится к рассмотрению денежных обстоятельств. Очевидно, что, если каким-нибудь образом наказание или другая возбуждающая причина отнимают у человека возможность продолжать какое-нибудь подобное занятие, они должны быть от этого тем больше огорчительны. Хотя обыкновенные занятия человека относительно причинности (т.е. относительно своего происхождения) тесно связаны с направлением его наклонностей, они не должны, однако, считаться именно тем же самым обстоятельством. Известная забава или средство получения выгоды могут быть предметом *наклонностей* человека и могут иногда не быть предметом его *обыкновенных занятий*, потому что, хотя бы он и желал производить их, он, может быть, никогда их не производил, так как это было вне его власти, — обстоятельство, которое может сделать большую разницу в действии какого-нибудь случая, по которому человеку приходится от них отказаться.

XXV.

20. Говоря о денежных обстоятельствах, я разумею ту пропорцию, в которой *средства* относятся к его *потребностям*, или целая сумма его средств всякого рода — к целой сумме его потребностей всякого рода. Средства человека зависят вообще от трех обстоятельств: 1) его собственности; 2) прибыли от его труда; 3) его связей посредством поддержки. Его потребности зависят, кажется, от четырех обстоятельств: 1) его трат; 2) его связей через тяготы; 3) какой-нибудь случайной нужды в настоящем; 4) силы его ожидания. Под собственностью человека разумеется все, что он имеет в запасе, независимо от своего труда. Под прибылью от труда разумеется возрастающая прибыль. Что касается труда, то он может быть или преимущественно телесный, или преимущественно умственный, или тот и другой безразлично; и все равно, каким бы образом и к какому предмету труд ни прилагался, если только он приносит прибыль. Под связями человека посредством поддержки разумеется денежная поддержка всякого рода, какую он может получить от лиц, от которых — по какой-нибудь причине и в каком бы то ни было размере — он имеет причины ожидать *даровой* поддержки своего существования; как, например, от родителей, покровителей и родственников. Ясно, кажется, что человек может не иметь никаких других средств кроме этого. То, что ему нужно, он должен иметь или от себя, или от других людей: если от других, то или даром, или за плату. Что касается трат, то известно, что желания человека в значительной степени управляются его нравами. Много бывает случаев, когда желание (а следовательно, и связанное с ним страдание лишения) может даже вовсе не существовать, разве только относительно прежнего наслаждения. Под связями человека через тяготы разумеется всякая трата, на какую он имеет причины считать себя обязанным идти для помощи тем, кто по закону или по всеобщему обычаю считаются вправе ожидать от него помощи; например, дети, бедные родственники, престарелые слуги и всякие другие зависимые люди. Что касается настоящей случайной нужды, то очевидно, что бывают случаи, когда данная сумма несравненно дороже человеку, чем была бы в другое время; когда, например, в случае крайности человек нуждается в особенной медицинской помощи, или когда нуждается в деньгах на ведение процесса, от которого зависит все его существование, или когда он жил в ожидании его конца в отдаленном месте и нуждается в средствах для переезда. В подобных случаях всякая степень богатства или бедности может иметь в денежном отношении действие весьма отличное от того, какое та же степень могла бы иметь в другое время. Относительно силы ожидания: когда один человек ожидает приобрести или сберечь какую-нибудь вещь, а другой не ожидает этого, ясно, что обстоятельство неимения этой вещи будет действовать на первого вовсе не так, как на последнего, который, в самом деле, обыкновенно и не подвергается никакому действию этого обстоятельства.

XXVI.

21. Под связями человека через симпатии я разумею число и свойства лиц, в благосклонности которых он принимает такое участие, что идея их счастья может доставить ему удовольствие, а идея их несчастья — страдание; например, как его жена, дети, родители, близкие родственники и лучшие друзья. Этот класс людей большей частью будет, очевидно, заключать два класса, имеющих отношение к денежным обстоятельствам человека: именно людей, от средств которых он может ожидать поддержки сам, и людей, нужды которых ложатся тягостью на него самого. Но ясно, что,

кроме того, этот класс может также включать и других людей, с которыми он не имеет никакой подобной денежной связи; и даже относительно первых очевидно, что денежная зависимость и единство чувствований суть обстоятельства совершенно различные. Следовательно, разбираемые нами связи — независимо от всякого влияния их на денежные обстоятельства человека — имеют влияние на действие всяких возбуждающих причин вообще. Тенденция их состоит в том, чтобы увеличивать общую чувствительность человека; увеличивать, с одной стороны, удовольствие, производимое всеми приятными причинами, с другой — страдание, производимое всеми причинами печаливающими. Когда с человеком случается какое-нибудь приятное событие, он в первую минуту, естественно, думает об удовольствии, какое он получит непосредственно сам; но вскоре потом (исключая немногие случаи, на которых не стоит останавливаться) он начинает думать об удовольствии, которое почувствуют его друзья, узнав об этом, и это второстепенное удовольствие составляет обыкновенно немалую прибавку к первоначальному. Прежде всего приходит удовольствие, обращенное на себя; потом приходит идея удовольствия симпатии, которое ваше удовольствие породит (по вашему предположению) в груди ваших друзей, и эта идея опять возбуждает в вас новое удовольствие симпатии, основанное на этом. Первое удовольствие, выходящее из вашего собственного сердца, как из светящего пункта, освещает сердце ваших друзей; отраженное отсюда, оно с увеличившейся теплотой возвращается к первому пункту, из которого оно вышло; точно так же страдания²⁴.

И это действие зависит не вполне от привязанности. Между близкими родственниками, хотя бы между ними вовсе не было дружбы, удовольствия и страдания нравственной санкции быстро распространяются посредством особого рода симпатии: никакая честь или бесчестие не могут упасть на человека, не распространившись на известное расстояние в кругу его семейства. То, что доставляет честь отцу, доставляет честь и сыну, что приносит бесчестие отцу, приносит бесчестие и сыну. *Причина* этого странного и, по-видимому, бессмысленного обстоятельства (т.е. его аналогия с остальными явлениями человеческого ума) не относится к нашему настоящему предмету. Достаточно, если это обстоятельство остается вне спора.

XXVII.

22. О связях человека путем антипатии нет ничего особенного заметить. К счастью, в человеческой природе нет никакого первобытного и постоянного источника антипатии, подобно тому как есть источник симпатии. Нет постоянных разрядов лиц, которые бы естественно и сами собой становились предметом антипатии человека, как есть такие предметы для противоположного чувства. Впрочем, в течение человеческой жизни по разным случаям может возникать слишком много этих источников, и всегда, когда это бывает, это обстоятельство может иметь весьма значительное влияние на действие разных возбуждающих причин. Например, как, с одной стороны, наказание, которое стремится отделить человека от тех, с кем он связан симпатией, так, с другой стороны, наказание, которое стремится ввести его в общество тех, к кому он относится с антипатией, будут, по этой самой причине, еще более отяготительны. Надобно заметить, что и самая симпатия умножает источники антипатии. Симпатия к вашему другу порождает антипатию с вашей стороны против всех тех, кто составляет предмет антипатии для него, и порождает в вас симпатию к тем, кто составляет предмет его симпатии. Таким же образом антипатия умножает источники симпатии, хотя обыкновенно, быть может, скорее умножает в меньшей степени. Антипатия к вашему врагу способна породить симпатию с вашей стороны к тем, кто составляет предмет антипатии для него, так же как породить антипатию к тем, кто для него составляет предмет симпатии.

XXVIII.

23. До сих пор мы говорили об обстоятельствах, которые оказывают влияние на действие какой-нибудь возбуждающей причины, когда они прилагаются к данному случаю в данный период. Но кроме этих посторонних случайностей есть другие обстоятельства относительно человека, которые могут иметь свое влияние и которые совпадают с его рождением. Во-первых, все, кажется,

²⁴ Это — одна из причин того, почему законодатели предпочитают иметь дело с женатыми людьми, а не одинокими, с людьми с потомством, чем с бездетными. Очевидно, что чем сильнее и многочисленнее симпатические связи человека, тем крепче держит его закон. Жена и дети — весомые ручательства хорошего поведения, которые человек дает миру.

согласны, что в первоначальном складе и тканях тела каждого человека есть нечто, вследствие чего человек, независимо от всех являющихся впоследствии обстоятельств, бывает восприимчив к действию причин, производящих телесное удовольствие или страдание, иным способом, чем бывает восприимчив к тому же действию другой человек. Поэтому к списку обстоятельств, имеющих влияние на чувствительность человека, мы можем прибавить первоначальный, или основной, склад, строение, или темперамент его тела.

XXIX.

24. Далее, довольно общепринято, что и в первоначальном складе и строении ума каждого человека есть нечто, что, независимо от всех внешних и впоследствии являющихся обстоятельств и даже независимо от основного склада его тела, делает человека восприимчивым к действию одних и тех же возбуждающих причин иначе, чем бывает восприимчив другой человек. Поэтому к списку обстоятельств, имеющих влияние на чувствительность человека, мы можем дальше прибавить первоначальный, или основной, склад, строение, или темперамент ума или духа.

XXX.

Довольно известно в то же время, что чувствительность человека к причинам, производящим удовольствие и страдание, даже умственные, может в значительной степени зависеть от его основного и приобретенного склада тела. Но мы не имеем никакого резона думать, что это может зависеть вполне от этого склада, потому что, с одной стороны, мы видим людей, совершенно сходных по складу тела и весьма различных относительно их умственного склада, и, с другой стороны, видим людей, совершенно сходных по складу ума и весьма различных относительно их телесного склада.

XXXI.

Неоспоримо кажется также, что разные разряды внешних событий, которые могут случиться с человеком в течение его жизни, составят большое различие в последующем складе его ума в данный период, хотя эти различия не должны быть приписываемы только одним подобным событиям. От истины, однако, кажется, далеки и то мнение (если только оно может быть поддерживаемо), которое все приписывает природе, и то, которое все приписывает воспитанию. Потому эти два обстоятельства останутся отличными как одно от другого, так и от всех прочих.

XXXII.

Впрочем, как они ни различны, очевидно, что ни в одном периоде деятельной части человеческой жизни ни то, ни другое из этих обстоятельств не может действовать одно и отдельно. Природа и воспитание составляют только скрытую основу, на которой действуют другие привходящие обстоятельства; и какое бы влияние ни имели эти первоначальные принципы, они так видоизменяются и как будто покрываются этими другими обстоятельствами, что их становится невозможно отличить и отделить. Действие одного влияния совершенно смешивается с действием другого.

XXXIII.

Движения тела считаются, и справедливо, вероятными признаками температуры духа. Но они еще далеко не дают окончательного вывода. Например, человек может представить внешние признаки огорчения, вовсе не огорчаясь на деле или, по крайней мере, не огорчаясь в той степени, как показывает. Оливер Кромвель, поведение которого показывает сердце более обыкновенного суровое, мог проливать замечательно изобильные слезы. Многие люди могут выказывать внешние признаки чувствительности с весьма незначительным количеством действительного чувства. И женщины обыкновенно легче, чем мужчины, — отсюда обыкновенное выражение о женских слезах. Владеть собой в этом отношении было характерным умением древних ораторов и до сих пор остается умением актеров нашего времени.

XXXIV.

Остающиеся обстоятельства относительно упомянутых выше обстоятельств могут быть названы *второстепенными* влияющими обстоятельствами. Правда, они имеют влияние на количество или наклонность чувствительности человека, но только средствами первичных обстоятельств. Отношение этих двух родов обстоятельств состоит в том, что первичные совершают дело, между тем как второстепенные бывают открыты для наблюдения. Оттого об этих второстепенных обыкновенно больше и говорят; поэтому необходимо сказать и о них, между тем как их влияние может быть объяснено только посредством первичных, а влияние первичных может быть достаточно ясно и без всякого упоминания о второстепенных.

XXXV.

25. Из тех первоначальных видоизменений телесного склада, которые могут, по-видимому, оказывать влияние на количество или наклонность чувствительности, самые очевидные и заметные — те, которые производит *пол*. Относительно количества чувствительность женского пола бывает вообще больше, чем мужского. Здоровье женщины более деликатно, чем здоровье мужчины; относительно силы и крепости тела, относительно количества и качества знаний, относительно силы умственных способностей и твердости характера она обыкновенно ниже; нравственная, религиозная, симпатическая и антипатическая чувствительность в ней обыкновенно сильнее, чем в мужчине. Качество ее знаний и направление ее наклонностей обыкновенно во многих отношениях различны. Ее нравственные наклонности также в некоторых отношениях замечательно различны: например, целомудрие, скромность и деликатность в женщине ценятся больше, чем мужество; мужество ценится больше всех этих качеств в мужчине. Религиозные наклонности двух полов не могут быть особенно различны, исключая то, что женщина скорее бывает наклонна к суеверию, к внешней обрядности, которую не требует принцип полезности, — различие, которое может быть довольно хорошо объяснено некоторыми из упомянутых выше обстоятельств. Ее симпатические наклонности во многом отличны от мужских: к ее собственным детям в течение всей их жизни и к маленьким детям вообще женщина обыкновенно привязана сильнее, чем мужчина. Ее привязанности менее способны расширяться: они редко расширяются до того, чтобы обнимать благосостояние ее отечества вообще, и в гораздо меньшей степени бывают способны обнимать благо человечества или все чувствующее творение; они редко обнимают какой-нибудь обширный класс даже ее собственных соотечественников, — разве только в силу ее симпатии к нескольким отдельным лицам, которые принадлежат к этому классу. Ее антипатические, как и симпатические наклонности вообще менее способны сообразоваться с принципом полезности, чем наклонности мужчины, что зависит главным образом от некоторой недостаточности в знаниях, в суждении и понимании. Ее обыкновенные занятия, которыми она забавляется, могут во многих отношениях отличаться от занятий мужчины. Относительно ее связей через симпатию не может быть различия. Относительно денежных обстоятельств — по обычаю, быть может, всех стран — она вообще менее независима.

XXXVI.

26. Возраст естественно разделяется на различные периоды, число и границы которых определяются далеко не одинаково. Для настоящей цели его можно разделить на: 1) детство; 2) отрочество; 3) юность; 4) зрелость; 5) старость; 6) дряхлость. Было бы бесполезно в данном случае исследовать каждый период и наблюдать его признаки относительно некоторых первичных обстоятельств, только что рассмотренных нами. Детство и дряхлость обыкновенно ниже прочих периодов относительно здоровья, крепости и так далее. В детстве со стороны женщины несовершенства этого пола увеличиваются; со стороны мужчины несовершенства бывают большей частью сходны по качеству, но бывают больше по количеству в сравнении с несовершенствами, сопровождающими отрочество, юность и зрелость в женщине. В состоянии дряхлости оба пола впадают опять во многие несовершенства детского возраста. Общность этих замечаний легко может быть исправлена при обзоре частных.

XXXVII.

27. Звание, или общественное положение в жизни, есть такое обстоятельство, которое между цивилизованными людьми подвергается обыкновенно многообразным вариациям.

Caeteris paribus, количество чувствительности бывает, по-видимому, больше в высших классах людей, чем в низших. Первичные обстоятельства, относительно которых это второстепенное обстоятельство может вызывать различие или подчеркивать их, главным образом, следующие: 1) количество и качество знаний; 2) сила ума; 3) направление наклонностей; 4) нравственная чувствительность; 5) нравственные наклонности; 6) религиозная чувствительность; 7) религиозные наклонности; 8) симпатическая чувствительность; 9) симпатические наклонности; 10) антипатическая чувствительность; 11) антипатические наклонности; 12) обыкновенные занятия; 13) природа и производительность средств человека к существованию; 14) связи, приносящие прибыль; 15) обыкновенные траты; 16) связи, приносящие тяготы. Человек с известным общественным положением часто будет иметь много зависимых людей кроме тех, зависимость которых есть результат естественного родства. Что касается здоровья, силы и крепости, — если звание и имеет какое-нибудь влияние на эти обстоятельства, то только отдаленное, главным образом через то влияние, какое оно может иметь на обыкновенные занятия человека.

XXXVIII.

28. Влияние воспитания еще более обширно. Воспитание стоит на основании, несколько отличном от основания обстоятельств возраста, пола и общественного положения. Хотя влияние обстоятельств, обозначаемых этими последними словами, главным образом, если не полностью, совершается через посредство каких-нибудь из вышеупомянутых первичных обстоятельств, каждое из этих слов представляет, однако, обстоятельство, которое имеет свое отдельное существование. Иное надо сказать о слове воспитание, которое не имеет никакого дальнейшего значения кроме того, что оно напоминает какое-нибудь одно или многие из этих первичных обстоятельств. Воспитание может быть разделено на физическое и духовное (mental), воспитание тела и воспитание духа; далее, духовное делится на умственное (intellectual) и нравственное, культура понимания и культура чувств. Человек получает свое воспитание частью от других, частью от самого себя. Таким образом, воспитание выражает собой не больше как положение человека относительно этих первичных обстоятельств, происходящее отчасти от руководства и приемов других людей, главным образом, тех, кто господствовал над ним в первое время его жизни, отчасти от него самого. К физической стороне его воспитания принадлежат обстоятельства здоровья, силы и крепости, иногда, при случае, обстоятельство телесного несовершенства, так как здесь неумеренность или небрежность могут нанести человеку неисправимый вред. К умственной стороне воспитания принадлежат обстоятельства количества и качества знания и, в известной степени, быть может, также твердости характера и постоянства. К нравственной относятся направление его наклонностей, количество и качество его нравственной, религиозной, симпатической и антипатической чувствительности. Ко всем трем ветвям, без предпочтения какой-либо из них, но под высшим контролем внешних случаев жизни, принадлежат его обыкновенные занятия, его собственность, средства существования, его связи относительно прибыли и тяготей и его обыкновенные траты. В самом деле, относительно всех этих пунктов влияние воспитания видоизменяется более или менее заметно влиянием внешних случаев, и почти совсем незаметно и совершенно вне возможности расчета оно видоизменяется первобытным складом и строением как тела, так и духа.

XXXIX.

29. Из внешних обстоятельств, видоизменяющих влияние воспитания, главные — те, которые принадлежат климату. Это обстоятельство выдвигается вперед и требует отдельного названия не только по обширности его влияния, но и потому, что оно заметно для каждого и прилагается к большому числу людей, независимо от всего остального. В своей *сущности* это обстоятельство зависит от положения той части земли, о которой идет речь, относительно хода целой планеты в ее обращении вокруг солнца, но по своему *влиянию* оно зависит от состояния тел, составляющих в этом месте земную поверхность, главным образом от количества чувствительной теплоты в разные периоды и от плотности, чистоты, сухости или влажности окружающего воздуха. Из упоминаемых нами так часто первичных обстоятельств только немногие практически не подвергаются влиянию

этого второстепенного обстоятельства, отчасти по его очевидному действию на тело, отчасти по его менее заметному действию на дух. В жарких климатах здоровье человека может быть менее прочно, чем в холодных; его сила и крепость меньше; его энергия, твердость и постоянство духа меньше; и потому непрямым образом может быть меньше и количество знания; направление наклонностей бывает иное и чрезвычайно замечательно иное по гораздо большей склонности к половым наслаждениям и более раннему появлению этой склонности; чувствительность всякого рода бывает более напряженная; обыкновенные занятия отдают больше ленью, чем деятельностью, основной склад тела менее силен и, вероятно, менее крепок. Основной склад ума менее силен, менее тверд и менее постоянен.

XL.

30. Другой предмет в списке второстепенных обстоятельств есть *племя* — национальность или порода, от которой человек происходит. Это обстоятельство, независимо от климата, вообще производит некоторую разницу в основном складе тела и духа. Человек негритянского племени, родившийся во Франции или в Англии, есть существо весьма отличное во многих отношениях от человека французской или английской расы. Человек испанского племени, родившийся в Мексике и Перу, в самый час своего рождения есть существо, во многих отношениях весьма отличное от природного мексиканца или перуанца. Это обстоятельство, независимо от климата, общественного положения, воспитания и от двух только что упомянутых обстоятельств, действует главным образом через посредство нравственных, религиозных, симпатических и антипатических наклонностей.

XLI.

31. Предпоследнее обстоятельство есть *образ правления*, под которым человек живет в данное время или, скорее, под которым он всего больше привык жить. Это обстоятельство действует главным образом через посредство воспитания: правитель или общественная власть действуют в качестве опекуна на всех членов общества, давая направление их надеждам и их страхам. В самом деле, при заботливом и внимательном правительстве обыкновенный учитель, даже сам родитель, есть как будто только доверенный человек правителя: его контролирующее влияние, отличное в этом отношении от влияния обыкновенного учителя, живет с человеком до самого конца его жизни. Действия этой особенной власти правителя (какого бы то ни было) в особенности обнаруживаются в его влиянии на количество и наклонности нравственной, религиозной, симпатической и антипатической чувствительности человека. При хорошо устроенном или даже при хорошо выполняемом, но плохо устроенном правлении нравственная чувствительность людей обыкновенно сильнее и их нравственные наклонности более согласимы с требованиями полезности; их религиозная чувствительность часто слабее, но их религиозные наклонности менее несогласимы с требованиями полезности; их симпатические наклонности шире и направлены больше к официальной власти, чем к небольшим партиям или отдельным лицам, и больше к целому обществу, чем к тем или другим; их антипатическая чувствительность менее пылка и более подчиняется влиянию хорошо направленных нравственных наклонностей и менее способна возбуждаться влиянием дурно направленных религиозных наклонностей; их антипатические наклонности более согласимы с хорошо направленными нравственными наклонностями, более способны (относительно) основываться на широких и симпатических чувствованиях, чем на узких и эгоистических, и, следовательно, в целом более согласимы с требованиями полезности.

XLII.

32. Последнее обстоятельство есть религиозное исповедание, которое принимает человек, религиозное братство, в котором он состоит членом. Это обстоятельство действует главным образом через посредство религиозной чувствительности и религиозных наклонностей. Впрочем, оно, как более или менее решающий признак, действует и на некоторые другие обстоятельства. Относительно некоторых оно едва ли не действует только через посредство двух упомянутых обстоятельств; так, например, относительно количества и наклонности нравственной, симпатической и антипатической чувствительности человека, — в некоторых случаях, быть может, относительно количества и качества знания, силы умственных способностей и направления наклонностей. Относительно других оно может действовать непосредственно само: так, кажется, оно действует относительно

обыкновенных занятий человека, денежных обстоятельств, связей путем симпатии и антипатии. Человек, который имеет мало внутреннего уважения к требованиям религии, какую он находит необходимым исповедовать, может находить затруднительным избегать участия в ее церемониях и в налагаемых ею денежных тяготах. Сила обычая и примера может даже побудить его быть пристрастным к людям того же исповедания и питать соответственную антипатию к людям враждебного исповедания. В частности, антипатия к людям других убеждений есть один из пунктов религии, который люди покидают всего позже. Наконец, ясно, что религиозное исповедание человека не может не иметь весьма значительного влияния на воспитание. Но, рассматривая значение слова воспитание, сказать это, быть может, значит только сказать другими словами то, что было уже сказано выше.

XLIII.

На все эти обстоятельства, или на многие из них, необходимо обращать внимание, как скоро по какому-нибудь случаю определяется какое-нибудь количество страдания или удовольствия, производимое какой-нибудь причиной. Потерпел ли человек обиду? Надо рассмотреть эти обстоятельства, чтобы определить количество вреда, нанесенного преступлением. Нужно ли дать ему удовлетворение? Надо принять в расчет эти обстоятельства при обсуждении количества удовлетворения. Должен ли быть преступник наказан? Надо принять в соображение эти обстоятельства, чтобы оценить силу впечатления, какое будет произведено на него данным наказанием.

XLIV.

Надобно заметить, что, хотя все эти обстоятельства, по той или другой причине, заслуживают места в списке, не все они имеют одинаковую цену на практике. Различные обстоятельства приложимы к различным возбуждающим причинам. Из тех, которые могут оказывать влияние на действие одной и той же возбуждающей причины, некоторые прилагаются безразлично к целым классам людей, прилагаясь ко всем без всякого заметного различия в степени: эти обстоятельства *могут* быть прямо и довольно полно предусмотрены законодателем. Таковы, например, первичные обстоятельства телесного несовершенства и безумие; второстепенное обстоятельство пола; быть может, — возраст; и во всяком случае — общественное положение, климат, племя и религиозное исповедание. Другие обстоятельства хотя и могут прилагаться к целым классам лиц, но в своем приложении к разным отдельным лицам способны принимать, быть может, бесконечное разнообразие степеней. Эти обстоятельства *не могут* быть вполне предусмотрены законодателем, но так как их присутствие во всяком случае может быть замечено и их степень может быть измерена, то на них должен обратить внимание *судья* или исполнительное ведомство, имеющее возможность узнать тех людей, о которых идет речь. Так бывает, например, с: 1) обстоятельством здоровья; 2) в некоторой степени — с обстоятельством силы; 3) очень мало — с обстоятельством крепости; еще меньше — с обстоятельством количества и качества знания, силы умственных способностей, твердости и постоянства духа; исключая случаи, где положение человека относительно этих обстоятельств может быть указано второстепенными обстоятельствами пола, возраста или общественного положения; далее, едва ли бывает так с обстоятельством направления склонностей, разве только это скрытное обстоятельство указывается более явным обстоятельством обыкновенных занятий; едва ли — с обстоятельством нравственной чувствительности или склонностей человека, разве только они указываются его полом, возрастом, общественным положением и воспитанием; совершенно не бывает с его религиозной чувствительностью и религиозными склонностями, разве только они указываются религиозным исповеданием, к которому человек принадлежит, — и не бывает также совершенно с количеством и качеством симпатической и антипатической чувствительности человека, разве только их можно предполагать по его полу, возрасту, общественному положению, воспитанию, племени или религиозному исповеданию. Так бывает, впрочем, с его обыкновенными занятиями, денежными обстоятельствами и его связями путем симпатии. В других обстоятельствах или самое присутствие этих обстоятельств не может быть узнано, или степень их не может быть измерена. Потому эти последние не могут входить в расчеты законодателя или исполнительной власти. Вследствие того они могут иметь притязание на их внимание только ради тех второстепенных обстоятельств, которыми они указываются и влияние

которых не могло бы быть достаточно понятно без них. Какие эти обстоятельства, было уже упомянуто выше.

XLV.

Выше было уже замечено, что разные статьи в этом списке обстоятельств прилагаются к разным возбуждающим причинам, например, обстоятельство телесной силы едва ли имеет какое-нибудь влияние само по себе (как бы это влияние ни проявлялось косвенными и случайными путями) на действие какого-нибудь события, которое должно увеличить или уменьшить количество собственности человека. Остается рассмотреть, с какими возбуждающими причинами имеет дело законодатель. Они могут быть всякие, по тому или другому случаю, но главным образом он имеет дело с причинами печаливающего рода. С причинами приятными он имеет мало дела, разве только по какому-нибудь особому случаю: резоны этого довольно легко понять, — объяснять их здесь было бы и слишком долго. Возбуждающие причины, с которыми главным образом должен иметь дело законодатель, суть, с одной стороны, зловредные действия, которые он обязан предупреждать, с другой стороны — наказания, страхом которых он стремится предупреждать их. Из этих двух родов возбуждающих причин только последние составляют его произведение, так как они совершаются отчасти по его собственному специальному решению, отчасти сообразно с его общим решением, по специальному решению судьи. Поэтому для законодателя, так же как и для судьи, необходимо (если бы они знали, что они делают, когда назначают наказание) иметь в виду все эти обстоятельства. Для законодателя из опасения того, что, полагая приложить известное количество наказания ко всем лицам, которые бы попали в одну и ту же категорию, он, сам того не сознавая, мог бы назначить некоторым из этих лиц гораздо больше или гораздо меньше наказания, чем намеревался; для судьи из опасения, что, прилагая к одному частному лицу частную меру наказания, он мог бы назначить гораздо больше или гораздо меньше, чем было в намерении, быть может, его самого, и во всяком случае в намерении законодателя. Поэтому каждый из них должен иметь пред собой, с одной стороны, список разных обстоятельств, которые могут иметь влияние на чувствительность, с другой стороны — список разных видов и степеней наказаний, которые они хотят употребить в дело; и тогда, сравнив то и другое, составить подробную оценку влияния каждого из упоминаемых обстоятельств на действие каждого вида и каждой степени наказания.

Есть два плана или порядка распределения, которым можно было бы последовать в составлении этой оценки. Один — поставить во главу название обстоятельства и потом представить различные влияния, которые оно имеет на действие разных родов наказания; другой — поставить во главе название наказания и потом представить различные влияния, которым его действие подвергается от разных вышеупомянутых обстоятельств. Из этих двух родов предметов наказание есть тот, к которому прежде всего направлено намерение законодателя. Это — его собственное произведение, и оно будет всем тем, чем он найдет нужным его сделать; влияющее же обстоятельство существует независимо от него и останется тем, что оно есть, хочет он этого или нет. То, что ему необходимо сделать, это — установить известный вид и степень наказания, и только относительно этого наказания ему необходимо сделать исследование о разбираемых обстоятельствах. Поэтому последний план представляется гораздо более полезным и удобным. Но здесь не может быть сделано никакого подобного определения того или другого плана²⁵.

XLVI.

Нелишним будет сделать род аналитического обзора разных обстоятельств, заключающихся в этом списке, для того чтобы легче было открыть, не пропущены ли в нем такие, какие должны бы были находиться в нем, и чтобы относительно тех, которые в нем находятся, видеть, в чем они отличаются и в чем согласны между собой.

Во-первых, их можно разделить на *первичные* и *второстепенные*: одни могут быть названы первичными потому, что они действуют непосредственно сами; другие — второстепенными потому, что действуют только через посредство первых. К этому последнему разряду принадлежат

²⁵ Это предложение вовсе не есть фантастическое, неисполнимое на практике. Я говорю по опыту, потому что действительно составил подобное определение наказаний, хотя по менее удобному из упомянутых здесь планов и прежде, чем исчисленные здесь обстоятельства были приведены в определенное число и порядок... (См. гл. XV, § 2, прим.)

обстоятельства пола, возраста, общественного положения, воспитания, климата, племени, образа правления и религиозного исповедания; остальные обстоятельства — первичные. В свою очередь, первичные бывают или *врожденные*, или *привходящие* (*connate or adventitious*). Врожденные суть основной склад тела и основной склад ума. Привходящие бывают или *личные*, или *внешние*. Личные опять относятся или к *расположениям* человека, или к его *действиям*. Те, которые относятся к расположениям, относятся или к *телу*, или к *духу*. Относящиеся к телу суть здоровье, сила, крепость и телесное несовершенство. Относящиеся к духу относятся или к *пониманию*, или к *чувствованиям*. К первым принадлежат обстоятельства количества и качества знания, силы понимания и безумия. К последним — обстоятельства твердости духа, постоянства, направления наклонностей, нравственной чувствительности, нравственных наклонностей, религиозной чувствительности, религиозных наклонностей, симпатической чувствительности, симпатических наклонностей, антипатической чувствительности и антипатических наклонностей. Относящиеся к действиям суть обыкновенные занятия человека. Внешние обстоятельства относятся или к *вещам*, или к *лицам*, с которыми человек имеет дело: к первым принадлежат денежные обстоятельства, к последним его связи путем симпатии и антипатии.

Практическое приложение предыдущих замечаний²⁶

Как нельзя рассчитать движение корабля, не зная обстоятельств, имеющих влияние на его скорость, каковы, например, сила ветра, сопротивление воды, форма корабля, вес его груза и т.п., точно так же нельзя действовать с уверенностью в законодательстве, не рассмотрев всех обстоятельств, оказывающих влияние на чувствительность.

Я ограничиваюсь здесь тем, что относится к уголовному кодексу, он во всех своих частях требует самого мелочного внимания к этому различию обстоятельств.

1. *Чтобы исчислить вред преступления.* В самом деле, одно и то же номинальное преступление не есть одно и то же преступление реальное, когда чувствительность оскорбленного лица не одна и та же. Например, известное действие было бы тяжелой обидой для женщины, тогда как оно было бы индифферентно для мужчины. Известное телесное оскорбление, которое, будучи нанесено больному человеку, подвергает опасности его жизнь, не имеет никаких последствий для человека здорового. Известное обвинение, которое может убить состояние или честь одного лица, может не нанести никакого вреда другому.

2. *Чтобы дать должное удовлетворение оскорбленному лицу.* Одно и то же номинальное удовлетворение не есть одно и то же удовлетворение реальное, когда чувствительность двух лиц существенно различна. Денежное удовлетворение за обиду может быть или приятно, или оскорбительно, смотря по общественному положению человека, его состоянию, его предрассудкам. Если я оскорблен, то публичная просьба об извинении была бы для меня достаточным удовлетворением со стороны высшего или равного лица, но не была бы удовлетворением со стороны низшего.

3. *Чтобы оценить силу и впечатление наказаний на преступников.* Одно и то же номинальное наказание не есть одно и то же наказание реальное в случаях, где чувствительность бывает существенно различна. Изгнание не будет наказанием, равным для молодого человека и для старика, для холостяка и для отца семейства, для ремесленника, не имеющего средств существовать вне своей родины, и для человека богатого, который переменит только сцену своих удовольствий. Заключение не будет наказанием равным для мужчины и для женщины, для человека здорового или больного, для богача, семейство которого ничего не терпит от его отсутствия, или для человека, который живет своим трудом и оставляет семью в бедности.

4. *Чтобы переносить закон из одной страны в другую.* Один и тот же закон на словах не есть один и тот же закон на деле, когда чувствительность двух народов существенно различна. Известный закон в Европе, составляющий счастье семейств, будучи перенесен в Азию, сделался бы язвой общества. Женщины в Европе привыкли пользоваться свободой и даже домашним господством, в Азии женщины по своему воспитанию приготовлены к тому, чтобы жить в стенах сераля и даже в рабстве. Брак в Европе и в Азии не есть договор одного и того же рода: если бы вздумали подчинить его одним законам, очевидно, этим сделали бы несчастье всех заинтересованных сторон.

²⁶ Следующее здесь дополнение взято (и в английском издании также) опять из *Traité de Législation* Дюмона, чтобы пополнить изложение Бентама (*Dumont. I, стр. 29—32*).

Одинаковые наказания для одинаковых преступлений, говорят нам. Это изречение имеет вид справедливости и беспристрастия, который увлекает все поверхностные умы. Но чтобы дать ему настоящий смысл, надо сначала определить, что разумеют под одинаковыми наказаниями и одинаковыми преступлениями. Закон непоколебимый, закон, который бы не обращал внимания ни на пол, ни на возраст, ни на состояние, ни на общественное положение, ни на воспитание, ни на нравственные или религиозные предрассудки людей, — такой закон был бы вдвойне ошибочен как недействительный и как тиранический. Слишком строгий для одного, слишком снисходительный для другого, всегда погрешающий излишеством или недостаточностью, он под видом равенства скрывал бы самое чудовищное неравенство.

Когда человек очень богатый и другой человек среднего достатка осуждаются на одну денежную пеню, бывает ли наказание одно и то же? Терпят ли они одно и то же зло? Очевидное неравенство такого способа действий не становится ли более ненавистным от этого, выставляемого как будто на смех, равенства? И не осталась ли цель закона недостигнутой, когда один может потерять средства к существованию, тогда как другой с торжеством отделяется? Если сильный молодой человек и слабый старик будут оба осуждены владеть цепи одно и то же число лет, то резонер, умеющий затемнять самые очевидные истины, в состоянии будет утверждать равенство этого наказания; но народ, который не занимается софизмами, народ, верный природе и чувству, почувствует внутренний ропот души при виде несправедливости; и его негодование, меняя свой предмет, перейдет от преступника на судью и от судьи на законодателя.

Я не хочу скрывать частных возражений. «Но как же возможно брать в расчет все эти обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность? Как можно оценить внутренние и скрытые расположения, каковы, например, сила ума, степень знаний, склонности, симпатии? Как измерить количества, различные во всех существах? Отец семейства может справляться с этими внутренними расположениями, с этим различием характеров, имея дело со своими детьми, но публичный преподаватель, которому поручено известное ограниченное число учеников, не может делать этого. Законодатель, имеющий в виду многочисленный народ, тем более обязан держаться общих законов, и он должен даже опасаться запутать их, нисходя к частным случаям. Если бы он предоставил судьям право варьировать приложение законов по этому бесконечному разнообразию обстоятельств и характеров, то не было бы пределов произволу решений: под предлогом, что они улавливают истинный смысл законодателя, судьи стали бы делать закон орудием своих капризов и фантазий. *Sed aliter leges, aliter philosophi tollunt astutias: leges quatenus manu tenere possunt; philosophi quatenus ratione et intelligentia*». De off. 3. 17.

На это нужен не ответ, а только разъяснение, потому что все это есть не столько возражение, сколько изображение трудности вопроса; здесь отвергается не принцип, а только считается невозможным его приложение.

1. Я согласен, что большая часть этих различий чувствительности неопределимы, что невозможно было бы констатировать их существование в индивидуальных случаях или измерить их силу и степень, но, к счастью, эти внутренние и скрытые расположения имеют, если можно так сказать, внешние и очевидные признаки. Это — обстоятельства, которые я назвал второстепенными: *пол, возраст, общественное положение, племя, климат, образ правления, воспитание, религиозное исповедание*. Обстоятельства очевидные и осязательные, которые представляют внутренние расположения. Это уже помогает законодателю в самой трудной части его дела. Он не останавливается на метафизических и нравственных качествах и имеет дело только с явными обстоятельствами. Он повелевает, например, видоизменение того или другого наказания не по причине большей чувствительности индивидуума или по причине его постоянства, силы души, сведений и т.п., но по причине его пола и возраста. Правда, что предположения, извлекаемые из этих обстоятельств, могут оказываться и неточными. Может случиться, что ребенок пятнадцати лет может иметь больше сведений, чем человек тридцати лет; может случиться, что иная женщина имеет больше мужества и меньше стыдливости, чем иной мужчина; но вообще эти предположения будут иметь всю необходимую верность, чтобы избежать составления тиранических законов и, в особенности, чтобы примирить законодателя с общественным мнением.

2. Эти второстепенные обстоятельства не только легко понять: их немного, и они составляют общие разряды. Из них можно извлекать основания для оправдания, смягчения или усиления для различных преступлений. Таким образом, запутанность исчезает, все легко сводится к принципу простоты.

3. Произвола нет: не судья, а сам закон видоизменяет то или другое наказание, соображаясь с полом, возрастом, религиозным исповеданием и т.д. Что касается других обстоятельств, определение

которых надо вполне предоставить судье, например, *большую или меньшую степень* расстройств умственных способностей, *большую или меньшую степень* богатства, *большую или меньшую степень* родства, то законодатель, который не может ничего решать о частных случаях, руководит судами с помощью общих правил и оставляет им известный простор, чтобы они могли соразмерять свои решения с особенной природой обстоятельства.

То, что предлагается здесь, вовсе не есть какая-нибудь утопическая мысль. Не было такого варварского и такого глупого законодателя, который бы пренебрег всеми обстоятельствами, оказывающими влияние на чувствительность. Они имели более или менее смутное чувство, которое руководило ими в установлении гражданских и политических прав; они обращали больше или меньше внимания на эти обстоятельства в определении наказаний; отсюда различия, допущенные для женщин, детей, свободных, рабов, военных, священников и т.д.

Дракон был, кажется, единственный законодатель, который отверг все эти соображения, по крайней мере в уголовных делах: все преступления казались ему равными, потому что все они были нарушениями закона. Он осудил всех преступников без различия на смерть. Он спутал, он поставил вверх дном все принципы человеческой чувствительности. Его ужасное дело длилось недолго. Я сомневаюсь, чтобы его законы когда-нибудь были исполняемы буквально.

Но и не впадая в эту крайность, сколько ошибок было сделано в этом смысле! Я не кончил бы, если бы стал перечислять примеры. Поверят ли, чтобы были государи, которые скорее готовы были терять провинции или проливать потоки человеческой крови, чем соблюсти частную чувствительность народа, допустить обычай, сам по себе индифферентный, уважить старый предрассудок, известный покроем платья, известную формулу молитв?

Один современный государь, деятельный, просвещенный, одушевленный желанием славы и счастья своих подданных²⁷, решился все преобразовать в своем государстве и всех вооружил против себя. Перед смертью, припоминая все горести своей жизни, он хотел, чтобы на его могиле поставили надпись, что он был несчастлив во всех своих предприятиях. Для поучения потомства там следовало бы еще прибавить, что он не знал искусства снисходить к наклонностям, вкусам, чувствительности людей.

Когда законодатель изучает человеческое сердце, когда он приноравливается к различным степеням, к различным родам чувствительности с помощью исключений, ограничений, смягчений, эта умеренность власти очаровывает нас как отеческая снисходительность. Это — основание тех одобрений, которые мы даем законам под немного неопределенными именами человечности, справедливости, ответственности, умеренности, мудрости.

Я нахожу в этом поразительную аналогию между искусством законодателя и искусством медика. Этот список обстоятельств, оказывающих влияние на чувствительность, необходим обоим этим наукам. Медик отличается от эмпирика именно этим вниманием ко всему тому, что составляет частное состояние индивидуума. Но в болезнях духа, в тех болезнях, где нарушена нравственная сторона, когда речь идет о том, чтобы превозмочь вредные привычки и образовать новые, именно здесь и необходимо в особенности изучать все то, что имеет влияние на расположения больного. Одна ошибка в этом отношении может изменить все результаты и усилить болезнь.

²⁷ Иосиф II, император австрийский.

Глава VII О человеческих действиях вообще

I.

Дело правительства состоит в том, чтобы содействовать счастью общества посредством наказаний и наград. Та часть его дела, которая состоит в наказании, есть, в частности, предмет уголовного закона. Соразмерно с тем, как известное действие стремится нарушить это счастье, соразмерно с тем, насколько это стремление вредно, это действие создает потребность в наказании. Мы уже увидели, в чем состоит счастье: в наслаждении удовольствиями, в обеспечении от страданий.

II.

Общая тенденция известного действия бывает более или менее вредна, смотря по целой сумме ее последствий, т.е. смотря по разности между суммой хороших последствий и суммой дурных.

III.

Надобно заметить, что здесь, как и далее, если говорится о последствиях, то всегда разумеются только одни последствия *материальные*. Всякий акт должен по необходимости иметь разнообразное множество последствий, но из них заслуживают рассмотрения только материальные. Далее, каковы бы ни были последствия известного акта, человек, который рассматривает их в качестве законодателя, может назвать материальными (или существенными) только такие, которые состоят из страдания или удовольствия или имеют влияние на произведение страдания или удовольствия.

IV.

Надобно также заметить, что в расчете последствий акта должны быть взяты не только такие последствия, которые могли бы произойти, если бы намерение было вне вопроса, но и такие, которые зависят от связи, какая может быть между этими первыми последствиями и намерением. Связь, существующая между намерением и известными последствиями, как мы увидим дальше, есть средство производить другие последствия. В этом лежит разница между действием разумным и неразумным.

V.

Но намерение относительно последствий известного акта может зависеть от двух причин: 1) состояния воли или намерения относительно самого акта; 2) состояния понимания или способностей восприятия относительно обстоятельств, которыми акт сопровождается, или может казаться, что сопровождается. Относительно этих обстоятельств способность восприятия может иметь три состояния: сознательность, несознательность и ложную сознательность. Сознательность, когда сторона (действующее лицо) предполагает существование именно тех обстоятельств, какие есть, а не других; несознательность, когда действующее лицо не замечает существования известных обстоятельств, которые, однако, существуют; ложная сознательность, когда оно полагает или воображает существование известных обстоятельств, которые на деле не существуют.

VI.

Поэтому при всяком деле, которое разбирается с целью наказания, должны быть рассмотрены четыре вещи: 1) сам акт, который совершен; 2) *обстоятельства*, при которых он совершен; 3) *намеренность*, которая могла сопровождать его; 4) *сознательность*, несознательность или ложная сознательность, которая могла сопровождать его.

Что касается акта и его обстоятельств, то они будут рассмотрены в настоящей главе; намеренность и сознательность составят предмет двух следующих.

VII.

Есть также два других предмета, от которых зависит общее стремление акта и от которых, как и от других причин, зависит создаваемое им требование наказания. Это – 1) особенный *мотив*, или мотивы, породившие акт; 2) общее *расположение* человека, которое он указывает. Эти предметы будут рассмотрены в двух других главах.

VIII.

Акты могут быть различаемы разными способами, для разных целей. Во-первых, они могут быть различаемы на *положительные и отрицательные*. Под положительными понимаются такие, которые состоят в движении или каком-нибудь действовании; под отрицательными такие, которые состоят в покое, т.е. в том, что человек воздерживается от движения или действия в тех или других обстоятельствах. Таким образом, нанести удар есть акт положительный, не наносить его при известном случае – акт отрицательный. Положительные акты называются также актами совершения (acts of commission); отрицательные — актами опущения или воздержания.

IX.

Отрицательные акты опять могут быть или *абсолютные*, или *относительные*; абсолютные, когда они заключают в себе отрицание всякого положительного действия, например, не наносить удара вовсе; относительные, когда они заключают в себе отрицание того или другого частного рода действия, например, не наносить удара такому-то лицу, такой-то вещи или в таком-то направлении.

X.

Надо заметить, что свойства акта, положительного или отрицательного, не должны быть определяемы непосредственно по той форме речи, которая употребляется для его выражения. Акт, положительный по своей природе, может быть охарактеризован отрицательным выражением; таким образом, не оставаться в покое значит то же, что двигаться. И точно так же акт, по своей природе отрицательный, может быть охарактеризован положительным выражением; таким образом, воздержаться или не хотеть принести человеку пищу в известных обстоятельствах может быть обозначено простым и положительным выражением *уморить голодом*.

XI.

Во-вторых, акты могут быть различаемы на *внешние и внутренние*. Под внешними разумеются телесные акты, акты тела; под внутренними – умственные акты, акты ума. Таким образом, нанести удар есть внешний акт; намереваться нанести удар – внутренний.

XII.

Акты *разговора* представляют род смешения тех и других; это – внешние акты, никаким образом не материальные (несущественные) и не сопровождаемые какими-нибудь последствиями и служащие только для того, чтобы выразить существование внутренних. Сказать кому-нибудь об ударе, написать ему об ударе, сделать ему знак об ударе, все это – акты разговора.

XIII.

В-третьих, внешние акты могут быть различаемы на *переходные и непереходные*. Они могут называться переходными, когда движение от лица действующего сообщается какому-нибудь постороннему телу, на котором следы этого движения считаются *материальными*; например, когда человек бежит навстречу вам и проливает воду вам в лицо. Непереходными акты могут называться тогда, когда движение не сообщается никакому другому телу, на котором следы его считаются материальными, а, напротив, сообщается отчасти тому же лицу, от которого акт произошел; как, например, когда человек бежит и обливается сам.

XIV.

Акт переходного рода может считаться в своем *начале* или в *первой* степени своего хода, когда движение ограничивается лицом действующим и еще не сообщилось никакому постороннему телу, на котором бы следы его могли быть материальными. О нем можно сказать, что он находится в *конце* или в последней степени своего хода, как скоро движение или толчок сообщилось какому-нибудь постороннему телу. Он находится в *середине* или в средней степени или в степенях своего хода, когда движение, вышедшее от действующего лица, еще не сообщилось такому постороннему телу. Таким образом, как только человек поднял руку для удара, акт нанесения им удара находится в своем начале; как скоро его рука достигла ударяемого, акт находится в своем конце. Если акт есть движение тела, которое отделяется от действующего лица прежде, чем достигает предмета, то можно сказать, что в течение этого промежутка акт находится в середине своего хода, или *in gradu mediativo*; например, когда человек бросает в другого камень или стреляет пулей.

XV.

Акт непереходного рода может считаться в своем начале, когда движение или толчок еще ограничивается той частью или органом тела, из которого оно произошло, и еще не сообщилось никакой части или органу, который можно отличить от первого. Он может считаться в конце, когда он был приложен к какой-нибудь другой части того же лица. Так, например, когда человек отравляет себя, когда он поднес яд ко рту, акт находится в начале; как скоро он находится на его губах, акт в конце.

XVI.

В-третьих, акты могут быть различаемы на *преходящие* и *продолжительные*. Таким образом, ударить есть акт преходящий; нагибать — продолжительный. Купить — акт преходящий; владеть — акт продолжительный.

XVII.

Строго говоря, есть разница между *продолжительным* актом и *повторением* актов. Повторение актов бывает тогда, когда есть промежутки, наполняемые актами различного свойства; продолжительный акт бывает тогда, когда таких промежутков нет. Таким образом, нагибать есть продолжительный акт, продолжать ударять — повторение актов.

XVIII.

Далее, есть разница между *повторением* акта и *привычкой* или обыкновением. Выражение «повторение акта» может быть употребляемо тогда, когда акты, о которых идет речь, отделяются только короткими промежутками и когда целая сумма их занимает только короткое пространство времени. Выражение «привычка» употребляется тогда, когда предполагается, что акты разделяются длинными промежутками и целая сумма их занимает значительное количество времени. Например, привычку пьянства составляет не то, что человек пил несколько раз, и не то, что пил столько-то в один раз, в один присест; нужно, чтобы сами такие присесты повторялись часто. Всякая привычка есть повторение актов, или, говоря точнее, когда человек часто повторяет те или другие акты после значительных промежутков, о нем говорят, что он предается привычке или приобрел привычку; но не всякое повторение актов уже составляет привычку.

XIX.

В-четвертых, акты могут быть *делимые* и *нераздельные*. Нераздельные акты — чисто воображаемые; их легко понять, но никогда нельзя найти им примеров. Акты делимые могут быть таковыми или относительно материи, или относительно движения. Нераздельный акт относительно материи есть движение или покой одного отдельного атома материи. Нераздельный акт относительно движения есть *чье-нибудь* движение от одного отдельного атома пространства до другого ближайшего.

В-пятых, акты могут быть *простые* и *сложные*; простые, как, например, приведенные выше акты удара, питья; сложные, состоящие каждый из множества простых актов, которые, хотя и бывают многочисленны и разнородны, получают некоторое единство из их отношения к какому-нибудь общему намерению или общей цели, как, например, дать обед, воспитывать ребенка, совершать триумф, носить оружие, держать суд и т.д.

XX.

Часто при этом спрашивают: что же в таком случае составляет *один* акт; где кончился один акт и начался другой; было ли случившееся одним актом или многими? Теперь очевидно, что на эти вопросы часто можно отвечать противоположным образом и одинаково справедливо; и, если есть случаи, при которых на них можно отвечать только одним образом, ответ будет зависеть от свойства случая и от намерения, с которым вопрос предложен. Человек при одном ударе получил рану в два пальца – одна ли это рана или несколько ран? Человек побит в 12 часов и потом через 8 минут после 12 – одно ли это битие или несколько? Вы бьете одного человека, и в ту же минуту вы бьете другого – одно ли это битие или несколько? Быть может, в каждом из этих случаев может быть *один* акт по одним намерениям и *несколько* по другим. Эти примеры были приведены, чтобы показать обоюдность языка и чтобы люди не мучили себя, одни – неразрешимыми сомнениями, другие – бесконечными спорами.

XXI.

До сих пор мы говорили об актах, рассматриваемых сами по себе; мы переходим теперь к *обстоятельствам*, которыми они могут сопровождаться. Эти обстоятельства необходимо взять в расчет, прежде чем определять что-нибудь относительно последствий. Иначе никогда невозможно узнать, какие могут быть последствия известного акта вообще, никогда нельзя узнать, были ли они благодетельны, индифферентны или вредны. В некоторых обстоятельствах даже убийство человека может быть благодетельным действием, в других дать ему пищу может быть вредным действием.

XXII.

Итак, что же такое обстоятельство акта? Это всякие предметы. Возьмите какой угодно акт, и ничто в природе вещей не мешает всякому воображаемому предмету быть обстоятельством этого акта. Всякий данный предмет может быть обстоятельством всякого другого.

XXIII.

Мы имели уже случай упомянуть о *последствиях* акта, они были разделены на материальные и нематериальные. Подобным образом могут быть разделяемы и обстоятельства акта. Но *материальность* есть релятивное понятие: в приложении к последствиям известного акта оно относилось к страданию и удовольствию; в приложении к обстоятельствам оно относится к последствиям. Обстоятельство может быть названо материальным (или существенным), когда оно имеет видимое причинное отношение к последствиям; нематериальным (или несущественным), когда оно не имеет никакого подобного отношения.

XXIV.

Последствия известного акта суть события. Обстоятельство может быть поставлено в причинное отношение к событию каким-нибудь из четырех способов: 1) способом причины (causation) или произведения; 2) способом происхождения (derivation); 3) способом боковой связи (collateral connexion); 4) способом соединенного влияния (conjunct influence). О данном обстоятельстве можно сказать, что оно из тех, которые содействуют произведению самого события: – способом происхождения, когда оно из числа событий, произведению которых разбираемое событие содействовало; – способом боковой связи, когда любое разбираемое обстоятельство и разбираемое событие, не имея участия в произведении другого, относятся к какому-нибудь предмету, который участвовал в произведении их обоих; – способом соединенного влияния, когда – имеют ли

они какое-нибудь другое отношение между собой или нет – они оба содействовали произведению какого-нибудь общего последствия.

XXV.

Нелишним будет привести пример. В 1628 г. Вилльерс, герцог Бэкингем, фаворит и министр Карла I английского, получил рану и умер. Человек, нанесший ему эту рану, был некто Фельтон, который, будучи раздражен плохим управлением, в котором обвинили этого министра, отправился из Лондона в Портсмут, где был в то время Бэкингем, вошел в его приемную и, увидев его разговаривающим с несколькими окружавшими его людьми, подошел к нему и, вынув нож, нанес ему рану. При этом с убийцы упала шляпа, которая вскоре и была найдена; а затем найден был окровавленный нож. В шляпе были найдены клочки бумаги с сентенциями, выражавшими принятое им намерение. Итак, предположим, что разбираемое событие есть рана, полученная Бэкингемом; те обстоятельства, что Фельтон вынул нож, вошел в комнату, приехал в Портсмут, возымел негодование при мысли об управлении Бэкингема, само это управление, назначение Бэкингема министром Карлом I и так далее и далее без конца, все это – обстоятельства, относящиеся к событию получения Бэкингемом раны способом причины или произведения; окровавленный нож — обстоятельство, относящееся к тому же событию способом происхождения; то, что была найдена шляпа, в шляпе писанные сентенции, писание их – обстоятельства, относящиеся к событию способом боковой связи; положение и разговоры людей, находившихся около Бэкингема, были обстоятельства, относящиеся к обстоятельствам входа Фельтона в комнату, отправления в Портсмут и так далее способом соединенного влияния: так как они вместе содействовали событию получения Бэкингемом раны, помешав ему остережиться при первом появлении убийцы.

XXVI.

Эти различные отношения не все связаны с событием с одинаковой несомненностью. В самом деле ясно, во-первых, что каждое событие должно иметь те или другие обстоятельства, а в сущности – бесконечное множество обстоятельств, которые относятся к нему способом произведения; само собой разумеется, что должно быть еще больше обстоятельств, относящихся к нему путем боковой связи. Но нет необходимости, чтобы каждое событие имело обстоятельства, относящиеся к нему способом происхождения, и также, следовательно, чтобы оно имело обстоятельства, относящиеся к нему способом соединенного влияния. Но из всякого рода обстоятельств, действительно связанных с событием, только небольшое число может быть открыто при самых крайних усилиях человеческих способностей; еще меньшее количество их действительно привлекает наше внимание: когда бывает случай, человек открывает большее или меньшее число их, пропорционально силе отчасти его умственных способностей, отчасти — его наклонностей. Поэтому количество и свойство таких обстоятельств известного акта, которые могут считаться существенными, будут, кажется, определяться двумя соображениями: 1) свойством самых вещей; 2) силой или слабостью способностей тех, кому случается рассматривать их.

XXVII.

Столько мы считали нужным сказать вообще относительно актов и их обстоятельств, прежде чем рассматривать особенные роды актов с их особенными обстоятельствами, о которых мы будем говорить в этом труде. Акт того или другого рода необходимо входит в понятие всякого преступления. Вместе с этим актом в понятие того же преступления включаются известные обстоятельства; эти обстоятельства входят в сущность преступления, содействуют своим соединенным влиянием произведению его последствий и в соединении с актом предстают под тем названием, каким акт обозначается. Впоследствии мы будем иметь случай отличить их названием *криминативных* обстоятельств. Далее, другие обстоятельства вновь встают в связь с актом и первой группой обстоятельств и производят дальнейшие последствия. Если эти добавочные последствия бывают благодетельного свойства, то, смотря по ценности их в этом смысле, они сообщают обстоятельствам, их порождающим, название *оправдывающих*, или *облегчающих* обстоятельств; если они бывают вредного свойства, то сообщают им название *отягчающих* обстоятельств. Из всех этих различных разрядов обстоятельств криминативные связаны с последствиями первоначального преступления путем произведения; с актом и с каким-нибудь другим обстоятельством способом

совместного влияния; следствия первоначального преступления с ними (криминативными обстоятельствами) и с актом — способом происхождения; следствия видоизмененного преступления с криминативными, оправдывающими и облегчающими обстоятельствами — также способом происхождения; эти различные разряды обстоятельств с последствиями видоизмененного акта или преступления — способом произведения — и с каким-нибудь другим (относительно последствий видоизмененного акта или преступления) — способом совместного влияния. Наконец, всякие обстоятельства, которые могут быть связаны с последствиями преступления, или прямо, способом происхождения, или косвенно, способом бокового родства (т.е. в силу того, что оно связано способом происхождения с некоторыми из обстоятельств, с которыми они связаны тем же способом), *имеют материальное* (существенное) отношение к преступлению посредством свидетельства и могут быть поэтому названы *свидетельственными доказательствами* (evidentiary) обстоятельствами, и могут служить доказательствами, указаниями и свидетельствами того, что преступление было совершено¹.

¹ Очевидно, что данный анализ вполне применим к случаям, имеющим чисто физическую природу, как и к тем, которые касаются морального действующего лица. Таким образом, если он верен и полезен здесь, то, вероятно, не является невозможным показать, что он может найти применение и в естественной философии.

Глава VIII О намерении

I.

До сих пор мы говорили о двух первых из тех вещей, от которых может зависеть дурная тенденция известного действия, т.е. о самом акте и том общем количестве обстоятельств, которыми он может сопровождаться. Мы приступаем теперь к рассмотрению тех способов, которыми может относиться к нему особенное обстоятельство *намерения*.

II.

Во-первых, намерение или воля может относиться к одному из двух предметов: к самому акту или к его последствиям. Тот из этих предметов, к которому относится намерение, может быть назван *намеренным*. Если намерение относится к акту, то акт может быть назван намеренным²; если к последствиям, то — последствия. Если оно относится и к акту и к последствиям, то может быть названо намеренным *целое действие*. Та вещь из этих двух, которая не есть предмет намерения, конечно, может быть названа *ненамеренной*.

III.

Акт очень легко может быть намеренным без последствий; и так бывает часто. Таким образом, вы можете иметь намерение тронуть человека, не вредя ему, и, однако же, последствия могут быть таковы, что вы можете иметь шанс и повредить ему.

IV.

Последствия известного акта могут быть также намеренными, хотя бы акт и не был намеренным вполне, т.е. хотя бы он не был намеренным во всех своих периодах; но это случается не так часто, как предыдущее. Например, вы имеете намерение повредить человеку, скача на него, чтобы сбить его с ног, и вы действительно на него скачете, но между вами и этим человеком является внезапно другой человек, прежде чем вы можете остановиться; вы скачете на этого второго человека и им вы сшибаете с ног первого.

V.

Но последствия акта не могут быть намеренными без того, чтобы самый акт не был намеренным, по крайней мере, в первой его степени. Если акт непреднамерен в первой степени, это не ваш акт, поэтому с вашей стороны нет намерения произвести последствия, т.е. последствия индивидуальные. Все, что могло бы быть с вашей стороны, это — отдаленное намерение произвести каким-нибудь вашим актом другие последствия того же рода в будущем или же, без всякого

² В этом случае часто употребляются слова «добровольный» и «недобровольный». Однако по причине крайней неясности их значения я сознательно воздерживаюсь от этого. Под «добровольным актом» иногда подразумевают любой акт, к осуществлению которого какое-либо отношение имела воля; в данном смысле это синонимично (термину) «интенциональный». Иногда же имеют в виду только такие акты, в производстве которых воля определялась мотивами, природа которых — не страдание; в данном смысле это синонимично (термину) «свободный от принуждения» или «насилия». Иногда же речь идет только о таких актах, в производстве которых воля определялась мотивами, которые, независимо от того, имеют ли они в своей основе удовольствие или страдание, возникли у самого данного человека, а не индуцированы кем-либо другим; в данном смысле это синонимично «спонтанному». Значение слова «недобровольный» не является вполне соответствующим значению слова «добровольный». (Термин) «недобровольный» используют как противоположность (терминам) «интенциональный» и «свободный от принуждения», однако не (термину) «спонтанный». Возможно, было бы полезно ограничить значения слов «добровольный» и «недобровольный» одной очень узкой областью, о которой речь пойдет в следующей сноске.

намерения, простое *желание*, чтобы такое событие произошло. Предположим, что второй человек скачет на первого с его собственного согласия и сшибает его с ног. Вы имели намерение сделать то же самое, т.е. скакать на него и сбить с ног; но вы ничего не сделали для исполнения этих намерений, поэтому индивидуальные последствия акта, который совершил второй человек, сбив с ног первого, не могут быть названы намеренными с вашей стороны³.

VI.

Во-вторых. Когда последствие намеренно, оно может быть таковым *прямо* или только *косвенно*. Оно может быть названо прямо намеренным, когда ожидание произвести его составляло одно из звеньев в цепи причин, побудивших лицо к совершению акта. Оно может быть названо косвенно намеренным, когда, хотя последствие было в виду и хотя оно казалось вероятным результатом совершения акта, ожидание произвести это последствие не составляло звена в упомянутой цепи.

VII.

В-третьих. Событие прямо намеренное может быть таковым *окончательно* или только *опосредственно* (*mediately*). Оно может быть названо окончательно намеренным, когда оно стоит последним из всех внешних событий в упомянутой цепи мотивов, так что, если бы совершение события было несомненно, ожидание такого случая было бы достаточно для того, чтобы определить волю, без ожидания произвести какой-нибудь другой случай. Оно может быть названо опосредственно намеренным, и не больше, когда есть другой случай, ожидание произвести который составляет следующее звено в той же цепи, так что ожидание произвести первый случай не действовало бы в качестве мотива, а действовало бы только по своему стремлению, которое оно, по-видимому, имело к произведению последнего.

VIII.

В-четвертых. Когда событие бывает прямо намеренным, оно бывает таковым или *исключительно*, или *неисключительно*. Оно может быть названо исключительно намеренным, когда только это, совершенно индивидуальное, событие соответствует намерению, и при этом никакое другое событие не имеет никакой доли в определении воли к совершению разбираемого акта. Оно может быть названо неисключительно намеренным, когда было какое-нибудь другое событие, ожидание которого действовало на волю в то же самое время.

IX.

В-пятых. Когда событие неисключительно намеренно, оно может быть таковым *соединительно*, *раздельно* или *безразлично*. Оно может называться соединительно намеренным относительно другого известного события, когда намерение было произвести оба; раздельно — когда

³ Для того чтобы сделать приведенный здесь анализ возможных состояний ума в связи с интенциональностью абсолютно полным, его необходимо довести до такой степени подробностей, которая многим покажется мелочно неинтересной... Акт тела, когда он имеет положительное свойство, есть движение. Далее, в движении всегда есть три момента, которые нужно рассмотреть: 1) количество движущейся массы; 2) направление, в котором она движется; 3) скорость, с которой она движется. Этим трем моментам соответствует множество способов интенциональности в связи с актом, взятым на его первой стадии. Чтобы считаться полностью непреднамеренным, он должен быть непреднамеренным в отношении каждого из этих трех моментов. Это имеет место только у тех актов, которые единственно заслуживают название «непреднамеренных», т.е. актов, в осуществлении которых воля не принимает никакого участия, таких как сжатие сердца и артерий.

В соответствии с этим принципом акты, непреднамеренные на их первой стадии, могут дифференцироваться на такие, которые являются полностью непреднамеренными, и такие, которые не полностью непреднамеренны. Последние, в свою очередь, могут различаться как такие, которые непреднамеренны либо только в моменте количества массы, либо только в направлении, либо только — в скорости, или в любом из двух названных моментов вместе...

намерение было произвести или то, или другое, все равно, но не оба; безразлично — когда намерение было произвести безразлично или то, или другое, или оба, как случится.

X.

В-шестых. Когда два события отдельно намеренны, они могут быть таковыми с *предпочтением* или без него. Первое бывает тогда, когда намерение таково, чтобы одно из них, в частности, случилось скорее, чем другое; второе — когда намерение исполняется одинаково, которое бы из них ни случилось, все равно.

XI.

Все это объяснит один пример. Уильям II, король английский, будучи на оленьей охоте, получил от сэра Уолтера Тиррела рану, от которой и умер. Возьмем этот случай и приложим к нему разные предположения, соответствующие сделанным нами различениям:

1. Тиррел вовсе не имел мысли о смерти короля, или если имел, то считал это такой вещью, которой нечего было опасаться. И в том и в другом случае событие убийства короля было вполне ненамеренное.

2. Он видел оленя, бегущего по дороге, и видел короля, ехавшего в то же время по этой дороге, его намерение было убить оленя; он не желал убивать короля; в то же самое время он видел, что если он выстрелит, то он может убить и короля, как и оленя; но при всем том он выстрелил и действительно убил короля. В этом случае событие убийства короля было намеренное, но косвенное.

3. Он убил короля по ненависти к нему и без всякой другой причины, кроме удовольствия уничтожить его. В этом случае событие убийства короля было не только прямо, но и окончательно намеренное.

4. Он убил короля вполне намеренно, но не из ненависти к нему, а из желания ограбить его после смерти. В этом случае событие убийства было прямо намеренное, но не окончательно: оно было опосредственно намеренное.

5. Он намеревался ни более ни менее как убить короля. У него не было другой цели и желания. В этом случае событие было и исключительно и прямо намеренное, т.е. исключительно в отношении ко всякому другому материальному событию.

6. Сэр Уолтер выстрелил королю в правую ногу, когда тот выдергивал из нее терновник левой рукой. Его намерение было, пустив стрелу ему в ногу через руку, повредить ему оба эти члена в одно и то же время. В этом случае то событие, что у короля была ранена нога, было намеренное, и намеренное соединительно с другим, которое не удалось, т.е. с тем, чтобы у него была ранена рука.

7. Намерение Тиррела было выстрелить королю или в руку, или в ногу, но не в обе вместе, и скорее в руку, чем в ногу. В этом случае намерение стрелять в руку было отдельное относительно другого события, и отдельное с предпочтением.

8. Намерение его было выстрелить королю или в ногу, или в руку, как случится, но не в обе вместе. В этом случае намерение было не исключительное, а отдельное, но без предпочтения.

9. Намерение его было выстрелить или в руку, или в ногу, или в обе вместе, как случится. В этом случае намерение было безразлично относительно обоих событий.

XII.

Надобно заметить, что акт может быть ненамеренным в одной своей степени или степенях, хотя намеренным в предыдущей, и, с другой стороны, он может быть намеренным в одной степени или степенях и, однако, не намеренным в последующей⁴. Но был ли он намеренный или нет во всякой предыдущей степени, это несущественно относительно последствий, если только он был ненамеренный в последней. Единственный пункт, относительного которого это существенно, есть доказательство. Чем больше количество степеней, в которых акт был ненамеренный, тем больше будет вообще ясно, что он был ненамеренным относительно последней степени. Если человек, намереваясь ударить вас в щеку, ударит вас в глаз и вышибет его, ему, вероятно, будет трудно доказывать, что он не был намерен ударить вас в глаз. Это, вероятно, будет легче, если у него действительно не было намерения наносить вам удар или наносить его вообще.

⁴ См. глав. VII (Действия), § 14.

ХІІІ.

Часто приходится слышать, как люди говорят о хороших намерениях и дурных намерениях, — обстоятельство, на котором вообще очень сильно настаивают. Оно и в самом деле немаловажно, если его понимать как следует, но значение его до последней степени двусмысленно и темно. Строго говоря, ничто не может называться хорошим или дурным только само по себе, — это можно сказать только о страдании или удовольствии; или хорошим или дурным по своему действию, — что можно сказать только о вещах, составляющих причину страдания и удовольствия. Но в фигуральном и несобственном способе выражения вещь может быть названа хорошей или дурной по своей причине. Но действия намерения произвести тот или другой акт суть те же предметы, о которых мы говорили под именем *последствий*; а причины намерения называются *мотивами*. Итак, намерение человека, во всяком случае, может быть названо хорошим или дурным относительно последствий акта или относительно его мотивов. Если намерение считается хорошим или дурным в каком-нибудь случае, то должно считаться таковым или потому, что оно считается производящим хорошие или дурные последствия, или потому, что оно считается происходящим от хорошего или от дурного мотива. Но хорошее или дурное свойство последствий зависит от обстоятельств. А обстоятельства не составляют предмета намерения. Человек намеревается совершить известный акт и совершает его по своему намерению, но он не может иметь в своем намерении *обстоятельств*; он не может произвести их, насколько они составляют обстоятельства акта. Если случайно и окажутся немногие обстоятельства, в произведении которых он был орудием, то это было по другим прежним намерениям, направленным на прежние акты, которые и произвели эти обстоятельства как последствия; но в то время, о котором идет дело, он принимает их, как находит их. Акты, с их последствиями, составляют предметы воли, как и предметы понимания; обстоятельства, как таковые, суть только предметы понимания. Все, что может делать с ними человек, это — знать их или не знать их, другими словами, сознавать их или не сознавать их. К вопросу о сознательности относится то, что должно быть сказано о хорошем или дурном свойстве намерения человека как проистекающем из последствий акта: к разделу «Мотивы» принадлежит то, что должно быть сказано о намерении как происходящем от мотива.

Глава IX О сознательности

I.

До сих пор речь шла о тех способах, которыми воля или намерение могут относиться к произведению какого-нибудь события; мы переходим теперь к рассмотрению того, какую долю могут иметь относительно такого события понимание или способность восприятия.

II.

Совершен был известный акт, и притом намеренно; этот акт сопровождался известными обстоятельствами, от этих обстоятельств зависели некоторые из его последствий и, между прочим, все те, которые были чисто физического свойства. Теперь, если мы возьмем какое-нибудь из этих обстоятельств, ясно, что человек во время совершения акта от которого произошли такие последствия, мог поступать или сознательно в отношении этого обстоятельства, или бессознательно. Другими словами, он мог знать это обстоятельство или не знать его. В первом случае акт можно назвать *обдуманным* относительно этого обстоятельства, в другом случае — *необдуманным*.

III.

Есть два пункта, относительно которых акт может быть обдуманным или необдуманным: 1) существование самого обстоятельства; 2) его существенность (*materiality*)⁵.

IV.

Ясно, что относительно времени акта такое обстоятельство может быть *настоящее, прошедшее* или *будущее*.

V.

Акт необдуманный бывает или *неожиданный*, или не неожиданный. Он называется неожиданным, когда случай считается таким, что человек обыкновенного благоразумия⁶ и наделенный обыкновенным количеством благосклонности нашел бы нужным дать столько и такого внимания и размышления материальным обстоятельствам, что это действительно расположило бы его предотвратить совершение вредного события; не неожиданным акт бывает тогда, когда случай не считается таким, как упомянутый выше.

VI.

Далее. Предполагал человек или нет присутствие или существенную важность данного обстоятельства, может случиться, что он предполагал присутствие и существенность какого-нибудь другого обстоятельства, которого или не было, или если оно было, то было несущественно. В таком случае акт может быть назван *дурно обдуманным* (*misadvised*) относительно такого воображаемого обстоятельства, и можно сказать, что здесь был ошибочный или *дурной расчет* (*mis-supposal*).

VII.

Это обстоятельство, присутствие которого было, таким образом, ошибочно предположено, может быть существенно или способом предупреждения, или способом вознаграждения. Оно может быть названо существенным в смысле предупреждения, когда его действие или тенденция, если они существовали, могли бы предупредить вредные последствия; в смысле вознаграждения — когда это

⁵ См. глав. VII (Действия), § 3.

⁶ См. глав. VI (Чувствительность), § 12.

действие или тенденция могли бы произвести другие последствия, благодетельность которых могла бы перевесить вред других.

VIII.

Ясно, что относительно времени акта такое воображаемое обстоятельство и в том и в другом случае может быть предположено как *настоящее*, *прошедшее* или *будущее*.

IX.

Возвратимся к примеру, изложенному в предыдущей главе.

10. Тиррел намеревался выстрелить в том направлении, в котором выстрелил; но он не знал, что Уильям ехал так близко по этой дороге. В этом случае акт выстрела, совершенный им, был акт необдуманный относительно *присутствия* того обстоятельства, что король ехал так близко по этой дороге.

11. Он знал, что король ехал по этой дороге: но на том расстоянии, на котором был король, Тиррел не знал, что есть вероятность, что стрела может достать до него. В этом случае акт был необдуманный относительно *существенности* обстоятельства.

12. Некто намазал стрелу ядом, но Тиррел не знал этого. В этом случае акт был необдуманный относительно существования *прошедшего* обстоятельства.

13. В ту самую минуту, когда Тиррел спускал лук, король, скрытый от его глаз листьями какого-нибудь кустарника, быстро скакал, и притом прямо навстречу стреле — этого обстоятельства Тиррел также не знал. В этом случае акт был необдуманный относительно существования *настоящего* обстоятельства.

14. Так как король был вдали от двора, то никто не мог прийти перевязать его рану раньше следующего дня; Тиррел не знал этого обстоятельства. В этом случае акт был необдуманный относительно *будущего* обстоятельства.

15. Тиррел знал, что король едет по этой дороге, что он близко, и так далее; но, обманутый листьями кустарника, он думал, что видит пригорок между тем местом, откуда он стрелял, и тем, к которому ехал король. В этом случае акт был *дурно обдуманный*, происходивший от *дурного расчета предупредительного* обстоятельства.

16. Тиррел знал все, что выше указано, и не обманывался в расчете о каком-нибудь предварительном обстоятельстве. Но он считал короля узурпатором и предполагал, что он хотел напасть на человека, которого Тиррел считал настоящим королем и который ехал подле Тиррела. В этом случае акт был также *дурно обдуманный*, но происходивший от *дурного расчета о вознаграждающем* обстоятельстве.

X.

Заметим связь между намерением и осознанием. Когда самый акт есть *намеренный* и относительно существования всех обстоятельств, а также и относительно существенности этих обстоятельств для данного последствия — обдуманный и когда нет дурного расчета о каком-нибудь предупреждающем обстоятельстве, то это последствие также должно быть намеренным. Другими словами, обдуманность относительно обстоятельств, если при ней нет также и дурного расчета о каком-нибудь предупреждающем обстоятельстве, распространяет намеренность от акта на последствия. Эти последствия могут быть или прямо намеренные, или косвенно намеренные; но во всяком случае они могут быть только намеренные.

XI.

Продолжим прежний пример. Если Тиррел намеревался стрелять в том направлении, в котором ехал король, и знал, что король едет навстречу стреле, и знал вероятность, что король может быть ранен в ту самую часть тела, в которую он был действительно ранен, или в другую, столько же опасную и с той же степенью силы, и так далее; и если при том Тиррел не обманывался ошибочным расчетом о каком-нибудь обстоятельстве, которое бы могло предупредить выстрел, или расчетом на другое подобное предупреждающее обстоятельство, — то ясно, что он мог иметь в намерении только

смерть короля. Быть может, он не желал ее положительно, но, судя по всему, он в известном смысле имел это намерение.

XII.

То, что есть неожиданность в акте необдуманном, есть безрассудство в акте дурно обдуманном. Акт дурно обдуманный может быть безрассуден или безрассуден. Он может быть назван безрассудным, когда случай считается таким, что человек обыкновенного благоразумия, одаренный обыкновенной долей благосклонности (благонамеренности), употребил бы столько-то и такого внимания и размышления на воображаемое обстоятельство, что это открыло бы ему несуществование, невероятность (или несущественность) этого обстоятельства и тем действительно дало бы возможность предупредить совершение вредного события.

XIII.

В обыкновенном языке, когда человек совершает акт, последствия которого оказываются вредными, о нем говорится вообще, что он действовал с хорошим или с дурным намерением, что его намерение было хорошее или дурное. Эпитеты хороший или дурной всегда, как видим, прилагаются к намерению; но это приложение их чрезвычайно часто руководится предположением, составленным о свойствах мотива. Хотя акт оказался впоследствии вредным, о нем говорят, что он сделан с добрым намерением, когда предполагается, что он исходит из мотива, считающегося хорошим; что он сделан с дурным намерением, когда предполагается, что он исходит из мотива, считающегося дурным. Но свойство преднамеренных последствий и свойство мотива, породившего намерение, суть вещи, хотя и тесно связанные одна с другой, но совершенно различные. Поэтому намерение совершенно правильно могло бы быть названо хорошим, каков бы ни был мотив. Оно могло бы называться хорошим, когда не только последствия акта *оказываются* вредными, но когда и мотив, породивший его, был что называется, дурной. Чтобы оправдать название хорошего, данное намерению, достаточно, если бы последствия акта могли быть благодетельного свойства, когда бы они оказались такими, какими ожидал их видеть действующий человек. Таким же образом намерение может быть дурно, когда не только последствия акта оказываются благодетельными, но и мотив, породивший его, был хороший.

XIV.

Итак, когда человек хочет называть наше *намерение* хорошим или дурным относительно последствий, то, если только он говорит о нем, он должен употреблять слово намерение, потому что другого слова нет. Но если человек хочет называть хорошим или дурным тот *мотив*, из которого наше намерение произошло, он, конечно, не обязан употреблять слово намерение: по крайней мере, столь же удобно употреблять слово мотив. Можно предположить, что он понимает мотив; и, весьма вероятно, он не понимает здесь намерения. Потому что то, что бывает справедливо об одном, весьма часто не бывает справедливо о другом. Мотив может быть хорош, когда намерение дурно; намерение может быть хорошо, когда мотив дурен; бывают ли они оба хороши, или оба дурны, или одно хорошо, а другое дурно, это, как мы увидим дальше, составляет весьма существенную разницу относительно последствий⁷. Поэтому гораздо лучше говорить о «намерении», когда разумеется мотив.

XV.

Пример пояснит это. Человек по зложелательству преследует вас за преступление, в котором он считает вас виновным, но в котором на деле вы не виноваты. Здесь *последствия* его поведения вредны: потому что они во всяком случае вредны для вас по причине стыда и опасения, которые вам приходится переносить, пока преследование продолжается; и к этому надо прибавить еще зло наказания в случае, если вы будете уличены. Следовательно, для вас эти последствия вредны; и нет никого, кому они благодетельны. Таким образом, *мотив* человека был, что называется, дурной, потому что зложелательство, по мнению всех, есть дурной мотив. Но *последствия* его поведения

⁷ См. глав. XII. Последствия.

были бы хороши, если бы они оказались такими, какими он их предполагал: потому что в них заключалось бы наказание преступника, а это благотельно для всех, кто подвергается возможности пострадать от подобного преступления. Поэтому намерение — хотя и не мотив, по обыкновенному способу выражения, — могло бы назваться *хорошим*. Но о мотивах более подробно будет говорено в следующей главе.

XVI.

В этом же смысле намерение, бывает ли оно положительно хорошо или нет, если только оно не дурно, может называться невинным. Поэтому, хотя бы последствия оказались вредными, а мотив — каким угодно, намерение может быть названо невинным в двояком случае: 1) в случае необдуманности относительно какого-нибудь из обстоятельств, от которых зависел вред последствий; 2) в случае дурной обдуманности относительно какого-нибудь обстоятельства, которое, если бы было тем, чем оно казалось, послужило бы или к предупреждению вреда, или могло бы перевесить этот вред.

XVII.

Скажем несколько слов о приложении вышеупомянутого к римскому праву. Ненамеренность и невинность намерения оба, кажется, включались в понятие *infortunium*, где нет ни *dolus*, ни *culpa*. Необдуманность в соединении с неожиданностью и дурная обдуманность в соединении с безрассудством соответствуют *culpa sine dolo*. Прямая намеренность соответствует *dolus*. Косвенная намеренность, кажется, едва ли была отличима от прямой: когда она встречалась, она, кажется, считалась также соответствующей *dolus*. Разделения на *culpalata*, *levis*, *levissima* не находят себе никаких соответствий. Что же они означают? Различение не в самом случае, а только в чувствах, которые кто-нибудь (например, судья) может быть расположен иметь относительно его, предполагая, что самый случай уже различен на три второстепенных случая другими средствами.

Слово *dolus*, кажется, придумано довольно плохо; слово *culpa* — довольно безразлично. *Dolus* при каком-нибудь другом случае могло бы, по-видимому, включать обман, сокрытие, тайну; но здесь оно распространяется на открытую силу. *Culpa* при каком-нибудь другом случае могла бы, по-видимому, распространяться на всякого рода проступок (*blame*): таким образом, она могла бы включать и *dolus*.

XVIII.

Вышеприведенные определения и различия — вовсе не одно только чистое умозрение. Они способны иметь самое обширное и постоянное применение как в нравственных исследованиях, так и в юридической практике. От степени и наклонности намерения человека, от отсутствия или присутствия сознательности или дурного расчета зависит большая доля хорошего и дурного, и в особенности дурных последствий известного акта; и от этого, как от других причин, зависит в большой степени требование наказания⁸. Присутствие намерения относительно такого или другого последствия и присутствие сознательности относительно такого или другого обстоятельства акта составляют столько же криминативных обстоятельств, или существенных составных частей того или другого преступления: в приложении к другим обстоятельствам, сознательность дает основание для отягчения, которое может быть приложено к такому преступлению. Во всех почти случаях отсутствие намерения относительно известных последствий и отсутствие сознательности или присутствие дурной обдуманности относительно известных обстоятельств составят столько же оснований для облегчения.

⁸ См. глав. XV.

Глава X О мотивах

§ 1. Различные значения слова «мотив»⁹

I.

Всеми признается за истину, что всякого рода акт и, следовательно всякое преступление могут принимать различный характер и сопровождаться различным действием в соответствии с характером *мотива*, их породившего. Поэтому необходимо взглянуть на различные мотивы, влиянию которых может подчиняться человеческое поведение.

II.

Под мотивом — в самом обширном смысле, в каком только употребляется это слово в отношении к мыслящему существу, — понимается все, что может содействовать происхождению какого-нибудь действия или даже его предотвращению. Действие мыслящего существа есть акт или тела, или только духа; и акт духа есть или акт умственной способности, или акт воли. Акты умственной способности иногда основываются на одном только понимании, не производя никакого влияния на произведение каких-нибудь актов воли. Мотивы, не имеющие такого свойства, чтобы производить влияние на другие акты кроме этих, могут называться чисто умозрительными мотивами, или мотивами, основывающимися на умозрении. Но акты этого рода не производят никакого влияния на акты внешние и на их последствия и, следовательно, не имеют никакого влияния на страдание или удовольствие, которые могут быть в числе этих последствий. А важен может быть акт только по своему стремлению производить страдание или удовольствие. Поэтому нам нет здесь никакого дела до актов, которые основываются только на понимании; и потому нет также дела до всякого предмета, если таковой может существовать, который бы — в смысле мотива — мог не иметь никакого влияния на какие-нибудь другие акты, кроме этих.

III.

Мы имеем дело только с такими мотивами, которые способны действовать на волю. Под мотивом в этом смысле слова надо разуметь всякую вещь, которая, оказывая влияние на волю чувствующего существа, как предполагается, служит средством побудить его к акту или добровольно воздержаться от акта в каком-нибудь случае¹⁰. Мотивы этого рода, в противоположность первым, могут быть названы *практическими* мотивами, или мотивами, прилагающимися к практике.

⁹ Примечание автора, июль 1822 г. Целостный список мотивов в их сопряжении с соответствующими удовольствиями и страданиями, интересами и желаниями можно увидеть в виде таблицы в (работе) того же автора «Таблица источников действия с Пояснительными замечаниями и наблюдениями» (Table of the Springs of Action, & c., with Explanatory Notes and Observations. London: 1817, Hunter, St. Paul's Church Yard, p. 32).

Позднее слово «побуждение» представилось более объемлющим в своем значении, чем слово «мотив», а в ряде случаев и более удачным.

¹⁰ Когда следствием или тенденцией мотива является побуждение человека воздержаться от акта, то использование термина «мотив» кажется неуместным, т.к. «мотив», строго говоря, означает то, что предрасполагает объект к действию. Однако мы должны использовать этот неуместный термин или же термин, хотя и вполне уместный, но применяемый редко, — «детерминант». В порядке оправдания или хотя бы извинения за использование термина в его просторечивом значении можно отметить, что даже воздержание от акта или отрицание движения (т.е. телесного движения) предполагает, если такое воздержание добровольно, совершение акта. Говоря конкретно, это — акт воли, который является в той же мере положительным актом, как и движение, как и любой другой акт мыслящей субстанции.

IV.

Вследствие бедности и неустановленности языка слово *мотив* употребляется безразлично для обозначения двух родов предметов, которые для лучшего понимания дела необходимо различать. В некоторых случаях оно употребляется для обозначения какого-нибудь из тех действительно существующих событий, от которых рассматриваемый акт предполагается происходящим. Смысл, который это слово имеет в таких случаях, может быть назван буквальным, или *нефигуральным* смыслом. В других случаях слово «мотив» употребляется для обозначения известной воображаемой сущности, страсти, настроения духа, идеального предмета, которые при таком событии считаются действующими на дух человека и побуждающими его принять то направление, к какому он приводится влиянием такого события. Мотивы этого разряда суть Скупость, Лениность, Благосклонность и так далее, как мы увидим подробнее после. Этот последний смысл может быть назван *фигуральным* смыслом слова «мотив».

V.

Что касается реальных событий, которым дается также имя мотива, то они также бывают двух весьма различных родов. Это может быть: 1) *внутреннее* восприятие какой-нибудь индивидуальной доли удовольствия или страдания, ожидание которых считается способным побудить вас к действию того или другого рода, как, например, удовольствие приобретения известной суммы денег, страдание делать усилия по такому-то случаю и т.д., или 2) *внешнее* событие, совершение которого считается имеющим тенденцию принести восприятие такого удовольствия или такого страдания, например, выход лотерейного билета, по которому вам достается владение деньгами, или пожар в доме, где вы живете, заставляющий вас покинуть его. Первый род мотивов может быть назван внутренним, последний — внешним.

VI.

Надо отличать также и два других смысла слова «мотив». Мотив относится необходимо к действию. К действию побуждает удовольствие, страдание или другое событие. Мотив в одном смысле слова должен предшествовать такому событию. Но чтобы человек руководился мотивом, он во всяком случае должен рассчитывать дальше того события, которое называется его действием; он должен рассчитывать его последствия, и только этим путем идея удовольствия, страдания или какого-нибудь другого события может породить это действие. Поэтому человек во всяком случае должен рассчитывать какое-нибудь событие, более позднее, чем разбираемый акт: событие, которое еще не существует, но только ожидается. Но так как во всех случаях трудно, а в большей части и не нужно, делать различие между предметами, связанными так тесно, как позднейшее возможное событие, которое ожидается впереди, и настоящий соответствующий предмет или событие, которое совершается в то время, когда человек рассчитывает вперед другое, — то они оба обозначаются одним и тем же названием *мотива*. Чтобы различить их, первый из них может быть назван мотивом в ожидании (*in prospectu*), другой мотивом *in esse*; под каждое из этих названий будут подпадать и внешние и внутренние мотивы. У вашего соседа начинается пожар; вы предполагаете, что пожар распространится и на ваш дом; вы предполагаете, что если бы вы были в нем, то вы сгорели бы, поэтому вы бежите из дома. Это есть акт, все другое — это мотивы к нему. Событие пожара у вашего соседа есть внешний мотив, и притом идея или мнение о вероятности распространения пожара на ваш дом, о вероятности того, что вы сгорите, оставшись в нем, и страдание, которое вы чувствуете при мысли о такой катастрофе, все это — внутренние события, но также события *in esse*; случай действительного распространения пожара на ваш дом и то, что вы сами сгорите в нем, это внешние мотивы в ожидании; страдание, которое вы почувствовали бы при виде вашего горящего дома, и страдание, которое вы бы почувствовали, когда бы горели сами, это внутренние мотивы в *ожидании*; и эти события, смотря по обороту дела, могут также перейти *in esse*: но тогда они, конечно, перестанут быть мотивами.

VII.

Из всех этих мотивов всего ближе к акту, произведению которого все они содействуют, стоит тот внутренний мотив *in esse*, который состоит в ожидании внутреннего мотива *in prospectu*: это —

страдание или тягостное ощущение при мысли, что вы сгорите¹¹. Все другие мотивы более или менее отдалены: мотивы *in prospectu* отдалены тем более, чем больше тот период, когда их совершение ожидается, отдален от периода, когда происходит совершение акта, и, следовательно, позднее по времени; мотивы *in esse* также — пропорционально тому, насколько они отдалены от этого периода и, следовательно, — раньше по времени¹².

VIII.

Было уже замечено, что нам нет здесь дела до мотивов, влияние которых ограничивается пониманием. Между предметами, о которых говорят как о мотивах, имея в виду понимание, нас касаются только те, которые, через посредство понимания, оказывают влияние на волю. Этим путем, и только этим путем, предметы в силу своего стремления оказывать влияние на чувство веры могут в практическом смысле действовать как мотив. Всякие предметы, стремясь внушить веру относительно действительного или вероятного существования практического мотива, т.е. относительно вероятности мотива в ожидании или существования мотива *in esse*, — могут оказывать влияние на волю и занять место рядом с теми другими мотивами, которым дано выше название практических. Указание подобных мотивов есть то, что мы часто понимаем под *резонами*. Дом вашего соседа горит, как прежде. Я замечаю вам, что в нижней части дома вашего соседа есть деревянная постройка, которая соединяется с вашим домом, что огонь уже дошел до нее и так далее; я делаю это с целью расположить вас верить, как я верю, что если вы останетесь дольше в своем доме, то вы сгорите. Итак, делая это, я привожу мотивы для вашего понимания, и эти мотивы своим стремлением породить или усилить страдание, которое действует на вас с характером внутреннего мотива *in esse*, увеличивают их силу и действуют как мотивы на волю.

§ 2. Нет мотивов, которые бы всегда были хороши или всегда дурны

IX.

Во всей этой цепи мотивов главное или первоначальное звено есть, кажется, последний внутренний мотив в *ожидании* (*in prospectu*); от него заимствуют свою важность все другие мотивы в ожидании, и от него получает свое существование непосредственно действующий мотив. Этот мотив в ожидании, как мы видим, есть всегда какое-нибудь удовольствие или страдание: удовольствие, которое разбираемый акт может, как предполагается, продолжить или произвести, страдание, которое он может прекратить или предотвратить. Мотив есть, в сущности, не что иное, как удовольствие или страдание, действующие известным образом.

X.

Далее. Удовольствие само по себе есть добро и даже, оставляя в стороне свободу от страдания, — единственное добро; страдание есть само по себе зло. И в самом деле — без исключения — единственное зло, иначе слова «добро» и «зло» не имеют смысла. И это точно так же справедливо

¹¹ Составляют ли ожидание этого сгорания или страдание, сопровождающее это ожидание, тот непосредственный внутренний мотив, о котором мы говорим, — это решить трудно. Можно даже спросить, быть может, составляют ли они различные сущности. Впрочем, оба вопроса состоят, кажется, только в словах, и разрешение их совершенно несущественно. Даже и другие разряды мотивов, хотя для известных целей они и требуют отдельного рассмотрения, связаны, однако, одни с другими так тесно, что часто было бы почти неисполнимо, и не всегда нужно, избегать их смешения, как до сих пор всегда это и смешивалось.

¹² Под термином *esse* нужно подразумевать также и *прошлое* существование — по отношению к данному периоду, выступающему как *настоящее*. Они одинаково действительны в сопоставлении с тем, что все еще — лишь *будущее*. Язык ущербен, не позволяя нам с точностью различить *существование*, противопоставленное *нереальности*, и *настоящее* существование, противопоставленное *прошлому*. Слова *existence* (существование) в английском и *esse*, заимствованное юристами из латыни, имеют то неудобство, что, похоже, ограничивают (понимание) существования, о котором идет речь, некоторым единичным периодом, рассматриваемым как *настоящее*.

для всякого рода страдания и для всякого рода удовольствия. Отсюда непосредственно и неоспоримо следует, что *нет ни одного рода мотива*, который сам по себе дурен¹³.

XI.

Однако же обыкновенно говорится о действиях, что они происходят из *хороших* или *дурных* мотивов, причем предполагаются мотивы внутренние. Это выражение далеко не точно, и так как оно может встречаться при рассмотрении почти всех родов преступления, то необходимо установить о нем точное понятие и выяснить, насколько оно соответствует истине дела.

XII.

Относительно хорошего или дурного качества мотивов надо думать так же, как о всякой другой вещи, которая не есть сама по себе удовольствие или страдание. Если мотивы бывают хороши или дурны, то только по их действию: хороши бывают они по причине их стремления производить удовольствие или отвращать страдание, дурны — по причине их стремления производить страдание или отвращать удовольствие. Но дело в том, что от одного и того же мотива и от всякого рода мотива могут происходить действия хорошие, действия дурные и действия безразличные. Теперь мы должны объяснить это относительно всех различных родов мотивов, определяемых различными родами удовольствий и страданий.

XIII.

Как ни полезен анализ, он представляет собой немалые трудности, происходящие в значительной мере от известной извращенности структуры, более или менее господствующей во всех языках. Чтобы говорить о мотивах, а не о чем-нибудь другом, надо назвать их по имени. Но, к несчастью, редко можно встретить мотив, имя которого обозначает именно этот мотив и ничего больше. Обыкновенно же в самое имя мотива молча вплетается понятие, приписывающее ему известное качество; это качество во многих случаях окажется включающим то хорошее или дурное свойство, относительно которого мы и спрашиваем здесь, может ли, собственно говоря, или не может это свойство быть приписано мотивам. Употребляя обыкновенный способ выражения, имя мотива в большей части случаев есть слово, которое употребляется или только в *хорошем* смысле, или только в *дурном*. Но когда называется слово, употребляемое в хорошем смысле, оно необходимо означает, что в соединении с идеей предмета, который это слово должно обозначать, оно сообщает идею *одобрения*, т.е. удовольствия или удовлетворения, получаемого при мысли о таком предмете тем лицом, которое употребляет этот термин. А обстоятельством, на котором основано такое одобрение, будет, естественно, мнение о *хорошем* качестве разбираемого предмета, как выше объяснено; таково оно должно быть, по крайней мере, по принципу полезности; и так же, с другой стороны, обстоятельством, на котором основано неодобрение, будет, естественно, мнение о *дурном* качестве предмета; таково, по крайней мере, оно должно быть, если только за стандарт принять принцип полезности.

Но есть известные мотивы, которые, исключая разве немногие частные случаи, едва ли имеют другие слова для своего выражения кроме таких, какие употребляются только в хорошем смысле. Таковы, для примера, мотивы благочестия и чести. Отсюда происходит то, что если, говоря о таком мотиве, человеку случится приложить эпитет дурного к каким-нибудь действиям, которые, по его мнению, могут происходить из этого мотива, то нам будет казаться, что этот человек противоречит себе в словах. Но еще больше есть таких мотивов, которые едва ли имеют другие слова для своего выражения, кроме слов, употребляемых только в дурном смысле. Таковы, например, мотивы сладострастия и скупости. И потому, если, говоря о подобном мотиве, человеку случится приложить эпитет хорошего или безразличного к каким-нибудь действиям, которые, по его мнению, могут из

¹³ Положим, что мотивом будет у человека дурная воля: назовите ее даже злобой, жестокостью; мотивом все-таки будет род удовольствия — то удовольствие, которое доставляется ему зрелищем страдания его противника или ожиданием этого зрелища. Но даже и это презренное удовольствие, взятое само по себе, есть настоящее удовольствие; оно может быть коротко, во всяком случае оно должно быть нечисто; но, пока оно продолжается и пока еще не наступили дурные последствия, оно не хуже другого удовольствия, которое не более его интенсивно. См. главу IV.

этого мотива происходить, то нам опять будет казаться, что этот человек виновен в подобном же противоречии¹⁴.

Очевидно, что эта превратная ассоциация идей только увеличивает трудности предстоящего нам исследования. Ограничиваясь одними наиболее употребительными способами выражения, человек едва ли может избежать того, чтобы не впасть, по-видимому, в беспрестанные противоречия. Его положения, с одной стороны, покажутся противными истине; с другой, — противоречащими пользе. Как парадоксы, они будут приниматься с пренебрежением; как парадоксы вредные — они будут приниматься с негодованием. Как ни важны и ни спасительны истины, которые он старается передать, читателю все-таки от этого не лучше, самому же ему — намного хуже. Чтобы вполне избежать этого неудобства, для него останется одно неприятное средство — бросить старую фразеологию и придумать новую. Счастлив писатель, язык которого настолько гибок, чтобы предоставить эту возможность. Где этот способ устранения неудобства неисполним, там для облегчения его останется только входить в длинные рассуждения, выставить все дело прямо, признаться, что ради своих целей он нарушил установленные законы языка, и отдаться на милость читателей¹⁵.

§ 3. Каталог мотивов, соответствующий каталогу удовольствий и страданий

XIV.

От удовольствий чувств, рассматриваемых вообще, происходит мотив, который в нейтральном смысле может называться физическим желанием; в дурном смысле он называется чувственностью. Названия в хорошем смысле он не имеет. Его нельзя определить, пока он не будет рассмотрен отдельно относительно различных видов удовольствия, которым он соответствует.

XV.

Итак, в частности, удовольствиям вкуса или нёба соответствует мотив, который, не имея названия нейтрального, способного выразить его во всех случаях, может быть назван описательно любовью к удовольствиям нёба. В частных случаях он называется голодом, в других — жаждой¹⁶. «Любовь к хорошему столу» выражает этот мотив, но идет, кажется, дальше: внушая мысль, что это удовольствие должно быть принимаемо в обществе, и включая также род симпатии. В дурном смысле этот мотив называется в некоторых случаях обжорством, жадностью, ненасытностью; в

¹⁴ Только одному этому несовершенству языка, и ничему больше, надо приписать в большой мере те раздражительные крики, которые время от времени поднимались против тех пронизательных моралистов, которые, оставив разбитую дорогу умозрения, с большим или меньшим трудом освобождались от пут обыкновенного языка, каковы, например, Ларошфуко, Мандевиль и Гельвеций. Необоснованности их мнений и, с еще большей несправедливостью, испорченности их сердца приписывалось часто то, что всего скорей происходило со стороны автора от недостаточного умения выражаться, а со стороны толкователей — от недостатка понимания и иной раз, может быть, от недостатка честности.

¹⁵ К счастью, язык не всегда бывает так неподатлив, и, ставя два слова вместо одного, можно избежать неудобства фабрикации совершенно новых слов. Таким образом, вместо слова «сладострастие» мы можем, соединив два общеупотребительные слова, составить нейтральное выражение: половое желание; вместо слова «скупость», соединив опять два общеупотребительные слова, мы составляем нейтральное выражение: денежный интерес. Я и избрал это средство. В этих случаях, впрочем, и сама комбинация подобных слов не есть новость: ново будет здесь только постоянное употребление нейтральных выражений и совершенное отстранение терминов, значение которых заражено случайными и несоответственными идеями.

В каталоге мотивов, соответствующих разным родам страданий и удовольствий, я поместил те, какие мне попадались. Я и не думаю утверждать, что этот каталог полон. Чтобы дать ему эту полноту, единственным средством было бы перелистывать словарь с начала до конца — операция, которая, ставя задачу достижения совершенства, могла бы послужить и не для одной этой цели.

¹⁶ Голод и жажда, рассматриваемые в качестве мотивов, означают не столько делание особого рода удовольствия, сколько желание удалить положительный род страдания. Они не простираются на желание того рода удовольствия, которое зависит от выбора блюд и напитков.

других, особенно когда говорится о детях, лакомством. В некоторых случаях он может быть также выражен словом изысканность. Названия, употребляемого в хорошем смысле, он не имеет. 1. Мальчик, не нуждающийся в съестных припасах, крадет пирожок из пирожной лавки и съедает его. В этом случае его мотив будет всеми признан за дурной, и, если бы спросить, какой это мотив, на это отвечали бы, вероятно, — лакомство. 2. Мальчик покупает пирожок в пирожной лавке и съедает его. В этом случае его мотив, вероятно, будет считаться ни хорошим, ни дурным, если только его наставник не расположен к нему дурно; и в этом случае мотив опять, вероятно, будет назван лакомством, как прежде. Но, собственно говоря, мотив в обоих случаях один и тот же. Это не что иное, как мотив, соответствующий удовольствиям неба¹⁷.

XVI.

Удовольствиям полового чувства соответствует мотив, который в нейтральном смысле может быть назван половым желанием. В другом смысле он получает имя сладострастия и много других неодобренных названий. Названия, употребляемого в хорошем смысле, он не имеет.

1. Человек похищает девушку. В этом случае мотив без затруднений называется сладострастием, развратом и так далее, и вообще считается дурным. 2. Тот же человек в другое время исполняет со своей женой права брака. В этом случае мотив будет считаться, вероятно, хорошим или, по крайней мере, безразличным; и здесь люди затруднились бы дать ему одно из упомянутых имен. Но в обоих случаях мотив, в сущности, может быть положительно тот же самый. В обоих случаях это не что иное, как половое желание.

XVII.

Удовольствиям любопытства соответствует мотив, известный под тем же именем, который может быть иначе назван любовью к новизне или любовью к опыту и, в частных случаях, охотой и иногда игрой.

1. Мальчик для развлечения читает поучительную книгу: мотив считается, вероятно, хорошим и во всяком случае не считается дурным. 2. Он спускает свой волчок: мотив во всяком случае не считается дурным. 3. Он выпускает в толпу людей бешеного быка: его мотив назовут, вероятно, ужасным. И, однако же, во всех трех случаях мотив может быть один и тот же: это может быть не что иное, как любопытство.

XVIII.

Что касается других удовольствий чувств, то они имеют слишком мало значения, чтобы давать какие-нибудь особенные названия соответствующим им мотивам.

XIX.

Удовольствиям богатства соответствует род мотива, который в нейтральном смысле может быть назван денежным интересом. В другом смысле он называется в некоторых случаях скупостью, жадностью, хищничеством, в других случаях — скряжничеством, в хорошем смысле, но только в частных случаях — экономией и умеренностью, и в некоторых случаях его могут назвать уменьем зашибить копейку; в смысле почти безразличном, но скорее дурном, чем хорошим, хотя только в частных случаях, он называется скопидомством (бережливостью, parsimony).

1. За деньги вы удовлетворяете ненависть человека, умерщвляя врага. 2. За деньги вы обрабатываете его поле. В первом случае ваш мотив называется жадностью и считается дурным и ужасным, а во втором, по недостатку соответственного названия, он называется уменьем наживать деньги и считается, по крайней мере, невинным, если не похвальным. Но в обоих случаях мотив положительно один и тот же: это не что иное, как денежный интерес.

¹⁷ Для каждого случая не стоит приводить примеры, где действие может быть безразлично: если от одного и того же мотива могут происходить и хорошие и дурные действия, то легко понять, что от него могут происходить и действия безразличные.

XX.

Удовольствия искусства не достаточно особенны и не имеют достаточно значения, чтобы нужно было давать особое название соответствующему им мотиву.

XXI.

Удовольствиям дружбы соответствует мотив, который в нейтральном смысле может быть назван желанием приобрести себе людское расположение. В дурном смысле он называется в известных случаях рабством, в хорошем смысле он не имеет особого названия, в тех случаях, где на него смотрят благоприятно, его редко отличают от мотива симпатии или благосклонности, с которым он в таких случаях обыкновенно соединяется.

1. Чтобы приобрести расположение женщины до брака и сохранить его после, вы делаете все, согласное с другими вашими обязанностями, что может сделать ее счастливой: в этом случае ваш мотив считается похвальным, хотя для него нет названия. 2. Для той же цели вы отравляете женщину, с которой она находится во вражде: в этом случае ваш мотив считается ужасным, хотя для него также нет имени. 3. Чтобы приобрести или сохранить расположение человека, который гораздо богаче и могущественнее вас самих, вы сами служите его удовольствиям. Хотя бы это были даже законные удовольствия, но если люди станут приписывать ваше поведение этому мотиву, то они не найдут для него никакого другого названия кроме рабства. Но во всех трех случаях мотив один и тот же: это не что иное, как желание приобрести себе расположение других.

XXII.

Удовольствиям нравственной санкции, или, как они могут быть еще названы, удовольствиям доброго имени, соответствует мотив, который едва ли имеет какое-нибудь точное название в нейтральном смысле. Он может быть назван любовью к репутации. Он имеет близкое родство с последним упомянутым мотивом: так как это и есть не что иное, как желание приобрести расположение всех вообще, или, как следовало бы скорее сказать в этом случае, рекомендовать себя расположению всех вообще. В хорошем смысле этот мотив называется честью или чувством чести, или, лучше сказать, слово «честь» введено так или иначе по тому случаю, что оно было выставлено на вид, потому что, строго говоря, слово «честь» должно скорее обозначать тот воображаемый предмет, который предполагается во владении человека, по случаю того, что он получает значительную долю упомянутых удовольствий. В частных случаях это называется любовью к славе. В дурном смысле этот мотив называется в некоторых случаях ложной честью; в других — высокомерием; в третьих — тщеславием. В смысле не решительно дурном, но скорее дурном, он называется честолюбием. В безразличном смысле иногда он называется любовью к известности; иногда — чувством стыда. И так как удовольствия, принадлежащие к нравственной санкции, тесно связываются со страданиями, происходящими из того же источника, то этот мотив может также называться в некоторых случаях страхом бесчестия, страхом немилости, страхом презрения, страхом стыда.

1. Вы получили от человека оскорбление: по господствующему обычаю, с одной стороны, чтобы спасти себя от стыда, что вы снесли его терпеливо, с другой, — чтобы приобрести репутацию мужества, вы вызываете его на смертный поединок. В этом случае некоторые люди найдут ваш мотив похвальным и назовут его честью, другие найдут его достойным порицания, и если назовут его честью, то прибавят к этому неодобрительный эпитет и назовут его ложной честью. 2. Чтобы получить значительный пост и тем увеличить уважение к себе публики, вы подкупаете избирателей, которые могут дать вам этот пост, или ту власть, перед которой идет спор об этом poste. В этом случае ваш мотив будет признан вообще порочным и нечестным и будет назван, вероятно, как-нибудь вроде бесчестного или превратного честолюбия, так как для этого нет отдельного названия. 3. С целью приобрести расположение публики вы употребляете значительную сумму денег на дело частной благотворительности или общественной пользы. В этом случае люди могут не согласиться относительно вашего мотива. Ваши враги бросят на него дурную тень и назовут его хвастовством, ваши друзья, чтобы спасти вас от этого упрека, будут скорее приписывать ваше поведение не этому, а какому-нибудь другому мотиву, например, мотиву благотворительности (название, даваемое в таком случае частной симпатии) или чувству общественного блага. 4. Король с целью возбудить к себе удивление, соединяемое с именем завоевателя (мы предполагаем силу и мщение вне вопроса),

вовлекает свое королевство в кровопролитную войну. Толпа (ее симпатию к миллионам легко преодолевает то удовольствие, которое находит ее воображение в разевании рта при всякой новости, какую замечает она в поведении одного лица) считает этот мотив удивительным. Люди с чувством и размышляющие, которые не одобряют господства подобного мотива в этом случае, не всегда замечая, что этот же самый мотив находит у них одобрение при других случаях, — эти люди найдут мотив отвратительным; и так как толпа, которая создает язык, не дала этому мотиву особого названия, то они назовут его каким-нибудь сложным именем, например, любовью к ложной славе или ложным честолюбием. Но во всех четырех случаях мотив один и тот же; это есть не что иное, как любовь к репутации.

XXIII.

Удовольствиям власти соответствует мотив, который в нейтральном смысле может быть назван любовью к власти. Люди, которым этот мотив не нравится, называют его властолюбием в дурном смысле. В хорошем смысле он едва ли имеет имя. В некоторых случаях этот мотив, как и любовь к репутации, смешивается в одно название — честолюбие. Это не удивительно, если обратить внимание на внутреннюю связь между этими двумя мотивами во многих случаях, так как обыкновенно бывает, что один предмет, доставляющий один род удовольствия, в то же самое время доставляет и другой род удовольствия: например, общественные должности, которые в одно время составляют и пост чести, и пост доверия; и так как во всяком случае репутация есть дорога к власти. 1. Если с целью получить место в администрации вы отравляете человека, который занимает это место. 2. Если, с той же самой целью, вы предлагаете спасительный план для успехов общественного благосостояния, ваш мотив в обоих случаях один и тот же. Но в первом случае он считается преступным и отвратительным, во втором — позволительным и даже похвальным.

XXIV.

Удовольствиям, а также и страданиям, религиозной санкции соответствует мотив, который, строго говоря, не имеет вполне нейтрального названия, приложимого ко всем случаям, если только не принимать слово «религия» в следующем смысле, хотя это слово, строго говоря, обозначает, кажется, не столько самый мотив, сколько род фиктивной личности, которая предполагается произведшей этот мотив, или собрание законов, которое предполагается данным этой личностью; притом это название, кажется, не вполне удобно может быть употребляемо в нейтральном смысле. В одном и том же смысле он называется также в одних случаях — религиозной ревностью, в других — страхом перед Богом. Любовь к Богу, хотя обыкновенно противопоставляемая страху Божию, в строгом смысле не принадлежит сюда. Она совпадает, собственно, с мотивом другого названия, именно с родом симпатии и благорасположения, которые имеют своим предметом Божество. В хорошем смысле этот мотив называется религиозностью, благочестием и благочестивой ревностью. В дурном смысле он называется в одних случаях суеверием или суеверной ревностью, в других — фанатизмом или фанатической ревностью; в смысле не решительно дурном, потому что такой смысл не присущ этому мотиву, — он называется энтузиазмом или энтузиастической ревностью.

1. С целью получить милость Высшего существа человек убивает своего законного государя. В этом случае мотив признается почти всеми отвратительным и называется фанатизмом; в прежнее время очень многие считали его похвальным и называли его благочестивой ревностью. 2. С той же целью человек бичует себя. В этом случае в одном доме мотив считается похвальным и называется благочестивой ревностью, в соседнем доме к нему относятся с пренебрежением и называют его суеверием. 3. С этой же целью человек съедает кусок хлеба (по крайней мере, то, что внешнему наблюдению представляется куском хлеба), совершая определенные церемонии. В этом случае в одном доме к его мотиву отнесутся с похвалой и назовут набожностью и благочестием, в соседнем доме — сочтут отвратительным и назовут предрассудком, как и в предыдущем случае, может быть, даже абсурдно назовут безбожием. 4. С той же целью человек, умирая, держит за хвост корову. На Темзе мотив был бы сочтен в этом случае презренным и был бы назван суеверным, на Ганге он считается достойным похвалы и называется благочестием. 5. С той же целью человек употребляет значительную сумму денег на дела благотворительности или общественную пользу. В этом случае мотив называется похвальным, по крайней мере у тех, кто относит упомянутые вещи в этот разряд; и эти люди, по крайней мере, назовут его благочестием. Но во всех этих случаях мотив один и тот же; это не что иное, как мотив, принадлежащий к религиозной санкции.

XXV.

Удовольствиям симпатии соответствует мотив, который в нейтральном смысле называется доброй волей. В этом случае может быть употреблено также слово симпатия, хотя смысл его, кажется, все-таки более обширен. В хорошем смысле он называется благосклонностью и в некоторых случаях — филантропией, и, в фигуральном способе выражения, братской любовью, в других случаях — человечностью, в третьих — любовью к ближнему, в четвертых — сожалением и состраданием, в пятых — милосердием, в шестых — благодарностью, в седьмых — нежностью, в восьмых — патриотизмом, в девярых — чувством общественного блага. Любовь также употребляется в этом смысле, как и во многих других. В дурном смысле этот мотив не имеет названия, приложимого ко всем случаям, в частных случаях он называется пристрастием. Слово ревность с прибавлением известных эпитетов также может употребляться иногда в таком случае, хотя смысл его гораздо обширнее, — так как оно прилагается иногда и к дурной воле, как и к хорошей. Таким образом мы говорим о ревности партии, о национальной ревности, об общественной ревности. Слово привязанность употребляется также с подобными эпитетами: мы говорим также семейной привязанностью. Таково и французское выражение *esprit de corps*.

1. Человек, поджегший город, схвачен и посажен в тюрьму; вы, из дружбы или из сострадания к нему, помогаете ему бежать из тюрьмы. В этом случае большинство людей едва ли будет знать, надо ли осудить или похвалить ваш мотив: те, кто осудит ваше поведение, будут скорее расположены приписать его какому-нибудь другому мотиву; если они назовут его благосклонностью или состраданием, они прибавят к ним эпитет и назовут мотив ложной благосклонностью или ложным состраданием. 2. Этот человек схвачен снова и предан суду: чтобы спасти его, вы ложно клянетесь в его пользу. Люди, которые прежде не называли бы вашего мотива дурным, быть может, назовут его дурным теперь. 3. Человек имеет с вами процесс об имении, он не имеет на него права; судья знает это, но, из уважения или из привязанности к вашему противнику, он присуждает имение ему. В этом случае всякий найдет мотив отвратительным и назовет его несправедливостью и пристрастием. 4. Вы открываете, что правительственное лицо покупается: ради общественного интереса вы доносите на него и преследуете его. В этом случае все, кто признает, что ваше поведение произошло из этого мотива, найдут его похвальным и назовут его чувством общественного блага. Но его друзья и зависящие от него люди не будут объяснять ваше поведение таким способом: они скорее припишут его партийной вражде. 5. Вы находите человека, умирающего с голоду: вы помогаете ему и спасаете ему жизнь. В этом случае всякий найдет ваш мотив похвальным, и его назовут состраданием, сожалением, любовью к ближнему, благосклонностью. Но во всех этих случаях мотив, в сущности, один и тот же; это не что иное, как мотив доброй воли.

XXVI.

Удовольствиям неблагосклонности или антипатии соответствует мотив, который в нейтральном смысле называется антипатией, или недовольством, и в частных случаях — неудовольствием, отвращением, омерзением и негодованием; в нейтральном смысле или, быть может, скорее склонном к дурному — дурной волей, и в частных случаях — гневом, злобой и враждой. В дурном смысле он называется в различных случаях гневом, хандрой, дурным расположением духа, ненавистью, злостью, бешенством, жестокостью, тиранией, завистью, мщением, мизантропией и другими именами, собирать которые едва ли стоит труда¹⁸. Подобно доброй воле, этот мотив употребляется с эпитетами, отражающими лица, которые составляют предмет чувствования. Таким образом, мы слышим о вражде партий, озлоблении партий и т.д. В хорошем смысле для него, кажется, нет отдельного названия. В сложных выражениях о нем можно говорить в этом смысле с эпитетами, как *справедливый* и *похвальный*, прилагаемыми к словам, которые употребляются в нейтральном или почти нейтральном смысле.

¹⁸ Здесь, как и в других местах, можно заметить, что те же слова, какие употребляются в качестве названий мотивов, часто служат также названиями страстей, стремлений, чувствований: это воображаемые сущности, которые происходят только от способа рассматривать страдания или удовольствия с особенной точки зрения. Некоторые из них служат также названиями нравственных качеств. Эта часть системы терминологии удивительно замечательно запутана, — чтобы разобрать ее как следует, понадобился бы целый том, из которого ни одна строчка не должна бы иметь места в настоящем труде.

1. Вы грабите человека: он преследует вас, и вас наказывают; вы с досады бросаетесь на него и душаете собственными руками. В этом случае все найдут ваш мотив гнусным и назовут его злостью, жестокостью, мщением и т.д. 2. Человек украл у вас немного денег: вы с досады преследуете его, и по закону его повесили. В этом случае люди, вероятно, немного разойдутся в мнениях о вашем мотиве: ваши друзья сочтут его похвальным и назовут его справедливой или похвальной досадой; ваши враги, быть может, расположены будут считать его достойным порицания и назовут его жестокостью, злостью, мщением и т.д.; чтобы помешать им в этом, быть может, ваши друзья попробуют переменить мотив и назовут его чувством общественного блага. 3. Человек убил вашего отца: из чувства мщения вы преследуете его, и его по закону наказывают смертью. В этом случае ваш мотив все признают похвальным и назовут, как прежде, справедливой и похвальной досадой, а ваши друзья, чтобы выставить на вид более привлекательный принцип, откуда произошел принцип неблагосклонности, бывший вашим непосредственным мотивом, упустят этот последний из виду и будут говорить только о первом под каким-нибудь названием вроде сыновней любви. Но во всех этих случаях мотив один и тот же: это есть не что иное, как мотив дурной воли.

XXVII.

Различным родам страданий, или, по крайней мере, всем тем из них, которые предполагаются существующими в сильной степени, и смерти, которая, сколько мы видим, есть прекращение всех известных нам удовольствий и страданий, — соответствует мотив, который в нейтральном смысле называется вообще самосохранением, желанием сохранить себя от упомянутого страдания или зла. Но во многих случаях желание удовольствия или чувство страдания незаметно переходят одно в другое. Поэтому самосохранение, где соответствующая ему степень страдания невелика, едва ли может быть отделено какой-нибудь точной чертой от мотивов, соответствующих некоторым родам удовольствий. Так, например, в случае страданий голода или жажды физическую необходимость во многих случаях едва ли можно будет отличить от физического желания. В некоторых случаях — опять в нейтральном смысле — этот мотив называется самозащитой. Уже выше было отмечено это отсутствие границ между удовольствиями и страданиями нравственной и религиозной санкций и, следовательно, — между соответствующими им мотивами, так же как между удовольствиями дружбы и страданиями вражды¹⁹. Точно так же нет границы и между удовольствиями богатства и страданиями лишения, соответствующими этим удовольствиям. Поэтому есть много случаев, где трудно будет отличить мотив самосохранения от денежного интереса, от желания приобрести себе расположение других, от любви к репутации и от религиозной надежды; причем, конечно, эти последние названия, более специфические и ясные, будут предпочитаться общему и неясному имени самосохранения. Есть также много сложных названий, которые или уже употребляются, или могли бы быть придуманы для того, чтобы отличить специфические ветви мотива самосохранения от разных мотивов, происходящих из удовольствий; таковы страх бедности, страх потери уважения такого или такого человека, страх стыда, страх перед Богом. Кроме того, страху смерти соответствует в нейтральном смысле любовь к жизни, в дурном смысле — трусость; что соответствует также страданиям чувств, по крайней мере, когда они являются в высокой степени. Для любви к жизни, кажется, нет названия в хорошем смысле, кроме разве неопределенного и общего имени благоразумия.

1. Чтобы спасти себя от виселицы, от позорного столба, от тюрьмы, от денежной пени, вы отравляете единственного человека, который может представить против вас улики. В этом случае все назовут ваш мотив гнусным; но так как слово самосохранение не имеет дурного смысла, то люди и не захотят употреблять его: они скорее переменяют мотив и назовут его злобой. 2. Женщина, только что родившая незаконно прижитого ребенка, чтобы избавиться от стыда, уничтожает ребенка или бросает его. В этом смысле люди также назовут мотив дурным, и, не говоря о нем в нейтральном смысле, они скорее переменяют мотив и назовут его каким-нибудь именем вроде жестокости. 3. Чтобы сберечь полпенса, вы допустите погибнуть на ваших глазах от нищеты человеку, которого могли бы спасти этим расходом. В этом случае все сочтут ваш мотив отвратительным, и, чтобы не называть его снисходительным именем самосохранения, люди скорее назовут ваш мотив скупостью и скряжничеством, с которыми он в самом деле вполне совпадает в этом случае; чтобы найти более порицательное название, они могут также переменить мотив и назвать его жестокостью. 4. Чтобы положить конец своему страданию от голода, вы крадете хлеб. В этом случае ваш мотив едва ли

¹⁹ См. гл. V (Удовольствия и Страдания), § 24, 25.

сочтут слишком дурным, и, чтобы выразить больше снисходительности к нему, люди могут придумать для него более сильное название, чем самосохранение, и назовут его *необходимостью*. 5. Чтобы спасти себя от утопления, вы сталкиваете невинного человека, который держался за ту же доску. В этом случае ваш мотив не найдут вообще ни хорошим, ни дурным и назовут его самосохранением, или необходимостью, или любовью к жизни. 6. Чтобы спасти свою жизнь от шайки разбойников, вы убиваете их в схватке. В этом случае мотив, может быть, найдут скорее похвальным, чем напротив, и, кроме самосохранения, его назовут также самозащитой. 7. Солдат посылается с отрядом против слабейшего отряда неприятеля; еще не встретившись с ним, он, чтобы спасти свою жизнь, убегает. В этом случае мотив всеми будет признан презренным и назван будет трусостью. Но во всех этих случаях мотив один и тот же, это не что иное, как самосохранение.

XXVIII.

В частности, страданиям деятельности соответствует мотив, который в нейтральном смысле может быть назван любовью к покою, или, с помощью более длинного описания, желанием избежать тревоги. В дурном смысле он называется ленью²⁰. Кажется, нет слова, которое бы придавало ему хороший смысл.

1. Чтобы избавиться от тревоги ухода за ребенком, родитель дает своему ребенку погибнуть. В этом случае мотив будет сочтен гнусным, и так как слово лень покажется для него слишком мягким, то мотив, быть может, будет изменен и выражен каким-нибудь словом вроде жестокости. 2. Чтобы спасти себя от незаконного рабства, вы убегаете. В этом случае мотив, конечно, не будет сочтен дурным, и так как лень или даже любовь к покою покажутся для него слишком неблагоприятными именами, то он будет, вероятно, назван любовью к свободе. 3. Механик, чтобы сберечь свой труд, делает улучшение в машине. В этом случае люди найдут мотив хорошим, и, не находя для него имени, которое дало бы ему хороший смысл, они, пожалуй, оставят мотив в стороне: они будут скорее говорить об его изобретательности, чем о мотиве, который был для него средством обнаружить это качество. Но во всех этих случаях мотив один и тот же: это — не что иное, как любовь к покою.

XXIX.

Таким образом, оказывается, что нет такой вещи и такого рода мотива, которые дурны сами по себе, и, следовательно, нет и такой вещи или такого мотива, которые сами по себе исключительно хороши. Что же касается их действия, оказывается, что оно иногда бывает дурно, а в другой раз или безразлично, или хорошо, и так бывает со всякими мотивами. *Итак, если какой-нибудь род мотива хорош или дурен по своему действию, это бывает только в индивидуальных случаях и с индивидуальными мотивами;* и так бывает со всякого рода мотивами. Итак, если какой-нибудь род мотива может, смотря по своему действию, быть сколько-нибудь справедливо назван *дурным*, это может быть сделано только относительно среднего вывода из всех действий, которые этот мотив может иметь в том или другом роде в данный период, т.е. среднего вывода его наиболее обыкновенного стремления.

XXX.

Но (скажут) как же так? Разве сластолюбие, жестокость, скупость — не дурные мотивы? Разве есть какой-нибудь индивидуальный случай, где бы подобные мотивы не были именно дурны? Конечно, нет: но тем не менее положение, что нет ни одного *рода* мотивов, который бы во многих случаях не был хорошим, остается справедливо. Дело в том, что есть имена, которые, если они прилагаются правильно, всегда прилагаются только к тем случаям, где обозначаемым ими мотивам случается быть дурными. Имена этих мотивов, рассматриваемых отдельно от их действий, — половое желание, недовольство и денежный интерес. Если действия полового желания считаются дурными, ему дают название сластолюбия. А сластолюбие есть всегда дурной мотив. Почему? Потому что если случай таков, что действия этого мотива не дурны, то он не получает или, по

²⁰ На первый взгляд, может показаться странным говорить о любви к покою как причине действия, но действие есть такой же естественный результат любви к покою, как бездействие, — когда меньшая степень труда обещает человеку избавиться его от большей.

крайней мере, не должен получать имени сластолюбия. Дело, следовательно, в том, что, когда я говорю: «сластолюбие есть дурной мотив», это положение относится только к значению слова «сластолюбие», и оно было бы ложно, если бы отнесено было к слову «половое желание», употребленному для обозначения того же мотива. Отсюда мы видим ничтожество всех тех рапсодий рутинной морали, которые состоят в том, чтобы взять такие слова, как сластолюбие, жестокость или скупость, и наложить на них клейма порицания: приложенные к *вещи*, они ложны, приложенные к *имени*, они действительно верны — но не имеют практического смысла (*nugatory*). Если вы ходите сделать действительную услугу человечеству, покажите ему случаи, где половое желание *заслуживает* имени сластолюбия, где недовольство *заслуживает* имени жестокости и денежный интерес — имени скупости.

XXXI.

Если бы нужно было прилагать к мотивам такие обозначения, как хороший, дурной, безразличный, мотивы могли бы быть расположены в следующие разряды по наиболее частому характеру их действий. В разряд хороших мотивов могли бы быть помещены: 1) добрая воля; 2) любовь к репутации; 3) желание дружбы и 4) религия. В разряд дурных мотивов: 5) недовольство. В разряд нейтральных или безразличных мотивов: 6) физическое желание; 7) денежный интерес; 8) любовь к власти; 9) самосохранение как мотив, включающий страх страданий чувств, любовь к покою и любовь к жизни.

XXXII.

Впрочем, этот способ распределения не может не быть несовершенным, и принятая в нем номенклатура подвержена опасности быть ошибочной. Потому что, какой способ исследования может удостоверить человека в том, что относительно мотивов, помещенных в разряд хороших, те хорошие действия их, которые они имели с начала мира во всех четырех видах, помещенных под этим именем, превышали их дурное действие? Еще труднее было бы человеку удостоверить в том, что относительно мотивов, помещенных в разряд нейтральных или безразличных, действия их в точности уравнивают друг друга, так что ценность хороших не больше и не меньше ценности дурных. Надо заметить, что интересов самого лица точно так же нельзя упускать из счета, как нельзя упускать интересов остального общества. Потому что, в самом деле, что бы случилось с самим человеческим родом без мотивов голода и жажды, полового желания, страха страдания и любви к жизни? И в настоящем устройстве человеческой природы мотив недовольства, быть может, не меньше необходим, чем всякий другой; хотя, быть может, возможно было бы придумать систему, в которой бы дело жизни могло идти без этого мотива. Поэтому, кажется, едва ли можно распределять мотивы таким образом, даже относительно один другого, без большой опасности ошибиться.

XXXIII.

Казалось бы, что мотив можно безопасно и верно назвать хорошим или дурным только по его действиям в каждом индивидуальном случае, и главным образом — по тому намерению, которое он порождает, отчего, (как будет показано) дальше, и происходит наиболее существенная часть действий. Мотив хорош, когда порождаемое им намерение хорошо, он дурен, когда намерение дурно; а намерение хорошо или дурно, смотря по материальным последствиям, которые составляют его цель. Это очень далеко от того определения хорошего намерения, какое выводится только из рода мотива. Но мы видели, что от одного и того же мотива могут проистекать намерения всевозможного рода. Следовательно, это обстоятельство не дает никакой нити для распределения различных родов мотивов.

XXXIV.

Поэтому более удобным методом представляется распределить мотивы по тому влиянию, которое они оказывают на интересы других членов общества, оставляя вне вопроса интересы самого рассматриваемого лица; т.е. по обнаруживаемому ими стремлению соединять или разделять интересы того и другого. По этому методу мотивы могут быть разделены на *общественные* (*social*), *необщественные* (*dissocial*) и личные (*self-regarding*). К общественному разряду могут быть

причислены: 1) добрая воля; 2) любовь к репутации; 3) желание дружбы; 4) религия. К необщественному может быть отнесено: 5) недовольство. К личному разряду: 6) физическое желание; 7) денежный интерес; 8) любовь к власти; 9) самосохранение, включающее страх страданий чувств, любовь к покою и любовь к жизни.

XXXV.

Что касается мотивов, названных общественными, то, если бы нужно было дальнейшее различие, к одному только мотиву доброй воли может быть приложен эпитет *чисто общественного*, между тем как любовь к репутации, желание дружбы и мотив религии могут быть вместе отнесены в раздел *полуобщественных*: так как общественная тенденция гораздо более постоянна и недвусмысленна в первом, чем в каком-нибудь из трех последних. В самом деле, эти последние, хотя и могут назваться общественными, в то же время суть личные мотивы²¹.

§ 4. Порядок преимущества между мотивами

XXXVI.

Из всех этих родов мотивов добрая воля есть тот, требования²² которого, взятые с общей точки зрения, всего вернее совпадают с требованиями принципа полезности. Потому что требования полезности суть не что иное, как требования наиболее обширной²³ и просвещенной (т.е. хорошо обдуманной) благосклонности²⁴. Требования других мотивов могут быть или сообразны с требованиями полезности, или враждебны им — как случится.

XXXVII.

Впрочем, здесь принимается как само собой разумеющееся, что в разбираемом случае требования (обыкновенной) благосклонности не противоречат требованиям более обширной благосклонности. Но когда требования благосклонности в интересах известного разряда людей противоречат требованиям того же мотива относительно *более важных* интересов другого разряда людей, то очевидно, что первые требования как бы отменяются последними, и, если бы человек руководился первыми, о нем едва ли можно было бы правильно сказать, что он руководствуется требованиями благосклонности. Поэтому если бы мотивы обеих сторон одинаково присутствовали в уме человека, то об их противоречии друг другу едва ли стоило говорить, так как можно было бы считать, что частная благосклонность поглощается более обширной; если бы первая получила преобладание и руководила действием, надо было бы считать, что действие происходит не от благосклонности, а от какого-нибудь другого мотива; если бы получила преобладание последняя, первая могла бы считаться не имеющей силы. Но дело в том, что частная благосклонность может управлять действием, не вступая ни в какую прямую конкуренцию с более обширной благосклонностью, которая могла бы запрещать это действие, потому что человек может иметь в уме интересы менее многочисленного собрания людей в то же время, когда он не имеет в уме интересов более многочисленного собрания, или если имеет, то они не производят на него впечатления. Этим способом требования этого мотива и могут быть враждебны полезности, хотя все-таки остаются требованиями благосклонности. Требования частной благосклонности бывают вообще сообразны с принципом полезности потому, что вообще им не противоречат требования общественной благосклонности; если они им противоречат, это бывает только случайность. Еще более сообразными с принципом полезности делает их то, что в цивилизованном обществе в большинстве случаев, где они были бы сами способны идти против требований общественной благосклонности,

²¹ «Религия, — говорит благочестивый Эддисон в одном из номеров «Спектейтора», — есть высший вид любви к себе».

²² Когда предполагается, что известный мотив побуждает человека начать или не начинать того или другого действия, то для удобства речи может быть полезно говорить о таком мотиве, что он производит воображаемый род *закона* или *требования*, повелевающего человеку совершать или не совершать действие.

²³ См. гл. IV (Ценность) и гл. VI (Чувствительность), § 21.

²⁴ См. гл. IX (Сознательность).

они находят себе противодействие в сильнейших мотивах личного разряда, которые выставляются против них законами, и что они остаются свободными только в тех случаях, когда им не противодействуют более спасительные требования. Акт несправедливости или жестокости, совершенный человеком ради своего отца или сына, наказывается, и справедливо, как если бы он совершен был ради себя.

XXXVIII.

После доброй воли мотив, требования которого, кажется, имеют самый большой шанс совпадать с требованиями полезности, есть любовь к репутации. Если только одно обстоятельство, которое мешает требованиям этого мотива совпадать во всех случаях с требованиями полезности. Это — то, что люди в предметах своего сочувствия или недовольства, в своих расположениях одобрять или порицать известные способы поведения, а следовательно, — и лица, представляющие это поведение, их добрую или дурную волю, не управляются исключительно принципом полезности. Иногда ими руководит принцип аскетизма, иногда принцип симпатии и антипатии. Есть и другое обстоятельство, которое уменьшает не совпадение требований этого мотива с принципом полезности, а только степень их действительной силы (*efficacy*) в сравнении с требованиями мотива благосклонности. Требования этого последнего мотива будут действовать одинаково сильно и втайне, и публично, независимо от того, можно ли будет ожидать, что рекомендуемое ими поведение будет известно или нет. Напротив, требования любви к репутации будут совпадать с требованиями благосклонности только в той мере, в какой имеется вероятность, что поведение человека будет известно. Впрочем, это обстоятельство не составляет такой большой разницы, как может показаться с первого взгляда. Акты пропорционально их важности могут сделаться известными; а относительно репутации самое легкое подозрение часто служит доказательством. Кроме того, если акт не похвален (не полезен для репутации), человек не может иметь никакой уверенности, что этот частный акт останется в секрете, которая бы преодолевала возражения, какие он может иметь против совершения его. Хотя бы разбираемый акт и остался в секрете, он может образовать привычку, которая может породить другие акты, а эти акты могут и не обойтись так счастливо. Быть может, нет человеческого существа, которое бы в годы рассудительности не давало некоторого веса этого рода соображениям; и они имеют для человека тем больше веса, чем больше сила его умственных способностей и твердость духа. Прибавьте к этому влияние, которое получает раз образованная привычка, удерживая человека от актов, к которым он получил отвращение как вследствие соединенной с ними славы, так и по какой-нибудь другой причине. Влияние привычки в таких случаях есть факт, который хотя и нелегко объяснить, но который признается всеми и не подлежит сомнению²⁵.

XXIX.

После требований любви к репутации следуют, кажется, требования желания дружбы. Первые могут совпадать с требованиями полезности, насколько они совпадают с требованиями благосклонности. Требования желания дружбы также способны, в известном роде, совпадать с требованиями благосклонности. Но род благосклонности, с требованиями которой совпадает любовь к репутации, более обширен; тот, с которым совпадает требование желания дружбы, менее обширен. Впрочем, требования любви к дружбе имеют еще преимущество как требования обращенных на себя мотивов. Первые — в том или другом периоде жизни — располагают человека содействовать счастью значительного числа лиц; последние — с начала жизни до конца — ограничиваются заботой об одном индивидууме. Очевидно, что требования желания дружбы будут больше приближаться к совпадению с требованиями любви к репутации и, следовательно, — с требованиями полезности пропорционально числу лиц, дружбы которых человек может желать, и поэтому, например, член английского парламента при всех его собственных слабостях и при всех нелепостях людей, дружбу которых он должен снискать, вообще будет иметь, вероятно, лучше характер, чем секретарь турецкого визиря или индостанского наиба.

²⁵ Строго говоря, привычка как воображаемая сущность, а не что-нибудь реально отличное от актов и представлений, которыми она, говорят, образуется, не может быть причиной чего бы то ни было. Но эта загадка может быть удовлетворительно разрешена принципом ассоциации, о свойствах и силе которого весьма удовлетворительно говорится в издании сочинения Гартли «*On Man*» осуществленном доктором Пристли.

Требования религии — при бесконечном разнообразии религий — так различны, что о них трудно дать общий отчет и трудно определить место принадлежащим сюда мотивам. При упоминании религии первая мысль у людей, естественно, обращается к той религии, которую они исповедуют сами. Это — большой источник неправильных расчетов, создающий тенденцию ставить этот вид мотива более высоко, чем он того заслуживает. Требования религии совпадали бы во всех случаях с требованиями полезности, если бы Существо, составляющее предмет религии, всеми признавалось благосклонным, как всеми признается мудрым и могущественным, и если бы понятия о его благосклонности были вместе с тем столько же правильны, как понятия о его мудрости и могуществе. На деле, однако, нет ни того ни другого. Это Существо всеми признается всемогущим, потому что может ли человек понимать под божеством что-нибудь иное, как не существо, которое, каково бы ни было, создало все существующее? А что касается его знания, то оно так же признается всеобъемлющим. Эти понятия, кажется, столько же правильны для всех важных целей, как и всеобщие. Но между людьми, преданными религии (в числе которых разнообразные братства Христианства составляют только небольшую долю), кажется, только очень немногие (я не хочу говорить, сколько) действительно верят в благосклонность этого Существа. Они называют его благосклонным на словах, но не считают таковым в действительности. Они не думают, что Оно благосклонно так, как понимается благосклонность человека, они не думают, что Оно благосклонно в том единственном смысле, в котором благосклонность имеет смысл. Потому что, если бы они думали это, они признали бы, что требования религии должны быть именно требованиями полезности без малейшего различия, не больше и не меньше. Но на деле в тысяче случаев они идут против принципа полезности, изменяясь иногда в принцип аскетизма, иногда в принцип симпатии и антипатии. Вследствие того идея, которую имеют люди в умах, в подобных случаях слишком часто бывает идея неблагосклонности, и, отнимая у этой идеи ее собственное имя, они дают ей особенное название общественного мотива²⁶. Словом, требования этого мотива (религии) суть именно требования того принципа, который был уже упомянут выше под именем теологического. Эти последние, как мы уже замечали, бывают, сообразно с наклонностями лица, именно копиями требований того или другого из трех первоначальных принципов: иногда требований полезности, но часто требований аскетизма или симпатии и антипатии... В этом отношении они стоят на равных с требованиями любви к репутации, в другом отношении — они ниже ее. Требования религии во всех случаях более или менее смешаны с такими требованиями, дедуцированными из текстов, хорошо или плохо интерпретированных, или из писаний, воспринимаемых в качестве священных каждой соответствующей сектой, которые не согласуются с требованиями полезности, не согласуются потому, что они навязывают действия, в некоторых случаях неудобные для личности человека, в других случаях — вредоносные для других членов общества. Страдания непризнанных мучеников, бедствия священных войн и религиозных преследований, вред нетолерантных законов (предметы, на которые здесь мы можем только бросить беглый взгляд, но не обсуждать в деталях) — все это дополнительные беды, сверх и помимо числа тех, которые когда-либо были принесены в мир любовью к репутации. С другой стороны, очевидно, что в отношении способности действовать втайне требования религии имеют такое же преимущество над требованиями любви к репутации и любви к дружбе, как и то, которым обладают требования благожелательности.

²⁶ Некоторые, чтобы лучше скрыть обман (как в глазах других, так и в их собственных), выставляют особый фантом, который они называют отвлеченно Справедливостью (justice), требования которой идут к тому, чтобы видоизменять (что — при настоящем объяснении — значит противоречить им) внушения благосклонности. Но эта справедливость в единственном значении, в котором она имеет смысл, есть воображаемая личность, придуманная для удобства речи, но требования которой суть те же требования полезности, применяемые в известных частных случаях. Итак, справедливость есть не что иное, как орудие, служащее тому, чтобы в известных случаях и известными средствами исполнять цели благосклонности. Требования справедливости — не что иное, как только часть требований благосклонности, которые в известных случаях применяются к известным предметам, т.е. к известным действиям.

XLI.

К счастью, требования разнообразных культов, кажется, все больше и больше с каждым днем приближаются к совпадению с требованиями полезности. Потому что к этому совпадению приближаются требования нравственной санкции, которые совпадают или подчиняются влиянию требований полезности. Люди самых испорченных культов под влиянием мнений и практики окружающего мира больше и больше обращаются к книге полезности; и, чтобы не становиться в противоречие со своими религиозными понятиями, они стараются, иногда довольно энергично, украшать положения своего религиозного верования страницами этой книги и связывать их с нею.

XLII.

Что касается личных (обращенных на себя) и общественных мотивов, то порядок между ними и предыдущим относительно внешнего (*extra-regarding*) влияния слишком очевиден, чтобы на нем нужно было настаивать. Что касается порядка между мотивами личного разряда, рассматриваемыми сравнительно между собою, то здесь, кажется, нет различия, которое бы стоило упоминать. Относительно необщественного мотива есть различие (в его внешних действиях), смотря по тому, от которого из двух источников он происходит, от личных или от общественных соображений. Ваше недовольство против какого-нибудь человека может быть основано или на каком-нибудь акте, который оскорбляет вас в первом смысле, или на таком, который оскорбляет вас только потому, что вы считаете его вредным какой-нибудь другой стороне, которой вы интересуетесь; и эта другая сторона, конечно, может быть или определенный индивидуум, или какое-нибудь собрание индивидуумов, определенное или неопределенное. Довольно ясно, что мотив, хотя сам по себе и необщественный, может — по своему происхождению от общественного начала — иметь общественную тенденцию; и что в этом случае его тенденция может быть тем более общественной, чем обширнее тот разряд людей, интересам которого вы сочувствуете. Недовольство, направляющееся против человека вследствие того вреда, который предполагается от него для публики, может быть более общественным в своих действиях, чем какая-нибудь добрая воля, действие которой ограничено одним индивидуумом.

§ 5. Столкновение между мотивами

XLIII.

Когда человек размышляет о начинании какого-нибудь действия, он часто в одно и то же время подчиняется силе различных мотивов: один мотив или разряд мотивов действует в одном направлении, другой мотив или разряд мотивов как будто действует в противоположном направлении; мотивы одной стороны располагают его начать действие; мотивы другой располагают не начинать его. Итак, всякий мотив, влияние которого стремится к тому, чтобы расположить человека начать действие, может быть назван *побуждающим* (*impelling*) мотивом; мотив, влияние которого стремится к тому, чтобы расположить человека не начинать действия, — *воздерживающим* мотивом (*restraining*). Но эти названия, конечно, могут быть переставлены, смотря по тому, бывает ли акт положительного или отрицательного свойства.

XLIV.

Выше было замечено, что нет такого рода мотивов, который бы не мог порождать всякого рода действия (т.е. и хорошего, и дурного). Отсюда следует, что нет двух мотивов, которые бы не могли противостоять один другому. Где стремление акта дурно, он всего чаще совершается под требованием мотива или личного, или необщественного класса. В таком случае мотив благосклонности действовал обыкновенно (хотя и неудачно) в качестве воздерживающего мотива.

XLV.

Чтобы показать разнообразие сталкивающихся мотивов, которые могут влиять на человека в одно и то же время, мы приведем пример. Крильон, католик (в такое время, когда между католиками считалось вообще заслугой искоренять протестантов), получил от своего короля, Карла IX

французского, приказание сделать тайное нападение на протестанта Колиньи и умертвить его; Крильон отвечал на это: «Извините меня, сир, но я буду биться с ним от всего сердца». Итак, здесь были все три упомянутые силы, причисляя к ним силу политической санкции, которые действовали на него в одно время. Политическая санкция, или, по крайней мере, такая часть силы этой санкции, какую можно предположить в таком приказании, от такого государя, по такому случаю, — эта санкция повелевала Крильону умертвить Колиньи злостным убийством; религиозная санкция, т.е. требования религиозной ревности, повелевали ему умертвить его каким бы то ни было образом; нравственная санкция, или, другими словами, требования чести, т.е. любовь к репутации, позволяли ему (и он понимал, что это дозволение в связи с приказаниями его государя составляло обязательство) сражаться с противником равным оружием; требования более обширной благосклонности (предполагая, что приказание было несправедливо) повелевали ему никаким образом не делать покушения на жизнь Колиньи, но оставаться с ним в мире; требования частной благосклонности (предполагая опять, что приказание было несправедливо) повелевали ему не иметь с ним дела ни в каком случае. В этой путанице противоречивых требований Крильон, по-видимому, дал предпочтение, во-первых, требованиям чести; во-вторых, требованиям благосклонности. Он стал бы сражаться, если бы его предложение было принято; так как оно принято не было, он остался в покое.

Здесь может возникнуть множество вопросов. Предполагая, что за приказанием государя следовали требования политической санкции, — какого рода мотивы они представляли ему для исполнения этих требований? Ответ: во всяком случае мотивы личного разряда, если предположить, что во власти государя было наказать его за неисполнение или вознаградить за исполнение. Представляли ли они ему мотив религии? (Я разумею, независимо от обстоятельства выше упомянутой ереси.) Ответ: Да — если он полагал, что, исполнив эти требования, он сделает приятное Богу; нет — если он этого не полагал. Представляли ли они ему мотив любви к репутации? Да — если он полагал, что люди будут ожидать и требовать, чтобы он исполнил их. Нет — если не полагал. Представляли ли мотив благосклонности? Да — если он полагал, что для общества в целом будет лучше, когда он исполнит их. Нет — если не полагал. Но действительно ли, в этом случае, требования политической санкции вытекали из приказания государя; другими словами: было ли такое приказание законно? Мы видим, что это есть вопрос чисто местной юриспруденции, совершенно посторонний для нашей цели.

XLVI.

То, что сказано здесь о хорошем или дурном качествах мотивов, вовсе не одни слова. Впоследствии мы будем иметь случай применить это к различным важным предметам. Это нужно было мне для разъяснения разных предрассудков, которые приносят обществу вред, иногда поддерживая пламя гражданского раздора, иногда затрудняя отправление юстиции. Дальше будет показано, что во многих преступлениях рассмотрение мотива бывает чрезвычайно важно: во-первых, потому что мотив делает весьма существенную разницу в объеме вреда; далее, потому, что его легко бывает определить и отсюда является основание для различия в требовании наказания; но что в других случаях он совершенно не может быть определен и что, если бы даже он мог быть определен как хороший или дурной, он не делает никакой разницы в требовании наказания; что во всех случаях мотив, который может руководить преследователем (истцом), есть дело совершенно неважное — откуда можно видеть вред предрассудка, который так часто имеют против доносчиков, и — следствие этого то, что судья, в частности, должен быть обеспечен от влияния таких заблуждений.

Наконец, с вопросом о мотивах необходимо ознакомиться, чтобы иметь возможность судить о средствах, которые могут быть предложены для искоренения преступлений в их источнике.

Но для того, чтобы можно было вполне вывести теоретическое основание для этих практических наблюдений, нам необходимо сказать еще сначала о *расположениях*: что и составит предмет следующей главы.

Глава XI

О человеческих расположениях вообще

I.

В предыдущей главе было подробно показано, что мотивам нельзя, в сущности, приписывать хорошего или дурного качества. Итак, разве нет ничего в человеке, что может быть справедливо названо хорошим или дурным, когда по тому или другому случаю он поддается влиянию того или другого мотива? Конечно, есть: *его расположение*. Это расположение есть род фиктивной сущности (entity), принимаемой для удобства речи, с целью выразить то, что предполагается у человека *постоянного* в складе духа, где он по тому или другому случаю подвергается влиянию того или другого мотива, чтобы начать акт, который представляется ему с той или другой тенденцией.

II.

Расположение, как и всякая другая вещь, бывает хорошо или дурно, смотря по своему влиянию, то есть по своему влиянию на увеличение или уменьшение счастья общества. Поэтому расположение человека может быть рассматриваемо с двух точек зрения, смотря по его влиянию или на его собственное счастье, или на счастье других. Рассматриваемое с обеих точек зрения или с какой-нибудь одной из них, расположение может быть названо, с одной стороны, хорошим, с другой — дурным или в редких случаях испорченным²⁷. Рассматриваемое с первой из этих точек зрения, оно едва ли имеет особенное, приуроченное к нему имя. Оно могло бы быть названо, хотя и невыразительно, с одной стороны, слабым или нетвердым, с другой — здоровым и крепким. С другой точки зрения, его можно бы назвать, с одной стороны, благотворным или похвальным, с другой — вредным. Здесь нет необходимости много говорить о той ветви расположения человека, действия которой относятся в первой инстанции только к нему самому. Исправлять его, когда оно дурно, есть обязанность скорее моралиста, чем законодателя, и оно неспособно к тем различным видоизменениям, которые делают такую существенную разницу в действиях второй ветви. Далее, относительно той части расположения человека, действия которой относятся в первой инстанции к другим, уголовная отрасль закона имеет к ней непосредственное отношение только в той степени, насколько действия ее бывают вредного свойства, но, когда они бывают благотворного свойства, это относится к другой, еще мало разработанной и не получившей имени отрасли закона, которую можно было бы назвать вознаградительной (remuneratory).

III.

Итак, о человеке говорят, что он имеет вредное расположение, когда под влиянием каких бы то ни было мотивов он *считается* более способным начать или составить намерение начать такие акты, которые, *видимо*, имеют вредную тенденцию, чем такие, которые, *видимо*, имеют благотворную тенденцию; в противном случае, он имеет расположение похвальное или благотворное.

IV.

Я говорю: *считается*, потому что, хотя мы и предположили, что все видимое нами есть одно отдельное действие, сопровождаемое одним рядом обстоятельств, но из той степени постоянства и

²⁷ Расположение могло бы называться также добродетельным или порочным. Единственное возражение против употребления этих терминов в настоящем случае заключается в том, что с ними связывается обыкновенно значительное количество хорошей или дурной репутации. Это неудобно тем, что эти термины способны привязывать несоразмерную степень дурной репутации к расположениям, которые дурны только относительно самой стороны (т.е. лица или лиц, о действиях которых идет речь), и тем набрасывать на них такую степень беславия, какая может быть приложена только к тем расположениям, которые бывают вредны для другой стороны. Поднимать слабости на уровень преступлений есть средство уменьшить отвращение, которое должно быть привязано к преступлению. Поднимать небольшой вред на уровень большого зла есть средство уменьшить долю внимания, которая должна быть обращена на большое зло.

однообразия, которую, как показывает опыт, можно наблюдать в различных действиях того же лица, наблюдение одного отдельного действия естественно и справедливо ведет к заключению о вероятном (прошедшем или будущем) существовании множества актов такого же свойства. Какой мотив оказывается в одном случае при известных обстоятельствах, такое расположение предполагается и при других.

V.

Я говорю: *видимо* вредный акт, т.е. видимо для самого человека, совершающего этот акт; такой акт, который представляется ему самому обладающим такой тенденцией, потому что из самого события — независимо от того, каким представляет данный человек это событие до его свершения, — никаких заключений ни в ту ни в другую сторону сделать нельзя. Если событие представляется ему могущим принести вред, в таком случае, хотя бы в конце концов оно оказалось и невинным, или даже благотворным, это было бы все равно; здесь, тем не менее, было бы основание считать расположение человека дурным. Если оно представляется ему благотворным или невинным, в таком случае, хотя бы в конце концов оно оказалось вредным, здесь было бы все-таки основание считать расположение человека хорошим. И мы видим здесь важность обстоятельств намеренности, сознательности, несознательности и дурного (неверного, ошибочного) предположения или расчета²⁸.

VI.

Справедливость этих положений зависит от двух других, которые оба достаточно оправдываются опытом: одно то, что в обыкновенном ходе вещей следствия действий обыкновенно идут сообразно с намерениями. Когда человек, который занимается ремеслом мясника и торгует мясом, намеревается убить быка, то он обыкновенно и убивает быка, хотя по какому-нибудь несчастному случаю он может промахнуться и убить человека; другой торгует в своей лавочке сахаром, и когда намеревается продать сахар, то обыкновенно и продает сахар, хотя по какому-нибудь несчастному случаю он может продать вместо сахара и мышьяк.

VII.

Другое положение — то, что человек, имеющий намерение сделать вред в одно время, способен иметь такие же намерения и в другое время.

VIII.

Свойство расположения, указываемое каким-нибудь актом, может зависеть от двух обстоятельств: 1) от видимой тенденции акта; 2) от свойства мотива, порождающего этот акт. Эта зависимость подчиняется различным правилам сообразно со свойством мотива. Говоря это, я постоянно предполагаю, что видимая тенденция акта, как это обыкновенно и бывает, та же, что и действительная.

IX.

1. Когда тенденция акта *хороша* и мотив бывает *лично* разряда. В этом случае мотив не дает никаких выводов ни в ту ни в другую сторону. Он не дает никакого указания на хорошее расположение, но он не указывает и на дурное.

Булочник продает свой хлеб голодному человеку, который хочет купить его. Как видим, это один из тех актов, тенденция которого в обыкновенных случаях несомненно хороша. Мотив булочника есть обыкновенный коммерческий мотив денежного интереса. Очевидно, что в деле, понимаемом таким образом, нет ничего, что может дать малейшее основание считать этого булочника лучше или хуже любого из его соседей.

²⁸ См. гл. VIII и IX.

X.

2. Когда тенденция акта *дурна* и мотив, как прежде, *личного* разряда. В этом случае обнаруженное расположение дурно.

Человек крадет хлеб из лавки булочника: это один из тех актов, тенденция которых легко будет признана за дурную. Мы укажем дальше, почему и в каких отношениях. Его мотив мы назовем мотивом денежного интереса: это — желание получить даром ценность хлеба. Поэтому его расположение является дурным, ибо всякий согласится, что воровское расположение есть расположение дурное.

XI.

3. Когда тенденция акта *хороша* и мотив есть чисто общественный, мотив *доброй воли*. В этом случае обнаруженное расположение бывает благотворное.

Булочник дает бедному человеку хлеб даром. Его мотив есть сострадание, имя, даваемое в частных случаях мотиву благосклонности. Расположение, обнаруженное булочником в этом случае, таково, что всякий довольно охотно признает его хорошим.

XII.

4. Когда тенденция акта *дурна* и мотив есть чисто общественный, мотив *доброй воли*. Даже в этом случае расположение, указываемое мотивом, сомнительно: оно может быть вредное или похвальное, как случится, смотря по тому, более или менее явен вред акта.

XIII.

Можно подумать, что случай такого рода не может существовать и что предположить его есть противоречие в словах. Потому что предполагается, что действующее лицо знает, что акт вреден. Каким же образом может случиться, что мотивом, побуждающим человека к этому акту, будет добрая воля, т.е. желание делать добро? Чтобы примирить это, мы должны напомнить различие между более обширной благосклонностью и ограниченной. Мотив, который побуждает к этому акту, был мотив ограниченной благосклонности. Если бы человек последовал требованиям более широкой благосклонности, он не сделал бы того, что сделал. И хотя он последовал требованиям этой ветви благосклонности, которая в отдельных случаях своего исполнения вредна, когда она противопоставляется другой (более обширной), но так как случаи, требующие исполнения первой, несравненно многочисленнее, чем случаи, требующие исполнения последней, то расположение, обнаруживаемое человеком, когда он следует первой, будет часто таково, что в человеке обыкновенном оно вообще может быть признано за хорошее.

XIV.

Человек с многочисленной семьей детей, близкой к голодной смерти, идет в лавку булочника, крадет хлеб, разделяет его между детьми, не оставляя ничего себе. Будет жестоко сказать, что расположение этого человека вообще вредное. Измените случай: дайте человеку только одного ребенка, быть может, и голодного, но еще не под угрозой голодной смерти; и пусть этот человек подожжет дом, полный людей, чтобы украсть денег на покупку хлеба. Обнаруженное здесь расположение едва ли будет сочтено хорошим.

XV.

Труднее этих покажется решить другой случай. Равальяк убил одного из лучших и мудрейших государей в такое время, когда хороший и мудрый государь, составляющий во все времена такое драгоценное благословение для государства, был дорог в особенности, и притом дорог жителям многолюдного и обширного королевства. Он схвачен и осужден на самые ужасные мучения. Его сын, вполне убежденный в его искреннем раскаянии и уверенный, что если он останется на свободе, человечеству нечего будет больше опасаться от него, устраивает его бегство: есть ли это признак хорошего расположения в его сыне или же дурного? Некоторые скажут, вероятно, дурного, потому

что кроме интереса, который нация имеет в страданиях этого преступника для примера, будущее хорошее поведение такого преступника едва ли может иметь за собой какие-нибудь основания.

XVI.

Но пусть Равальяк-сын не облегчает бегства своего отца, а удовольствуется тем, что доставит ему яда, чтобы ценой более легкой смерти он мог избавиться от мучений. Решение этого случая, быть может, еще труднее. Положим, что *акт* дурен и что во всяком случае он должен быть наказан, но дурно ли обнаруженное им *расположение*? Из того, что молодой человек нарушает закон в этом одном случае, следует ли вероятие, что, если его оставить, он будет нарушать законы в обыкновенных случаях, для удовлетворения каких-нибудь своих беспорядочных желаний? Ответ большинства, вероятно, будет отрицательный.

XVII.

5. Когда тенденция акта *хороша* и мотив — *полуобщественный, любовь к репутации*. В этом случае обнаруженное расположение хорошо.

Во время голода булочник, с целью приобрести уважение соседей, раздает даром хлеб бедным рабочим. Примем факт за верное, и пусть остается неизвестным, имел ли булочник какое-нибудь действительное сочувствие к страданиям тех, кому он помогал, или нет. При всем том, его расположение не может быть по справедливости названо иначе как хорошим и благотворным. Оно может получить другое имя только по какому-нибудь очень пустому предубеждению²⁹.

XVIII.

6. Когда тенденция акта *дурна* и мотив, как прежде, есть *полуобщественный, любовь к репутации*. В этом случае указываемое им расположение более или менее хорошо или дурно: в первом случае — смотря по тому, чем более или менее вредна тенденция акта, в последнем — смотря по тому, больше или меньше требования нравственной санкции в обществе приближаются к совпадению с требованиями полезности. Кажется невероятным, чтобы в нации, находящейся в состоянии сносной цивилизации, или, другими словами, нации, в которой могут иметь значение подобные правила, требования нравственной санкции могли только удаляться от совпадения с требованиями полезности (т.е. просвещенной благосклонности), чтобы расположение, указанное в этом случае, могло быть в целом иное, кроме хорошего.

²⁹ Огромное большинство людей, всегда готовое осуждать характер своих соседей, чтобы косвенным образом возвысить свой собственный, воспользуется случаем отнести мотив к разряду дурных, между тем как могло бы отнести происхождение акта к гораздо лучшему мотиву. Каждый человек, сознавая, что его собственные мотивы бывают не из самых лучших, или будучи убежден, что если бы они и были хороши, то другие люди не отнесли бы их к этому разряду, опасаясь быть принятым за простака или стремясь показать глубину своей проницательности, — прежде всего старается приписать поведение всякого другого человека наименее похвальному из мотивов, которые могли бы объяснять это поведение; далее, когда он сделал тут все, что возможно, и не в состоянии столкнуть индивидуальный мотив еще ниже, он поворачивает батарею и нападает на самый разряд этого мотива. Соответственно любви к репутации он при всяком случае дает дурное имя, называя ее хвастовством, тщеславием, суетностью.

Отчасти тому же духу злословия — естественному результату чувствительности людей к силе нравственной санкции, отчасти — влиянию принципа аскетизма надобно, быть может, приписать большое изобилие дурных названий мотивов сравнительно с названиями хороших или нейтральных: и, в частности, совершенное отсутствие нейтральных названий для мотивов полового желания, физического желания вообще и денежного интереса. Если исследовать это изобилие даже хороших названий перед нейтральными, то это скорее подтвердило бы сделанное выше замечание, чем опровергало его. Быть может, язык народа в этих пунктах может, в известной мере, служить ключом к его нравственным чувствам. Но такие умозрительные исследования не относятся к цели настоящего труда.

XIX.

Индеец получает реальную или воображаемую обиду от индейца другого племени. Он мстит за нее личности своего противника самыми ужасными мучениями: дело в том, что жестокости, совершенные по такому случаю, доставляют ему репутацию в собственном племени. Расположение, обнаруженное в таком случае, никогда не может быть признано хорошим у народа, лишь на несколько ступеней стоящего выше индейцев в смысле цивилизации.

XX.

Знатный человек (возвращаясь к Европе) берет в долг у бедного торговца. Вскоре затем тот же знатный человек берет в долг в игре у другого знатного человека на ту же сумму. Он не может заплатить оба долга: он платит весь долг компаньону своих удовольствий и ничего не платит торговцу. Расположение, обнаруженное в этом случае, едва ли может быть названо иначе, как дурным. Конечно, впрочем, оно еще не так дурно, как если бы он не платил ни одному. Принцип любви к репутации или (как называется он в случае его частного применения) чести противопоставляется здесь более почтенному принципу благосклонности и преодолевает его. Но он преодолевает также и личный принцип денежного интереса. Поэтому расположение, указываемое им, хотя и не так хорошо, как то, в котором преобладает принцип благосклонности, но лучше того, в котором преобладает принцип собственного интереса. Он был бы лучше, если бы в нем было больше благосклонности; но был ли бы он лучше, не имея чести? Это, кажется, допускает большие споры.

XXI.

7. Когда тенденция акта *хороша* и мотив есть полуобщественный, мотив *религии*. В этом случае расположение, указываемое им (рассматриваемое относительно влияния его на поведение человека с другими), есть очевидно благотворное и похвальное.

Булочник раздает даром хлеб бедным рабочим. Он делает это не потому, что сочувствует их страданиям, и не для того, чтобы приобрести репутацию у соседей. Он делает это, чтобы приобрести благоволение Божества, которому, как он уверен, это поведение будет приятно. Расположение, обнаруживаемое таким поведением, вполне таково, что всякий назовет его хорошим.

XXII.

8. Когда тенденция акта *дурна* и мотив остается тот же. В таком случае расположение сомнительно. Оно бывает хорошо или дурно и более или менее хорошо или дурно, во-первых, смотря по тому, чем более или менее вредна тенденция акта; во-вторых, смотря по религиозным принципам лица, чем больше или меньше они приближаются к совпадению с требованиями полезности.

XXIII.

Из истории, кажется, видно, что даже в тех нациях, которые, вообще говоря, имеют сносное состояние цивилизации, требования религии так далеко отступают от совпадения с требованиями полезности, другими словами, с требованиями просвещенной благосклонности, что расположение, указываемое в этом случае, может быть в целом даже дурным. Это, впрочем, не противоречит заключению о хорошем расположении в тех странах (и такова теперь, может быть, большая часть стран Европы), где требования этого мотива касательно отношений людей друг к другу довольно близко подходят к совпадению с требованиями полезности. Требования религии — в их приложении к поведению человека в его личных вопросах — в большей части европейских наций, кажется, в значительной степени отражают в себе аскетический принцип; но повиновение этим требованиям не показывает такого расположения, которое бы выражалось в актах вредной тенденции относительно других. Примеры, в которых требования религии вводят человека в акты, вредные в этом последнем смысле, в настоящее время, кажется, редки: кроме только актов преследования, неблагоприятных политических мер со стороны правительства, где самый закон есть или главный деятель, или соучастник во вреде. Равальяк, побуждаемый этим самым мотивом, нанес своей стране один из самых роковых ударов, какие она когда-нибудь получала от одной руки: но, к счастью, Равальяки

очень редки. Однако во Франции они были чаще, чем в какой-нибудь другой стране в тот же период; и замечательно, что в каждом примере их производил этот мотив. Но когда они появляются, никто, я полагаю, кроме людей, им подобных, не назовет обнаруженного ими расположения хорошим. Едва ли можно отрицать, что они были тем хуже из-за своих представлений о религии и что если бы они остались под одним руководством благосклонности и любви к репутации без всякого подобного мотива, то тем лучше было бы для человечества. Быть может, почти то же скажут о тех людях, которые без всякого особенного обязательства принимали деятельное участие в исполнении законов, составленных для наказания тех, кто имеет несчастье расхотиться с властями в религиозных вопросах, — и еще больше о законодателях, которые дали этим законам силу. Если бы Людовик XIV не руководился этим мотивом, Франция не потеряла бы 800.000 своих лучших подданных. То же можно сказать об инициаторах войн, называемых священными, велись ли они против людей, называемых «неверными», или против людей, получивших еще более одиозное наименование «еретиков». В Дании не так давно возникла, говорят, одна секта, которая по странному извращению понятий взяла в голову, что так как убийство и всякое другое ужасное преступление ведут к покаянию, то они могут служить путем на небо. Надобно, впрочем, заметить, что примеры этого последнего рода всегда были редки и что почти во всех странах Европы примеры первого рода, хотя некогда чрезвычайно частые, с некоторого времени прекратились. Но в некоторых странах преследование внутри страны (или что производит известную степень принуждения, составляющего одну часть вреда преследования, я разумею *расположение* к преследованию, когда представится случай) еще не пришло к своему концу в том смысле, что если в них нет действительных преследований, то только потому, что там нет еретиков, а если нет еретиков, то только потому, что там нет мыслящих людей.

XXIV.

9. Когда тенденция акта *хороша* и мотив (как выше) есть необщественный, мотив *дурной воли*. В этом случае мотив не доставляет, кажется, никаких указаний ни в ту ни в другую сторону: здесь нет указания на хорошее расположение, но нет указания и на худое.

Вы открыли, что булочник продает хлеб неполного веса; вы преследуете его за обман. Вы начали преследование не из-за прибыли, потому что вы через это ничего не выигрываете; не из-за желанья общественного блага; не из-за репутации, потому что этим не приобретается никакой репутации; не с целью сделать угодное Божеству — но чисто только вследствие вашей ссоры с человеком, которого вы преследуете. Если дело стоит так, то, кажется, нельзя ничего сказать ни в пользу вашего расположения, ни против него. Тенденция акта хороша: но вы начали его только по такому мотиву, который, кажется, не дает никакого особенного основания заключить, что он побудит вас когда-нибудь еще к такому же акту. Ваш мотив такого рода, что он довольно справедливо может быть назван дурным, но акт такого рода, что, как бы часто он ни совершался, он никогда не может иметь дурной тенденции и даже не может иметь другой тенденции, кроме хорошей. Предположим, что мотив, которому случилось его вызвать, был мотив дурной воли, но самый акт такого свойства, что нужна была бы только достаточная степень благоразумия с вашей стороны, чтобы его могла произвести самая широкая благосклонность. Далее, из того, что человек поддался побуждению удовлетворить свою досаду посредством акта, тенденция которого хороша, вовсе еще не следует, что в другом случае, под влиянием того же рода мотива, он готов будет совершить акт, тенденция которого дурна. Мотив, который побуждал вас, был мотив необщественный, но какой общественный мотив мог бы здесь помешать вам? Никакой, который бы не был перевешен более широким мотивом того же рода. Итак, из того, что необщественный мотив преобладал, когда он стоял один, нисколько не следует, что он преобладал бы и в том случае, когда бы против него стоял общественный мотив.

XXV.

10. Когда тенденция акта *дурна* и мотив есть необщественный, мотив *неблагосклонности*. В этом случае расположение, им указанное, есть, конечно, вредное.

Человек, укравший у булочника хлеб, как прежде, сделал это с той только целью, чтобы повредить его денежным делам и огорчить его, поэтому, достав хлеб, он не съел и не продал его, а просто уничтожил. Всякий тотчас же заметит, что расположение, проявляемое таким делом, есть дурное расположение.

XXVI.

До сих пор мы говорили об обстоятельствах, из которых можно вообще заключать о вреде или похвальности расположения человека: мы переходим теперь к *мере* этого вреда или этой похвальности, проистекающей из этих обстоятельств. В настоящем сочинении нас не касаются похвальные акты и расположения. Дело уголовного закона состоит в том только, чтобы измерить испорченность (*depravity*) расположения там, где акт вреден. Поэтому мы здесь и ограничиваемся только этим предметом³⁰.

XXVII.

Ясно, что свойство расположения человека должно зависеть от свойства мотивов, влиянию которых он способен подвергаться; другими словами, от степени его чувствительности к силе тех или других мотивов. Потому что его расположение есть как будто сумма его намерений; его расположение в течение известного периода есть сумма или результат его намерений в течение этого периода. Если из тех актов, которые он намеревался совершить в течение этого предположенного периода, акты, имеющие очевидно вредную тенденцию, значительно превышают те акты, которые кажутся ему противоположной тенденции, его расположение будет вредного характера; если их пропорция мала, то расположение будет невинное или честное.

XXVIII.

Но намерения, как и всякая другая вещь, производятся вещами, которые составляют их причину; а причины намерений суть мотивы. Если человек составляет по какому-нибудь случаю хорошее или дурное намерение, он должен быть под влиянием какого-нибудь мотива.

XXIX.

Когда акт, к совершению которого известный мотив побуждает человека, бывает вредного свойства, он может быть для отличия назван *искушающим* (*seducing*) или соблазняющим мотивом; причем всякий мотив, который в противоположность первому действует в качестве воздерживающего мотива, может быть назван *предохраняющим* (*tutelary*), или удерживающим мотивом.

XXX.

Предохраняющие мотивы могут быть далее различаемы на *постоянные* или *случайные*. Под постоянными предохраняющими мотивами я понимаю те, которые с большей или меньшей силой действуют во всех или, по крайней мере, в большей части случаев, стремясь удержать человека от *всяких* вредных актов, которые он может быть склонен совершить; и притом с силой, которая зависит скорее от общей природы акта, чем от какого-нибудь случайного обстоятельства, которым может сопровождаться индивидуальный акт этого рода. Под случайными предохраняющими мотивами я понимаю те, которым может случиться действовать в этом направлении или нет, смотря по природе акта и по частному случаю, по которому может явиться мысль о его совершении.

XXXI.

Но выше было показано, что нет такого рода мотивов, под влиянием которых человек не мог бы совершать акты вредного свойства, т.е. которые не могли бы действовать в качестве соблазняющего мотива. С другой стороны, было показано, что некоторые мотивы заметно менее других способны действовать в этом смысле. Было также показано, что наименее способный из всех есть мотив благосклонности, или доброй воли, который, как мы видели, всего чаще стремится действовать в качестве предохраняющего мотива. Было также показано, что даже тогда, когда ему случается действовать в одну сторону с характером соблазняющего мотива, в другую сторону он все-

³⁰ Эти «похвальные» акты и расположения составили предмет другого сочинения Бентама «Рациональное исследование награды» (*Works*. II., стр. 189—266). (Прим. перев.)

таки действует с противоположным характером предохраняющего мотива. Мотив доброй воли, насколько он касается интересов известного разряда людей, может побуждать человека к действиям, наносящим вред другому, и притом более обширному, разряду людей; но это бывает только потому, что его добрая воля несовершенна, ограничена и не принимает в расчет интересы всех лиц, интересы которых здесь замешаны. Если бы чувство, из которого мотив исходит, было шире, то этот же самый мотив в самом деле действовал бы с характером предохраняющего мотива против того самого акта, который, как предполагается, произошел от него. Вследствие того, без всякого действительного противоречия истине и без всякого уклонения от нее, этот род мотива может быть поставлен в числе постоянных предохраняющих мотивов, несмотря на случаи, в которых он в то же самое время может действовать с характером соблазняющего мотива.

XXXII.

Почти то же замечание может быть приложено к полуобщественному мотиву любви к репутации. Сила его, как в предыдущем случае, может разделиться и идти против самой себя. Как в примере доброй воли интересы некоторых из лиц, которые могут быть предметом этого чувства, способны разниться от интересов других, так в примере любви к репутации чувства некоторых из лиц, от которых желается доброе мнение, могут разниться от чувств других лиц из этого числа. Но в случае акта действительно вредного едва ли может случиться, чтобы не нашлось людей, которые бы смотрели на него с неодобрением. Поэтому едва ли может быть, чтобы в случае акта действительно вредного ему не противодействовала какая-нибудь доля, если не вся сила, этого мотива и чтобы, следовательно, этот мотив не действовал в известной степени с характером предохраняющего мотива. Поэтому он может быть также отнесен к списку постоянных предохраняющих мотивов.

XXXIII.

То же замечание может быть приложено, хотя и не в совершенно равной мере, к желанию дружбы. Потому что, несмотря на вред акта, без большого труда может случиться, что все лица, дружба которых составляет в настоящую минуту предмет желания и ожидания для человека, могут все одинаково смотреть на акт скорее с одобрением, чем напротив. Это чрезвычайно легко может быть между такими братствами, как братства воров, контрабандистов и разных других преступников. Но это не есть, однако, постоянный или самый обыкновенный случай; тем больше, что желание дружбы может вообще считаться предохраняющим мотивом уже по одной тесной связи его с любовью к репутации. И этот мотив может быть поставлен в числе постоянных предохраняющих мотивов, потому что там, где он прилагается, сила его действия зависит не от случайных обстоятельств акта, которому он противится, но от таких же общих принципов, от которых зависит действие других полуобщественных мотивов.

XXXIV.

С мотивом религии дело обстоит не вполне так, как с тремя предыдущими мотивами. Сила его не может, как там, разделяться против самой себя; я разумею здесь цивилизованные нации новейших времен, вполне принимающие понятие о единстве божества. Иначе было во времена классической древности. Если человек имел на своей стороне Венеру, на другой стороне была Паллада; если Эол был за него, Нептун был против него. Эней при всем своем почтении к богам только отчасти пользовался покровительством неба. Теперь этот вопрос стоит на другом основании. В каждом данном лице сила религии, какова бы она ни была, вся находится на одной стороне. И действительно, она может перевешивать на ту сторону, на которой может оказаться; а она может оказаться, как мы уже видели во многих примерах, и на дурной стороне, как и на хорошей. До недавнего времени — и, быть может, еще и теперь — этот мотив в той же степени оказывался на дурной стороне, и притом в таких существенных случаях, что по этой причине, казалось бы, его нельзя поставить относительно общественной тенденции вполне наравне с мотивом благосклонности. Впрочем, там, где он действует в противоположность обыкновенным соблазняющим мотивам, как это бывает в огромном большинстве случаев, он действует подобно мотиву благосклонности постоянным способом, не завися от частных обстоятельств, которые могут сопровождать совершение акта, но стремясь противодействовать ему чисто только по причине его вреда, и потому с одинаковой силой во всяких

обстоятельствах, в каких бы ни предполагалось совершение акта. Вследствие того этот мотив также может быть прибавлен к списку постоянных предохраняющих мотивов.

XXXV.

Что касается мотивов, которые могут действовать в качестве предохраняющих мотивов только случайно, то они, как было уже замечено, бывают различного рода и разных степеней силы в различных преступлениях, завися не только от свойства преступления, но и от случайных обстоятельств, в которых может явиться идея их совершения. И легко видеть, что нет рода мотива, который бы не мог действовать в этом качестве. Например, вор может быть удержан от нового грабежа тем, что он засиделся за бутылкой³¹, удержан посещением своей приятельницы, случившейся необходимостью отправиться куда-нибудь, чтобы получить свою долю в прежней добыче³², и т.д.

XXXVI.

Есть, впрочем, мотивы, которые, кажется, более других способны действовать в этом качестве, особенно при нынешнем положении вещей, когда силе первоначальных соблазняющих мотивов закон везде противопоставил искусственные предохраняющие мотивы, им самим сделанные. Нам необходимо сделать общий обзор рассматриваемых здесь мотивов. Они сводятся, кажется, к двум наименованиям: 1) любовь к покою, мотив, идущий в дело при ожидании беспокойства при начале акта, т.е. беспокойства, которое необходимо перенести, преодолевая физические затруднения, могущие оказаться при этом; 2) самосохранение, в противоположность опасностям, которым человек может подвергаться при исполнении акта.

XXXVII.

Эти опасности могут быть или чисто физического свойства, или происходящими из нравственной деятельности, т.е., другими словами, от поведения кого-нибудь из тех лиц, которые, если бы знали об акте, могли бы ожидать, что он окажется для них вредным. Но нравственная деятельность предполагает знание обстоятельств, которые могут иметь роль внешних мотивов в произведении акта. Получение такого знания относительно совершения какого-нибудь вредного акта со стороны известных лиц, которые могут иметь расположение навлечь за это наказание на совершающего акт, называется *уличением* (detection), и лицо, совершающее акт и относительно которого такое знание приобретает, называется *уличенным*. Таким образом, опасности, могущие угрожать преступнику с этой стороны, каковы бы они ни были, зависят от события его уличения, и поэтому все они могут быть подведены под название *опасности уличения*.

XXXVIII.

Опасность, зависящая от уличения, может опять быть разделена на две ветви: 1) опасность, могущая произойти от сопротивления, которое может быть оказано акту на месте со стороны лиц, подлежащих задержанию, т.е. во время самого совершения акта; 2) опасность законного наказания или другого страдания, которое может последовать после некоторого времени после совершения акта.

XXIX.

Нелишне вспомнить при этом случае, что среди предохраняющих мотивов, которые мы назвали постоянными, есть два мотива, сила которых зависит (хотя и не так прямо, как сила случайных мотивов, но все-таки в значительной мере) от обстоятельства уличения. Мы напомним, что это — любовь к репутации и желание дружбы. Поэтому пропорционально тому, как шанс быть уличенным увеличивается, эти мотивы действуют с большей силой; если шанс меньше — то с

³¹ Любовь к удовольствиям нёба.

³² Денежный интерес.

меньшей силой. Этого не бывает при двух других постоянных предохраняющих мотивах — благосклонности и религии.

XI.

Теперь мы в состоянии определить с некоторой точностью, что надо понимать под *силой искушения* и какое указание может она дать о степени вредности в расположении человека в случае какого-нибудь преступления. Когда человек возбуждается к совершению какого-нибудь вредного акта или, говоря короче, преступления, сила искушения зависит от пропорции между силой соблазняющих мотивов, с одной стороны, и, с другой стороны, — силой случайных предохраняющих мотивов, которые могут быть вызваны к действию обстоятельствами. Искушение можно назвать сильным, когда удовольствие или выгода, ожидаемые от преступления, должны показаться в глазах преступника велики в сравнении с тревогой и опасностью, которые, по его мнению, сопровождают предприятие; его можно назвать легким или слабым, когда это удовольствие или выгода должны казаться малы в сравнении с такой тревогой и опасностью. Очевидно, что сила искушения зависит от силы побуждающих (т.е. соблазняющих) мотивов не вполне: потому что, пусть случай будет более благоприятен, т.е. пусть тревога и всякая ветвь опасности будут меньше, чем прежде, — надо согласиться, что искушение настолько же станет сильнее; и с другой стороны, пусть тревога и опасность будут больше, — искушение настолько же будет слабее.

Итак, после рассмотрения тех предохраняющих мотивов, которые были нами названы случайными, остаются только те предохраняющие мотивы, которые мы назвали постоянными. Но те, которые мы назвали постоянными предохраняющими мотивами, суть те же, которые мы называли общественными. Отсюда следует поэтому, что сила искушения, во всяком случае, после силы общественных мотивов, измеряется отношением суммы сил соблазняющих мотивов к сумме сил случайных предохраняющих мотивов.

XLI.

Остается исследовать, какое указание относительно вредности или испорченности расположения человека доставляется силой искушения в случае, когда совершается какое-нибудь преступление. Кажется, что чем слабее искушение, которое овладевает человеком, тем более испорчено и вредно расположение человека, которое оно указывает. Потому что хорошее качество расположения измеряется степенью чувствительности человека к действию общественных мотивов, другими словами, силой того влияния, какое имеют над ним эти мотивы. Так что — чем меньше сила, с которой действует на него их влияние, тем более убедительно доказательство, которое дано было относительно слабости этого влияния.

Далее, при данной степени чувствительности человека к силе общественных мотивов ясно, что сила, с которой эти мотивы стремятся удержать его от совершения какого-нибудь вредного предприятия, будет равна видимому вреду такого предприятия, т.е. степени вреда, которым, как ему кажется, оно может сопровождаться. Другими словами, чем менее вредным представляется ему преступление, тем меньше он будет против совершения его, насколько он будет руководиться общественными соображениями; чем более вредным, тем он будет больше против его совершения. Таким образом, если свойство преступления таково, что оно должно представляться ему в высокой степени вредным, и он, несмотря на то, все-таки совершает его, это показывает, что степень его чувствительности к силе общественных мотивов очень мала и что, следовательно, его расположение, пропорционально этому, испорчено. Кроме того, чем меньше сила искушения, то это показывает тем более вредное и испорченное расположение. Потому что чем меньше была сила искушения, тем меньше была сила, которую должно было преодолевать влияние этих мотивов, и, следовательно, тем яснее доказательство, которое дано было о слабости этого влияния.

XLII.

Из сказанного следует, кажется, что для суждения о том, какие указания получаются относительно испорченности расположения человека из сравнения силы искушения с вредностью предприятия, могут быть выведены следующие правила:

Правило 1. *При данной силе искушения вредность расположения, обнаруженного предприятием, равняется видимой вредности акта.*

Таким образом, убить человека из-за гинеи или ложно обвинить его в разбое из-за той же гинеи показывало бы более испорченное расположение, чем просто получить эту гинею посредством воровства, предполагая, что тревога, которую человек берет на себя при этом, и риск, которому он подвергается, одинаковы и в том, и в другом случае.

Правило 2. При данном видимом вреде действия расположение человека тем более испорчено, чем меньше искушение, которое получило в нем верх.

Таким образом, расположение оказывается более испорченным и опасным, когда человек убивает другого человека из одной прихоти, как, говорят, много людей убил марокканский император Мулей Магомет, чем когда он убивает из мщения, как убили тысячи людей Сулла и Марий, или в видах самосохранения, как многих убил Август, или даже из-за прибыли, как, говорят, убил некоторых людей тот же император. И действия такой испорченности — для той части публики, которая узнает о них, идут в той же пропорции. Августа должны были бояться только некоторые лица при известных частных обстоятельствах, Мулея Магомета должны были бояться все и во всякое время.

Правило 3. При данном видимом вреде действия представляемое им доказательство испорченности расположения человека бывает тем менее сильно и решительно, чем сильнее искушение, которое взяло верх в человеке.

Таким образом, если человек, близкий к голодной смерти, крадет хлеб, то это менее доказательный признак испорченности, чем если бы кражу на ту же стоимость сделал человек богатый. Надобно заметить, что в этом правиле сказано только то, что доказательство испорченности в этом случае менее решительно, и не сказано, что испорченности положительно меньше. Потому что в этом случае возможно по какому-нибудь обстоятельству, что кража могла бы быть совершена, когда бы даже искушение было и не очень сильно. В этом случае облегчающие обстоятельства могут быть только предполагаемы; в прежнем случае — отягчающее обстоятельство не подлежит сомнению.

Правило 4. Когда мотив бывает необщественного разряда, то при данной силе искушения испорченность соответствует степени обдуманности, которой сопровождалось совершение акта.

Потому что в каждом человеке, как бы ни было испорчено его расположение, общий характер его жизни определяется и направляется общественными мотивами везде, где личные мотивы остаются нейтральны. Необщественные мотивы приходят в действие только в особенных обстоятельствах и по особенным случаям: когда на время ослабевает мягкая, но постоянная сила мотивов общественных. Поэтому общая и постоянная склонность природы каждого человека направляется к той стороне, к которой побуждала бы его примкнуть сила общественных мотивов. В этом случае сила общественных мотивов постоянно стремится положить конец силе необщественных, как в естественных телах сила трения стремится положить конец силе, происшедшей от толчка. И время, которое разрушает силу необщественных мотивов, увеличивает силу мотивов общественных. Поэтому чем дольше в данном случае человек остается под господством необщественных мотивов, тем больше убедительно доказательство, данное относительно его нечувствительности к силе мотивов общественных.

Таким образом, когда человек составляет обдуманный план побить своего противника и действительно бьет его, то это показывает худшее расположение, чем когда бы он побил его на месте, вследствие внезапной ссоры; и еще худшее расположение, когда, долго имея противника в своей власти, он бьет его с промежутками и на досуге.

XLIII.

Испорченность расположения, указываемая известным актом, имеет важное значение во многих отношениях. Всякий признак необыкновенной испорченности, увеличивая ужас, уже внушенный преступлением, и выставляя преступника человеком, от которого можно ожидать еще большего вреда в будущем, увеличивает таким образом требование наказания. Указывая общий недостаток чувствительности на стороне преступника, этот признак может также увеличить это требование наказания другим образом. Вопрос о расположении имеет тем больше важности, что при измерении количества (quantum) наказания принцип симпатии и антипатии способен не смотреть ни на что другое. Человек, который наказывает потому, что ненавидит, и только потому, что ненавидит, такой человек, если не находит в расположении ничего ненавистного, считает наказание ненужным вовсе; и, когда он находит что-нибудь ненавистное, он идет в наказании не дальше того, куда достигает его ненависть. Отсюда так часто выражаемое отвращение к правилу, что наказание должно

увеличиваться с силой искушения; правило, противное которому, как мы увидим, было бы столько же жестоко относительно самих преступников, сколько было бы превратно относительно целей наказания.

Глава XII

О последствиях вредного акта

§ 1. Формы, в которых может обнаружиться вред акта

I.

До сих пор мы говорили о различных предметах, от которых могут зависеть последствия или тенденции акта: о самом голом акте; об *обстоятельствах*, которыми он мог сопровождаться или предполагается, что мог сопровождаться; о *сознательности*, которую человек мог иметь относительно таких обстоятельств; о *намерениях*, которые могли предшествовать акту; о *мотивах*, которые могли порождать эти намерения; о *расположении*, которое может быть указываемо связью между такими намерениями и такими мотивами. Мы будем говорить теперь о *последствиях* или о тенденции: предмете, который составляет заключительное звено во всей этой цепи причин и действий, так как в нем состоит существенное значение всего целого. Но прямо относится к нашему вопросу только та часть этой тенденции, которая имеет вредное свойство; поэтому только ею мы и ограничимся.

II.

Тенденция акта бывает вредна, когда вредны его последствия, т.е. его последствия известные или вероятные. Сколько и каковы бы ни были последствия акта, имеющего вредную тенденцию, те из них, которые вредны, могут быть поняты как нечто целое, и это целое может быть названо вредом акта.

III.

Этот вред часто как будто разделяется на две доли или части: одна содержит то, что может быть названо первоначальным (*primary*) вредом; другая — то, что может быть названо вторичным (*secondary*) вредом. Первоначальной долей вреда может быть названа та, которая переносится одним известным индивидуумом или многими известными индивидуумами. Вторичной — та, которая, происходя от первой, простирается или на целое общество, или на какую-нибудь другую массу неизвестных индивидуумов.

IV.

Первоначальный вред акта может быть опять разделен на две ветви: 1) *оригинальную* и 2) *производную*. Под оригинальной ветвью я разумею ту, которая, падая на одно известное лицо, ограничивается одним этим лицом, переносящим вред в первой инстанции и на свой собственный счет; как, например, лицо, которое бьют, грабят или убивают. Под ветвью производной я разумею долю вреда, которая может пасть на другие известные лица вследствие оригинального вреда, понесенного первым лицом, и не иначе. Эти лица, естественно, должны быть лица, тем или другим путем с ним связанные. Мы уже видели, какими способами лица могут быть связаны друг с другом; именно путем *интереса* (разумя личный интерес) или чисто путем *симпатии*. И притом лица, связанные с данным лицом путем интереса, могут быть связаны с ним, или доставляя поддержку ему, или получая эту поддержку *от него*¹.

V.

Таким же образом, вторичный вред может состоять из двух долей или частей: первая состоит из *страдания*, вторая — из *опасности*. Страдание, производимое им, есть страдание предвидения, страдание, основанное на том, что человек предвидит, что ему нужно будет переносить какой бы то ни было вред и неудобства, могущие произойти от первоначального вреда. Одним словом, это может

¹ См. гл. VI (Чувствительность).

быть названо *тревогой* (alarm). Опасность есть какой бы то ни было шанс, по которому упомянутая масса людей может, вследствие первоначального вреда, подвергнуться тем или другим страданиям и неудобствам. Потому что опасность есть не что иное, как шанс страдания, или, что одно и то же, шанс потери удовольствия.

VI.

Пример объяснит это. Человек нападает на вас на дороге и грабит вас. Вы переносите страдание, потому что потеряли такое-то количество денег², но вы перенесли еще страдание при мысли о личном оскорблении, которое, как вы предвидите, этот человек мог бы нанести вам в случае, если бы вам не удалось удовлетворить его требований³. И то и другое вместе составляет оригинальную ветвь первоначального вреда, происшедшего от акта грабежа. Ваш кредитор, который ожидал, что вы заплатите ему часть этих денег, и ваш сын, который ожидал, что вы отдадите ему другую их часть, вследствие этого обманываются в своих ожиданиях. Вы вынуждены прибегнуть к доброте вашего отца, чтобы пополнить утрату. И тот и другой вред вместе составляет производную ветвь. Известие об этом грабеже переходит из уст в уста и распространяется среди соседей. Оно попадает в газеты и расходится по всей стране. Разные люди припоминают по этому случаю опасность, которой, как видно из этого примера, подвергались они и их друзья в своих путешествиях; и особенно припоминают это те, которым приходится ездить по той же самой дороге. По этому случаю они, естественно, чувствуют известную степень страдания, легче или тяжелее, смотря по тому, в какой мере они представляют себе перенесенную вами передрагу, по тому, как часто приходится каждому из этих лиц проезжать по этой дороге или вблизи от нее, по близости каждого лица к этому месту, по его личному мужеству, по количеству денег, которые придется ему брать с собой, и по разным другим обстоятельствам. Это составляет первую долю вторичного вреда, происходящего от акта грабежа, т.е. тревогу. Но люди того или другого рода не только могут предполагать возможность шанса быть ограбленным вследствие грабежа, понесенного вами, но (как мы теперь покажем) могут действительно подвергнуться этой возможности. И эта возможность составляет другую часть вторичного вреда от акта грабежа, т.е. опасность.

VII.

Взглянем теперь, как далеко простирается эта возможность и откуда она приходит. Каким образом, например, один грабеж может содействовать совершению другого? Во-первых, ясно, что он не может создать никакого прямого мотива. Мотив должен быть перспективой какого-нибудь удовольствия или какой-нибудь другой выгоды в будущем; но упомянутый грабеж уже прошел и не мог бы доставить подобной перспективы, если бы грабеж случился еще: потому что не один грабеж доставит удовольствие тому, кто собирается произвести другой грабеж. Соображением, которое может действовать на человека как мотив или побуждение к совершению грабежа, должна быть идея удовольствия, которое он ожидает извлечь из плодов этого самого грабежа; но это удовольствие существует независимо от всякого другого грабежа.

VIII.

Итак, один грабеж стремится произвести другой, кажется, двумя следующими средствами: 1) внушая лицу, которое подвержено соблазну, идею о совершении другого подобного грабежа (быть может, сопровождаемую уверенностью в его легкости). В этом случае его влияние прилагается прежде всего к пониманию. 2) Ослабляя силу предохраняющих мотивов, которые стремятся удержать это лицо от такого действия, и тем увеличивая силу искушения⁴. В этом случае его влияние прилагается к воле. Эти (предохраняющие) силы суть: 1) мотив благосклонности, который действует

² Т.е. страдание лишения. См. гл. V (Удовольствия и страдания), § 17.

³ Т.е. страдание предвидения, основанное на перспективе органического страдания или какого бы то ни было другого вреда, который может произойти от оскорбления. Там же, § 30.

⁴ См. гл. XI (Расположения), § 40.

как ветвь физической санкции⁵; 2) мотив самосохранения, например, сохранения от наказания, мотив, который может быть доставлен политической санкцией; 3) страх стыда, мотив, принадлежащий к нравственной санкции; 4) страх божественного гнева, мотив, принадлежащий религиозной санкции. На первую и последнюю из этих сил прошедший грабеж, быть может, не имеет такого влияния, на котором бы стоило остановиться; но он имеет на другие два.

IX.

Способ, которым прошедший грабеж может ослабить силу, с которой *политическая* санкция стремится предотвратить будущий грабеж, может быть определен следующим образом. Политическая санкция стремится предотвратить будущий грабеж тем, когда объявляется какое-нибудь особенное наказание тому, кто будет в нем виновен: *действительная* важность этого наказания, конечно, будет уменьшаться *действительной* неизвестностью; точно так же, как *видимая* важность его будет уменьшаться *видимой* неизвестностью. Но эта неизвестность пропорционально увеличивается с каждым случаем, в котором человек заведомо совершает преступление и не подвергается наказанию. И так будет, конечно, со всяким преступлением на известное время; словом, до тех пор, пока определенное наказание не приводится в исполнение. Когда, наконец, наказание совершается, тогда только, и не ранее, эта ветвь вреда преступления прекращается.

X.

Способ, которым прошедший грабеж может ослабить силу, с которой *нравственная* санкция стремится предотвратить будущий грабеж, может быть определен следующим образом: нравственная санкция стремится предотвратить будущий грабеж, выставляя негодование человечества, готовое пасть на того, кто окажется в нем виновен. И это негодование будет тем страшнее, чем больше число лиц, его разделяющих; оно будет тем менее страшно, чем меньше это число. Но если человек не разделяет какого-нибудь негодования против известного рода поступков, то он ничем не может показать это сильнее, как совершив такой поступок сам. Это показало бы, что он не только не чувствует никакого негодования против этого рода поступков, но что ему не представляется даже достаточного резона предвидеть, какое негодование будут чувствовать к нему другие. Вследствие того, где грабежи часты и где они остаются безнаказанны, там грабежи совершаются без стыда. Так было прежде у греков⁶. Так идет еще до сих пор у арабов.

XI.

Итак, каким бы способом прошедшее преступление ни подготовляло дорогу для совершения будущего преступления, внушая ли идею о его совершении или увеличивая силу искушения, в обоих случаях можно сказать, что оно действует силой или *влиянием примера*.

XII.

Не должно смешивать двух ветвей вторичного вреда акта, тревоги и опасности: хотя тесно связанные одна с другой, эти ветви совершенно различны, и каждая может существовать без другой. Соседи могут быть встревожены известием о грабеже, когда на самом деле грабеж или вовсе не был совершен, или он только готовится совершиться; соседи могут встревожиться грабежами, не зная ровно ничего о самом факте. Поэтому мы легко видим, что некоторые акты производят тревогу без опасности; другие — опасность без тревоги.

XIII.

Как опасность, так и тревога могут быть также разделены, каждая, на две ветви: первая состоит из того количества тревоги или опасности, которое может произойти от будущего поведения того же действующего лица; вторая — из того количества тревоги или опасности, которое может произойти

⁵ Т.е. в силу страдания, какое испытывает человек, когда бывает свидетелем или узнает другим образом о страдании другого человека; в особенности, когда причина этих страданий он сам, — одним словом, страдания симпатии. См. гл. V (Удовольствия и страдания), § 26.

⁶ См. Homeri, Odys. XIX, v. 395. Там же, III, 71. Plato de Republ. I, 576, edit. Ficini. Thucyd.

от поведения других лиц, т.е. таких, которые могут совершить акты того же рода и той же тенденции⁷.

XIV.

Надо внимательно отмечать различие между первоначальными и вторичными последствиями акта. Это настолько верно, что последние могут быть часто прямо противоположного свойства, чем первые. В некоторых случаях, где первоначальные последствия акта сопровождаются вредом, вторичные последствия могут быть благотворны, и притом до такой степени, что могут даже сильно перевешивать вред первоначальных. Так бывает, например, со всеми актами наказания, когда оно прилагается правильно. В этих актах первоначальный вред всегда предполагается направленным только против лиц, могущих совершить какие-нибудь акты, которые полезно предотвратить; вторичный вред, т.е. тревога и опасность, распространяется только на лиц, которые подвергаются соблазну совершить такие же акты; и так как акты наказания стремятся удержать их от этого, то эти акты бывают благотворного свойства.

XV.

До сих пор мы говорили об актах, производящих положительное страдание, и притом непосредственно. Этот случай по своей простоте всего естественнее, казалось нам, должен был стоять впереди. Но акты могут производить вред и разными другими путями, которые вместе с разобранными выше могут быть все обняты вкратце в следующем анализе.

Вред может быть подразделяем с какой-нибудь из трех точек зрения: 1) по его собственному свойству; 2) по его причине; 3) по лицу или другой стороне, которые могут быть его предметом. Относительно свойства вред может быть *простой* или *сложный*; и если простой, то *положительный* или *отрицательный*: положительный, состоящий из действительного страдания; отрицательный, состоящий в потере удовольствия. Вред, простой или сложный, положительный или отрицательный, может быть *известный* или случайный, *непредвиденный* (contingent). Когда он бывает отрицательный, он состоит в потере какого-нибудь блага или выгоды; это благо может быть важно каким-нибудь из двух способов или обоими способами вместе: 1) доставляя действительное удовольствие или 2) отвращая страдание или *опасность*, которая есть шанс страдания, т.е. доставляя *безопасность*. И когда благо, которое вред стремится отвратить, производит безопасность, то этот вред стремится произвести *небезопасность*. 2) Относительно причины вред может быть произведен или *одним* действием, или не без участия других действий: если не без участия других действий, то эти последние могут быть или действия *того же самого лица*, или *других* лиц: и в том и в другом случае это могут быть или действия *того же рода*, как то, о котором идет речь, или *других* родов. 3) Наконец, относительно стороны, составляющей предмет вреда, или, другими словами, стороны, которая может быть постигнута вредом, это может быть или какой-нибудь *известный* индивидуум, или собрание индивидуумов, или же масса *неизвестных* индивидуумов. Когда предмет вреда есть известный индивидуум, то этот индивидуум может быть или *то самое лицо*, которое производит вред, или же *другое* лицо. Когда индивидуумы, составляющие предмет вреда, суть неизвестная масса, эта масса может быть или все политическое общество, или государство, или какой-нибудь *подчиненный* отдел его. Далее, когда предмет вреда есть сам виновник его, вред может быть назван *личным*; когда этот предмет есть другая сторона, то — *внешним*; когда эта другая сторона есть индивидуум, то вред может быть назван *частным*; когда подчиненная ветвь общества, — *полупубличным*; когда все общество — *публичным* или *общественным*. Здесь мы пока остановимся. Исследование этого предмета во всех низших подразделениях сделано будет в главе о делении преступлений⁸.

Случаи, уже нами объясненные, суть те, в которых первоначальный вред есть необходимо простой, и притом положительный; настоящий и, следовательно, несомненный; происходящий от одного действия, без необходимости участия другого действия со стороны ли самого действующего лица или других лиц, и имеющий предметом известный индивидуум или, пожалуй, собрание

⁷ Первой из этих ветвей противопоставляется то количество силы наказания, какое считается действующим для *исправления*; последней — то количество, какое считается нужным для *примера*. См. гл. XV (случаи, не подлежа наказанию), § 2, прим.

⁸ Гл. XVIII.

известных индивидуумов, следовательно, низший и частный. Этот первоначальный вред сопровождается вторичным, первая ветвь которого иногда случайна (непредвиденна) и иногда известна, другая всегда только случайна, обе — ветви внешние и полупубличные: в других отношениях почти равны с первоначальным вредом, исключая то, что первая ветвь, т.е. тревога, хотя по количеству ниже первоначального, но гораздо выше его по распространению и, следовательно, в целом по количеству.

XVI.

Два примера достаточно объяснят главную важность представленных выше видоизменений.

Человек выпивает известное количество водки и приходит в опьянение. В этой первой инстанции опьянение еще не производит ему никакого вреда или, что одно и то же, никакого заметного вреда. Но вероятно и в самом деле почти несомненно, что данное число актов того же рода принесет ему весьма значительную степень вреда, и больше или меньше, смотря по его телосложению и другим обстоятельствам: потому что опыт показывает это каждый день. Несомненно также, что один акт этого рода тем или другим способом стремится значительно усилить расположение человека к совершению других поступков того же рода; потому что это также подтверждается опытом. Итак, в этой инстанции вред, который может быть произведен актом, есть случайный; другими словами, тенденция акта вредна здесь только в силу того, что акт производит шанс вреда. Этот шанс зависит от участия других актов того же рода, и притом актов, которые должны быть совершены тем же лицом. Предмет вреда есть то же самое лицо, которое есть виновник его, и только это лицо, кроме разве какой-нибудь случайности. Поэтому вред бывает частный и личный.

Что касается вторичного вреда — тревоги, то акт не производит его: в самом деле он производит только некоторое количество опасности влиянием примера; но эта опасность только редко достигает размеров, заслуживающих внимания.

XVII.

Далее. Человек не платит своей доли податей. Это, как видим, есть акт отрицательного рода⁹. Следует ли в таком случае помещать его в число вредных актов? Без сомнения, следует. По каким основаниям? По следующим. Чтобы защитить общество от его внешних и внутренних неприятелей, нужны труды, которые могут быть выполнены только ценой значительных издержек, не упоминая о других издержках, менее необходимого свойства. Но откуда добыть денег для покрытия этих издержек? Они могут быть добыты только взносами отдельных лиц, словом, — податями. Доход от этих податей должен считаться родом *блага* (benefit), которое управляющая часть общества необходимо должна получать для пользы целого. Прежде чем эти доходы могут быть употреблены по своему назначению, нужно, чтобы некоторым лицам поручено было собрать их для этого употребления. И если эти лица, собрав эти доходы, употребили их по должному назначению, это было бы благом: поставить их в невозможность собрать эти доходы было бы вредом. Но возможно также, что если они и собраны, то не будут употреблены по их должному назначению; или что те труды, с учетом которых этих доходы были даны, останутся неисполненными. Возможно, что подчиненный чиновник, собрав доход от податей, не передаст его своему начальнику; возможно, что начальник не перешлет их по дальнейшему их назначению, например, судье, который должен охранять общество против врагов его внутри, или солдату, который должен охранять его против явных врагов извне; возможно, что судья или солдат, получив их, тем не менее не исполнят своих обязанностей: возможно, что судья не будет заседать в суде для наказания преступников и решения тяжб; что солдат не вынет своего меча для защиты общества. Эти труды вместе с бесконечным множеством других посредствующих актов (которые я опушу для краткости) составляют связную цепь обязанностей, выполнение которых необходимо для сохранения общества. Каждая из них должна быть исполнена, прежде чем произойдет то благо, которому они должны содействовать. Если они исполнены все, то благо существует, и всякий акт, стремящийся подорвать это благо, может произвести вред. Но если какая-нибудь из этих обязанностей не исполнена, то благо не осуществляется, не осуществляется само по себе: оно не существовало бы, хотя бы разбираемый акт (акт неплатежа податей) и не был совершен. Следовательно, это благо зависит от случая, и,

⁹ См. гл. VII (Действия), § 8.

следовательно, при известном предположении акт, состоящий в помехе этому благу, не есть акт вредный. Но при сколько-нибудь сносном правительстве это предположение редко реализуется на деле. В самом худшем правлении, какое только существует, большая часть взимаемых повинностей истрачивается сообразно с их назначением; и относительно какой-нибудь частной суммы, которая требуется от какого-нибудь частного лица по частному случаю, очевидно, что, если только неизвестно, что сумма будет употреблена не так, акт отказа в ней есть акт вредный.

Акт платежа относительно какой-нибудь частной суммы, особенно маленькой, может также не оказаться благотворным на другом основании, и, следовательно, акт неплатежа может не оказаться вредным. Возможно, что именно те же труды могут быть исполнены без денег так же, как и за деньги. И в таком случае, если бы по поводу какой-нибудь небольшой суммы (как, например, самая большая сумма, которую отдельное лицо приглашается заплатить за один раз) кто-нибудь сказал, что неплатеж этой суммы сопровождался бы вредными последствиями, это было бы далеко не несомненно; но во всяком случае это было бы совершенно несомненно, если бы это прилагалось к целому. Несомненно, что если бы вдруг прекратились платежи всех податей, то не было бы сделано ничего действительного ни для поддержания правосудия, ни для защиты общества против внешних врагов; что, следовательно, слабый был бы угнетаем и притесняем всеми способами от сильного внутри (страны) и оба они были бы подавлены извне. Поэтому вообще ясно, что в этом случае, хотя вред есть отдаленный и случайный, хотя в своем первом появлении он состоит только в остановке или перехвате *блага* и хотя лица, в пользу которых это благо перешло бы в положительную форму удовольствия или безопасности, остаются неизвестны или не могут быть указаны, тем не менее вредная тенденция акта остается по всем этим причинам неоспоримой. Относительно *интенсивности* и *продолжительности* вред действительно неизвестен; это вред *сомнительный, отдаленный*. Но относительно *распространения* он громаден и относительно *плодовитости* обилен до размеров, делающих невозможным исчисление.

XVIII.

Теперь, может быть, пора заметить, что вторичная ветвь вреда, состоящая в тревоге, может иметь место только в том случае, когда вред есть внешний (*extra-regarding*) и имеет своим предметом какое-нибудь известное лицо или лица. Когда индивидуумы, постигаемые вредом, неизвестны и вовсе не имеются в виду, тогда не может быть произведено никакой тревоги: так как нет никого, чьи страдания вы могли бы видеть, то нет никого, чьими страданиями вы могли бы быть встревожены. Никакой тревоги не производится, например, неплатежом подати. Если бы в какой-нибудь большой и неопределенный период времени такое преступление могло произвести какой-нибудь род тревоги, эта тревога могла бы произойти и действительно произошла бы непосредственно от совершенно другой причины. Например, она могла бы быть прямо отнесена к акту законодателя, который мог найти необходимым наложить новую подать с целью пополнить недостатки, случившиеся в доходе от прежней подати; или она могла бы быть отнесена к акту неприятеля, который, пользуясь подобной недостаточей в суммах, назначенных для защиты, мог бы напасть на страну и взять с нее более тяжкие контрибуции, чем те, в каких было отказано государю.

Что касается той тревоги, какую подобное преступление могло бы возбудить между немногими людьми, которые бы взглянули на дело глазами политиков, то эта тревога слишком легкого и неопределенного свойства, чтобы ее стоило брать в соображение.

§ 2. Как намеренность и проч. могут влиять на вред акта

XIX.

Мы видели свойства вторичного вреда, который может как бы отражаться от вреда первоначального в тех случаях, где индивидуумы, составляющие предмет вреда, могут быть указаны. Теперь пора исследовать обстоятельства, от которых зависит произведение этого вторичного вреда. Эти обстоятельства — не что иное, как те четыре предмета, которые разбирались нами в четырех последних главах, именно: 1) намеренность; 2) сознательность; 3) мотив; 4) расположение. Надобно заметить при этом, что только *опасность* непосредственно управляется *действительным* состоянием духа относительно этих четырех предметов; а *видимым* состоянием его управляется тревога. Она управляется действительным только в той степени, насколько видимое, как можно ожидать в

большей части случаев, сходится с действительным. Различные влияния видов намеренности и сознательности могут быть представлены в следующих случаях.

XX.

Случай 1. Когда акт бывает настолько совершенно ненамеренный, что бывает вполне *невольный*. В этом случае он не сопровождается вовсе никаким вторичным вредом.

Каменщик работает на верху дома; внизу на улице проходит пешеход. К каменщику подходит товарищ и дает ему сильный толчок, вследствие которого тот падает на пешехода и ранит его. Ясно, что в этом событии нет ничего, что бы могло дать другим людям, идущим по улице, какой-нибудь резон ожидать чего-нибудь в будущем со стороны упавшего человека, как бы там ни было относительно человека, который толкнул его.

XXI.

Случай 2. Когда акт, хотя не ненамеренный, бывает *необдуманый*, так что вредная часть последствий ненамеренна, но необдуманность сопровождается *невнимательностью* или легкомыслием. В этом случае акт несет за собой известную небольшую степень вторичного вреда, пропорционально степени невнимательности.

Конюх скачет верхом на лошади в многолюдном городе, поворачивает на всем скаку за угол и сбивает с ног проходящего мимо человека. Ясно, что это поведение конюха может произвести известную степень тревоги, большую или меньшую, смотря по степени невнимательности, им обнаруженной, по быстроте его езды, по многолюдности улицы, и так далее. Можно сказать, что он уже сделал вред своей неосторожностью: и кто знает, что в других случаях подобная причина опять не произведет подобного же действия?

XXII.

Случай 3. Когда акт *дурно обдуман* или неверно рассчитан относительно какого-нибудь обстоятельства, которое, если бы оно существовало, *совершенно* утратило бы или (что одно и то же) перевесило первоначальный вред, и когда в этом случае нет безрассудства. В этом случае акт вовсе не сопровождается вторичным вредом.

Бесполезно приводить еще дальнейшие примеры.

XXIII.

Случай 4. Когда акт дурно обдуман относительно обстоятельства, которое устранило бы или уравновесило первоначальный вред *отчасти*, но не вполне, и когда также нет безрассудства. В этом случае акт сопровождается некоторой степенью вторичного вреда, пропорционально той части первоначального вреда, которая остается неустраненной или неуравновешенной.

XXIV.

Случай 5. Когда акт дурно обдуман относительно обстоятельства, которое, если бы оно существовало, устранило бы или уравновесило первоначальный вред вполне или отчасти, и где предполагается некоторая степень *безрассудства*. В этом случае акт также сопровождается известной степенью вторичного вреда, пропорционально степени безрассудства.

XXV.

Случай 6. Когда последствия акта *вполне* намеренны, и притом нет дурного (неправильного) расчета обстоятельств. В этом случае вторичный вред достигает своей высшей степени.

XXVI.

До сих пор речь шла о намеренности и сознательности. Мы переходим к рассмотрению того, каким образом вторичный вред зависит от характера *мотива*.

Когда акт бывает зловреден в своих первоначальных последствиях, вторичный вред не стирается *хорошим качеством* мотива, хотя бы мотив был самого наилучшего рода. Потому что, несмотря на хорошее качество мотива, акт, первоначальные последствия которого зловредны, производится им в разбираемом случае с предположением этих последствий. Это может быть, следовательно, и в других случаях: хотя это не так вероятно случается из хорошего мотива, как из дурного.

XXVII.

Акт, который хотя и вреден по своим первоначальным последствиям, но в силу своих вторичных последствий становится в других отношениях вообще благотворным, не поворачивается обратно и не становится вообще вредным по *дурному качеству* мотива: хотя бы мотив и был наихудший¹⁰.

XXVIII.

Но когда не только первоначальные последствия акта зловредны, но в других отношениях также зловредны и вторичные, то вторичный вред может быть *усилен* свойством мотива: именно, насколько этот вред имеет отношение к будущему поведению того же лица.

XXIX.

Впрочем, вторичный вред акта получает свое высшее усиление не от наихудшего разряда мотива.

XXX.

Усиление, которое вторичный вред акта, насколько он касается будущего поведения того же лица, получает от свойства мотива в индивидуальном случае, бывает соразмерно тенденции мотива производить — со стороны того же лица — акты такого же дурного направления, как направление акта, о котором идет речь.

XXXI.

Тенденция мотива производить акты подобного рода со стороны данного лица соразмерна с *силой* и *постоянством* влияния мотива на это лицо в применении к произведению таких действий.

XXXII.

Тенденция какого-нибудь вида мотива порождать акты какого-нибудь рода между людьми вообще соразмерна с *силой*, *постоянством* и *экстенсивностью* его влияния в применении к произведению таких действий.

XXXIII.

¹⁰ К примеру, преследование правонарушений обычно исходит из одного из двух или одновременно двух мотивов, одного — личного, другого — необщественного, т.е. денежного интереса и недоброжелательства: например, когда целью преследования является получение денежного возмещения за нанесенный ущерб, действует (личный) денежный интерес. Часто слышишь, что люди говорят о преследованиях, предпринятых исходя из «общественного духа», который, как мы видим, является отвращением принципа благожелательности. Я далек от того, чтобы отрицать, что этот принцип часто является составляющей суммы мотивов, движущих людьми в предприятиях подобного рода. Но каждый раз, когда эти предприятия осуществляются под влиянием исключительно «общественного духа», не имеющего даже малейшего привкуса личного интереса или недоброжелательства, их нужно признать предприятиями героического рода. Далее, акты героизма по самой своей сущности редки, так как, будь они обычными, они бы не были героическими актами. Но преследования преступлений — самое обычное дело, однако — разве что в самых особых обстоятельствах — они именно благодетельны.

Но мотивы, влияние которых наиболее могущественно, наиболее постоянно и наиболее экстенсивно, суть мотивы физического желания, любви к богатству, любви к покою, любви к жизни и страха страдания: все — мотивы личные (self-regarding). Мотив недовольства, каков бы он ни был по силе и экстенсивности, далеко не так постоянен в своем влиянии (кроме случая чистой антипатии), как какой-нибудь из трех остальных. Поэтому, если вредный акт совершен из мщения или из иного недовольства, он не так вреден, как тот же вредный акт, если он совершен силой какого-нибудь из тех других мотивов¹¹.

XXXIV.

Что касается мотива религии, каков бы он ни был иногда по своей силе и постоянству, он не так всеобщ по своему распространению, особенно в применении к актам вредного свойства, как какой-нибудь из трех предыдущих мотивов. Впрочем, он может быть столько же всеобщ в каком-нибудь отдельном государстве или в отдельной области отдельного государства. Обычно он действует нерегулярно. Но он порой может быть так же могуществен, как мотив мщения или, наконец, как всякий другой мотив. Иногда он бывает даже могущественнее всякого влияния другого мотива. Во всяком случае он гораздо устойчивее¹². Поэтому если вредный акт совершен по мотиву религии, то он более вреден, чем если бы он был совершен по мотиву дурной воли.

XXXV.

Наконец, вторичный вред, т.е. доля вреда, относящаяся к будущему поведению того же лица, усиливается или уменьшается видимой испорченностью или благотворностью расположения, и притом пропорционально этой видимой испорченности или благотворности.

XXXIV.

Последствия акта, о которых мы говорили до сих пор, суть *естественные* последствия, происходящие от самого акта и других рассмотренных нами условий: последствия, происходящие от поведения индивидуума, который есть агент преступления, без вмешательства политической власти. Теперь мы будем говорить о *наказании*, которое — в принимаемом здесь смысле — есть *искусственное* последствие, присоединяемое политической властью к преступному акту, в одном случае; с целью положить конец совершению событий, подобных вредной части естественных последствий преступного акта, — в других случаях.

¹¹ Вот почему угроза или другое личное оскорбление, сделанное чужому человеку для какого-нибудь грабежа, производит в обществе больше вреда и потому, быть может, везде наказывается строже, чем такое же оскорбление, нанесенное человеку из мщения. Никакой человек не бывает всегда в бешенстве. Но всякий человек и всегда больше или меньше любит деньги. Поэтому, хотя бы человек по своей сварливости и сделал один раз дурное действие, он может тем не менее очень долго или даже всю жизнь не совершать другого дурного действия этого рода: потому что он всю жизнь может воздерживаться от вовлечения в такую сильную и яростную ссору и во всяком случае он может ссориться таким образом только с одним или разве что с немногими людьми за один раз. Но если человек сделал одно дурное действие, например какой-нибудь род грабежа, из любви к деньгам, он под влиянием этого мотива может совершать столь же непозволительные действия этого рода во всякое время. Потому что, беря людей вообще, если человек до известной степени любит деньги сегодня, то, вероятно, он будет любить их, по крайней мере в той же степени, и завтра. И если человек расположен приобретать их упомянутым способом, он найдет побуждение к грабежу везде и всегда, где и когда только есть люди, которых можно ограбить.

¹² Если человек вздумает истреблять собственными руками или мечом правосудия тех, кого он называет еретиками, т.е. людей, которые думают или, может быть, только выражаются иначе о предметах, непонятных для обеих сторон, такой человек будет одинаково склонен делать это во всякое время. Фанатизм никогда не спит; он никогда не может насытиться; его никогда не останавливает человеколюбие, потому что подавлять человеколюбие он считает своей заслугой; его никогда не останавливает совесть, потому что он заставляет ее служить себе. Скупость, сладострастие, мщение могут иметь против себя сострадание, чувство благосклонности, честь; фанатизм не имеет против себя ничего.

Глава XIII

Об обстоятельствах, оказывающих влияние на степень тревоги¹³

I. Положение преступника

Есть преступления, которые может совершить всякий человек; есть другие, совершение которых зависит от особенного положения или где именно это особенное положение дает индивидууму случай к преступлению.

Какое влияние имеет это обстоятельство на тревогу? Оно стремится вообще уменьшить ее, стесняя ее область.

Воровство производит всеобщую тревогу; акт похищения денег опекуном у находящегося в опеке едва ли произведет ее.

Некоторая тревога возбуждается актом вымогательства со стороны полицейского чиновника; контрибуция, взимаемая разбойниками на большой дороге, возбудила бы тревоги гораздо больше. Почему это? Потому что известно, что самый решительный вымогатель в общественной должности имеет некоторую узду и сдержку. Ему нужен удобный случай и предлог для злоупотребления своей властью; между тем как разбойник на большой дороге угрожает всегда всем и общественным мнением нисколько не стесняется.

Это обстоятельство таким же образом действует на другие разряды преступлений, как, например, обольщение, прелюбодеяние и пр. Первую встречную женщину нельзя так же удобно обольстить, как ограбить. Такое предприятие требует продолжительного знакомства, известного соединения звания и богатства, словом, условий особенного положения.

Совершено два убийства, одно с целью наследовать имение, другое для грабежа: первое представляет более ужасный характер, но второе возбуждает больше тревоги. Человек, который считает себя безопасным от злых умыслов своих наследников, не испытывает заметной тревоги от первого события; но какую безопасность он может иметь против разбойников? Прибавьте к этому, что негодяй, который совершил бы преступление из-за наследства, еще не превратился бы в убийцу на большой дороге. Он рискнул бы многим из-за имения, чем не рискнул бы из-за нескольких шиллингов.

Это замечание распространяется на все преступления, заключающие в себе нарушение доверия или злоупотребление доверием или властью, общественной или частной. Такие преступления причиняют тем меньше тревоги, чем более особенно положение преступника, чем меньше число лиц, имеющих подобное положение, и, следовательно, чем больше ограничена область преступления.

Важное исключение представляется в тех случаях, где индивидуум облечен большой властью, когда он может распространить сферу своих действий на большое число лиц. Хотя его положение и есть особенное, но здесь это увеличивает тревогу вместо того, чтобы сокращать ее. Когда цель судьи — грабить, убивать, тиранизировать; когда цель военного — красть, притеснять, проливать кровь: тогда тревога, возбуждаемая ими, пропорциональна обширности их власти и может превзойти тревогу от самых ужасных разбоев.

В этих высоких положениях нет необходимости быть преступным: простая ошибка, свободная от злого умысла, может произвести живейшую тревогу. Например, невинный человек осуждается на смерть честным, но невежественным судьей, — как скоро ошибка известна, общественное доверие потрясено, удар почувствован и произведенная тревога доходит до высокой степени.

К счастью, этот вид тревоги возможно бывает остановить за один раз устранением неспособного субъекта с его должности.

II. Легкость или трудность предупреждения преступлений

Ум тотчас начинает сравнивать средства нападения и обороны, и тревога бывает более или менее сильной, смотря по тому, считается ли совершение преступления более или менее легким. Вот одна из причин, настолько усиливающих вред от акта разбоя над вредом от простой кражи. Сила может сделать многие вещи, которых не могла бы сделать хитрость. В деле грабежа тот грабеж, который происходит в самом жилище, производит больше тревоги, чем тот, который происходит на

¹³ Эта XIII глава заимствована из Дюмона, *Traité de Législation* (том II, главы VII, IX, X, XI, XII и XIII), чтобы дополнить изложение Бентама.

большой дороге; грабеж, совершаемый ночью, производит больше тревоги, чем грабеж, совершаемый среди белого дня; тот, который соединяется с поджигательством, больше, чем тот, который ограничивается обыкновенными способами.

С другой стороны, чем больше видимая легкость противодействовать преступлению, тем меньше оно возбуждает тревоги. Тревога бывает не так сильна, когда преступление не может быть совершено без согласия страдающей стороны. Этот принцип легко приложить к подложному приобретению, к оболещению, дуэли, личным преступлениям и особенно к самоубийству.

Строгость закона против домашнего воровства без сомнения была основана на трудности противодействовать этому преступлению. Но усиление, происходящее из этого обстоятельства, не равняется действию другого обстоятельства, стремящегося уменьшить тревогу, именно особенности положения, которая доставляет удобный случай для воровства. Если домашний вор раз открыт, он уже более не опасен. Для того, чтобы обокрасть меня, ему нужно мое согласие: я должен ввести его в мой дом и дать ему мое доверие. Когда мне так легко обеспечить себя, он может внушить мне только весьма незначительную тревогу.

III. Большая или меньшая легкость, с которой преступник может скрыться

Тревога бывает больше, когда по свойству обстоятельств преступления бывает труднее открыть или узнать его виновника. Если он остается неизвестен, то успех его преступления есть поощрение для него и для других: нельзя указать границ тем преступлениям, которые остаются неизвестными, между тем как потерпевшая сторона теряет всякую надежду на вознаграждение.

Есть преступления, которые допускают предосторожности, в особенности удобные для сокрытия: как, например, передевание лица; выбор ночного времени для действия; посылка безымянных угрожающих писем с целью вымогательства недолжных уступок.

Есть также отдельные преступления, к которым люди могут прибегать для того, чтобы затруднить открытие других преступлений. Индивидуум может быть посажен в заключение, или увезен, или убит, чтобы преступник мог освободиться от опасности быть схваченным по его указанию.

В тех случаях, где по свойству преступления преступник по необходимости известен, тревога значительно уменьшается. Поэтому личные обиды, происходящие от минутного порыва страсти, возбуждаемого присутствием противника, производят меньше тревоги, чем воровство, которое любит скрытность; хотя зло первого класса может быть или имеет шансы быть больше в первом случае.

IV. Характер преступника

О характере преступника судят по свойству его преступления и особенно по экстенсивности вреда: по злу первого класса, которое составляет наиболее видную его часть. Но об его характере можно судить также по обстоятельствам, по подробностям его поведения при совершении самого преступления. Таким образом, характер человека окажется более или менее опасным, смотря по тому, больше или меньше имеют на него влияния предохраняющие мотивы в сравнении с силой мотивов соблазняющих.

Характер должен рассматриваться при выборе наказания и при определении его количества по двум причинам: во-первых, потому что он или увеличивает, или уменьшает тревогу; во-вторых, потому что он доставляет указание о чувствительности субъекта. Нет необходимости употреблять для стеснения слабого, но собственно доброго характера такие же сильные меры, какие требуются для противоположного темперамента.

Рассмотрим основания *отягчения*, которые могут быть извлечены из этого источника.

1. Чем меньше потерпевшая сторона была в состоянии защищаться, тем сильнее должно действовать чувство естественного сострадания. Законы чести присоединяются к этому инстинкту сожаления и делают повелительной обязанностью помочь слабому и щадить того, кто уже не способен дольше сопротивляться. Первое указание об опасном характере — *притеснение* слабого.

2. Если уже одна слабость должна пробуждать сострадание, то вид страждущего индивидуума должен действовать в этом направлении с двойной силой. Простой отказ в помощи бедствующему порождает малоблагоприятное мнение о характере индивидуума; но каков должен быть характер человека, который пользуется моментом несчастья с целью увеличить тяжелое чувство огорченного сердца; моментом преследования, чтобы еще более увеличить его горечь новой обидой; моментом

нищеты, чтобы совершенно ободрать ее жертвы? Второе указание об опасном характере — *отягчение бедственного положения*.

3. Существенную ветвь нравственной политики составляет то, что люди, привыкшие размышлять и в которых можно предполагать мудрость и опыт, должны пользоваться уважением тех, кто не приобрел этих привычек или не имеет тех же преимуществ воспитания. Этот род превосходства высшие классы обыкновенно получают от низших; старые люди от молодых людей того же класса и известные профессии, существующие для общественного обучения. В массе народа существует известное чувство почтения и уважения к этим отличиям; и это уважение, весьма полезное для подавления, без усилий, соблазняющих страстей, есть одно из лучших оснований для нравов и для законов. Третье указание об опасном характере — *неуважение к высшим*¹⁴.

4. Когда мотивы, поведшие к совершению преступления, были сравнительно слабы и легкомысленны, чувства чести и благосклонности должны иметь слишком мало силы. Если считается опасным человек, которого непреодолимое желание мщения вынуждает нарушить законы человеколюбия, то что подумать о том, кто предается актам жестокости из простого мотива любопытства, подражания или забавы? Четвертое указание об опасном характере — *жестокость без всякой надобности*.

5. Время в особенности благоприятно для развития предохраняющих мотивов. В первом порыве страсти, как под ударом грома, чувство добродетели на минуту может уступить, но, если сердце не испорчено, размышление скоро возвратит ему прежнюю силу и принесет ему победу. Если между мыслью о преступлении и его исполнением прошло достаточно долгое время — это несомненное доказательство созревшей и укоренившейся испорченности. Пятое указание об опасном характере — *обдуманность* (*préméditation*).

6. Число соумышленников есть другой признак испорченности: соглашение предполагает размышление о деле. Соединение многих лиц против одного невинного лица выказывает также жестокую трусость. Шестое указание об опасном характере — *сговор* нескольких лиц.

К этим причинам отягчения можно прибавить две другие причины, которые не так легко подвести под класс: *обман и нарушение доверия*.

Обман налагает на характер глубокое и унижительное пятно, которого не могут стереть самые блестящие качества. Общественное мнение право в этом отношении. Истина есть одна из первых потребностей человека, это одна из стихий нашего существования, необходимая для нас, как дневной свет. В каждую минуту своей жизни мы должны строить наши суждения и направлять наше поведение на основании знания фактов, из которых только немногие могут подлежать нашему собственному наблюдению. Отсюда для нас проистекает самая абсолютная необходимость доверяться известиям других. Если в эти известия вмешивается обман, наши суждения становятся ошибочными, наш успех неверным, наши надежды обманываются: мы живем в состоянии беспокойного недоверия и не знаем, где искать безопасности. Словом, обман заключает в себе начало всякого зла, так как в своем течении он привел бы к разрушению человеческого общества.

Важность истины так велика, что малейшее нарушение ее законов, даже в ничтожных вещах, всегда влечет за собой известную опасность: самое легкое отступление от нее есть нападение на должное к ней уважение; первое нарушение облегчает второе, примиряя человека с ненавистной идеей лжи. Если зло обмана так велико в вещах, которые сами по себе маловажны, то каково оно должно быть в случаях большей важности, когда он служит орудием преступления?

Обман бывает иногда существенным обстоятельством в преступлении, иногда просто частной принадлежностью его. Он необходимо заключается в лжесвидетельстве, в подложном приобретении и во всех их видоизменениях. В других преступлениях он бывает только частным и случайным обстоятельством. Только в отношении к этим последним он может доставить отдельную причину отягчения.

Нарушение доверия относится к особенному положению, к доверенной власти, которая налагает на преступника обязанность, им нарушенную. Оно может рассматриваться иногда как

¹⁴ И. Бентам: «Это незнание пользы, если не необходимости, такого подчинения и было причиной того, что французы впали во время революции в то крайнее безумие, которое привело их к неслыханным бедствиям и которое распространило разрушение во все части света: во Франции не было высших, и потому не было безопасности. Принцип равенства заключает в себе принцип анархии: великую плотину законов против потока страстей поддерживает целое, которое составляют небольшие массы частного влияния».

главное преступление, иногда только как преступление добавочное. Нам нет нужды входить здесь в подробности.

Мы можем сделать здесь одно общее замечание относительно всех этих источников отягчения. Хотя все они доставляют неблагоприятные указания о характере преступника, это не есть резон для пропорционального увеличения его наказания. Достаточно, если наказанию дается известное видоизменение, которое будет иметь некоторую аналогию с этим добавочным преступлением и которое послужит к пробуждению в умах граждан спасительной антипатии против отягчающего обстоятельства. Это будет яснее, когда мы будем говорить о способах сделать наказание соответствующим проступку¹⁵.

Мы перейдем, впрочем, к облегчениям, которые могут быть извлечены из того же самого источника и которые имеют то действие, что более или менее уменьшают требование наказания. Я называю эти обстоятельства, стремящиеся уменьшить тревогу, облегчениями, потому что они доставляют благоприятное суждение о характере индивида. Их можно свести к девяти:

1. Отсутствие злого намерения.
2. Самосохранение.
3. Предварительный вызов.
4. Сохранение дорогих связей.
5. Переход через границы необходимой защиты.
6. Подчинение угрозам.
7. Подчинение авторитету.
8. Опьянение.
9. Детский возраст.

Во всех этих обстоятельствах, кроме двух последних, есть тот общий пункт, что преступление не имело своего источника в воле преступника. Первая причина есть акт другого, чужая воля или какой-нибудь физический случай. Помимо этого события человек остался бы столько же невинен до конца своей жизни, как был до тех пор; и, даже если бы он не был наказан, его будущее поведение было бы так же хорошо, как если бы он не совершал преступления, о котором идет речь.

Каждое из этих обстоятельств требует подробностей и объяснений. Я ограничусь здесь замечанием, что необходимо оставить судье большой простор для оценки этих различных источников облегчения, их силы и обширности.

Например, что касается полученного вызова, то этот вызов должен быть получен *недавно*, чтобы заслуживать снисхождения; он должен быть получен в течение той же самой ссоры. Но что составляет *эту самую* ссору? Что должно считаться *недавней* обидой? Необходимо провести эти демаркационные линии. «Не дайте зайти солнцу в вашем гневе», — учит Писание. Сон должен успокаивать порыв страстей, горячку чувств и приготовить сердце к влиянию предохраняющих мотивов. Этот естественный период может — в случае убийства — отделять то, что было обдуманно и подготовлено, от того, что не было.

В случае опьянения необходимо исследовать: не существовало ли намерение совершить преступление еще прежде; не было ли опьянение только мнимое; не имело ли оно целью только дать

¹⁵ И. Бентам: «Здесь представляется любопытный вопрос нравственности и законодательства.

Если индивидум совершает действия, осуждаемые общественным мнением его страны и которые не должны бы быть осуждаемы на основании принципов полезности, может ли быть отсюда извлечено неблагоприятное суждение о характере этого индивидума?

Я возражаю, что хороший человек, подчиняясь вообще трибуналу общественного мнения, может предоставить себе право частного суждения в частных случаях, когда мнение упомянутого трибунала кажется ему противоречащим его разуму и его счастью или когда это мнение требует от него тяжелых жертв, без всякой реальной пользы кому бы то ни было. Возьмите, например, лиссабонского еврея: он притворяется, он нарушает законы, нарушает общественное мнение, которое имеет на своей стороне всю силу популярной санкции; есть ли он поэтому самый дурной человек? Считаете ли вы его способным на всякое преступление? Будет ли он клеветником, вором, клятвопреступником, если бы мог надеяться, что не будет открыт? Нет, португальский еврей склонен к этим преступлениям несколько не больше других. Монах позволяет себе тайком нарушать слишком тягостные требования своего монастыря: следует ли из этого, что он будет помощником и опасным человеком, готовым всегда нарушать честное слово? Такое заключение было бы очень неосновательно. Здравому смыслу, просвещенного интересом, может быть достаточно, чтобы увидеть общее заблуждение, но это еще не поведет человека к пренебрежению существенных законов».

больше смелости человеку при совершении преступления? Повторение случая, быть может, должно уничтожать извинение, которое будет извлечено из этого источника. Тот, кто по опыту знает, что вино делает его опасным, не заслуживает никакого снисхождения за те излишества, в какие оно может его вовлечь.

Английский закон не допускает опьянения как основания для извинения. Это объясняется так, что это значило бы извинить одно преступление другим. Такая нравственность оказывается суровой и немыслимой: она происходит из принципа аскетизма.

Но что касается детского возраста, то речь идет здесь не о том возрасте, когда преступник не знает, что он отвечает за то, что делает, и где наказания были бы не действительны. К чему может привести судебное наказание четырехлетнего ребенка за поджог?

В какие границы должен быть поставлен этот источник облегчения? Резонной границей кажется тот период, когда человек считается достигшим такой зрелости, что не нуждается больше в опекуне и становится сам своим господином. До этого периода от него не ожидают, что он имеет достаточно смысла для ведения своих дел.

Это не значит, что обыкновенное наказание непременно должно быть уменьшаемо относительно каждого преступления, совершенного до зрелого возраста. Это уменьшение должно зависеть от всех обстоятельств. Мы хотели сказать только, что по прошествии этого периода наказание не должно уже быть уменьшаемо на таком основании.

На основании несовершеннолетия отлагаются главным образом позорящие наказания. Кто не имеет надежды оживить честь, тот с трудом может быть снова побужден к добродетели.

Когда я говорю о совершеннолетию, я разумею не римское совершеннолетие, определявшееся в двадцать пять лет; потому что несправедливо и нелепо стеснять свободу человека так долго и держать его в узах детства после полного развития его способностей. Период, который я имею в виду, есть английский период двадцати одного года. До этого возраста Помпей завоевал провинции, Плиний младший с честью защищал интересы своих сограждан в суде. Великобритания управлялась министром, который вел с блестящим успехом сложную систему финансов ранее того возраста, в котором в других странах Европы ему позволили бы продать акр земли.

Случай, в котором не бывает тревоги

Тревога совершенно не существует в том случае, где единственные лица, подверженные опасности (если таковая есть), не способны к страху.

Это обстоятельство объясняет нечувствительность многих народов к детоубийству, т.е. убийству, совершаемому над новорожденным ребенком с согласия отца и матери. Я говорю с *согласия*; потому что без этого тревога была бы почти такая же точно, как если бы дело шло о взрослом. Чем меньше дети способны к страху сами за себя, тем больше способна тревожиться за них нежность родителей.

Я не намерен оправдывать эти народы. Это — народы варварские потому уже, что они дали отцу право распоряжаться новорожденным без согласия матери, которая после всех опасностей деторождения лишается его награды и приводится этим недостойным рабством к одному положению с теми низшими животными, которых плодородие для нас стеснительно. Детоубийство, как я определил его, не может быть наказываемо как главное преступление, потому что оно не производит никакого зла первого или второго класса; но оно должно быть наказываемо как ступень к другим преступлениям, доставляя указание против характеров его виновников. Необходимо, конечно, всеми силами укреплять чувства уважения к человечеству; необходимо внушать отвращение ко всему, что приучает к жестокости. Поэтому детоубийство должно наказывать, соединяя с ним какое-нибудь опозорение. Причина его есть обыкновенно страх стыда; поэтому нужно большее пятно, чтобы подавить его. Но в то же время случаи наказания должно сделать реже, требуя ясных доказательств его совершения.

Законы против этого стремления — под видом человеколюбия — были самым явным его нарушением. Сравните преступление и наказание. Что такое это преступление? Смерть ребенка, переставшего существовать прежде, чем он узнал существование; событие, которое не может возбудить ни малейшего беспокойства в воображении самых робких людей и может оставить сожаление только в тех, кто по чувству стыда и жалости отказался продлить его дни, начавшиеся при таких несчастливых обстоятельствах. И какое наказание? Варварское наказание, постыдная смерть, постигающая несчастную мать, самое преступление которой доказывает ее чрезмерную чувствительность; женщину, которая впала в заблуждение с отчаяния и которая повредила только

себе самой, когда отказалась уступить самому сладкому инстинкту природы. Она обречена на бесславие, потому что слишком глубоко боялась стыда; и существование ее друзей, переживающих ее, отравлено позором! Но если сам законодатель был первой причиной зла; если его можно счесть настоящим убийцей этих невинных созданий, насколько ненавистнее окажется эта суровость! И, однако, он один своим жестким отношением к ее слабости возбудил в сердце матери эту ужасную борьбу между нежностью и стыдом.

Случаи, где опасность больше тревоги

Хотя тревога вообще бывает соответственна опасности, есть случаи, где это соотношение не сохраняется: опасность может быть больше тревоги.

Это случается в тех смешанных преступлениях, которые заключают в себе частное зло и опасность, свойственную им в качестве публичных преступлений.

В государстве может случиться, что государь может быть обкрадываем недобросовестными чиновниками и публика угнетена притеснениями его подчиненных. Соучастники этих беспорядков могут составлять грозную фалангу, не допуская приближаться к престолу ничему, кроме продажных восхвалений; так что истина может сделаться величайшим из преступлений. Трусливость под маской благоразумия скоро сделалась бы национальным характером. Если бы при этом всеобщем упадке мужества добродетельный гражданин решился обличить преступников и сделался жертвой своей ревности, то его погибель возбудила бы очень мало тревоги; его великодушие было бы сочтено только за акт безумства, и каждый, обещая себе не действовать подобно ему, смотрел бы спокойно на бедствие, которого, по его мнению, этот человек мог бы избежать. Но тревога, успокаиваясь таким образом, уступила бы место более значительному вреду: этот вред состоит в опасности безнаказанности за все публичные преступления, в прекращении всех добровольных услуг справедливости, в глубоком равнодушии отдельных лиц ко всему, что не касается их лично.

Говорят, что в некоторых из итальянских государств люди, давшие доказательства против воров и разбойников, подвергались мщению их соучастников и бывали принуждены искать в бегстве той безопасности, которой не могли им дать законы; для частных людей служить законной справедливости становилось опаснее, чем самим вооружаться против нее, потому что свидетель подвергался большей опасности, чем убийца. Тревога, проистекающая из этого порядка вещей, бывает слаба, потому что никто не имеет необходимости подвергать себя этому вреду, но в той же пропорции возрастает опасность.

Глава XIV

Причины — считать известные действия преступлениями¹⁶

Мы сделали анализ зла. Этот анализ показывает, что есть известные действия, из которых проистекает больше зла, чем добра: и законодатель запрещает именно действия этого рода или по крайней мере такие, которые таковыми считаются. Запрещенное действие есть то, что называется преступлением: чтобы заставить уважать эти запрещения, необходимо было установить наказания.

Но можно ли считать некоторые действия преступлениями? Или, другими словами, можно ли подвергать их законным наказаниям?

Что за вопрос? Разве с этим не согласны все? Нужно ли трудиться доказывать признанную истину, истину, так прочно утвержденную в умах людей?

Все согласны с этим; положим. Но на чем основано это согласие? Спросите у каждого его резоны. Вы увидите странное различие мнений и принципов; вы увидите это различие не только в народе, но и между философами. Будет ли напрасным трудом искать однообразного основания для согласия в таком существенном предмете?

Существующее согласие основано только на предрассудках, и эти предрассудки разнообразны по времени и месту, по понятиям и обычаям. Мне всегда говорили, что такое-то действие есть преступление, и я думаю, что оно преступление; вот руководство народа и даже законодателя. Но если обычай возвел в преступления невинные действия, если он заставляет считать важными легкие проступки или легкими преступления важные, если он был везде различен, то ясно, что следует подчинить его правилу и не принимать его за самое правило. Призовем же здесь на помощь принцип полезности. Он подтвердит определения предрассудка везде, где они справедливы; он уничтожит их везде, где они вредны.

Я считаю себя чуждым всем нашим определениям порока и добродетели. Я призван рассматривать человеческие действия единственно по их результату в добро или во зло. Я открываю два счета. Я ставлю в чистую прибыль все удовольствия; я ставлю в потерю все страдания. Я верно взвешу интересы всех сторон; человек, которого предрассудок пятнает как порочного, и тот, которого он восхваляет как добродетельного, передо мной равны в настоящую минуту. Я хочу судить самый предрассудок и взвесить на этих новых весах все действия, чтобы составить список тех, которые должны быть позволены, и тех, которые должны быть запрещены.

Эта операция, которая кажется сначала такой сложной, делается легкой при посредстве различия, которое мы сделали между злом первого порядка или инстанции, затем второго и третьего.

Мне нужно исследовать акт, покушающийся на безопасность индивидуума. Я сравниваю все удовольствие или, другими словами, всю прибыль, которая приходится от этого акта совершающему его лицу, со всем тем злом или той потерей, которая происходит отсюда для терпящей стороны. Я вижу прежде всего, что зло первого порядка превышает благо первого; но я не останавливаюсь на этом. Это действие влечет для общества опасность и тревогу. Это зло, существовавшее прежде только для одного, распространяется на всех в форме страха. Удовольствие, проистекающее из действия, бывает только для одного, а страдание является для тысячи, для десяти тысяч, для всех. Эта непропорциональность уже громадна, но она кажется мне бесконечной, когда я перехожу к злу третьего порядка, принимая в соображение, что, если бы акт, о котором идет речь, не был подавлен, из него произошло бы еще всеобщее и продолжительное уныние, прекращение труда и наконец распад общества.

Я пересмотрю самые сильные желания, те, удовлетворение которых сопровождается самыми большими удовольствиями, и мы увидим, что исполнение этих желаний, когда оно производится за счет безопасности, бывает гораздо обильнее злом, чем добром.

1. Возьмем сначала *вражду*. Это самая обильная причина покушений против чести лица. Я стал испытывать к вам вражду, все равно, каким образом она возникла. Страсть увлекает меня: я вас оскорбляю, я вас унижаю, я наношу вам рану. Зрелище вашего страдания заставляет меня — по крайней мере на минуту — испытать чувство удовольствия. Но можно ли подумать, чтобы даже за это время удовольствие, которое я испытываю, было равнозначно страданию, которое терпите вы?

¹⁶ Эта глава заимствована из Дюмона, *Traité de Législation* (vol. I, p. 34—36), гл. II, чтобы дополнить изложение Бентама.

Если бы даже каждый атом вашего страдания мог изобразиться в моем уме, вероятно ли, чтобы каждый атом удовольствия, ему соответствующий, показался мне одинаково сильным? И между тем моему рассеянному и смущенному воображению представляются только немногие разбросанные атомы вашего страдания: для вас не может потеряться ни один; для меня самая большая доля всегда рассеивается в чистую потерю. Но это удовольствие, как оно есть, уже скоро даст заметить свою естественную нечистоту. Человеческое чувство, принцип которого, быть может, ничто не в состоянии заглушить в самых жестоких сердцах, пробуждает в моем сердце тайное угрызение совести. Страх всякого рода: страх мщения с вашей стороны или со стороны всех людей, имеющих с вами связи; страх общественного мнения; страх религиозный, если во мне остается какая-нибудь искра религии, — весь этот страх нарушает мое спокойствие и скоро подрывает мой триумф: страсть увяла, удовольствие разрушено, его заменяет внутренний упрек. Но на вашей стороне страдание продолжается и может еще длиться долго. Так бывает с легкими ранами, которые может излечить время. Но что же будет в том случае, когда по свойству оскорбления рана неизлечима, когда члены изуродованы, черты лица обезображены и способности разрушены? Взвесьте эти бедствия, их силу, их продолжительность, их последствия, измерьте их по всем направлениям, и вы увидите, до какой степени удовольствие во всех отношениях ниже страдания.

Перейдем к последствиям второго порядка. Известие о вашем несчастье разольет во все умы яд страха. Каждый человек, у которого есть или может быть враг, с ужасом думает о всем том, что может внушить страсть ненависти. Между слабыми существами, у которых бывает столько предметов зависти, раздора, которых тысяча мелких соперничеств беспрестанно вооружает друг против друга, дух мщения возвещает целый ряд вечных зол.

Таким образом, всякий акт жестокости, произведенный страстью, принцип которой лежит во всех сердцах и от которой все могут страдать, породит тревогу, и эта тревога будет продолжаться до тех пор, пока наказание виновного не перенесет опасность на сторону несправедливости, жестокой вражды. Вот страдание, общее всем; и не забудем другого страдания, происходящего отсюда, того страдания симпатии, которое испытывают благородные сердца при виде преступлений этого свойства.

II. Если мы рассмотрим теперь акты, могущие происходить из того повелительного мотива, из того желания; которому природа вверила продолжение вида и такую великую часть его счастья, мы увидим, что когда этот мотив нарушает безопасность лица или его домашнее положение, то благо, которое происходит от его удовлетворения, невозможно сравнить со злом, которое из него проистекает.

Я скажу здесь только о покушении, которое явно нарушает безопасность лица, — изнасиловании. Не должно допускать грубой и ребяческой шутки, отвергающей существование этого преступления и уменьшающей его ужас. Что бы ни говорилось на этот счет, женщинам, наиболее расточающим свою благосклонность, не понравится, если эту благосклонность будет вырывать у них грубая наглость. Но здесь обширность тревоги делает бесполезным всякое рассуждение о первоначальном зле. Как бы ни стояло дело с преступлением настоящим, преступление возможное всегда будет предметом ужаса. Чем более всеобщее желание, порождающее это преступление, тем обширнее и сильнее тревога. В те времена, когда законы не имели достаточно силы, чтобы отвращать это преступление, когда нравы не были достаточно установлены, чтобы опозорить его, оно возбуждало мщение, о котором история сохранила нам некоторые воспоминания. Целые нации принимали участие в раздоре: ненависть переходила от отцов к детям. Строгое заключение греческих женщин, не известное во времена Гомера, обязано было, кажется, своим происхождением той эпохе смут и революций, когда слабость законов умножила беспорядки этого рода и распространила всеобщий ужас.

III. Что касается мотива алчности, то, сравнивая удовольствие приобретения посредством узурпации со страданием потери, мы найдем, что первое не равносильно второму. Но есть случаи, в которых, если остановиться на последствиях первого порядка, благо имеет неоспоримое преимущество над злом. Рассматривая преступление только с этой точки зрения, нельзя указать никакого достаточного резона в оправдание строгости законов. Все вертится на зле второго порядка: это зло именно и дает действию характер преступления, это зло и делает необходимым наказание. Возьмем для примера физическое желание, имеющее предметом удовлетворение голода. Если бедняк, побуждаемый этой необходимостью, крадет хлеб в богатом доме, то можно ли сравнить благо, которое он делает себе сам, с той потерей, которую делает человек богатый? То же замечание можно приложить к менее поразительным примерам. Человек грабит общественную казну: он обогащается и не делает бедным никого. Потеря, которую он наносит отдельным лицам, сводится к

неосязаемым долям. Итак, эти действия надо возвести в преступления не за зло первого порядка, а по причине зла второго порядка.

Если удовольствие, связанное с удовлетворением таких могущественных желаний, как вражда, половое стремление, голод, с удовлетворением их против воли других заинтересованных лиц, так далеко не равно происходящему от него злу, то эта неравномерность окажется еще больше для мотивов менее деятельных и менее сильных.

Желание самосохранения есть единственное, которое может еще требовать особенного рассмотрения.

Если речь идет о зле, которое сами законы хотят причинить индивидууму, нужно, чтобы это делалось по какому-нибудь очень настоящему резону, как, например, необходимость исполнить наказания, наложенные судом, наказания, без которых не было бы безопасности, не было бы правительства. Если желание избежать наказания удовлетворяется, закон оказывается в этом отношении бессмысленным. Следовательно, зло, проистекающее из этого удовлетворения, есть то, которое происходит из бессилия законов или, что то же, из несуществования никакого закона. Но зло, происходящее от несуществования закона, есть в самом деле собрание разных зол, для предотвращения которых законы устроены, т.е. собрание всех зол, которые людям приходится испытывать от людей. Конечно, одного триумфа этого рода, одержанного индивидуумом над законами, недостаточно, чтобы поразить бессилием всю систему. Тем не менее всякий пример этого рода есть признак ослабления, есть шаг к ее разрушению. Итак, отсюда следует зло второго порядка, тревога и опасность; и, если бы законы потакали этому уклонению, они стали бы в противоречие со своими собственными целями; чтобы устранить небольшое зло, они допустили бы другое, гораздо более чем равносильное ему.

Остаются случаи, где индивидуум устраняет зло, которому законы не хотели подвергать его. Но так как они не хотят, чтобы он подвергался этому злу, они хотят, чтобы он не подвергался ему. Устранить это зло есть само по себе благо. Может случиться, что, делая усилия для предохранения себя от зла, индивидуум сделает зло, более чем равносильное этому благу. Ограничивается ли это зло, которое он делает для своей собственной защиты, только тем, что необходимо для этой цели, или оно идет дальше? В каком отношении находится зло, им сделанное, к тому злу, которое он устранил? Равно ли оно ему, или оно больше или меньше? Устраненное зло было ли способно к исправлению, если бы вместо того, чтобы защищаться от него такой дорогой ценой, он решился на время подчиниться ему? Вот сколько вопросов, которые должен закон принять в соображение, чтобы установить в подробности правила о самозащитении. Этот предмет принадлежит к уголовному кодексу, исследованию средств оправдания или облегчения относительно преступлений. Здесь достаточно заметить, что во всех этих случаях, каково бы ни было зло первого порядка, все зло, совершаемое индивидуумом для защиты самого себя, не производит никакой тревоги, никакой опасности. Если только на него не будет сделано нападение и его безопасность не нарушится, другим людям нечего бояться с его стороны.

Глава XV

Случаи, не подлежащие наказанию

§ 1. Общий обзор случаев, не подлежащих наказанию

I.

Общая цель, которую имеют или должны иметь все законы, есть вообще увеличивать целое счастье общества и поэтому в первую очередь исключать сколько возможно все, что стремится уменьшать это счастье; другими словами, исключать вред.

II.

Но всякое наказание есть вред; всякое наказание есть само по себе зло. По принципу полезности, если только должно быть допущено наказание, оно должно быть допускаемо только в той степени, насколько оно обещает устранить какое-нибудь большее зло¹⁷.

III.

Ясно поэтому, что наказание не должно быть допускаемо в следующих случаях:

1. Где оно *неосновательно*; где нет вреда, который бы оно предотвращало, когда акт в целом не вреден.

2. Где оно должно быть *недействительно*; где оно не может действовать так, чтобы предупреждать вред.

3. Где оно *неприбыльно* или слишком дорого; где вред, который оно может произвести, был бы больше того вреда, который оно должно предотвратить.

¹⁷ Тому, что говорится дальше о преступлении, должна бы, собственно говоря, предшествовать особая глава о целях наказания. Но так как это могло бы слишком увеличить объем этого труда, то мы нашли более удобным предоставить этот предмет для особого сочинения. (Это сочинение есть «Рациональное исследование наказания», изданное сначала вместе с «Рациональным исследованием награды» Дюмоном в его французском издании, а потом вошедшее и в английское изд.) Туда я должен отнести анализ различных возможных способов наказания, частное и подробное исследование свойств каждого, его выгод и невыгод и разные другие изыскания, которые не казались абсолютно необходимыми здесь. Впрочем, нелишне будет сказать и здесь несколько слов относительно целей наказания.

Непосредственная главная цель наказания есть контролировать действие. Это действие есть или действие преступника, или других; действие преступника оно контролирует или своим влиянием на его волю, где, как говорится, оно действует путем *исправления*; или своим влиянием на его физическую силу, где оно действует отнятием способности совершить другое преступное действие; действия других наказание может контролировать не иначе как влиянием на их волю, где, как говорится, оно действует посредством примера. Род боковой, коллатеральной цели, которой наказание естественно стремится достигать, есть цель доставить удовольствие потерпевшей стороне, где есть сторона или вообще стороны (т.е. заинтересованное лицо или лица), злая воля которых возбуждена была этим преступлением или по личной причине, или по причине симпатии и антипатии. Эта цель, если только может она достигаться есть цель благотворная. Но наказание никогда не должно быть назначено для одной этой цели, потому что (независимо от действия его путем контроля) удовольствие, производимое таким образом наказанием, никогда не может равняться со страданием. Впрочем, наказание, назначаемое для другой цели, должно быть приносиваемо и к этой, насколько это может быть сделано без издержек. Удовлетворение, доставляемое таким образом потерпевшей стороне в виде необщественного удовольствия (см. гл. X), может быть названо возмездием или вознаграждением (*vindictive satisfaction, compensation*); как вознаграждение, доставляемое в виде личной выгоды или количества удовольствия, оно может быть названо выгодным. Пример есть самая важная цель из всех в той пропорции, в какой *множество* лиц, подвергающихся искушению совершить преступление, относится к *одному*.

4. Где оно *не нужно*; где вред может быть предотвращен или может прекратиться сам, без него; т.е. дешевле.

§ 2. Случаи, в которых наказание неосновательно

IV.

Эти случаи: 1. Где никогда не было никакого вреда; где не было никому произведено вреда тем действием, о котором идет речь. Сюда принадлежат случаи, где акт мог бы быть иногда вредным или неприятным, но лицо, интерес которого затронут, дало свое согласие на его совершение. Это согласие, — как предполагается, свободное и должным образом полученное, — есть лучшее доказательство, какое можно привести за то, что лицу, давшему его, не было в целом сделано никакого вреда, по крайней мере никакого непосредственного вреда. Потому что никто не может судить так хорошо, как сам человек, о том, что доставляет ему удовольствие или неудовольствие.

V.

2. Где вред был *перевешен*: хотя акт и произвел вред, но этот акт был необходим для произведения блага, имевшего большую ценность, чем этот вред. Сюда может принадлежать все, что делается в виде предосторожности против внезапного бедствия, как и все, что делается при исполнении некоторых родов власти, необходимых в каждом обществе, т.е. власти домашней, судебной, военной и верховной.

VI.

3. Где есть несомненное равномерное вознаграждение, и притом во всех случаях, где может быть совершено преступление. Это предполагает две вещи: 1) что преступление таково, что допускает равносильное вознаграждение; 2) что такое вознаграждение непременно окажется. Последнее из этих предположений может быть сочтено чисто идеальным, таким, которое в данной ему здесь всеобщности не может быть доказано фактом. Поэтому на практике оно не может быть поставлено в числе оснований абсолютной безнаказанности. Оно может быть, однако, допущено как основание для уменьшения того наказания, которого потребовали бы другие, независимые от этого соображения.

§ 3. Случаи, в которых наказание должно быть недействительно

VII.

Это случаи: 1. Где уголовное положение *не было установлено*, пока не совершился акт. Сюда относятся: 1) Законы *ex-post facto*, когда сам законодатель не определяет наказания, пока акт не был совершен. 2) Приговоры, выходящие за пределы закона, где судья своей собственной властью назначает наказание, которое не было назначено законодателем.

VIII.

2. Где уголовное положение, хотя и установленное, *не доведено до сведения* лиц, на которых, как кажется, оно намерено действовать. Таков случай, где закон упустил употребить какую-нибудь необходимую меру для обеспечения того, чтобы всякое лицо, находящееся в области действия закона, было поставлено в известность обо всех случаях, в которых (при своем настоящем общественном положении) оно может подвергнуться взысканиям закона.

IX.

3. Где уголовное положение, хотя и доведенное до сведения человека, может *не произвести* на него никакого действия, т.е. может не отклонить его от совершения какого-нибудь акта того рода, о котором идет речь. Так бывает: 1) В крайнем *детстве*; когда человек еще не приобрел того состояния или расположения ума, в котором перспектива таких отдельных зол, как представляемые

законом, может оказать влияние на его поведение. 2) *В безумии*; когда лицо, если уже и достигло этого расположения, но затем лишилось его вследствие влияния какой-нибудь постоянной, хотя невидимой причины. 3) *В опьянении*; когда человек был лишен этого расположения преходящим влиянием видимой причины, как, например, употребления вина, или опиума, или других веществ, которые таким же образом действуют на нервную систему: состояние, которое действительно есть не что иное, как временное безумие, произведенное известной причиной.

X.

4. Когда уголовное положение (хотя бы, будучи доведено до сведения человека, оно могло очень хорошо предотвратить совершение им актов того рода, о котором идет речь, предполагая, что он знал, что оно относится к этим актам) может не иметь этого действия относительно того *индивидуального* акта, который человек хочет совершить; т.е. потому что человек не знает, что акт принадлежит к числу тех, к которым относится уголовное предостережение. Это может оказаться: 1) В случае *ненамеренности*; где человек не намеревается совершить акта и потому не знает, что он может совершить акт, который впоследствии он мог совершить¹⁸; 2) В случае *несознательности*, где хотя человек может знать, что он готов совершить самый акт, но, не зная всех существенных *обстоятельств*, сопровождающих его, он не знает о его *тенденции* к производству вреда, с учетом которого он был признан подлежащим наказанию. 3) В случае *дурного предположения* или неверного расчета; где, хотя человек и может знать о тенденции акта к производству этой степени вреда, он, хотя и ошибочно, предполагает, что акт сопровождается некоторыми обстоятельствами или таким рядом обстоятельств, что если бы акт сопровождался ими действительно, то он или не произвел бы этого вреда, или произвел бы такую большую степень блага, что законодатель не считал бы его в таком случае подлежащим наказанию¹⁹.

XI.

5. Где хотя бы уголовная статья имела полное и преобладающее влияние, если бы действовала одна, но вследствие *господствующего* влияния на волю какой-нибудь противоположной причины она должна по необходимости быть недействительна; потому что зло, которому человек готов подвергнуться в случае несовершения акта, так велико, что с ним не может равняться зло, определяемое уголовной статьей в случае совершения акта. Это может оказаться: 1) В случае физической опасности; где есть вероятность зла, могущего произойти от непосредственных сил природы. 2) В случае угрозы вредом; где есть вероятность зла, могущего произойти от намеренных и сознательных действий человека²⁰.

XII.

6. Где хотя уголовная статья может иметь полное и преобладающее влияние на волю человека, но его физические способности (вследствие господствующего влияния какой-нибудь физической причины) не в состоянии следовать решению воли: так что акт есть совершенно *невольный*. Таков случай физического принуждения, произведенного какими бы то ни было средствами; где, например, рука человека наталкивается на какой-нибудь предмет, до которого его воля располагает его не

¹⁸ См. гл. VIII (Намеренность).

¹⁹ См. гл. IX (Сознательность).

²⁰ Влияние *моральной и религиозной* санкций или, другими словами, мотивов *любви к репутации и религии* есть другая группа причин, сила которых может в известных случаях оказаться больше (силы) наказания, которое законодатель *способен* или хотя бы *считает* уместным применить. Поэтому для него было бы благоразумным держать их в поле зрения. Однако сила этих влияний изменчива и различна в разные времена и в разных местах, тогда как сила влияний, которые рассматривались ранее, является постоянной и одинаковой всегда и везде. Поэтому на них не следует всегда смотреть как на основания для признания полной безнаказанности: как и в указанных выше случаях несовершеннолетия и опьянения, выяснять существо фактов (в делах такого рода) часто бывает непрактично.

прикасаться; или удаляется от прикосновения к какому-нибудь предмету, к которому воля располагает его прикоснуться.

§ 4. Случаи, в которых наказание неприбыльно

XIII.

Это случаи: 1. Где, с одной стороны, характер преступления, с другой — характер наказания в *обыкновенном порядке вещей*, таковы, что при сравнении зло последнего окажется больше, чем зло первого.

XIV.

Зло наказания делится на четыре ветви, постигающие столько же различных разрядов людей: 1) Зло *принуждения* или страдание, которое наказание причиняет человеку, делая для него невозможным совершение какого бы то ни было акта, от совершения которого его удерживает перспектива наказания. Это чувствуется теми, кто *соблюдает* закон. 2) Зло *предвидения* (*apprehension*) или страдание, которое человек, навлекший на себя наказание, чувствует при мысли о том, что подвергнется ему. Это чувствуется теми, кто нарушил закон и кто чувствует себя в опасности, что закон будет над ним исполнен. 3) Зло *перенесения* его²¹ или страдание, которое человек чувствует в силу своего наказания — с того времени, когда он начал переносить его. Это чувствуется теми, кто нарушил закон и над кем он теперь совершается. 4) Страдание симпатии и другие *производные* роды зла, проистекающего для людей, которые находятся в *связи* с разными сейчас упомянутыми разрядами лиц, первоначально страдающих²². Из этих четырех долей зла первая будет больше или меньше, смотря по характеру акта, от которого человек удерживается; вторая и третья — смотря по характеру наказания, которое связывается с преступлением.

XV.

Что касается, с другой стороны, зла преступления, то оно также, конечно, будет больше или меньше, в зависимости от характера каждого преступления. Поэтому пропорция между одним и другим злом будет различна для каждого отдельного преступления. Поэтому случаи, в которых наказание бывает неприбыльно на этом основании, могут быть исследованы не иначе, как посредством исследования каждого отдельного преступления: что и будет предметом главной части нашего труда.

XVI.

2. Где хотя в *обыкновенном положении вещей* зло, происходящее от наказания, не больше блага, способного произойти от силы, с которой оно в течение той же протяженности времени действует для исключения зла преступления, но может сделаться больше по влиянию каких-нибудь *случайных обстоятельств*. К числу этих обстоятельств могут относиться: 1) Большое число преступников в какой-нибудь особенный момент; такое, что оно выше обыкновенной меры увеличило бы в зле наказания *quantum* второй и третьей доли и тем увеличило бы также и количество четвертой доли. 2) Чрезвычайная ценность заслуг какого-нибудь одного преступника — случай, в котором действие наказания лишило бы общество блага от этих заслуг. 3) Неудовольствие *народа*, т.е. неопределенного числа членов *того же* общества, в случаях, где (вследствие влияния какого-нибудь случайного события) они увидят, что преступление или преступник не должны быть наказываемы таким способом или в такой степени. 4) Неудовольствие *иностранных держав*; т.е. правительства или значительного числа членов какого-нибудь *иностранного* общества или обществ, с которыми связано то общество, о котором идет речь.

§ 5. Случаи, где наказание не нужно

XVII.

²¹ См. гл. V (Удовольствия и страдания).

²² См. гл. XII (Последствия), § 4.

Это случаи: где цель положить конец известным действиям может быть столь же успешно достигнута по более низкой цене: например, наставлением столько же, сколько страхом; образованием понимания столько же, как непосредственным влиянием на волю. Сюда принадлежат, кажется, все те преступления, которые состоят в рассеивании вредных мнений в деле *обязанностей*, каких бы то ни было — политических, нравственных или религиозных. И при этом все равно, будут ли такие принципы рассеиваться с искренним убеждением или даже *без* убеждения в их благодетельности. Я говорю даже *без* убеждения: потому что хотя в таком случае наставление не помешает писателю стремиться внушать свои принципы, но оно может удержать читателей от принятия их: а без читателей его стремление внушать эти принципы не сделает никакой беды. В таком случае государю обыкновенно незачем будет принимать в этом деятельную роль: если интерес одного индивидуума будет в том, чтобы внушать принципы, которые вредны или могут считаться вредными, то, конечно, интерес других индивидуумов будет в том, чтобы обличать их. Но если государю необходимо нужно будет принять участие в споре, то наиболее приличное оружие для опровержения заблуждения есть перо, а не меч.

Глава XVI

О пропорции между наказаниями и преступлениями

I.

Мы видели, что общая цель всех законов есть предотвращать вред, т.е. когда он этого стоит; но что там, где нет других средств сделать это кроме наказания, есть четыре случая, где дело этого не стоит.

II.

Когда вред *стоит этого*, то законодатель, руководящийся в своих взглядах принципом полезности, при своем стремлении достигнуть сколько возможно этой общей цели естественно предполагает себе следующие четыре второстепенные цели.

III.

1. Его первая, наиболее обширная и наиболее желательная цель есть предотвратить, насколько только возможно, и все стоящие того роды преступлений, каких бы то ни было²³; другими словами, действовать так, чтобы не могло быть совершаемо вообще никаких преступлений.

IV.

2. Но если человек необходимо должен совершить преступление того или другого рода, ближайшая цель законодателя есть *скорее* побудить его совершить *менее* вредное преступление, чем *более* вредное; другими словами, побудить его выбирать всегда *наименее* вредное из двух преступлений, которые будут соответствовать его цели.

V.

3. Когда человек решился на какое-нибудь частное преступление, ближайшая цель есть расположить его делать *не больше* вреда, чем сколько *необходимо* для его намерения; другими словами, сделать так мало вреда, как это сообразно с благом, какое он имеет в виду.

VI.

4. Последняя цель состоит в том, чтобы, каков бы ни был вред, который предполагается предотвращать, предотвращать его сколько возможно дешевле.

VII.

С этими четырьмя целями должны быть сообразны правила, которыми должна быть определяема пропорция между наказаниями и преступлениями.

VIII.

Правило 1. Первая цель, как видели, та, чтобы предотвращать все роды преступлений, насколько это стоит делать; поэтому — ценность наказания должна быть во всяком случае не менее, чем сколько достаточно для того, чтобы перевесить ценность прибыли²⁴ от преступления²⁵.

²³ Под *преступлением* я разумею здесь акты, которые, как ему кажется, имеют стремление произвести вред.

²⁴ Под *прибылью* от преступления надо понимать не только денежную прибыль, но и какое бы то ни было удовольствие или выгоду, которую человек получает или ожидает получить от удовлетворения желания, которое приводит его к совершению преступления.

Если бы эта ценность была меньше, то преступление все-таки будет наверняка совершено (если только не вмешаются какие-нибудь другие соображения, независимые от преступления, и если эти соображения не подействуют успешно в качестве предохраняющих мотивов): вся совокупность наказаний будет выброшена: она будет совершенно *недействительна*²⁶.

IX.

Против вышеприведенного правила часто возражали на основании его кажущейся суровости: но это может быть только по недостатку должного понимания его. Сила искушения, *caeteris paribus*, равняется прибыли от преступления; количество наказания должно возрастать с прибылью от преступления: поэтому, *caeteris paribus*, оно должно возрастать с силой искушения. Это не подлежит спору. Правда, что чем сильнее искушение, тем менее решительно указание, которое акт преступления дает об испорченности расположения преступника²⁷. Итак, если только в разбираемом случае не окажется какого-нибудь отягчения, происходящего из необыкновенной испорченности расположения, или по большей мере, если в разбираемом случае окажется присутствие основания для облегчения, происходящего из невинности или благотворности расположения преступника, — сила искушения может действовать в смысле понижения требования наказания. Но действие ее никогда не может простираться так далеко, чтобы она могла выказать свойство делать наказание недействительным, что, конечно, будет, если понизится уровень видимой прибыли от преступления.

Частная благосклонность, которая была бы склонна к уменьшению наказания ниже этого уровня, действовала бы как против тех целей, к которым, собственно, хотел бы стремиться этот мотив, так и против тех, более обширных целей, к которым должна бы стремиться благосклонность: это было бы жестокостью не только против публики, но и против тех самых лиц, в пользу которых она говорит: я разумею, в последствиях, хотя она и желает противного в своих намерениях. Это была бы жестокость против публики, потому что — при недостатке в должном охранении — публика оказалась бы подверженной вреду преступления; жестокость даже против самого преступника, потому что он был бы наказываем без всякой ясной мысли и без шанса достигнуть той благотворной конечной цели, которая одна может оправдывать введение зла наказания.

X.

Правило 2. Но будет ли данное преступление предотвращено в данной степени данным количеством наказания — это всегда только шанс; и для приобретения этого шанса, каково бы ни было применяемое наказание, многое применяется авансом. Впрочем, чтобы дать ему лучший шанс перевесить прибыль от преступления, — *чем больше вред преступления, тем больше должна быть трата, какую стоит сделать путем наказания*²⁸.

XI.

Правило 3. Дальнейшая цель — та, чтобы побудить человека выбирать всегда наименее вредное из двух преступлений; поэтому, — *когда встречаются два преступления, то наказание за*

Эта прибыль (т.е. ожидание прибыли) от преступления и составляет *побуждающий* мотив или, где их несколько, сумму побуждающих мотивов, приводящих человека к совершению преступления. С другой стороны, наказание (т.е. ожидание наказания) составляет *удерживающий* мотив, который или сам по себе, или в соединении с другими может действовать на него в *противоположном* направлении, побуждая его воздержаться от совершения преступления. Оставляя в стороне случайные обстоятельства, сила искушения равняется силе соблазняющего или побуждающего мотива или мотивов. Итак, сказать, как говорили это писатели с великими заслугами и великими именами, что наказание не должно возрастать с силой искушения, значит то же, что сказать в механике, что движущая сила или *момент силы* не должен возрастать с моментом *тяжести*.

²⁵ Beccaria. Dei delitti, § 6, trad. par Morellet, § 23.

²⁶ См. гл. XV (Случаи, не подлежащие наказанию), § 1.

²⁷ См. гл. XI (Расположения), § 42.

²⁸ К примеру, если когда-либо стоит идти на такую трату, как столь ужасное наказание, как сожжение живьем, то это будет оправдано скорее, имея в виду предотвращение преступлений типа убийства или поджигательства, чем для предотвращения выпуска фальшивых денег.

*большее преступление должно быть достаточно для того, чтобы побудить человека предпочитать меньшее*²⁹.

XII.

Правило 4. Когда человек решился на какое-то преступление, то дальнейшая цель — побудить его делать не больше вреда, чем необходимо для его намерения: поэтому — наказание должно быть приноравливаемо к каждому преступлению таким образом, чтобы для каждой части вреда здесь мог быть мотив, который бы удерживал преступника от произведения этого вреда³⁰.

Надобно заметить, что прибыль, хотя часто, но не постоянно, бывает пропорциональна вреду: например, когда вор вместе с теми вещами, какие он желал иметь, крадет и те, которые ему совсем не нужны. Это может случиться по легкомыслию, лени, торопливости и проч.

XIII.

Правило 5. Последняя цель — та, чтобы, какого бы мы ни остерегались вреда, остерегаться от него настолько можно дешевле: поэтому — наказание ни в каком случае не должно быть больше того, чем сколько нужно для того, чтобы согласовать его с данными здесь правилами.

XIV.

Правило 6. Нужно заметить далее, что так как люди при различных обстоятельствах различным образом и в разной степени принимают действие одной и той же возбуждающей причины, то наказание, по имени одно и то же, не всегда произведет (или действительно, или даже видимо для других) в двух разных лицах одну и ту же степень страдания: поэтому — для того, чтоб количество наказания, действительно налагаемое на каждого индивидуального преступника, соответствовало количеству, предполагаемому для подобных преступников вообще, всегда надобно принимать в расчет различные обстоятельства, оказывающие влияние на чувствительность³¹.

XV.

Из приведенных правил пропорций четыре первые, как мы можем видеть, служат для обозначения границ на стороне уменьшения или границ, *ниже* которых наказание не должно быть *уменьшаемо*; пятое — для обозначения границ на стороне увеличения или границ, *выше* которых наказание не должно быть *увеличиваемо*. Пять первых правил рассчитаны на то, чтобы служить руководством законодателю; для той же цели в некоторой степени рассчитано, правда, и шестое, но главным образом оно должно служить руководством для судьи в его старании сообразоваться, с обеих сторон, с намерениями законодателя.

XVI.

Оглянемся немного назад. Первое правило, чтобы сделать его более удобным для применения к практике, быть может, нуждается в несколько более подробном разъяснении. Надо заметить, что

²⁹ Esprit des Lois, I. VI, chap. 16.

³⁰ Если бы кто усомнился в этом, пусть тот представит себе преступление разделенным на столько отдельных частей, сколько можно различить частей в произведенном им вреде. Положим, например, что преступление состоит в том, что какой-нибудь человек дал вам десять ударов или украл у вас десять шиллингов. Если за данные вам десять ударов он наказывается не больше, чем за пять, то пять ударов из десяти составят преступление, за которое нет никакого наказания; поняв это, человек, дающий вам пять ударов, наверное даст их еще пять, потому что он может иметь удовольствие дать вам их даром. Таким же образом, если за кражу десяти шиллингов человек наказывается не больше, чем за кражу пяти, то кража других пяти шиллингов остается преступлением, за которое наказания нет. Это правило нарушается почти на каждой странице всех кодексов, какие я только видел.

³¹ См. гл. VI (Чувствительность).

для большей точности нужно было вместо слова «количество» употреблять менее ясный термин «ценность». Потому что слово «количество», собственно, не включает в себя обстоятельств несомненности или близости, обстоятельств, которые всегда должны браться в расчет при определении ценности известной доли страдания или удовольствия³². Далее, с одной стороны, доля наказания есть доля страдания; с другой — прибыль от преступления есть доля удовольствия или того, что ему равнозначно. Но прибыль от преступления обыкновенно *бывает* более *несомненна*, чем наказание, или (что все равно) по крайней мере кажется такой преступнику. Во всяком случае эта прибыль бывает обыкновенно более *непосредственна*. Отсюда следует поэтому, что для того, чтобы сохранить превосходство наказания над прибылью от преступления, ценность наказания должна быть поднята каким-нибудь другим путем пропорционально тому, чем оно уступает относительно двух пунктов — *несомненности* и *близости*. Но оно не может получить прибавки к своей *ценности* иначе, как получая прибавку в отношении *объема* (magnitude). Итак, везде, где ценность наказания оказывается недостаточна или относительно *несомненности*, или относительно *близости*, в сравнении с прибылью от преступления, — там оно должно получить прибавку относительно объема³³.

XVII.

Еще дальше. Чтобы увериться в том, что ценность наказания действительно становится выше ценности преступления, в некоторых случаях может оказаться необходимым брать в расчет не только прибыль от *индивидуального* преступления, к которому должно прилагаться наказание, но также и прибыль от *других* подобных преступлений *того же рода*, которые преступник мог уже совершить без улики. Как ни суров этот подсчет наугад, в некоторых случаях невозможно будет не прибегнуть к нему; именно в таких случаях, где прибыль есть денежная прибыль, где шанс улики очень мал и где вредный акт такого свойства, что указывает на привычку; например, в случаях подделки монеты. Если не прибегать к упомянутому способу, то привычка к этому преступлению — по балансу расчета — наверное будет прибыльной привычкой. В таком случае законодатель может быть совершенно уверен, что он будет не *способен* прекратить это преступление и что все наказание, за него налагаемое, останется без действия и без пользы. Одним словом (употребляя те же выражения, которые мы уже выставили), все это количество наказания будет *недействительно*.

XVIII.

Правило 7. По рассмотрении этих вещей, в дополнение и объяснение к правилу 1-му, могут быть введены следующие три правила:

Чтобы дать возможность ценности наказания перевесить ценность прибыли от преступления, наказание должно быть увеличено относительно объема пропорционально тому, чего ему недостает относительно несомненности.

³² См. гл. IV (Ценность).

³³ Поэтому, например, простое вознаграждение никогда не считается достаточным наказанием за воровство или грабеж.

XIX.

Правило 8. Далее, наказание должно быть увеличено относительно объема пропорционально тому, чего недостает ему относительно близости.

XX.

Правило 9. Где акт положительно указывает на привычку, наказание должно быть увеличено настолько, чтобы дать ему возможность перевесить не только прибыль от индивидуального преступления, но и прибыль от других подобных преступлений, которые мог совершить тот же преступник безнаказанно.

XXI.

На требование наказания могут — в некоторой небольшой степени — иметь влияние и некоторые другие обстоятельства или соображения; но так как свойство их не столь удобно показать, или оно не столь постоянно, или приложение их не так определено, как в предыдущих, то можно сомневаться, следует ли ставить эти обстоятельства на один уровень с другими.

XXII.

Правило 10. Когда наказание, которое по своему качеству особенно хорошо рассчитано для удовлетворения его намерения, не может иметь меньше известного количества, то при употреблении его иногда может быть полезно немного расширить его выше того количества, которое было бы строго необходимо по другим основаниям.

XXIII.

Правило 11. В частности, это может иногда иметь место в таких случаях, когда предположенное наказание такого свойства, что оно особенно хорошо рассчитано для того, чтобы служить нравственным уроком³⁴.

XXIV.

Правило 12. Вышеупомянутые соображения клонятся к тому, чтобы требовать увеличения наказания; следующее правило действует для его уменьшения. Есть (как мы видели) известные случаи³⁵, где вследствие влияния случайных обстоятельств наказание может иметь шанс сделаться бесполезным только в одной части. Поэтому — при определении количества наказания должно быть обращено внимание на обстоятельства, которые могут сделать всякое наказание бесполезным.

XXV.

³⁴ Можно сказать, что наказание рассчитывается таким образом, чтобы отвечать цели нравственного урока, когда — вследствие печати позора, которую оно накладывает на правонарушение, — оно рассчитано так, чтобы возбуждать у публики чувства отвращения к тем пагубным привычкам и расположениям, с которыми связан данный проступок, и тем самым — внушить противоположные благодатные привычки и расположения.

Это то, что должно оправдать применение столь сурового наказания, как бесчестье быть выставленным на публичное осуждение, предусмотренное для того, кто поднял руку на женщину или на своего отца...

Отчасти в силу этого принципа, как я полагаю, военные законодатели нашли оправдание осуждению на смерть того солдата, кто поднял руку на старшего по званию.

³⁵ См. гл. XV (Случаи, не подлежащие наказанию), § 4.

Правило 13. Должно заметить, что чем больше разнообразен и подробен какой-нибудь разряд положений закона, тем больше шанс того, что какая-нибудь данная статья его будет забыта: и при этом от нее не будет никакой пользы. Различия более сложные, чем сколько могут понять те, на поведение которых они должны оказывать влияние, будут даже хуже, чем бесполезны. Вся система получит смутный характер: и таким образом уничтожено будет не только действие пропорциональности, устанавливаемой этими статьями, но и действие всего, что с ними связано. Начертить точную линию направления в подобном случае кажется невозможно. Впрочем, для памяти может быть не лишним прибавить следующее правило: если между статьями закона, предназначенными усовершенствовать отношение между наказаниями и преступлениями, встретятся такие, которые своими особенно хорошими действиями не вознаградят неудобства, какое они сделали бы в кодексе, увеличивая его запутанность, — эти статьи должны быть опущены³⁶.

XXVI.

Надобно заметить, что политическая санкция, к которой относится род наказаний, разбираемых в этой главе, есть только одна из четырех санкций, которые все могут внести свою долю в произведение одних и тех же результатов. Поэтому можно сказать, что при назначении количества политического наказания должно обращать внимание на содействие, которое оно может встретить со стороны этих других управляющих сил. Правда, что от каждого из этих различных источников может иногда проистекать весьма могущественное содействие. Но дело в том, что (оставляя в стороне нравственную санкцию в случае, где сила ее положительно принимается и видоизменяется политической санкцией) воздействие этих других сил никогда не бывает достаточно определено, чтобы на нем можно было основываться. Это воздействие никогда не может быть рассчитано в точных долях, подобно политическому наказанию, и измерено в числе, количестве и ценности. Поэтому законодатель обязан составить полный комплекс наказаний, как если бы он был уверен, что не получит никакого содействия ни от одной из этих сил. Если он может это сделать — тем лучше; если же нет — то он необходимо должен на всякий случай составить этот комплект совершенно независимо (от всего остального).

XXVII.

Здесь нелишне будет перечислить еще раз те различные обстоятельства, которые надо иметь в виду при установлении пропорции между наказаниями и преступлениями. Эти обстоятельства, кажется, следующие:

I. Со стороны преступления:

1. Прибыль от преступления;
2. Вред преступления;
3. Прибыль и вред от других больших или меньших преступлений разного рода, которые преступник мог предпочитать;
4. Прибыль и вред от других преступлений того же рода, в которых преступник, вероятно, был уже виновен.

II. Со стороны наказания:

5. Объем наказания, состоящий из его интенсивности и продолжительности;
6. Недостаточность наказания относительно несомненности;
7. Недостаточность наказания относительно близости;
8. Количество наказания;
9. Случайная выгода относительно качества наказания, не строго необходимая относительно количества;

³⁶ Я опасаясь, что, несмотря на это правило, могут подумать, что я довел свою заботу о пропорциональности слишком далеко. Но до сих пор на нее почти не обращали никакого внимания. Монтескье был чуть ли не первым, кто имел какое-нибудь представление о такой вещи. Поэтому в таком предмете мне казался лучше скорее излишек, чем недостаток. Трудность была в том, чтобы придумать образец подобной модели: когда она есть, то, если что покажется излишним, это легко выбросить.

10. Употребление наказания особенного качества, в смысле нравственного урока.

III. Со стороны преступника:

11. Ответственность класса лиц, способного к преступлению;

12. Чувствительность каждого отдельного преступника;

13. Частные заслуги или полезные качества отдельного преступника — в том случае, когда наказание может лишить общество блага от этих заслуг или качеств;

14. Большое число преступников по какому-нибудь особенному случаю.

IV. Со стороны публики, в каком-нибудь особом случае:

15. Наклонности народа в пользу или против какого-нибудь количества или способа наказания;

16. Наклонности иноземных держав.

V. Со стороны закона, т.е. публики, в течение известного времени:

17. Необходимость делать для простоты небольшие жертвы относительно пропорциональности.

XXVIII.

Быть может, найдутся люди, которые с первого взгляда сочтут потерянным трудом ту мелочную осмотрительность, какую мы употребили в установлении этих правил: потому что грубое невежество, скажут они, никогда не ломает головы над законами, а страсть не рассчитывает их. Но зло невежества допускает лечение; а что касается положения, что страсть не рассчитывает, то это несправедливо, как большая часть таких слишком общих и решительных положений. Когда речь идет о таких важных вещах, как страдание и удовольствие, и притом то и другое в самой высшей степени (то есть о единственных вещах, которые могут иметь важность), то кто же не рассчитывает? Правда, люди рассчитывают — одни с меньшей точностью, другие с большей; но все люди рассчитывают. Я не сказал бы, что даже сумасшедший человек не рассчитывает. Страсть рассчитывает — больше или меньше — в каждом человеке; в разных людях, смотря по пылкости или холодности их расположения, по твердости или раздражительности их характера, по свойству действующих на них мотивов. К счастью, из всех страстей наиболее поддается расчету та страсть, излишеств которой общество всего больше может опасаться вследствие ее силы, постоянства и всеобщности³⁷: я разумею ту страсть, которая соответствует мотиву денежного интереса; так что эта мелочная осмотрительность (если ее можно так назвать, когда идет дело об установлении правил наказания) имеет наилучшие шансы быть действительным средством — там, где эта действительность имеет величайшую важность.

³⁷ См. гл. XII (Последствия), § 33.

Глава XVII

О том, какие свойства должен иметь комплекс наказания

I.

Мы показали правила, которые должны быть соблюдаемы при определении пропорции между наказанием и преступлением. Естественно, что свойства, которые должны быть даны комплексу наказания, должны быть для каждого случая таковы, какие нужны для того, чтобы они были способны применяться сообразно с этими правилами: качество будет определяться количеством.

II.

Припомним, что первое из этих правил было то, что количество наказания во всяком случае должно быть не менее того, чем сколько достаточно, чтобы перевесить прибыль от преступления: поэтому, как скоро количество его меньше этого, весь комплекс наказания (если только случай недостаточности не пополняется какой-нибудь из других санкций) пропадает; оно — *недействительно*. Пятое правило было то, что наказание ни в каком случае не должно быть больше, чем требуется разными другими правилами: потому что иначе все, превышающее это количество, *не нужно*. Четвертое правило было то, что наказание должно быть прилагается к каждому индивидуальному преступлению таким образом, чтобы каждая часть вреда этого преступления могла иметь свое взыскание: иначе та известная часть преступления, которая не имеет соответствующего ей взыскания, как будто остается без наказания. Далее, известный комплекс наказания не может быть согласован ни с одним из этих правил, если только этот комплекс наказания не будет допускать вариаций, соответствующих каждой вариации в количестве того вреда от известного рода преступлений, к которому это наказание прилагается. Чтобы доказать это, пусть прибыль от преступления допускает множество степеней. Предположим затем эту прибыль на одной из этих степеней: если наказание будет меньше, чем сколько следует для этой степени, оно будет *недействительно*, оно пропадет даром; если оно будет больше, то на количество превышающей разности оно будет не нужно; следовательно, оно пропадет и в этом случае.

Итак, первое качество, которое должно быть дано комплексу наказания, — то, чтобы этот комплекс был способен иметь относительно своего количества вариации сообразно с каждой вариацией, какая может иметь место в прибыли или вреде преступления. Это свойство, кажется, может быть обозначено словом *изменяемость*.

III.

Второе свойство, тесно связанное с первым, может быть названо *равномерностью*. Мало будет пользы в том, что законодатель установил способ наказания (удовлетворительный во всех других отношениях), и притом способный быть увеличенным или уменьшенным до требуемой степени, — если за всем тем, какая бы степень ни была выбрана, эта степень, смотря по обстоятельствам, способна будет производить или слишком тяжелую степень страдания, или слишком легкую, или даже совсем никакой. В этом случае, как и прежде, при одних обстоятельствах большая часть произведенного страдания будет не нужна; при других обстоятельствах не будет страдания вовсе, или же оно будет *недействительно*. Когда наказание подлежит такой неправильности, оно может быть названо неравномерным; когда свободно от этой неправильности, то равномерным. Правда, количество страдания, производимого наказанием, будет в значительной степени зависеть от обстоятельств, отличных от характера самого наказания: от положения преступника относительно обстоятельств, могущих оказывать влияние на чувствительность человека. Но влияние самих этих обстоятельств во многих случаях будет взаимно подчиняться влиянию характера наказания: другими словами, страдание, производимое каким-нибудь способом наказания, будет соединенным действием того наказания, которое приложено к человеку, и тех обстоятельств, в которых он подвергается ему. Но есть некоторые наказания, действие которых способно подвергаться большему изменению от влияния таких посторонних обстоятельств, чем способно подвергаться ему действие других наказаний. В таком случае равномерность или неравномерность могут считаться свойствами, принадлежащими самому наказанию.

IV.

Примером способа наказания, способного быть неравномерным, служит наказание *изгнанием*, когда *locus a quo* (или место, откуда человек изгоняется) есть какое-нибудь определенное место, указанное законом, которое преступнику, быть может, безразлично. Сюда принадлежит также *денежное* или *квазиденежное* наказание, когда оно относится к какому-нибудь частному виду собственности, которым преступник мог владеть или не владеть, как случится. Все эти наказания могут разделяться на части и измеряться с величайшей мелочной точностью: так как они могут разделяться по времени, по крайней мере, — если уже не по чему-нибудь иному. Поэтому ни одно из них не недостаточно относительно изменяемости: и, однако же, во многих случаях этот недостаток в равномерности может сделать их столь же неудобными для употребления, как если бы они были недостаточны и относительно изменяемости.

V.

Третье правило пропорции было то, что когда встречаются два преступления, то наказание за большее преступление должно быть достаточно для того, чтобы побудить человека предпочесть меньшее преступление. А для того, чтобы быть достаточным для этой цели, оно должно быть очевидно и однообразно больше: больше не только в глазах некоторых людей, но всех людей, которые способны быть в таком положении, что им придется выбирать между двумя преступлениями, т.е. в глазах всего человечества. Другими словами, два наказания должны быть совершенно соизмеримы. Отсюда возникает третье свойство, которое может быть названо *соизмеримостью* (*commensurability*), т.е. относительно других наказаний.

VI.

Но наказания разных родов в очень немногих случаях бывают постоянно больше одни других; в особенности, когда низшие степени наказания, которое бывает обыкновенно больше, сравниваются с высшими степенями того, которое бывает обыкновенно меньше: другими словами, наказания разных родов в немногих случаях бывают постоянно соизмеримы. Единственное верное и универсальное средство сделать два комплекса наказания совершенно соизмеримыми состоит в том, чтобы сделать меньшее наказание составной частью большего. Это может быть сделано двумя способами: 1) прибавляя к меньшему наказанию другое количество наказания того же рода; 2) прибавляя к нему другое количество другого рода. Последний способ не меньше верен, чем первый: потому что хотя не всегда можно быть совершенно уверенным, что одно данное наказание покажется одному и тому же лицу больше другого данного наказания, но можно быть всегда уверенным, что всякое данное наказание, как только оно имеется в виду, покажется больше, чем вовсе никакого.

VII.

Далее. Наказание может действовать только в той степени, насколько уму человека представляется идея этого наказания и его связи с преступлением. Если идея его не присутствует в уме человека, оно не может действовать вовсе; и тогда само наказание должно быть *недействительно*. А для того, чтобы присутствовать, оно должно быть воспоминаемо, а чтобы быть воспоминаемо, оно должно быть узнано. Но из всех наказаний, какие можно вообразить, нет ни одного, связь которого с преступлением было бы так легко узнать и так прочно запомнить, как то наказание, идея которого отчасти уже соединена с какой-нибудь частью идеи преступления, — а это бывает тогда, когда в том и другом есть какое-нибудь обстоятельство, общее им обоим. Когда это общее бывает в наказании и в преступлении, то говорится, что наказание имеет *аналогию* с преступлением или что оно *характерно* для него. Поэтому характерность есть четвертое свойство, которое на этом основании должно быть дано комплексу наказания всякий раз, когда это может быть удобно.

VIII.

Очевидно, что действие этой комбинации будет тем больше, чем теснее аналогия. Аналогия будет тем теснее, чем важнее³⁸ обстоятельство, которое им общее. А самое важное обстоятельство, которое может быть общее преступлению и наказанию, есть тот вред или убыток, который они производят. Поэтому самая тесная аналогия, которая может существовать между преступлением и наказанием, к нему приложенным, есть та аналогия, которая существует между ними, когда вред или убыток, производимый ими, бывает одного и того же свойства: другими словами, та аналогия, которая образуется обстоятельством тождественности их вреда. Вследствие того самую тесную аналогию с преступлением имеет тот способ наказания, который в настоящем и точном смысле слова называется *возмездием*. Поэтому возмездие — в тех немногих случаях, где оно бывает исполнимо и не слишком дорого, — будет иметь большое преимущество перед всяким другим способом наказания.

IX.

Далее. На ум человека, собственно, действует только идея наказания (или, другими словами, кажущееся, видимое наказание), а самое наказание (*реальное* наказание) действует только тем, что порождает эту идею. Поэтому всю услугу совершает кажущееся (аррагент) наказание — я разумею — в смысле примера, который есть главная цель. Весь вред приносит реальное наказание. Обыкновенный и верный способ увеличить объем кажущегося наказания есть увеличить объем реального. Впрочем, кажущийся объем можно до известной степени увеличивать другими, менее дорогими средствами: поэтому всегда, когда эти менее дорогие средства могут столь же соответствовать цели и когда в то же время употребляется прибавочное реальное наказание, это прибавочное реальное наказание не нужно. Что касается этих менее дорогих средств, то они состоят: 1) в выборе особенного способа наказания, наказания особенного качества, независимо от количества; 2) в особенном роде *церемоний*, отдельных от самого наказания и сопровождающих его исполнение.

X.

Когда кажущийся вид наказания имеет большую пропорцию к реальному, то способ наказания может быть назван более примерным (exemplary). Но что касается выбора самого наказания, то нет другого средства сделать данное количество наказания более примерным, как выбрать наказание такого рода, которое бы имело аналогию с преступлением. Отсюда — другой резон делать наказание аналогичным преступлению или, другими словами, делать его характерным.

XI.

Надобно помнить, что наказание само по себе есть издержка (expense): само по себе оно есть зло. Вследствие этого пятое правило о мере наказания — не делать его больше, чем сколько требуется по другим правилам. Но это бывает всякий раз, когда производится какая-нибудь частица страдания, несколько не способствующая предположенному результату. И если какой-нибудь способ наказания бывает более другого способен производить подобное излишнее и ненужное страдание, он может быть назван неумеренным; если менее, то — умеренным. Поэтому *умеренность* есть шестое свойство, которое желательно для способа наказания.

XII.

Умеренность в способе наказания достигает совершенства тогда, когда не только не производится излишнего страдания на стороне наказываемого лица, но даже и сама операция, посредством которой оно подвергается страданию, устроена так, чтобы соответствовать цели — произвести удовольствие на стороне какого-нибудь другого лица. Мы разумеем прибыль или количество удовольствия личного рода; потому что удовольствие необщественного рода, конечно, почти произведено на стороне всех лиц, в сердце которых преступление возбудило чувство неблагосклонности. Так бывает это с денежным наказанием и также с такими наказаниями квазиденежного рода, которые состоят в отнятии такого владения, какое может переходить от одной

³⁸ См. гл. VII (Действия), § 3.

стороны к другой. Правда, удовольствие, производимое такой операцией, вообще не равняется страданию; но это может быть, однако, в особенных обстоятельствах, как, например, там, где человек, у которого вещь взята, очень богат, а тот, кому ее отдают, очень беден; и, как бы то ни было, оно всегда гораздо больше, чем можно произвести каким-нибудь другим способом наказания.

XIII.

Свойства примерности и умеренности стремятся, по-видимому, к той же непосредственной цели, хотя различными путями. Оба стараются уменьшить отношение реальной тяжести наказания к кажущейся; но примерность стремится увеличить кажущуюся тяжесть, умеренность — уменьшить реальную.

XIV.

Сказанное до сих пор относится к свойствам, которые должны быть даваемы наказаниям вообще, к каким бы преступлениям они ни прилагались. Следующие далее свойства менее важны, или относясь только к некоторым преступлениям в частности, или завися от влияния переходных и местных обстоятельств.

Во-первых, четыре различные цели, на которые подразделяется главная и общая цель наказания³⁹, могут произвести столько же различных свойств, смотря по тому, насколько известный способ наказания является более удобным для достижения той или другой из этих целей. К цели примера как главной было уже применено особенное свойство. Остаются три низшие цели — *исправления*, отнятия способности к *преступлению* и *воздаяния*.

XV.

Поэтому седьмое свойство, желательное в способе наказания, есть содействие исправлению или исправляющая тенденция. А всякое наказание содействует исправлению пропорционально своему количеству; потому что чем больше испытанное человеком наказание, тем больше оно способно произвести в нем отвращение к преступлению, бывшему причиной наказания; и это относится ко всем преступлениям одинаково. Но есть известные наказания, которые относительно известных преступлений имеют особенное стремление производить этот результат своим *качеством*: и там, где это бывает, такие наказания, прилагаемые к таким преступлениям, будут иметь преимущество перед всеми другими. Это влияние будет зависеть от характера мотива, который был причиной преступления: наказанием, наиболее содействующим исправлению, будет тот род наказания, который лучше всего рассчитан на то, чтобы ослабить силу этого мотива.

XVI.

Таким образом, для преступлений, происходящих от мотива дурной воли, самую сильную исправительную тенденцию будет иметь то наказание, которое всего лучше рассчитано для того, чтобы ослабить силу гневных чувств; и особенно в том роде преступлений, который состоит в упорном отказе преступника сделать что-нибудь, требуемое от него по закону, и где упорство в большей мере увеличивается его досадой против тех, кто имеет интерес принуждать его к уступке и исполнению, — в подобном случае наиболее действительным наказанием было бы, кажется, заключение с умеренной диетой.

XVII.

Таким же образом для преступлений, происходящих от соединенного влияния лени и денежного интереса, самую сильную исправительную тенденцию имеет, кажется, наказание, которое всего лучше рассчитано на то, чтобы ослабить силу первого из этих расположений. И в особенности в случаях воровства, обмана и всякого рода подлогов наилучший способ для этой цели в большей части случаев есть, кажется, принудительный труд.

³⁹ См. гл. XV, § 2, прим.

XVIII.

Восьмое свойство, желательное в известных случаях для комплекса наказания, есть действенность наказания в отнятии способности к преступлению. Это свойство может быть в совершенстве дано комплексу наказания, и притом дано гораздо вернее, чем свойство исправительности. Неудобство состоит здесь в том, что это свойство способно вообще становиться в противоречие со свойством умеренности: так как в большей части случаев нет верного средства лишить человека возможности делать вред, не лишая его в то же время и в значительной степени возможности делать добро — и себе, и другим. Поэтому вред преступления должен быть так велик, чтобы он требовал весьма значительной доли наказания для цели примера, прежде чем он может допустить применение наказания, равного тому, какое необходимо для цели отнятия способности к преступлению.

XIX.

Наиболее действенное наказание в этом смысле есть, очевидно, смерть. В этом случае действенность наказания несомненна. Вследствие того это наказание в особенности применяется к тем случаям, где, пока преступник жив, имени его будет достаточно, чтобы привести в негодование всю нацию. Так бывает от случая к случаю с претендентами на престол и предводителями партий в гражданских войнах: хотя в применении к преступлениям такого проблематического свойства, где вопрос о преступности вертится больше на успехе, чем на чем-нибудь ином, приложение такого рода наказания может, кажется, пахнуть скорее враждой, чем наказанием. В то же время это наказание, очевидно, в значительной степени *неумеренно* — что и составляет одно из многих возражений против его употребления — кроме разве самых чрезвычайных случаев.

XX.

В обыкновенных случаях для этого отнятия способности к преступлению может достаточно служить тот или другой из различных родов заключения и изгнания, из которых содержание в тюрьме есть одно из самых строгих и действенных наказаний. Потому что, когда преступление обставлено так, что может совершиться только в известном месте, как это бывает в большей части преступлений против лица, все, что должен сделать закон для прекращения преступнику возможности совершать его, есть предотвратить ему возможность быть в этом месте. Во всех преступлениях, состоящих в нарушении или злоупотреблении какого-нибудь доверия, эта цель может быть достигнута гораздо дешевле, простым отнятием этого доверия; и вообще во всех преступлениях, могущих совершаться благодаря каким-нибудь отношениям, в которых преступник стоит к другому лицу или разрядам лиц, — простым прекращением права извлекать принадлежащие к ним выгоды. Так бывает, например, во всех преступлениях, состоящих в злоупотреблении привилегией брака или в злоупотреблении свободой производства какого-нибудь выгодного или иного занятия.

XXI.

Девятое свойство есть *удобство для воздаяния* (subserviency to compensation). Если имеется в виду воздаяние с характером мщения, то это свойство с небольшими вариациями будет пропорционально количеству; если имеется в виду *выгодное* (lucrative) воздаяние, то это бывает особенным и характерным свойством денежного наказания.

XXII.

В довершение всех этих свойств может быть введено свойство *популярности*, весьма изменчивый и неопределенный род свойства, который может принадлежать комплексу наказания в один момент и может быть потерян в другой. Под популярностью разумеется то свойство, по которому наказание кажется удобно или, лучше, не кажется неудобно для массы народа, среди которого предполагается его ввести. Строго говоря, оно скорее должно бы быть названо *отсутствием непопулярности*; потому что относительно такой вещи, как наказание, нельзя ожидать, чтобы какой-нибудь вид или доля его показались положительно удобными и приятными для народа:

достаточно если, по большей части, в народе нет решительного отвращения к мысли о нем. А так как упомянутое выше свойство характерности, кажется, больше, чем всякое другое, стремится примирить одобрение народа со способом наказания, то популярность может считаться родом второстепенного качества, зависящего от свойства характерности. Польза внесения этого свойства в каталог главным образом состоит в том, чтобы служить напоминанием законодателю — не вводить без настоятельной необходимости никакого способа или доли наказания, к которым бы он заметил сильное отвращение в массе народа.

XXIII.

Действие непопулярности способа наказания аналогично с действием неумеренности на стороне преступника. Очень легко произвести ненужное страдание, которое делает наказание неумеренным. Точно так же производится излишняя часть страдания, когда наказание непопулярно: но в этом случае оно производится на стороне лиц, совершенно невинных, народа вообще. Это есть уже один вред; а другой вред — та слабость, которую это способно ввести в закон. Когда народ доволен законом, он охотно содействует его исполнению; когда он недоволен законом, он естественно не будет оказывать ему своего содействия; хорошо еще, если он не станет положительно чинить препятствий его исполнению. Это значительно увеличивает сомнительность наказания; и отсюда прежде всего умножается число преступлений. С течением времени этот недостаток, как обычно, может повести к увеличению объема наказания: т.е. прибавления к нему известного количества, которое было бы *не нужно*⁴⁰.

XXIV.

Надобно заметить, что это свойство необходимо предполагает в народе тот или другой предрассудок, исправление которого должно быть обязанностью законодателя. Потому что, если бы отвращение к этому наказанию основывалось на принципе полезности, то наказание было бы такое, какое бы не следовало употреблять по другим причинам: и в этом случае о его популярности или непопулярности не стоило бы говорить. Поэтому это есть собственно свойство не столько наказания, сколько свойство народа: расположение иметь нерезонное отвращение к предмету, который заслуживает одобрения. Это есть также знак другого свойства, т.е. лени или слабости со стороны законодателя, который допускает то, что народ вредит собственному своему интересу из-за недостатка обучения, которое он был бы должен и мог бы иметь. Как бы то ни было, как скоро такое неудовольствие существует, законодателю следует обратить на него внимание, как если бы оно было совершенно основательно. Всякая нация может иметь свои предрассудки и капризы, которые законодатель должен разыскать, изучить и излечивать⁴¹.

XXV.

Одиннадцатое и последнее из свойств, желательных для комплекса наказания, есть *отменяемость* (remissibility). Вообще думают, что когда наказание применяется, то оно нужно, что оно должно быть применено и потому нет надобности, чтобы оно могло быть отменено. Но в особенных — и всегда весьма печальных случаях — дело может случаться иначе. Может случиться, что наказание будет наложено там, где по намерению законодателя оно не должно бы было быть применено, то есть где потерпевший его невинен в преступлении. Во время произнесения приговора он казался виновным, но затем случайность обнаружила его невинность. В таком случае уже невозможно исправить той части наказания, которую он уже понес. Дело теперь в том, чтобы освободить его от той части, которая еще предстоит. Но *будет* ли еще что-нибудь предстоять? Есть очень мало шансов на то, чтобы что-нибудь еще могло предстоять, если только наказание не состоит в *хроническом* наказании: как, например, заключение в тюрьму, изгнание, принудительный труд и тому подобное. Когда дело состоит в *остром* наказании, т.е. когда в настоящую минуту уголовный процесс уже кончился и наказание может оставаться только в его последствиях, — дело может считаться *неотменимым*, неисправимым. Так бывает, например, при телесном наказании, клеймении, членовреждении и смертной казни. Самое неотменимое наказание есть смертная казнь. Потому что,

⁴⁰ См. гл. XV (Случаи, не подлежащие наказанию, § V).

⁴¹ Там же, гл. IX, § 4.

хотя другие наказания, уже оконченные, и не могут быть отменены, они еще могут быть вознаграждены; и хотя несчастная жертва не может быть возвращена в прежнее состояние, но, быть может, еще нашлись бы средства поставить ее в такое хорошее состояние, что оно могло бы заставить человека забыть свое страдание. Это может быть вообще сделано с большим успехом там, где наказание было денежное.

Свойство отменяемости может оказать пользу и в другом случае: когда хотя преступник был наказан справедливо, но по причине какого-нибудь хорошего поступка, сделанного им после того, как началось наказание, может показаться полезным отменить часть назначенного ему наказания. Но это едва ли может быть там, где пропорция наказания в других отношениях такова, какова и должна быть. Цель примера более важна, чем цель исправления. Едва ли можно думать, что наказание требуется меньше для первой цели, чем для последней. Потому что необыкновенным случаем будет скорее то, если наказание, достаточное для устрашения человека, думавшего о нем только несколько минут, не будет достаточно для устрашения человека, который все время его чувствует. Итак, все, что требуется для цели примера, должно оставаться во всяком случае: никакое исправление преступника не может дать права для отмены какой-нибудь его части; если бы можно, человеку осталось бы только тотчас исправиться и таким образом освободиться от большей части наказания, которое было сочтено нужным. Следовательно, для того, чтобы иметь право на отмену какой-нибудь части наказания по этой причине, надо сначала предположить, что наказание, назначенное в первый раз, было больше, чем необходимо для цели примера, и что, следовательно, одна часть его была вообще не нужна. Это действительно легко может быть при господствующих теперь несовершенных системах: и потому, пока эти системы еще продолжают свое существование, свойство отменяемости должно считаться полезным, как по первому, так и по этому второму основанию. Но этого не было бы в какой-нибудь новопостроенной системе, в которой бы были соблюдены изложенные выше правила пропорции. Поэтому в такой системе польза этого свойства основывалась бы только на первой причине.

XXVI.

Пересматривая различные возможные способы наказания, окажется очевидным, что ни один из них не владеет всеми упомянутыми свойствами в совершенстве. Поэтому, чтобы сделать лучшее, что может быть сделано в вопросе наказания, в большей части случаев необходимо будет складывать их и составлять из них сложные комплексы, которые бы состояли каждый из нескольких различных способов наказания, сложенных вместе: характер и пропорции составных частей каждого комплекса были бы различны, сообразно с характером преступления, которому предположено противодействовать.

XXVII.

Нелишним будет собрать и представить в общем обзоре одиннадцать выше определенных свойств. Они следующие:

Два из них относятся к установлению должной пропорции между отдельным преступлением и его наказанием, а именно:

1. Изменяемость.
2. Равномерность.

Третье — к установлению пропорции между несколькими преступлениями и несколькими наказаниями, а именно:

3. Соразмеримость.

Четвертое содействует наказанию приобрести то положение, в котором одним оно может быть действенно, и в то же время доставить ему два дальнейшие свойства примерности и популярности, а именно:

4. Характерность.

Два следующие относятся к исключению всякого бесполезного наказания; одно — косвенно, возвышая действенность того, которое полезно; другое — прямо, а именно:

5. Примерность.
6. Умеренность.

Три другие содействуют каждому трем низшим целям наказания, а именно:

7. Содействие исправлению.

8. Действенность в отнятии способности к преступлению.

9. Содействие к вознаграждению.

Другое свойство стремится исключать побочный вред, который может быть иногда произведен каким-нибудь особенным способом наказания, а именно:

10. Популярность.

Последнее свойство стремится смягчить вред, который может произвести иногда всякое наказание вообще, а именно:

11. Отменяемость.

Свойства соразмерности, характерности, примерности, содействия исправлению и действенности в отнятии способности к преступлению в особенности рассчитаны на увеличение *прибыли*, которая может быть получена от наказания; умеренность, содействие к вознаграждению, популярность и изменяемость — на уменьшение *издержек* или стоимости наказания; изменяемость и равномерность одинаково полезны для обеих этих целей.

XXVIII.

Мы переходим теперь к общему обзору системы *преступлений*: т.е. таких *актов*, к которым — по причине тех вредных *последствий*, производить которые они имеют естественную тенденцию, и в целях остановить такие последствия — может быть пригодно привязать известные *искусственные* последствия, состоящие в наказании, которое постигает лица, совершившие эти акты, согласно с установленными сейчас принципами.

Глава XVIII

Разделение преступлений

§ 1. Разряды преступлений

I.

Прежде всего необходимо сделать различие между такими актами, которые суть преступления или *могут быть* преступлениями. Преступлением *может быть* всякий акт, который соизволят сделать таковым те, кому общество привыкло повиноваться, т.е. всякий акт, который им вздумается запрещать или наказывать. Но по принципу полезности *должны* быть преступлением только такие акты, которые требует считать таковыми благо общества.

II.

Благо общества не может требовать, чтобы преступлением считался какой-нибудь акт, который не может ни тем, ни другим путем приносить ущерба обществу. Потому что в случае такого акта всякое наказание бывает *неосновательно*¹.

III.

Но если все собрание известного числа индивидуумов считается составляющим воображаемое сложное *тело* — общество или политическое государство, — то всякий акт, приносящий ущерб одному или многим из его *членов*, приносит, по мере своих результатов, — ущерб *государству*.

IV.

Акт может приносить ущерб государству только тем, что он приносит ущерб какому-нибудь одному или многим из *индивидуумов*, его составляющих. Но эти индивидуумы могут быть или известны, т.е. могут быть указаны (*assignable*), или неизвестны².

V.

Когда есть какой-нибудь известный индивидуум, которому преступление приносит ущерб, то это лицо может быть или *другое* лицо, кроме преступника, или *сам* преступник.

VI.

Преступления, приносящие ущерб каким-нибудь известным лицам, кроме самого преступника, могут быть названы одним общим именем *преступлений* против *индивидуумов*. И из них может быть составлен 1-й разряд преступлений. Для противоположения их преступлениям 2-го и 4-го разрядов они могут также быть иногда удобно называемы *частными* (*private*) преступлениями. В то же время для противоположения их преступлениям 3-го разряда они могут быть названы *частными внешними* (*extra-regarding*) преступлениями.

VII.

Когда вообще кажется, что есть лица, которым разбираемый акт может приносить ущерб, но такие лица не могут быть указаны индивидуально, — то круг, в котором эти лица, по-видимому, могут быть найдены, бывает или менее обширен, чем целое общество, или нет. Если он менее

¹ См. гл. XV (Случаи, не подлежащие наказанию), § 2, § 1.

² Указаны — т.е. указаны или по имени, или по разряду так, чтобы их можно было отличить от всех других; например, по тому обстоятельству, что человек есть собственник таких-то имений или занимает их. См. выше, гл. XII (Последствия), § 15.

обширен, то лица, заключающиеся в этом меньшем круге, могут считаться в этом смысле составляющими особое собрание лиц, которое заключается в большем собрании целого общества, но отличается от него. Обстоятельство, составляющее связь между членами этого меньшего собрания лиц, может быть или пребывание их в одном особенном месте, или, словом, другой менее ясный принцип связи, который может отличать их от остальных членов общества. В первом случае акт может быть назван *преступлением против соседства*; во втором — преступлением против особенного *класса* лиц в обществе. Итак, преступления против соседства могут составить 2-й разряд преступлений. Для противоположения их частным преступлениям, с одной стороны, и публичным, с другой, они могут быть также названы *полупубличными* преступлениями.

VIII.

Преступления, которые приносят ущерб самому преступнику и никому другому, — если только они не приносят другим ущерба вредом преступника самому себе, — могут составить 3-й разряд. Для лучшего противоположения их преступлениям 1-го, 2-го и 4-го разрядов, которые все *переходного* свойства, они могут быть названы *непереходными* преступлениями; но еще лучше могут быть названы *личными* (self-regarding).

IX.

Четвертый разряд может быть составлен из таких актов, которые должны считаться преступлениями по причине отдаленного вреда, какой они угрожают нанести неизвестному неопределенному количеству из целого числа индивидуумов, составляющих общество; хотя бы ни один отдельный индивидуум не казался более терпящим вреда, чем другой. Эти преступления могут быть названы *публичными* или преступлениями против *государства*.

X.

Пятый разряд, или приложение, может быть составлен из таких актов, которые вследствие обстоятельств совершения и особенно вследствие целей, к каким они стремились, могут приносить ущерб каким-нибудь из тех способов, которыми акт одного человека может наносить ущерб другому. Эти преступления могут быть названы *многообразными* (multiform) или *разнородными* (heterogeneous) *преступлениями*. Преступления этого рода могут быть разделены на два главные отдела: 1) преступления посредством *обмана* (falsehood) и 2) преступления против *доверия*.

§ 2. Деления и подразделения

XI.

Посмотрим теперь, по какому методу эти разряды могут быть подразделены дальше. Во-первых, преступления против индивидуумов.

В настоящем периоде существования бытие и благосостояние человека, его счастье и безопасность, одним словом, его удовольствия и его обеспечение против страданий все более или менее зависят, во-первых, от его *собственной личности*; во-вторых, от окружающих его *внешних предметов*. Эти предметы суть или *вещи*, или другие *лица*. Под тот или другой класс очевидно должны быть подведены всякого рода внешние предметы, которые могут касаться его интереса. Таким образом, если человек терпит когда-нибудь от какого-нибудь преступления, он терпит одним из двух способов: или 1) *абсолютно*, т.е. непосредственно в своем собственном лице; причем можно сказать, что преступление есть преступление против его личности; или 2) *относительно* — вследствие какого-нибудь *важного* (material) отношения, которое вышеупомянутые предметы могут иметь к его счастью в роли *причины* (см. гл. VII, Действия, § 24). Далее, когда человек может извлекать или счастье, или безопасность из какого-нибудь предмета, принадлежащего к классу вещей, такая вещь называется его *собственностью*, или по крайней мере говорится, что он имеет в ней *интерес*: поэтому преступление, стремящееся уменьшить легкость, с которой бы он иначе извлекал свое счастье или безопасность из предмета, принадлежащего к классу вещей, — может быть названо преступлением против его собственности. Относительно лиц человек может извлекать счастье или безопасность из этого класса предметов в силу их *услуг*: в силу тех услуг, какие они —

по тому или другому побуждению — могут быть расположены ему оказывать. Если мы возьмем для примера какого-нибудь человека, то какое бы то ни было расположение его оказывать вам услуги или не имеет для этого никакой другой связи, кроме той общей связи, которая привязывает его к целому виду, или имеет какую-нибудь более частную связь. В последнем случае можно сказать, что такая связь составляет в вашу пользу род фиктивного или бестелесного предмета, который называется вашим *положением*, т.е. вашим положением в жизни. Поэтому преступление, стремящееся уменьшить легкость, с которой бы вы иначе извлекали счастье из услуг лица, таким образом специально с вами связанного, может быть названо преступлением против вашего житейского положения или просто положения. Житейские положения, очевидно, должны быть столь же разнообразны, как те отношения, которыми они создаются. Дальше сказано будет об этом подробнее. Покамест для примера могут служить положения мужа, жены, родителя, ребенка, хозяина, слуги, гражданина того или другого города, урожденного подданного той или другой страны.

Когда нет такой особенной связи или (что одно и то же) когда расположение человека оказывать вам какие-нибудь услуги не считается зависящим от такой связи, а только от его доброй воли относительно вас, в таком случае для выражения той возможности, которую вы имеете для извлечения выгоды из его услуг, предполагается род фиктивного предмета собственности, устроенного в вашу пользу, и этот предмет называется вашей *репутацией*. Поэтому преступление, стремящееся уменьшить легкость, с которой бы вы иначе извлекали счастье или безопасность из услуг каких-нибудь лиц вообще, связанных с вами какими-нибудь специальными узами или не связанных ими, может быть названо преступлением против вашей *репутации*. Итак, если индивидуум терпит от какого-нибудь преступления, он должен, кажется, терпеть его в одном из четырех упомянутых выше пунктов, т.е. в личности, собственности, житейском положении и репутации. По этим источникам различия могут быть составлены столько же второстепенных делений. Если преступление касается лица больше, чем в одном из этих пунктов в одно время, то такие преступления могут быть подведены под столько же особых делений; и эти сложные деления можно присоединить к предыдущим простым делениям. Различные деления (простые и сложные вместе), установленные на указанном основании, суть следующие: 1) Преступления против личности. 2) Преступления против репутации. 3) Преступления против собственности. 4) Преступления против житейского положения. 5) Преступления против личности и собственности вместе. 6) Преступления против личности и репутации вместе.

ХII.

Далее, полупубличные преступления. Страдание, рассматриваемое относительно времени акта, от которого оно может произойти, очевидно, должно быть или настоящее, или прошедшее, или будущее. Когда оно настоящее или прошедшее, оно не может быть результатом акта, подходящего под разряд полупубличного преступления: потому что если оно настоящее или прошедшее, то индивидуумы, которые его испытывают или испытывали, могут быть *указаны*, известны. Остается тот род вреда, который, если только ему предстоит существовать, есть еще вред будущий: вред, обставленный таким образом, называется *опасностью*. Далее, когда вследствие акта какого-нибудь лица подвергается опасности целая соседская группа или другой класс лиц, эта опасность должна быть или *намеренной* со стороны лица, или *ненамеренной*. В случае ненамеренности такая опасность, когда она превращается в действительный вред, называется *бедствием* (calamity): преступления, производящие такую опасность, можно назвать полупубличными преступлениями, *действующими* посредством бедствия; или короче — *преступлениями посредством бедствия*. Когда опасность была намеренная — так что она могла произойти и превратиться в действительный вред без участия какого-нибудь бедствия, то о ней можно сказать, что она происходит из *чистого правонарушения* (delinquency): и преступления, которые без участия какого-нибудь бедствия стремятся произвести опасность, нарушающую безопасность местных жителей или другого подчиненного класса лиц, могут быть названы *полупубличными преступлениями*, действующими посредством чистого правонарушения, или короче — *преступлениями чистого правонарушения*.

ХIII.

Что касается дальнейших подразделений, то преступления посредством бедствия зависят от разных бедствий, которым подвержены человек и различные полезные для него вещи. Это будет рассмотрено в другом месте³.

XIV.

Полупубличные преступления чистого правонарушения следуют тому же методу разделения, какой применен к преступлениям против индивидуумов. Легко видеть, что, какое бы страдание или неудобство ни терпел данный индивидуум, опасности этого страдания или неудобства могут подвергаться очень многие индивидуумы, которые могут или не могут быть указаны или известны. Но, как мы видели, есть четыре пункта, в которых индивидуум может терпеть страдание или неудобство. Итак, если относительно какого-нибудь из них связь причин и действий такова, что опасности потерпеть в этом пункте подвергается вследствие преступления одного лица значительное число лиц, не известных индивидуально, то такой пункт составит основание для различений, на котором может быть установлено частное подразделение полупубличных преступлений: если относительно какого-нибудь подобного пункта такого результата не бывает, то это основание остается пока незанятым: но при перемене обстоятельств или взгляда на вещи оно готово будет принять соответствующее подразделение преступлений, если бы только могло быть необходимо, чтобы подобные преступления были сделаны.

XV.

Мы переходим к личным преступлениям, или, вернее, к актам, производящим в первой инстанции только один личный вред; актам, которые, если в каком-нибудь смысле могут быть сочтены за преступления, подходят под разряд преступлений против самого себя. Этот класс не представит нам теперь больших забот. Потому что очевидно, что в тех пунктах, в которых человек уязвим для руки другого человека, он уязвим и для собственной руки. Поэтому все деления, служащие для первого разряда, будут служить и для этого. Что касается вопросов: какие акты производят вред этого рода? и, между ними, какие могут или не могут заслуживать того, чтобы принимать их за преступления? — то эти вопросы (по крайней мере последний) слишком мало установлены и слишком открыты спору, чтобы о них можно было говорить с той степенью уверенности, какая предполагается в изложении свойств, составляющих основу нашего распределения. Для этой цели свойства должны разъясняться с первого взгляда и иметь вид вещей, не подлежащих спору.

XVI.

Публичные преступления могут быть разделены на одиннадцать отделов⁴: 1) Преступления против *внешней* безопасности. 2) Преступления против *юстиции*. 3) Преступления против

³ Здесь для примера полупубличных преступлений укажем *заразу*. Человек без всякого намерения произвести подобное действие может подвергнуть соседскую группу опасности этого бедствия, нарушая *карантин* или нарушая какую-нибудь из других предохранительных мер, которые правительство может в известных обстоятельствах найти полезным предпринять для отвращения подобной опасности.

⁴ В этой части своего анализа я нашел нужным несколько уклониться от строгих правил принятого мной исчерпывающего метода. Быть может, этот метод будет строже выполнен мной или кем-нибудь другим в более зрелом состоянии науки. В настоящее время польза, которая бы могла произойти от неослабного соблюдения его, казалась так сомнительна, что я не уверен, вознаградит ли она время и труд. Нет сомнения, что такой метод чрезвычайно поучителен, но утомительный труд следить за ним так велик, не только для автора, но, вероятно, и для читателя, что, если бы довести эту первую попытку до последних пределов, это могло бы, быть может, скорее помешать делу — своей скукой, чем помочь ему объяснением предмета. Потому что знание подобно лекарству — как ни спасительно оно само по себе, но становится бесполезно, когда делается так невкусно, что его нельзя проглотить. Между тем для писателя, который чувствует важность своего предмета и заботливо старается изложить его как следует, не может не быть крайне тягостно видеть себя вынужденным излагать то, ошибочность чего он замечает, имея перед глазами, хотя бы и не совсем ясно, нечто более

превентивной ветви *полиции*. 4) Преступления против публичной *силы*. 5) Преступления против *положительного* увеличения национального *благоденствия*. 6) Преступления против публичного *богатства*. 7) Преступления против *населения*. 8) Преступления против *национального богатства*. 9) Преступления против *верховой власти*. 10) Преступления против *религии*. 11) Преступления против национального *интереса* вообще. Способ, которым эти различные роды преступлений связаны друг с другом и с интересом публики, т.е. неопределенного количества лиц, составляющих это общество, может быть определен следующим образом.

XVII.

Вред, который может постигнуть интерес публики, если только он производится, может быть произведен или средствами влияния на действия правительства, или другими средствами без этого влияния⁵. Начнем с последнего случая: вред, какой бы то ни было и кому бы то ни было, должен быть произведен или отдельной силой действующего лица, или при помощи других агентов. В последнем случае эти агенты будут или лица, или вещи. Далее, лица будут или не члены этого общества, или члены его. Поэтому вред, производимый при помощи лиц, может производиться с помощью или *внешних*, или *внутренних* противников. Далее, когда он производится или собственной силой действующего лица, или при помощи внутренних противников, или только с помощью вещей, он редко может обнаруживаться в иной форме (оставляя в стороне всякое влияние его на действия правительства), кроме формы — или преступления против известных индивидуумов, или преступления против местных жителей или другого подчиненного класса лиц. Если каким-нибудь из этих средств может быть произведен вред индивидуумам, совершенно неизвестным, он едва ли окажется достаточно заметным или важным, чтобы получить особое название: он может быть, следовательно, отнесен к смешанному отделу *преступлений против национального интереса вообще*. Единственный несколько значительный вред, который может быть навлекаем на всю совокупность членов общества, есть тот смешанный род вреда, который происходит от военного положения и производится при помощи внешних противников: например, посредством вызова их, или приглашения, или поощрения к нападению. Этим путем человек очень может нанести вред — и вред очень тяжкий — целому обществу вообще, и притом не принимая участия ни в каких враждебных действиях, какие вследствие этого падут на частных индивидуумов.

Затем следует вред, который преступление может принести обществу своим влиянием на действия правительства. Это может случиться или: 1) более непосредственно — через влияние его на эти самые *действия*; 2) более отдаленным путем — через влияние его на те *орудия*, которыми или с помощью которых эти действия должны совершаться; или 3) еще более отдаленным путем — через влияние его на те *источники*, из которых должны быть извлечены эти орудия. Во-первых, что касается действий правительства, то тенденция их, насколько она согласна с тем, какова она должна быть по принципу полезности, во всяком случае состоит или в отстранении от общества вреда, или в увеличении суммы положительного блага⁶. А вред, как мы видели, должен происходить от внешних

совершенное. Если в этом труде есть что-нибудь новое и оригинальное, то я обязан этим тому исчерпывающему методу, к которому я столь стремился. Неудивительно поэтому, что я не могу оставлять его без большой неохоты. С другой стороны, сухость и принужденность изложения, которые без сомнения заметны во многих местах, главным образом происходят от заботливого и не вполне успешного выполнения того же метода. Новыми инструментами редко можно владеть легко с первого раза.

⁵ Можно отметить, что идея правительства вводится здесь без какой-либо подготовки. Факт его учреждения я полагаю заведомо известным, а необходимость его — в равной мере очевидной и неоспоримой. Наблюдения, указывающие на эту необходимость, если они заслуживают того, чтобы их рассматривали в этой связи, можно найти в той части одной из предшествующих глав, где они были приведены в качестве сопутствующих в целях иллюстрации. См.: гл. XII, § XVII.

⁶ Это направление деятельности правительства, которое можно назвать «работой, превышающей требования долга» (*work of super erogation*) — с точки зрения реестра политических обязательств, является относительно новым. Первоначально необразованное большинство подчинилось господству немногих, вероятно, не ради этого. Исходно общества были сцементированы страхом перед злом, а не надеждой на добро. Предметы первой необходимости всегда идут перед предметами, приносящими удовольствие. Состояния языка означают прогресс идей. С незапамятных времен военный департамент имел свое название, так же как и департамент правосудия; недавно появилось

или внутренних противников или от бедствий. Что касается вреда от внешних противников, то он не требует дальнейшего деления. Что касается вреда от внутренних противников, то средства, употребляемые для его отвращения, могут быть разделены на такие, которые употребляются *прежде* открытия какого-нибудь особенного вредного замысла, и на такие, которые могут быть употреблены только вследствие открытия подобных замыслов: первые относятся обыкновенно к той ветви, которая может быть названа *превентивной* ветвью *полиции*; последние — к юстиции⁷. Во-вторых. Что касается *орудий*, которыми может действовать правительство в отвращении зла и в произведении положительного блага, то этими орудиями должны быть или лица, или вещи. Те орудия, которые имеют особенное назначение охранять общество от вреда со стороны противников вообще, но в особенности от внешних противников, могут быть отделены от остальных под собирательным названием *публичной военной силы*, или короче — военной силы. Остальные орудия могут быть обозначены собирательным названием публичного богатства. В-третьих. Что касается источников, из которых должны быть увеличены эти орудия, каково бы ни было их употребление, те из этих источников, которые подходят под разряд лиц, должны быть изъяты из целого числа лиц в обществе, т.е. из целого населения государства; так что чем больше население, тем больше может быть, *caeteris paribus*, эта ветвь народного богатства; и чем меньше — тем меньше. Таким же образом те, которые подходят под разряд вещей, могут быть и большей частью бывают изъяты из всей суммы этих вещей, состоящих из отдельной собственности различных членов общества: сумма этой собственности может быть названа национальным богатством; так что чем больше национальное богатство, тем больше, *caeteris paribus*, может быть эта другая ветвь национального богатства; и чем меньше — тем меньше. Надобно заметить здесь, что если влияние, производимое индивидуумом по какому-нибудь случаю на действия правительства, бывает вредно, то это происходит одним из двух способов: 1) причиняя или стремясь сделать так, чтобы не исполнялись те действия, которые должны бы исполняться; другими словами, мешая действиям правительства; или 2) делая так, чтобы совершались такие действия, которые не должны бы совершаться; другими словами, дурно направляя их. Наконец, то целое собрание лиц, которые совершают различные вышеупомянутые политические действия, называется собирательным именем правительства. В числе этих лиц бывает обыкновенно какое-нибудь одно лицо или корпорация лиц, занятие которых состоит в том, чтобы указывать остальным их особые должности, направлять поведение каждого при исполнении относящегося к нему особого рода действий и даже при случае исполнять вместо него эту должность. Когда бывает такое одно лицо или кооперация лиц, то оно или она, смотря по складу фразы, может назваться государем или верховной властью (*sovereign, sovereignty*). Отсюда очевидно, что мешать действиям такой верховной власти или давать им дурное направление может значить мешать или давать дурное направление разным частям правительства.

Из этого анализа, где представлена связь между различными упомянутыми выше отделами преступлений, мы можем теперь извлечь определения для каждой отдельной статьи. Под преступлениями против внешней безопасности можно понимать такие преступления, которые стремятся принести публике вред, происходящий от враждебных действий иноземных противников. Под преступлениями против юстиции — такие преступления, которые стремятся препятствовать или давать дурное направление действиям власти, употребляемой для охранения публики против вреда от нарушений закона внутренними противниками, — насколько это может быть сделано средствами, принимаемыми только *после* открытия какого-нибудь замысла из того разряда, какой эти средства должны предотвращать. Под преступлениями против превентивной ветви полиции — такие преступления, которые стремятся противодействовать или давать дурное направление действиям власти, употребляемой для охранения от вреда вследствие нарушения закона внутренними противниками, средствами, принимаемыми *прежде* открытия; или той власти, которая употребляется для охранения против вреда, могущего произойти от физических бедствий. Под преступлениями

имя — и то весьма расплывчатое — для силы, которая занята предотвращением зла, — «полиция». Для силы, которая имеет предметом действия производство положительного добра, не создано еще особое название, хотя бы неадекватное.

⁷ Функции правосудия и полиции имеют тенденцию в ряде пунктов совмещаться: дела пойдут плохо, если некоторые лица, чьим непосредственным долгом является действовать как служащие полиции, не будут при определенных ситуациях действовать в качестве служителей правосудия. Однако идеи этих двух видов функций все же могут сохраняться как различные идеи: я не знаю, где следует провести разграничительную линию между ними, если это не сделать так, как было сделано выше (т.е. в основном тексте. — Ред.)...

против публичной силы — такие преступления, которые стремятся препятствовать или давать дурное направление действиям власти, предназначенной охранять публику против вреда, могущего произойти от враждебных действий внешних противников, и в случае необходимости при бессилии исполнителей юстиции — против вреда того разряда, какой происходит от нарушения закона внутренними противниками. Под преступлениями против увеличения национального благоденствия — такие преступления, которые стремятся мешать или давать дурное направление действиям властей, употребляемым для ведения различных учреждений, которые рассчитаны — каждое своим путем — положительно увеличивать запас публичного благоденствия. Под преступлениями против публичного богатства — такие, которые стремятся уменьшить количество или дать дурное направление употреблению денег и других предметов богатства, служащих правительству фондом, откуда может быть заимствован запас орудий, употребляемых для вышеозначенных целей. Под преступлениями против народонаселения — такие, которые стремятся уменьшить число или нанести ущерб политическому значению всей суммы членов общества. Под преступлениями против национального богатства — такие преступления, которые стремятся уменьшить количество или повредить значению вещей, составляющих отдельную собственность или имущество разных членов общества.

XVIII.

Можно спросить, какое же место оставлено в этом выводе для религии? Мы теперь увидим это. Для подавления разных родов перечисленных выше преступлений, т.е. подавления всех преступлений (не исключая и тех, какие мы будем теперь рассматривать), совершение которых лежит в природе человека, государство имеет две великие машины: наказание и награду: наказание, которое может применяться ко всем и при всех обыкновенных случаях; награду, которая применяется к немногим, для особенных целей и при чрезвычайных случаях. Но, когда человек сделал или не сделал акт, заслуживающий наказания или награды, глаза тех, кому вверено управление этими машинами, не всегда могут увидеть его, или, если должно быть употреблено наказание, их руки не всегда могут наверное достать его. Для пополнения этого недостатка относительно власти считается необходимым или по крайней мере *полезным* (без чего *истина* доктрины ничего не дает для этой цели) запечатлеть в сознании людей веру в существование силы, применяемой в тех же целях и не подверженной этим недостаткам, — власти высшего невидимого Существа, которой приписывается расположение содействовать тем же целям, для содействия которым рассчитаны разные упомянутые выше учреждения. Ожидается, конечно, что эта власть в то или другое время будет употреблена на достижение этих целей; для сохранения и усиления этого ожидания между людьми об этой власти говорят как о действии аллегорического персонажа, придуманного, как и раньше делалось, для удобства обсуждения этой темы, и все это названо *религией*. Таким образом, уменьшить или дурно применить влияние религии — значит *pro tanto* уменьшить или дурно применить ту власть, которую имеет государство для успешного подавления разных упомянутых выше родов преступлений, т.е. всех преступлений вообще. Акты, представляющие подобное стремление, называются преступлением против религии. Из них может, следовательно, составиться десятый отдел разряда преступлений против государства⁸.

⁸ По этому случаю можно заметить, что я рассматриваю религию исключительно в свете ее влияния на счастье в жизни настоящей. Что касается ее значения для подготовки нас к лучшей жизни будущей и обеспечения ее для нас, то это — предмет, который не входит в компетенцию законодателя.

Я говорю: преступления против религии как фиктивного объекта, а не преступления против Бога как реального существа. Ибо какие страдания может слабосильный смертный причинить существу, не доступному страданиям? Как может преступление затронуть его? Будет ли это преступлением против его личности, его собственности, его репутации или его положения?

Обычно преступления против религии считают главными. Идея об этом естественно связана с идеей благоговения... Но для выражения благоговения существуют другие пути, менее двусмысленные. С точки зрения метода и ясности очевидно, что нельзя понять ни характер зла, которое имеют тенденцию производить преступления против религии, ни основания, которые могут быть для наказания за их свершение, иным путем, кроме как рассматривая разные страдания, которые порождаются некоторыми другими видами преступлений. С политической точки зрения

XIX.

Если оказываются акты, которые представляются способными повредить государству каким-нибудь из упомянутых выше способов — действуя в ущерб внешней безопасности государства или его внутренней безопасности; его публичной силы; увеличения национального благоденствия; публичного богатства; национального населения; национального богатства; верховной власти; религии, — и если притом не ясно ни то, каким из этих способов они нанесут ущерба больше, ни то, что, смотря по обстоятельствам, они нанесут его только тем или другим способом, — такие акты могут быть собраны вместе под особый смешанный отдел и названы преступлениями против национального интереса вообще. Из них может, следовательно, составиться одиннадцатый и последний отдел разряда преступлений против государства.

XX.

Мы переходим теперь к пятому разряду, состоящему из многообразных преступлений. Как уже было указано, это или преступления посредством обмана, или преступления относительно доверия. В отдел первых могут быть отнесены: 1) простые обманы; 2) подлог; 3) принятие на себя чужого имени; 4) ложная клятва. Обратим внимание на то, в каких деталях эти роды обмана сходны и в чем они различны.

XXI.

Преступления посредством обмана, хотя различные в других деталях, сходны в том, что они состоят в каком-нибудь злоупотреблении способностью разговора или, скорее, как мы увидим дальше, способностью действовать на чувство веры в других людях посредством разговора или иначе. Разговор вообще служит тому, чтобы действовать на веру, и притом таким образом, чтобы заставлять людей думать, что вещи — таковы, как они есть на деле. Всякого рода обманы сходны в том, что они заставляют людей думать, что вещи не таковы, каковы они есть на деле.

XXII.

Принятие на себя чужого имени, подлог и ложная клятва отличаются от других способов обмана некоторыми специальными обстоятельствами. Когда обман не сопровождается никаким из этих специальных обстоятельств, он может назваться простым обманом. Эти обстоятельства следующие: 1) форма, в которой обман совершается; 2) то обстоятельство, относится ли он или нет к тождеству лица того, кто его совершает; 3) торжественность случая, по которому он совершается. Особенное приложение этих отличительных черт может быть более удобно изложено в другом месте.

XXIII.

Мы переходим теперь к подразделениям преступлений посредством обмана. Они возвращают нас опять к правильному пути анализа, которому мы следовали без отступлений в четырех предыдущих разрядах.

Какими бы средствами вред ни был произведен и был ли обман в числе этих средств или нет, индивидуумы, им постигаемые, должны быть или известные (т.е. узнаваемые), или неизвестные. Если они известны, то они могут быть постигнуты вредом только в четырех важных пунктах, а именно — в их личности, собственности, репутации и житейском положении. Дело обстоит так же, когда индивидуумы, хотя и неизвестные, могут быть отнесены в какой-нибудь класс, подчиненный целому количеству членов государства. Если обман стремится к ущербу для целого государства, то он может действовать при этом только в той или другой из тех характеристик, какую должен принять всякий акт, составляющий преступление против государства; т.е. в характеристике преступления против внешней безопасности, против юстиции, против превентивной ветви полиции, против публичной силы, против увеличения национального благоденствия, против публичного богатства, против национального населения, против национального богатства, против верховной власти государства или против религии.

XXIV.

Таким образом, преступления, принадлежащие к этому отделу, имеют то общее свойство, что стоят на том же самом основании, которое занимают преступления предыдущих разрядов. Но, как мы увидим, некоторые из них способны, при разных случаях, терять или изменять те имена, которые приводят их в этот отдел: это бывает в особенности с простыми обманами. Другие удерживают свои названия без перемены и даже пересиливают имена, которые могли бы иначе принадлежать обозначаемым ими преступлениям: главным образом это бывает в принятии чужого имени, в подлоге и ложной клятве. Итак, когда вмешивается это обстоятельство обмана, в некоторых случаях получает верх то имя, которое обозначает преступление по его результатам; в других — то, которое обозначает как бы средство или орудие, с помощью которого преступление совершено. Если мы возьмем обман сам по себе, будем рассматривать его как не сопровождаемый никакими другими важными обстоятельствами и, следовательно, не производящий никаких важных результатов, — обман по принципу полезности вовсе не может составлять никакого преступления. Но когда он соединяется с другими обстоятельствами, то едва ли есть какой-нибудь вредный результат, которому бы он не мог способствовать. Поэтому если обманы упоминаются под именем и в смысле особых преступлений, то это бывает скорее из уступчивости к законам языка, чем по соображению самой вещи. Это могло бы быть довольно ясно, если бы теперь было время входить в подробности: но если соблюдать какой-нибудь порядок, то мы можем сделать это только тогда, когда представим предварительно низшие деления этих других разрядов.

XXV.

Переходим теперь к преступлениям против доверия. Доверие (trust) бывает там, где одна сторона, пользуясь какой-нибудь властью или принадлежащим ей правом⁹, бывает обязана

⁹ Хотя власти не являются видом прав (так как два разряда фиктивных сущностей, называемых властью и правом, в корне различны), они до сих пор включаются в права, так что всякий раз там, где используется слово «власть», также используется и слово «право». Причина этого в том, что, когда вы можете говорить о лице как обладающем властью, вы также можете говорить о нем как об имеющем право на такую власть. Однако обратное утверждение неверно: есть случаи, в которых, хотя вы можете говорить о человеке как обладающем правом, вы не можете говорить о нем как обладающем властью или употреблять это слово каким-то иным образом. В разных случаях вы имеете право, к примеру, на услуги мирового судьи, но если вы — частное лицо, то не имеете власти над ним: вся власть на его стороне. В этом случае при употреблении слова «право» слово «власть» может, вероятно, быть опущено без всякого ущерба смыслу. Однако в нашем случае, обсуждая доверие, это слово обычно более употребляемо, чем слово «право»; в целях ясности больше подходит использовать их оба.

совершить какой-нибудь частный акт в пользу другой стороны. Или полнее таким образом: одна сторона называется облеченной доверием, когда, будучи облечена какой-нибудь властью или правом, обязывается в силу этой власти или этого права к известному поведению для блага или для прибыли какой-нибудь другой стороны. В таком случае, первая упомянутая сторона называется доверенной (trustee); для другой стороны еще не было найдено названия: за недостатком его можно назвать ее стороной, имеющей получить благо или прибыль (party to be benefited).

Доверенная сторона называется также облеченной доверием, обязанной исполнить данное ей доверие и т.п.

XXVI.

Доверие часто считается видом житейского положения, о нем говорят так же, как о виде собственности: и что в том же смысле говорится о самом положении. Можно думать поэтому, что в первом разряде отдел преступлений против житейского положения должен бы быть включен в отдел преступлений против собственности и что во всяком случае тот отдел занимающего нас теперь пятого разряда, который заключает преступления против доверия, должен бы быть включен в тот или другой из этих двух отделов первого разряда. Но при внимательном рассмотрении дела окажется, что не было бы удобно и, быть может, даже не было бы правильно отнести какой-либо из

Можно ожидать, поскольку разъясняется слово «доверие», что словам «власть» и «право», от значений которых зависит толкование слова «доверие», также будет дано разъяснение. И действительно, нет двух других слов, которые бы более нуждались в этом, чем эти два. Соответственно, я намеревался дать так же разъяснение и в самом деле разработал его, но детали, в которые в этих целях пришлось с необходимостью входить, оказались настолько пространными, что заняли больше места, чем может быть здесь отведено. Поэтому относительно этих слов, а также некоторых других, таких как «владение», «право собственности» и им подобных, которые с точки зрения их содержания неразрывно связаны с рассматриваемыми понятиями, я должен довольствоваться вместо изложения самого разъяснения представлением лишь общей идеи того плана, которому я следовал при разработке этого разъяснения...

Власть и право, как и целый сонм фиктивных сущностей того же рода, являются — в том смысле, какой принадлежит им в юриспруденции, — результатом того или иного проявления воли законодателя в отношении такого-то и такого-то действия. Далее, любое такое проявление есть либо запрет, либо приказ, либо их соответствующее отрицание, а именно — разрешение или какое-то объявление воли законодателя, когда он оставляет то или иное действие вне сферы своих приказов. Чтобы сделать выражение постановления более четким, приказ относительно положительного действия может быть представлен посредством запрета противоположного ему отрицательного акта. Следовательно, чтобы знать, как истолковать право, обратите внимание на то действие, которое — в рассматриваемых обстоятельствах — было бы нарушением этого права: закон создает право, запрещая данное действие. Власть, будь то над собственной личностью данного человека или над другими личностями или вещами, создается прежде всего разрешением, но в той мере, в какой закон берет на себя активную роль в подкреплении ее, она создается запретом и приказом; запретом таких действий (со стороны других лиц), которые считаются несовместимыми с осуществлением ее (власти), а в некоторых случаях — приказом совершать такие действия, какие необходимы для устранения таких-то и таких-то препятствий, из числа тех, которые затрудняют ее осуществление. Для каждого права, которым закон наделяет одну сторону, будь то индивид, группа индивидов, публика в целом, существует долг или обязательство, которое он налагает на другую сторону. Но могут быть законы, которые приказывают или запрещают действия, т.е. налагают обязанности, не имея в виду ничего другого, кроме выгоды данного лица: они не создают права. Поэтому обязанности могут быть обращенными вовне или обращенными на себя: первые имеют соответствующие им права, у вторых — их нет...

Я бы мог намного сократить рассмотрение этого предмета, если бы придерживался обычного стиля, говоря, что власть — это способность, а право — привилегия и т.д., следуя избитым путем дефинирования. Но мы уже указывали на бессмысленность этого метода в вопросах, подобных данному: власть не есть что-то, как и право не есть что-то. Дело в том, что у них нет ближайшего рода. Они, как и понятия «долга» и «обязательства» и многих других того же порядка, принадлежат к числу таких фиктивных сущностей, значение которых не может быть показано никаким иным путем, кроме как тем, который показывает их отношение к реальным сущностям.

этих отделов в какой-нибудь из двух других. Вместе с тем окажется также, что между всеми ними существует тесная связь: так что каждый из них может в значительной степени служить образцом для другого, относительно списка принадлежащих к ним преступлений. Есть известные преступления, которым подвергается всякого рода доверие как доверие: окажется, что всем этим преступлениям подвержено и всякого рода житейское положение: и в то же время эти особенные виды преступлений против доверия — по своему применению к частным положениям — получают различные частные наименования. Таким образом, окажется, что из двух групп преступлений, на которые естественно будут распадаться преступления против доверия, есть только одна, которой подвергается собственность, взятая в ее ближайшем и более ограниченном смысле; и что эти преступления — в своем приложении к предмету собственности — способны будут к различным видоизменениям, для которых требования языка и представляющийся случай отличить их для изложения делают необходимым найти названия.

Во-первых, как есть или, по крайней мере, как могут быть (мы увидим это дальше) положения, которые не суть доверие, так есть и доверие, идея которого не могла бы легко и естественно войти в слово «положения»: прибавим к этому, что из тех положений, которые включают доверие, большая доля включает вместе с ним и другие ингредиенты: так что если с одной стороны идея положения идет дальше идеи доверия, то с другой стороны она уступает ей. Из разных родов доверия наиболее важны те, в которых роль стороны, получающей благо, занимает публика. И эти роды доверия, кажется, едва ли бы представились мысли при первом взгляде на слово «положение». Во всяком случае — и это главное — важнейшие из преступлений против этого рода доверия, кажется, не могут быть включены в отдел преступлений против положения. Преступления, рассматриваемые под этим последним названием, могли бы являться с этим названием, кажется, только тогда, когда они являются затрагивающими интересы индивидуума: того, например, который считается имеющим это положение. Но в преступлениях против общественного доверия важнейшую часть их вредной тенденции составляет их влияние на общественные интересы; а то влияние, которое они имеют на интересы индивидуума, — единственная часть их влияния, которой бы можно было придать название преступления против положения, — является сравнительно ничтожно. Слово «доверие» тотчас направляет наше внимание на интересы той стороны, в отношении которой лицо (о котором идет речь) является доверенным: и если этой стороне мы придадим эпитет «общественной», то под ней тотчас понимается известное общество, состоящее из целого собрания или из неопределенной части целого собрания членов государства. Идея, представляемая словами «общественное доверие», ясна и недвусмысленна: и если выражать ее словами «общественное положение», то это будет только темная и двусмысленная форма для этой идеи. Поэтому главная часть преступлений, включаемых в разряд преступлений против доверия, кажется, не должна быть включена в отдел преступлений против положения.

Довольно очевидно, что по той же причине они не должны быть включаемы и в отдел преступлений против собственности. Было бы нелепо и показывало бы полную невнимательность к руководящему принципу целого нашего труда — принципу полезности — взять самую вредную и наиболее возбуждающую тревогу часть преступлений, нарушающих благосостояние общества, и внести их насильственно в список преступлений против собственности индивидуума; т.е. того индивидуума, который в этом случае считался бы имеющим собственность того общественного доверия, которое нарушается разбираемым преступлением.

Не менее неправильно было бы включить все положения в отдел собственности, и затем, следовательно, весь каталог преступлений против положения включить в каталог преступлений против собственности. Правда, что есть преступления против положения, которые, быть может, столько же справедливо и без всякого изменения в своей природе могут приниматься в смысле преступлений против собственности: так обширны и так неопределенны идеи, которые обыкновенно соединяются с этими двумя предметами. Но есть другие преступления, которые, хотя и могут быть бесспорно относимы к отделу преступлений против положения, не могут без крайнего насилия над языком быть отнесены в отдел преступлений против собственности. Собственность, рассматриваемая относительно собственника, предполагает неизменно прибыль (benefit) и ничего больше; какие бы обязательства и тяготы ни были к ней привязаны по какому-нибудь случаю, сама по себе она не может быть иначе как прибыльной. Со стороны собственника она создается не какими-нибудь приказами, которые налагаются на него, но тем, что ему предоставляется свобода делать с той или другой вещью, что ему вздумается. Обязательства, которыми она создается, лежат во всяком случае на других людях. С другой стороны, что касается положений, то бывают разные положения смешанного свойства, приносящие тому, кто ими владеет, и прибыль, и тягости — как

это и бывает в тех положениях, которые чаще всего называются этим именем и которые всего больше выставляются на вид.

Есть даже такие положения, которые не приносят ничего, кроме тягот, без всякой искры прибыли. Поэтому, когда между двумя сторонами бывает такое отношение, что одна стоит к другой на месте объекта собственности, слово «собственность» прилагается только к одной стороне; но слово «положение» применяется одинаково к обоим: только об одной из сторон говорится по этому случаю, что она владеет собственностью; но об обеих одинаково говорится, что они владеют положением: только хозяин считается владеющим собственностью, объектом который бывает слуга в силу услуг, которые он обязан оказывать; но и о слуге, и о хозяине одинаково говорится, что они владеют положением.

Дело в том, что если только о положении человека говорится, что оно составляет предмет его собственности, то это говорится в таком же неясном и неопределенном смысле слова, в каком всякое другое преступление, какое только можно представить, может быть занесено в список преступлений против собственности. В самом деле, если бы везде, где употребляется фраза «объект собственности», язык был достаточно прозрачен и мог указать под этим названием материальное и действительно существующее тело, лицо или вещь, служащие для тех актов, совершение которых составляет так называемое пользование собственностью; если бы, одним словом, в значении, даваемом фразе «объект собственности», это слово употреблялось именно только для обозначения действительного объекта, то этой трудности и путаницы не было бы вовсе. Но значение фразы «объект собственности» и, вследствие этого, значение слова «собственность» получили гораздо более обширный объем. Почти во всех случаях, где закон делает что-нибудь для прибыли или выгоды человека, люди бывают склонны говорить так, как будто закон сообщает этим человеку род собственности. В то же время, в некоторых случаях по той или другой причине было неудобно или неприятно называть объектом своей собственности ту вещь, в которой имеют свой конец те акты, совершение которых составляет пользование собственностью, или то лицо, в котором эти акты имеют свое начало. А между тем абсолютно требовалось что-нибудь, что можно было бы называть этим именем¹⁰. Средством для этого и было создать — для каждого случая — как бы известную идеальную сущность и присвоить человеку эту идеальную сущность как предмет собственности: это и есть тот разряд объектов, которому юридические теоретики, имея в виду действия закона, дали со временем название невещественных или нетелесных (*incorporeal*) объектов собственности. Эти нетелесные объекты в высшей степени разнообразны. Воображаемые сущности этого рода произведены были почти из каждой вещи; в этом числе были не только положения (включая сюда и

¹⁰ Надобно заметить, что в обыкновенном языке во фразе «объект собственности человека» слово «объект» обыкновенно выбрасывается: и посредством этого эллипсиса, который при всей своей насильственности теперь для нас привычнее, чем целая длинная фраза, — часть этой фразы, состоящая из слов «собственность человека», вынуждена выполнять обязанность целой фразы. Но в некоторых случаях акты, о которых идет речь, могут быть совершены только над частью объекта: и сказать в этом случае, что объект был собственностью какого-нибудь человека, значило бы говорить, что эти акты могут быть совершаемы над всякой частью. В других случаях над объектом могут быть совершаемы только известные частные акты, и сказать об этом объекте, что он есть собственность человека, значило бы говорить, что над ним могут быть совершаемы всякие акты, какие угодно. Иногда акты, о которых идет речь, могут быть исполнены только в будущем времени, да и тогда, быть может, в том только случае, если бы произошло какое-нибудь частное событие, совершение которого неизвестно: и сказать об этом объекте, что он есть собственность человека, значило бы говорить, что упомянутые акты могут быть совершены над ним во всякое время. Иногда объектом, на котором разбираемые акты оканчиваются или начинаются, бывает человеческое существо: и говорить о человеческом существе как о собственности другого человека неприятно поражало бы уши везде, кроме только стран, где рабство установлено законом и нравами, да и там поражало бы неприятно, если бы это применялось не именно к рабам, а к людям другого общественного положения. У древних римлян, действительно, жена даже была собственностью своего мужа; ребенок — собственностью отца; слуга — собственностью хозяина. У цивилизованных наций новейшего времени два первые рода собственности совершенно прекратились; а последний, к сожалению еще непрекратившийся, склоняется, впрочем, как можно надеяться, к своему прекращению. Теперь собственность мужа есть общение с его женой (*consortium*, по английскому закону); собственность отца — опека над детьми и их услуги; собственность хозяина — услуги его слуги.

доверие), но даже и репутация. С этой точки зрения рассматривалась даже и свобода: и хотя во многих случаях она противопоставляется собственности, но в других случаях, считаясь в каталоге владений, она считалась, кажется, ветвью собственности. Правда, некоторые из этих применений слов «собственность», «объект собственности» (напр., последнее применение) считаются более фигуральными и менее собственными или прямыми, чем остальные; но так как на самом деле они все не представляют прямого значения, где непосредственный объект нетелесный, то едва ли возможно где-нибудь провести черту между ними.

Несмотря на всю обширность значения этих слов, все-таки в числе отношений, в силу которых о вас говорят, что вы владеете положением, есть по крайней мере одно, о котором при всех натяжках едва ли можно сказать, что оно делает другого человека или другую вещь объектом вашей собственности. Это — право оставаться при каком-нибудь известном действии, например при известном ремесле. Чтобы дать вам это право, по крайней мере в известной степени, закону не нужно делать ничего, кроме как воздержаться от запрещения вам заниматься этим ремеслом. Если бы закон пошел дальше и для того, чтобы дать вам возможность заниматься вашим ремеслом с большей выгодой, запретил это ремесло другим, тогда, конечно, нашлись бы люди, которые в известном смысле — и скорее в натянутом, чем в прямом значении слова — могли бы назваться предметом вашей собственности: т.е. потому, что были бы принуждены оказывать вам тот род отрицательной услуги, который состоит в воздержании от таких актов, какие уменьшили бы вашу прибыль от вашего ремесла. Но обыкновенное право заниматься каким-нибудь ремеслом, когда оно не составляет предмета монополии, не предполагает ничего подобного; и все-таки, когда человек владеет этим правом, о нем говорят, что он владеет положением, и нарушение этого права называется нарушением его положения.

Из всего сказанного видно, что должны быть случаи, где — по обычаю языка — одно и то же преступление может с большей или меньшей степенью правильности быть отнесено и в отдел преступлений против положения, и в отдел преступлений против собственности. В таких случаях для того, чтобы провести черту между ними, может служить следующее правило. Везде, где, в силу вашего владения собственностью или в силу того, что вы составляете объект собственности для другого, вы по обычаю языка получаете какое-нибудь особое отличительное имя, как, например, имя хозяина, слуги, мужа, жены, управляющего, агента, поверенного и т.п., — везде в этих случаях может быть употреблено слово «положение», которое и исключало бы слово «собственность»; и преступление, в котором вы в силу какого-нибудь подобного отношения замешаны или в качестве преступника, или в качестве страдающей стороны, может быть отнесено в разряд преступлений против положения, а не в разряд преступлений против собственности. Возьмем пример: будучи обязаны в качестве сельского смотрителя перед известным лицом посмотреть за починкой моста, вы не делаете этого: так как в этом случае услуги, лежащие на вас, принадлежат к числу тех, по которым сторона, несущая эти услуги, получает известное родовое имя, т.е. имя сельского смотрителя, то преступление, состоящее в неоказании этих услуг, может быть отнесено в разряд преступлений против положения. Но предположим, что вы не обязаны тем общим и смешанным родом услуг, который бы дал вам относительно другого лица название сельского смотрителя, а что вы, по обычаю или по контракту, обязались оказать ему тот один род услуг, который состоит в надзоре, вашем или чьем-то другом, за починкой этого моста: в этом случае, так как нет такого обычного наименования, к которому бы вы могли быть причислены в силу этого последнего обязательства (заметим, что здесь нет речи об архитекторе, каменщике и т.п.), то преступление, которое вы совершаете неоказанием услуг, не может быть правильно отнесено в разряд преступлений против положения: поэтому оно может быть отнесено только в разряд преступлений против собственности.

Для дальнейшего различения можно заметить, что когда (в силу обязательства человека оказывать известные услуги или обязательства других оказывать услуги ему) говорится о человеке, что он владеет положением, то вся масса услуг обыкновенно так значительна по своей продолжительности, что составляет длинный ряд услуг, которые могут притом измениться и повторяться при разнообразии случаев к этому: и в большей части случаев, когда положение бывает не домашнего свойства, эти услуги бывают иногда в пользу одного лица, иногда в пользу другого. Услуги, которые оказываются частному лицу по частному случаю, особенно если они бывают короткие по времени, редко дают повод говорить о той или другой стороне как о владеющей положением. Частные случайные услуги, которые один человек бывает обязан — по контракту или иначе — оказывать другому, бесконечно разнообразны; но количество положений, имеющих названия, может быть сосчитано, и их сравнительно немного.

Если при всем том, несмотря на данное здесь правило для отделения положений от предметов собственности, представится какой-нибудь предмет, который, по-видимому, одинаково правильно мог бы быть отнесен и в тот и в другой отдел, это неудобство было бы несущественно; потому что в таких случаях, как мы увидим немного далее, какое бы название ни было принято, список преступлений, которым подвергается объект, остался бы в сущности тот же самый.

Объяснив эти затруднения, мы представим теперь аналитический обзор разных возможных преступлений против доверия.

XXVII.

Преступления против доверия могут быть разделены, во-первых, на такие, которые относятся к существованию доверия у того или другого лица, и на такие, которые относятся к исполнению принадлежащих к доверию функций. Итак, во-первых, о преступлениях, относящихся к существованию доверия. Преступление этого рода, как и всякое другое, если только оно есть преступление, должно приносить ущерб тому или другому лицу. Этот ущерб может быть разделен на две ветви: 1) тот ущерб, который может пасть на лица, которые облечены или должны бы быть облечены доверием; 2) тот, который может пасть на лица, в чью пользу оно установлено или должно бы быть установлено, или на другие лица вообще. Начнем с первой из этих ветвей. Представим себе какое-нибудь доверие. По своему свойству оно должно производить для его владельца известные последствия, и эти последствия, насколько они имеют существенную важность¹¹, должны быть или выгодны, или невыгодны для него: если и насколько они выгодны, то доверие может считаться прибылью (benefit) или привилегией; если и насколько они невыгодны, доверие может считаться тягостью¹². Рассмотрим его с точки зрения прибыли.

Доверие бывает или из числа тех, какие могут существовать по закону¹³, т.е. тех, какие законодатель считает нужным установить; или оно бывает не из числа их. Если оно из числа их, то

¹¹ См. гл. VII (Действия), § 3.

¹² Когда последствия доверия бывают выгодны, это бывает, естественно, по той власти или тем правам, которые соединяются с доверием; невыгодны они бывают по причине обязанностей.

¹³ Может показаться как будто некоторым анахронизмом то, что мы говорим в настоящем случае о доверии, положении или другом владении в таком смысле, что человек может или не может иметь их по закону; потому что план, предложенный нами здесь, тот, чтобы дать такое понятие о предлагаемых законах, какое должно следовать из разумных оснований, существующих для их составления: и казалось бы, что разумная причина должна существовать раньше закона, а не закон раньше разумной причины. Этого и нельзя отвергать; потому что, бесспорно, по принципу полезности можно одинаково справедливо сказать о тех операциях, которыми устанавливается доверие или какой-нибудь другой род собственности, как и о всяких других операциях закона, что совершение их может быть нужно или благотворно только тогда, когда для этого совершения может быть указано какое-нибудь разумное основание, выведенное из этого принципа. Чтобы дать собственность одному человеку, вы должны наложить обязательство на другого: вы должны обязать его делать что-нибудь, что он может желать не делать, или воздерживаться делать что-нибудь, что он может желать делать, одним словом, вы должны тем или другим способом подвергнуть его неудобству. Поэтому всякий подобный закон должен быть в первой инстанции вреден; и если бы от него не могло происходить никаких хороших действий, которые бы противопоставались дурным, он должен быть вреден и в целом. Поэтому в этом случае, как и во всяком другом, должны быть какие-нибудь разумные основания. Дело в том, что в настоящем случае, который мы разбираем, имеются причины слишком разнообразного и запутанного свойства, чтобы их можно было приводить в аналитическом очерке, таком, каков настоящий. Где преступление бывает таково, что оно затрагивает личность или репутацию, то причина запрещения его ясна сама собой и прилагается одинаково ко всякому человеку. Но собственность, прежде чем против нее может быть совершено преступление, должна быть создана и в минуту своего создания должна быть как бы распределена на частицы разных родов и величин, и частицы должны быть присвоены одни одному человеку, другие — другому по причинам, из которых многие не вполне просматриваются и которые, будучи различны в различных случаях, потребовали бы для своего объяснения больше места, чем мы можем дать им теперь. Для настоящей нашей цели достаточно принять, что для выполнения разных потребностей жизни существуют доверия, положения и другие предметы собственности, которыми должен кто-нибудь владеть, и что не всяким предметом может и должен владеть каждый. Какие

владение, которого вы можете быть лишены в какое-нибудь время, должно быть в это время или настоящее владение, или будущее, ожидаемое; если ожидаемое (причем оно может быть или несомненным, или случайным), то событие облечения доверием (или событие, с которого должно начаться ваше владение им) было или такое, в произведении которого участвовала воля преступника, или всякое другое событие вообще: в первом случае преступлению может быть дано название злостного необлечения доверием (*wrongful non-investment of trust*); в последнем — название злостного отстранения доверия (*wrongful interception of trust*). Если во время совершения преступления, которым вы были лишены доверия, вы уже владели им, преступление может называться злостным отнятием доверия (*wr. divestment of trust*). Во всех этих случаях преступление действует так, что или отдает доверие кому-нибудь другому, или нет; если не отдает, то это будет просто злостное отстранение, злостное отнятие доверия и только; если отдает, то доверием овладевает или сам преступник, и тогда преступление называется узурпацией доверия; или им овладевает какое-нибудь другое лицо, и тогда это будет злостное облечение доверием. Далее, если доверие, о котором идет речь, не из числа тех, какие могут существовать по закону, то вопрос о том, будет ли или не будет лишение его преступлением, зависит от способа, каким один человек будет отнимать это доверие у другого; и от этого будет вместе зависеть и вопрос о том, будет или нет это необлечение, устранение, отнятие доверия злостным. Но отдача этого доверия кому-нибудь другому во всяком случае должна быть преступлением; и это преступление, как прежде, будет или узурпация, или злостное облечение.

Теперь рассмотрим доверие с точки зрения тягости. С этой точки зрения, если рассматривать только интерес лиц, которые могут быть облечены доверием, это доверие таково, что не должно бы существовать по принципу полезности; если оно может существовать, то только для тех лиц, в чью пользу оно установлено. Итак, если оно не должно бы существовать по какой-нибудь причине, то ни необлечение, ни устранение, ни отнятие не могут быть злостными относительно первых упомянутых лиц, каковы бы они ни были по другой причине, вследствие способа, каким они были совершены; для узурпации, совершение которой, впрочем, невероятно, здесь является такая же возможность, как прежде; точно так же есть возможность для злостного облечения, которое (если доверие считается тягостью) может быть названо в этом случае злостным наложением (*imposition*) доверия. Если доверие, хотя все-таки тягостного рода, бывает из числа тех, которые могут существовать, то всякое преступление, какое может быть совершено относительно его существования, должно состоять или в том, чтобы принудить владеть им известное лицо, которое не должно бы владеть им, или чтобы принудить не владеть им то лицо, которое должно бы владеть им. В первом случае это должна быть или узурпация, или злостное отнятие, как прежде. В последнем случае лицо, которое вынуждается не владеть им, есть или самый преступник, или кто-нибудь другой; если сам преступник, то во время преступления он или владел им, или нет: если владел, то преступление может быть названо злостным отказом (*abdication*) от доверия; если не владел — злостным уклонением от доверия или неприятием его (*detrectation or non-assumption*); если лицо, которое вынуждается преступлением не владеть доверием, есть какое-нибудь другое лицо, тогда преступление должно быть или злостное отнятие, устранение, или необлечение, как прежде; и в каждом из этих случаев, рассматривая доверие в смысле тягости, преступление может быть также названо злостным изъятием доверия (*wr. exemption from trust*).

Наконец, относительно ущерба, который могут понести те лица, в пользу которых доверие установлено, или всякие другие лица, интерес которых может быть затронут существованием или несуществованием этого доверия в тех или других руках. При исследовании окажется, что эти последние лица также могут нести ущерб от всякого рода преступлений, от которого несут в этом отношении ущерб те лица, которые владеют или должны бы владеть доверием. В этом случае ущерб, очевидно, бывает весьма отличен от того, каков он был в другом случае, но и там и здесь могут быть применены те же общие названия. Если те лица, интерес которых затронут в выполнении доверия, или одно из этих лиц могут понести ущерб, происходящий от качества лица, которым это доверие может быть выполнено, такой ущерб должен происходить от одной из двух причин: 1) от того, что доверием владеет лицо, которое не должно бы владеть им, или 2) от того, что доверием не владеет то

предметы должны быть созданы и для каких лиц и в каких случаях предметы должны присваиваться лицами — это вопросы, которых мы не можем здесь разбирать. Притом здесь нет и причины желать, чтобы они разбирались теперь, потому что постановка их тем или другим образом не сделала бы никакой разницы в свойстве какого-нибудь преступления, вследствие которого какая-нибудь сторона может потерпеть ущерб по случаю какого-нибудь подобного учреждения.

лицо, которое должно бы владеть им; будет ли при этом доверие прибылью или тягостью для его владельца, это обстоятельство в настоящем случае не делает никакой разницы. В первом из этих случаев преступления, производящие ущерб, суть преступления узурпации доверия, злостного присвоения доверия и злостного наложения доверия; в последнем случае это — злостное необлечение доверием, злостное отнятие доверия, злостное устранение доверия, злостный отказ от доверия и злостное неприятие доверия.

До сих пор мы говорили о преступлениях, относящихся к существованию доверия или владению им; преступления, относящиеся к выполнению функций, соединенных с доверием, могут быть поняты следующим образом. Вы владеете доверием: то время, в которое вы должны действовать по этому доверию, должно быть для известного данного случая (оставляя для простоты настоящий момент) или прошедшее, или будущее. Если прошедшее, то поведение ваше в этом случае должно было быть или сообразно с целью, для которой доверие установлено, или несообразно с ней. Если оно было сообразно с этой целью, то в этом случае вреда не было. Если не сообразно, то вина была или только ваша, или какого-нибудь другого лица, или вас обоих вместе. Когда она была ваша, то она состояла или в том, что вы не сделали чего-нибудь, что должны были бы сделать, и в таком случае эта вина могла бы быть названа отрицательным нарушением доверия (*negative breach of trust*); или она состояла в том, что вы сделали что-нибудь, чего не должны были бы делать. Если она состояла в этом, то сторона, понесшая от этого ущерб, есть или та самая, в пользу которой доверие установлено, или какая-нибудь другая сторона вообще: в первом из этих случаев преступление может быть названо положительным нарушением доверия; во втором — злоупотреблением доверием (*abuse of trust*). Когда вина была другого лица, преступление с его стороны может быть названо помехой выполнению доверия (*disturbance of trust*). Предполагая, что время, когда вы должны действовать по доверию, есть будущее, то действие какого-нибудь акта, стремящегося сделать ваше поведение несообразным с целями доверия, может состоять или в том, чтобы сделать его несообразным актуально и эвентуально, или в том, чтобы произвести шанс этой несообразности. В первом из этих случаев акт должен принять ту или другую из упомянутых нами сейчас форм. В последнем случае вина должна лежать, как прежде, или на вас одних, или на каком-нибудь другом лице, или на обоих вместе. Если на другом лице, то акты, которыми оно может стремиться сделать ваше поведение несообразным с целями доверия, должны воздействовать или на вас самих, или на другие объекты вообще. Если они совершаются на вас самих, то влияние их должно быть или таким, что оно действует непосредственно на ваше тело, или таким, что оно действует непосредственно на ваш дух. Далее, в этом последнем случае тенденция их должна состоять в том, чтобы лишить вас или знания, или силы, или наклонности, которые были бы необходимы вам для сообразования вашего поведения с целями доверия. Если эти акты таковы, что они имеют тенденцию лишить вас упомянутой наклонности, то это должно произойти посредством приложения к вашей воле силы какого-нибудь соблазняющего мотива¹⁴. Наконец, этот мотив должен быть или принудительного (*coercive*), или увлекающего, заманчивого свойства (*alluring*): другими словами, он должен представляться или в форме вреда, или в форме выгоды. Ни в одном из всех упомянутых сейчас случаев, кроме последнего, преступление не требует никакого нового названия: смотря по событию, это бывает или помеха выполнению доверия, или abortивная попытка быть виновным в этом преступлении. В последнем случае преступление называется подкупом (*bribery*), и это есть тот частный вид его, который может быть назван активным подкупом, или дачей подкупа или взятки. В этом случае, рассматривая дело с вашей стороны, вы или берете подкуп, или не берете: если не берете и если вы впоследствии не совершаете и не готовитесь совершить ни нарушения доверия, ни злоупотребления им, то в этом случае с вашей стороны преступления нет; если вы берете подкуп, то — все равно, совершите вы или не совершите впоследствии нарушение или злоупотребление доверием, совершение которого вами было целью человека, дававшего подкуп, — вы во всяком случае совершаете преступление, которое также называется подкупом и которое для отличия может быть названо пассивным подкупом, или принятием подкупа или взятки. Что касается дальнейших различий, то они будут зависеть от свойства частных родов самого доверия и потому сюда не относятся. И, таким образом, мы имеем тринадцать подразделений преступлений против доверия, а именно: 1) злостное необлечение доверием; 2) злостное устранение доверия; 3) злостное отнятие доверия; 4) узурпация доверия; 5) злостное облечение или присвоение доверия; 6) злостный отказ от доверия; 7) злостное уклонение от доверия; 8) злостное наложение доверия; 9)

¹⁴ См. гл. XI (Расположения), § 29.

отрицательное нарушение доверия; 10) положительное нарушение доверия; 11) злоупотребление доверием; 12) помеха выполнению доверия; 13) подкуп.

XXVIII.

Из сказанного следует, кажется, что со стороны доверенного лица не может быть больше других преступлений, вследствие которых бы лицо, в пользу которого доверие установлено, могло понести по какому-нибудь частному случаю какой-нибудь определенный специальный ущерб. Но есть один род актов, вследствие которых доверенное лицо может подвергнуться опасности понести ущерб, хотя ни свойство ущерба, ни случай, по которому является опасность понести его, не могут быть определены или указаны. Это не могут быть иные акты, как те, которые (каковы бы они ни были) располагают доверенное лицо подвергаться действию от одного данного подкупа с большей силой, чем от всякого другого; или, иными словами, те акты, которые ставят его в обстоятельства, имеющие стремление увеличить количество его чувствительности к действию какого-нибудь мотива этого разряда¹⁵. Из этих актов нет, кажется, других, которые допускали бы обозначение, приложимое одинаково ко всем местам и временам, кроме актов расточительности со стороны доверенного лица. Но в актах этого рода ущерб лицу, в пользу которого установлено доверие, бывает только случайный и не ликвидируется; между тем как ущерб самому доверенному лицу бывает верный и ликвидируется. Поэтому, если бы при каком-нибудь случае оказалось нужным рассматривать его в смысле преступления, он более естественно найдет свое место в разряде преступлений личных (self-regarding).

XXIX.

Что касается дальнейших подразделений преступлений против доверия, то они совершенно аналогичны подразделениям преступлений посредством обмана. Доверие может быть частное, полупубличное и публичное; оно может касаться собственности, личности, репутации или положения или двух и больше из этих обстоятельств одновременно, как это подробнее объясняется в другом месте. Кроме того, преступление, оказываясь здесь на территории, занимаемой тремя предыдущими классами, в некоторых случаях изменит свое имя, в других — не изменит.

XXX.

Наконец, если бы спросили: какого рода связь существует между обманами, с одной стороны, и преступлениями против доверия — с другой, ответ на это был бы тот, что они совершенно различны. Обман есть обстоятельство, которое может входить в состав всякого рода преступления и между прочим также и в состав преступления против доверия: в одних — как орудие случайное, в других — как орудие существенное. Нарушение или злоупотребление доверием суть обстоятельства, которые в качестве случайного аксессуара могут входить в состав всех других преступлений (включая сюда и преступления посредством обмана), кроме тех, которым они дают название.

§ 3. Роды I разряда

XXXI.

Возвращаясь теперь к первому разряду, проведем распределение еще на одну степень дальше и подведем различные изложенные выше деления этого разряда на их роды, то есть такие более частные деления, которые могут быть охарактеризованы названиями, значительная доля которых уже известна народу¹⁶. Здесь анализ должен остановиться. Приложить его в той же правильной форме к какому-нибудь из других разрядов, кажется едва ли удобоисполнимым: к полупубличным и

¹⁵ См. гл. VI (Чувствительность), § 2.

¹⁶ Надобно вообще заметить, что в исчислении этих родов не упоминаются преступления побочного свойства (accessory), кроме немногих случаев, где эти преступления получили привычные и слишком знакомые имена, чтобы их можно было опустить. Побочные преступления суть те, которые хотя и не составляют тех самых актов, из которых непосредственно происходит рассматриваемый вред, но связаны с этими актами как причины. См. гл. VII (Действия), § 24.

также к публичным преступлениям — по причине вмешательства местных обстоятельств; к личным — по той причине, что это привело бы к необходимости решать заранее пункты, которые могут еще подлежать спору; к преступлениям посредством обмана и к преступлениям против доверия — по причине зависимости между этим разрядом и тремя предыдущими. То, что остается сделать этим путем с этими четырьмя классами, должно войти скорее в главный труд о законодательстве, а эта предварительная часть должна обозначить только главные черты.

XXXII.

Известный акт, нарушающий счастье индивидуума, бывает по своему действию или простой, или сложный. Он может назваться простым по своему действию, когда он затрагивает индивидуума только в одном из тех пунктов, в которых, как мы видели, его интерес может быть вообще затронут; он может назваться сложным, когда затрагивает индивидуума в нескольких из этих пунктов одновременно. Сначала надо рассмотреть, конечно, простые акты.

XXXIII.

Простым способом, т.е. одним способом в один раз, счастье человека может быть нарушено или 1) действиями, относящимися к самой личности, или 2) действиями, относящимися к тем внешним предметам, от которых его счастье более или менее зависит. Что касается его собственной личности, то она состоит из двух различных частей или предполагаемых частей — тела и души. Акты, оказывающие вредное влияние на его личность, все равно на телесную или на духовную часть ее, будут действовать на нее или непосредственно и не затрагивая его волю, или посредством через вмешательство воли, т.е. посредством того влияния, которое они побуждают волю оказывать на его тело. Если они будут действовать через вмешательство воли, то это должно происходить посредством духовного насилия (*mental coercion*), т.е. заставляя его хотеть принять и затем действительно принять известное поведение, принять которое для него неприятно или каким-нибудь другим образом вредно. Это поведение может быть положительное или отрицательное¹⁷: когда положительное, то насилие называется принуждением (*constraint*); когда отрицательное, то оно называется удержанием (*restraint*). Далее, способ, которым это насилие бывает неприятно для него, состоит в том, что оно производит страдание тела или только страдание духа. Если оно производит страдание тела, то преступление может иметь как это название, так и другие, к которым мы теперь перейдем. Кроме того, поведение, которое человек вынуждается принять насилем, будет определяться или специфически и оригинально — качеством самих частных актов, которые он вынужден совершить или от которых вынужден воздержаться; или вообще и случайно — вынуждением его быть или не быть в том или другом месте. Но если ему мешают быть в одном месте, это значит, что его вынуждают быть в другом. Потому что вся поверхность земли, как поверхность всякого большего или меньшего тела, может считаться разделенной на две или на всякое большее число частей или мест. Если место, в котором он удерживается, меньше того места, в которое он не допускается, то его положение может быть названо ссылкой (*confinement*); если оно больше — изгнанием (*banishment*). Когда акт, действие которого состоит в том, чтобы произвести вредное влияние на личность человека, переносящего это действие, совершается с вмешательством или без вмешательства его воли, то вред, им производимый, будет или смертельный, или несмертельный. Если несмертельный, он будет или исправимый, т.е. временный; или неисправимый, т.е. постоянный. Если вред исправимый, то вредный акт может быть назван простым телесным оскорблением; если неисправимый, то — неисправимым телесным оскорблением (*injury*). Наконец, страдание, испытываемое человеком в душе, будет или страдание действительного перенесения (*sufferance*), или страдание предвидения (*apprehension*). Если страдание предвидения, то или сам преступник представляется намеревающимся участвовать в произведении его, или он не представляется таковым. В первом случае преступление может быть названо угрозой; в последнем случае так же, как там, где страдание есть страдание действительного перенесения, преступление может быть названо простым душевным оскорблением (*mental injury*).

Таким образом, мы имеем девять родов личных оскорблений, и, если распределить их в том порядке, какой наиболее удобен для обзора, они будут выстроены следующим образом: 1) Простые телесные оскорбления. 2) Неисправимые телесные оскорбления. 3) Простое оскорбительное

¹⁷ См. гл. VII (Действия), § 8.

удержание. 4) Простое оскорбительное принуждение. 5) Злостная ссылка. 6) Злостное изгнание. 7) Злостное убийство. 8) Злостная угроза. 9) Простые душевные оскорбления¹⁸.

XXXIV.

¹⁸ Хотя по причинам, уже объясненным прежде (см. выше, § 31), в этой главе не может быть приведен полный каталог и, следовательно, полный обзор ни для полупубличных, ни для личных преступлений, но читатель, может быть, найдет нелишним некий вид списка этих преступлений — хотя бы для того, чтобы иметь перед глазами пример для лучшего понимания делений. Такие списки всего удобнее могут быть помещены при различных делениях частных внешних (extra-regarding) преступлений, которым соответствуют полупубличные и личные (self-regarding) преступления того же рода. Относительно двух последних и самого последнего в особенности должно заметить, что все, что я хочу сделать, помещая их здесь, это — указать вред (если он есть), который свойственно производить этим различным преступлениям; и что я вовсе не решаю вопроса о том, стоит ли (см. гл. XV, Случаи, не подлежа. наказ.) в каждом из этих случаев вводить зло наказания с целью противодействовать этому вреду. Вникая в подробности, читатель заметит, что есть несколько отделов внешних частных преступлений, которым недостает соответственных отделов или в полупубличных, или в личных преступлениях, или в тех и других вместе. В большей части примеров причины этого недостатка будут, вероятно, достаточно ясны сами по себе. В другом труде мы разьясняем эти причины — здесь это заняло бы слишком много места.

I. Полупубличные преступления вследствие бедствия. Бедствия, от которых могут страдать личность или собственность людей или то и другое вместе, суть, кажется, следующие: 1) Эпидемия или зараза. 2) Голод или другие скудости. 3) Вред, производимый лицами, не имеющими должного понимания, как-то: дети, идиоты, сумасшедшие — от недостатка должного присмотра за ними. 4) Вред, производимый опустошениями вредных животных, как-то: хищными зверями, саранчой и пр. и пр. 5) Обрушение или падение больших масс твердого вещества, как, например, разрушающиеся здания, скалы или массы снега. 6) Наводнение или потопление. 7) Буря. 8) Порча хлеба. 9) Пожар. 10) Взрыв. Когда человек каким-нибудь своим неблагоприятным актом может в известной степени содействовать происхождению этих бедствий, такой акт может быть преступлением. Когда человек не делает чего-нибудь, что он обязан делать для предотвращения таких бедствий, такое небрежение может быть преступлением.

II. Полупубличные преступления от простого правонарушения. Целая соседская группа может понести: 1) Простые телесные оскорбления: другими словами, она может пострадать относительно здоровья от преступных или опасных родов торговли и ремесел: от продажи и от лживого восхваления нездоровых лекарств или припасов, от отравления или осушения источников, разрушения водопроводов, уничтожения деревьев, стен или других преград против ветра и дождя; от разных родов искусственной скудости или от других намеренно производимых бедствий. 2) и 3) Простое оскорбительное ограничение и простое оскорбительное принуждение: например, от принуждения целой соседской группы посредством угрожающих объявлений или публично произносимых угрожающих речей участвовать или не участвовать в иллюминациях, воззваниях, вызовах, осуждениях, подписках, предприятиях, процессиях или разными другими способами выражать радость или гнев, неудовольствие или одобрение или вообще принимать или не принимать какое бы то ни было поведение. 4) и 5) Ссылку и изгнание: порчей дорог, мостов и перевозов; разрушением или неправильным захватом общественных экипажей и помещений. 6) От угрозы, как, например, от угрожающих писем и бурных сборищ, посредством газет или объявлений, угрожающих мщением лицам известного свойства, напр., евреям, католикам, протестантам, шотландцам, гасконцам, каталонцам и пр. 7) Простые душевные оскорбления: как, например, от бедственных, ужасающих, неприличных или противорелигиозных сцен, каковы выставление нищими своих язв, выставление мертвых тел, представление или рассказы о мнимых волшебствах и видениях, выставление неприличных или богохульных печатных изображений или книжек, публичные речи неприличного или богохульного содержания, распространение ложных слухов о поражениях в битве или о других несчастиях.

III. Личные преступления против лица. 1) Лишение пищи. Воздержание от чувственных удовольствий, самобичевание, искалечение самого себя или другие действия самоотрицающего и самомучительного свойства. 2) Обжорство, пьянство, излишество в чувственных удовольствиях и другие роды неумеренности. 3) Самоубийство.

Мы переходим теперь к преступлениям чисто против репутации. Они требуют только немногих различий. В пункте репутации есть только один способ переносить страдание, а именно — теряя часть доброй воли или благосклонности других. Но что касается благосклонности к вам других, вы можете потерять ее двумя способами: 1) тем, как, предполагается, вы относитесь к самому себе, и 2) тем, как относятся к вам, или предполагается, что относятся к вам другие. Побудить людей думать, что вы отнеслись к себе так, что стали виновны в каком-нибудь из тех актов, вследствие которых человек меньше, чем прежде, обладает благосклонностью общества, — есть то, что может называться диффамацией. Но таково устройство человеческой природы и такова сила предрассудка, что человек, просто обнаруживая только свой собственный недостаток благосклонности к вам — как бы ни был он несправедлив сам по себе и как бы он ни был незаконно выражен, — может некоторым образом побудить людей отнять у вас и часть их благосклонности. Когда он делает это словами или такими действиями, которые имеют значение только наравне со словами, преступление может быть названо опозорением (*vilification*). Когда это делается такими действиями, которые и кроме этого значения составляют оскорбление личности, преступление может быть названо личной обидой (*pers. insult*); если оно простирается и на тело, то называется телесной обидой; если оно остановилось прежде, чем дошло до этого, оно может быть названо обидной угрозой. И таким образом, мы имеем два рода преступлений чисто против репутации, а именно: 1) диффамацию и 2) опозорение¹⁹. Что касается телесных обид и обидной угрозы, то они принадлежат к сложному отделу преступлений против лица и вместе против репутации.

XXXV.

Если собственность одного человека страдает от нарушения закона другим человеком, то эта собственность может быть или доверена преступнику, или нет: если была доверена, то преступление есть нарушение доверия, и, каково бы оно ни было в других отношениях, оно может быть названо расточительством при нарушении доверия, или расточительством доверенной собственности. Это частный случай: противоположный случай обыкновеннее — в таком случае разные способы, которыми собственность может сделаться предметом преступления, могут быть поняты следующим образом. Преступления против собственности, как мы уже говорили (см. выше, § 27), могут быть вообще разделены на такие, которые относятся к легальному владению ею или к праву на нее, или на такие, которые относятся только к пользованию ею, или, что одно и то же, — к выполнению этого права. К первому из этих отделов, как мы уже говорили (см. там же), относятся разные преступления злостного необлечения, злостного устранения, злостного отнятия, узурпации и злостного наложения. Когда при совершении какого-нибудь из этих преступлений обман служит орудием, и притом, как обыкновенно говорится, добровольным (*wilful*), или, как он мог бы называться вернее, обдуманном (*advised*)²⁰, то к имени преступления может быть прибавлен эпитет «подложный» (*fraudulent*) или этот эпитет может заступить место эпитета «злостный». Обстоятельство обмана может служить тогда для характеристики особенного вида, который может подойти под каждый из этих родовых отделов: подобным образом другой вид может характеризоваться обстоятельством силы, о котором мы будем говорить дальше. Что касается злостного устранения (*interception*), в частности, то устанавливающее событие (*collative event*), вследствие которого вам достается право на рассматриваемую вещь и за отсутствием которого это право как бы устраняется или перехватывается деянием преступника, — это событие есть или его собственный акт, выражающий его волю, чтобы закон считал вас за лицо, легально владеющее этой вещью, или это есть какое-нибудь другое событие вообще: в первом случае — если вещь, владение которой должно бы быть предоставлено вам, есть известная сумма денег, то преступление есть так называемая несостоятельность (*insolvency*), — и эта отрасль правонарушения по своей важности и обширности может быть рассматриваема как особый отдельный род.

Далее, другие преступления против собственности касаются только пользования вещью, о которой идет речь. Эта вещь может быть или услуга, или ряд услуг (см. выше, § 26), которые должны бы быть сделаны известным лицом, или же другой предмет, принадлежащий к разряду вещей. В

¹⁹ I. Полуобщественные преступления. 1) Оклеветание или опозорение людей особенного свойства, как, например, евреев, католиков и пр.

II. Личные преступления. 1) Невоздержанность в женщинах. 2) Кровосмешение.

²⁰ См. гл. IX (Сознательность), § 2.

первом случае преступление может быть названо злостным отнятием услуг²¹; в последнем случае оно может допустить дальнейшие видоизменения, которые могут быть представлены следующим образом. Когда какой-нибудь предмет, которым вы физически владели или пользовались, перестает в известной мере подлежать вашей власти вследствие акта другого человека и без всякого изменения в этой власти, которое бы произошло от вашего внутреннего физического состояния, то это прекращение власти происходит или от перемены во внутреннем состоянии самой вещи, или в ее внешнем положении относительно вас, т.е. от нахождения ее вне вашего влияния. В первом случае свойство перемены или таково, что она извлекает предмет из вашей власти и уже не делает из него никакого употребления, — причем вещь, как говорится, разрушается, и преступление, совершающее это с предметом, может быть названо злостным разрушением; или же свойство перемены бывает таково, что она только уменьшает против прежнего ценность пользы этой вещи, — причем вещь, как говорится, повреждается, и тогда преступление может быть названо злостным повреждением. Кроме того, так как ценность предмета для вас бывает способна уменьшиться от какого-нибудь акта, совершенного с этим предметом другим лицом, — хотя бы в данном случае не последовало никакого заметного повреждения, — то совершение такого акта обыкновенно рассматривается в смысле преступления, которое может быть названо злостным употреблением или занятием предмета.

Если причина того, что вещь теряет свою способность приносить вам пользу, заключается в ее внешнем положении относительно вас, то преступление может быть названо злостным задержанием вещи. Злостное задержание, продолжающееся в течение известного периода времени, может или сопровождаться намерением задержать эту вещь навсегда (т.е. на неопределенное время), или нет: если сопровождается и в то же время сопровождается намерением не отвечать за сделанный поступок перед законом, то оно, кажется, соответствует идее присвоения обманом (*embezzlement*), преступления, которое соединяется обыкновенно с нарушением доверия²². В случае злостного употребления или занятия предмета физическая возможность занятия может быть получена с помощью и согласием собственника или без этой помощи и согласия собственника или другого лица, являющегося с правом оказывать такую помощь или давать согласие. Если возможность занятия предмета является без такой помощи или согласия, и притом занятие сопровождается намерением задержать вещь навсегда и в то же время намерением не отвечать за сделанный поступок перед законом, то преступление, кажется, соответствует идее, соединяемой обыкновенно со словом «воровство» или «кража». Если при тех же обстоятельствах употребляется сила против тела того лица, которое принимает или является готовым принять меры для предотвращения акта, то это, кажется, есть один из случаев, где преступление обыкновенно понимается под именем разбоя.

Если упомянутая физическая возможность была получена с помощью или с согласием собственника или других вышеупомянутых лиц и занятие предмета все-таки есть преступление, то это может быть или потому, что помощь или согласие были получены неправильным образом, или потому, что они были получены несвободно. Если они были получены неправильно, то они были получены обманом, который, если был обдуманным, называется в таком случае подлогом (*fraud*); и преступление, если оно сопровождается намерением не отвечать перед законом, называется

²¹ Под злостное отнятие услуг подводится и нарушение контракта: обязанность оказывать услуги может быть основана или на контракте, или на других условиях или правах; другими словами, то событие, что человек заключает контракт, есть одно из множества других устанавливающих или инвестирующих событий, в которых право на получение услуг может иметь свое начало. См. гл. XIX, § 4.

Если взять слово «услуга» в самом обширном его смысле (как положительном, так и отрицательном), то один этот отдел мог бы покрыть весь закон. Поэтому сюда должны быть отнесены только такие услуги, отнятие которых не совпадает ни с каким другим преступлением, для которого принято особое наименование.

Мы можем заметить, что есть некоторые услуги, отнятие которых может затронуть личность и таким образом подойти под отрицательные ветви некоторых родов телесных оскорблений, как, например, услуги, получаемые от врача, лавочника и т.п.

²² Стараясь объяснить значение, принадлежащее тем или другим общепотребительным названиям преступлений, я должен предупредить, что говорю всегда с крайней неуверенностью. На деле значение, даваемое им, не бывает обыкновенно ни определено, ни однообразно; так что, по сути дела, никакое определение, которое может быть дано им частным лицом, не может быть вполне точно. Установить их смысл принадлежит одному законодателю.

подложным получением (*fraudulent obtainment*)²³. Если они были получены несвободно, то они были получены силой, т.е. или силой, употребленной против тела, что было уже упомянуто, или силой против духа. Если силой против духа, или, другими словами, приложением принудительных мотивов (см. выше, § 27), то это должно быть посредством произведения предвидения какого-нибудь зла: и это зло, если акт составляет преступление, должно быть какое-нибудь такое зло, которому в данном случае одно лицо не имеет права подвергать другого. Это — случай, в котором, если преступление сопровождается намерением удержать вещь навсегда (все равно, будет ли оно сопровождаться намерением не отвечать перед законом или нет), оно, кажется, соответствует идее того, что называется обыкновенно вымогательством (*extortion*). Но роль, которую занимает человек, подвергая другого такому бедствию, должна быть или роль положительная, или отрицательная. И в первом случае зло должно быть или настоящее, или отдаленное. Итак, в том случае, когда помощь или согласие получаются насилем против тела или когда при употреблении силы против духа роль, принятая одним человеком, подвергающим другого предвидению зла, бывает положительная, когда зло бывает настоящее и предмет его есть личность человека, и если производимое таким образом вымогательство во всяком случае сопровождается намерением не отвечать перед законом, тогда преступление, кажется, совпадает с другим случаем того, что называется разбоем.

Что касается расточительства при нарушении доверия, то это преступление, когда оно дает денежную прибыль доверенному лицу, составляет, кажется, один вид того, что называется обыкновенно *расхищением* (*reculation*). Другой и единственный остающийся случай состоит, кажется, в актах занятия, совершаемых доверенным лицом под вещи, составляющие собственность доверителя, в свою собственную пользу и к ущербу доверителя. Что касается разбоя, то это преступление по тому способу, каким получается помощь или согласие, становится преступлением и против собственности, и против личности в одно и то же время. Расточительство при нарушении доверия и расхищение, быть может, могут более удобно рассматриваться в отделе преступлений против доверия²⁴. После этих исключений мы имеем восемнадцать родов или главных разрядов преступлений против собственности, которые, будучи размещены в порядке, более удобном для обзора, могут быть поставлены следующим образом: 1) Злостное необличение собственностью. 2) Злостное устранение или перехват собственности. 3) Злостное отнятие собственности. 4) Узурпация собственности. 5) Злостное обложение собственностью. 6) Злостное отнятие или прекращение услуг. 7) Злостное разрушение или повреждение. 8) Несостоятельность. 9) Злостное получение услуг. 10) Злостное наложение издержек. 11) Злостное наложение услуг. 12) Злостное занятие. 13) Злостное задержание. 14) Злостное нарушение прав собственности. 15) Воровство. 16) Присвоение обманом. 17) Подложное получение. 18) Вымогательство²⁵.

Мы перейдем теперь к рассмотрению преступлений, сложных по своим действиям. Правда, по порядку мы должны бы перейти теперь к преступлениям против положения; но сначала удобнее будет сказать о преступлениях, затрагивающих интерес человека в обоих предыдущих пунктах вместе.

²³ Остальные случаи подходят под отдел узурпации или злостного овладения собственностью. Это различие до сих пор едва ли было принимаемо в соображение: оно основывается, подобно другому вышеупомянутому, на различии между владением легальным и физическим. То же замечание может быть применено к следующему дальше случаю вымогательства.

²⁴ Ростовщичество, которое — если оно есть преступление — есть преступление, совершаемое с согласием, т.е. с согласием стороны, предполагаемой терпящею, может заслуживать место в каталоге преступлений только тогда, когда согласие было получено или неправильно, или несвободно: в первом случае ростовщичество совпадает с присвоением посредством обмана; во втором случае — с вымогательством.

²⁵ I. *Полупубличные преступления*. 1) Злостное обложение, устранение, узурпация и т.д. ценностей, которые составляют собственность корпорации или находятся в общем пользовании соседской группы, как, например, приходские церкви, алтари, реликвии и другие предметы, относящиеся к целям религии; или вещи, которые находятся в общем пользовании публики вообще, как, например, верстовые столбы, рынки, биржи, общественные сады и церкви. 2) Устройство так называемых «пузырей» (*bubbles*), или надувательские общества и игры; распространение ложных слухов, чтобы поднять или уронить ценность фондов или других родов собственности.

II. *Личные преступления*. 1) Лень. 2) Игра. 3) Другие виды расточительства.

XXXVI.

Итак, во-первых, о преступлениях, затрагивающих личность и репутацию вместе. Когда человек каким-нибудь способом своего обращения или поведения, затрагивающим личность, вредит репутации другого человека, его целью и намерением должны были быть или его собственное непосредственное удовольствие, или тот род отраженного удовольствия, который можно в известных обстоятельствах извлекать из страдания другого человека. Но единственное непосредственное удовольствие (стоящее упоминания), которое человек может извлечь из личности другого и которое в то же время способно затронуть репутацию последнего, есть удовольствие полового стремления²⁶. А это удовольствие, если только оно извлекается, должно быть извлечено или против согласия другой стороны, или с ее согласия. Если с согласия, то согласие должно было быть получено или свободно и вместе с тем честно, или свободно, но нечестно, или даже несвободно, причем честность остается вне вопроса. Если согласия нет совершенно, то преступление называется *изнасилованием*; если оно получено нечестно, то просто *обольщением*; если оно получено несвободно, то преступление может быть названо насильственным обольщением. Во всяком случае преступление доходит до своего конца или останавливается раньше этого периода; если оно дошло до конца, то принимает одно из приведенных названий; если нет, то во всех случаях оно может быть одинаково названо простым сладострастным оскорблением. Наконец, возьмем тот случай, где человек, вредящий вашей репутации поступками относительно вашей личности, делает это из-за того удовольствия, которое происходит иногда из зрелища страдания другого человека. При этих обстоятельствах преступление или доходит до телесного оскорбления, или останавливается на угрозе: в первом случае оно может быть названо *телесной обидой*; во втором — *обидной угрозой*. И таким образом, мы имеем шесть родов преступлений против личности и репутации вместе, которые, будучи расположены в порядке, наиболее удобном для обзора, могут быть поставлены так: 1) Телесные обиды. 2) Обидная угроза. 3) Обольщение. 4) Изнасилование. 5) Насильственное обольщение. 6) Простые сладострастные оскорбления²⁷.

XXXVII.

Во-вторых, преступления, касающиеся одновременно личности и собственности. Мы упоминали уже, что употребление силы против личности человека может быть одним из средств, которыми собственность может быть незаконно отнята или приобретена. Сила этого рода есть обстоятельство, могущее сопровождать преступления злостного устранения, злостного отнятия, узурпации и злостного обличения. Но в этих случаях вмешательство этого обстоятельства не придало преступлению никаких особенных наименований. Впрочем, во всех или в некоторых из этих случаев, прибавляя эпитет «*насильственный*», мы можем иметь новые названия преступлений, которые могут считаться или видами родов, принадлежащих к отделу преступлений против собственности, или родами, принадлежащими к отделу, который мы теперь рассматриваем. Преступления, относящиеся к пользованию вещью, могут пониматься также как злостное разрушение или злостное повреждение, а также злостное занятие и злостное задержание. Что касается преступления злостного занятия, то в том только случае, когда занятая вещь принадлежит к числу недвижимых, это преступление, сопровождаясь упомянутым родом силы, получает особенное название *насильственного входа* (forcible entry). Насильственное задержание в применении к недвижимостям, и только к недвижимостям получило, по крайней мере у законников, название *насильственного захвата* (forc. detainer). И таким образом, мы можем различить десять родов преступлений против личности и собственности вместе, которые (опуская для краткости эпитет «злостный») могут быть поставлены в таком порядке: 1) Насильственное устранение собственности. 2) Насильственное отнятие собственности. 3) Насильственная узурпация. 4) Насильственное обличение. 5) Насильственное разрушение или повреждение. 6) Насильственное занятие движимости. 7) Насильственный вход. 8) Насильственное задержание движимостей. 9) Насильственное задержание или захват недвижимостей. 10) Разбой²⁸.

²⁶ См. гл. V (Удовольствия и страдания).

²⁷ I. *Полупубличные преступления* — нет.

II. *Личные преступления*. 1) Пожертвование девственностью. 2) Непубличные нескромности.>

²⁸ I. *Полупубличные преступления*. 1) Поджигательство. 2) ©Преступное произведение наводнения.

II. *Личные преступления* — нет.>

XXXVIII.

Мы переходим теперь к преступлениям против *положения*. Положение человека в жизни устанавливается его легальным отношением к окружающим его лицам, т.е. устанавливается *обязанностями*, которые, будучи наложены на одну сторону, порождают *права* и род *власти* с другой. Очевидно, что эти отношения могут быть разнообразны до бесконечности. Есть, впрочем, некоторые средства провести черту области, в границах которой обнаруживается это разнообразие. Во-первых, эти отношения должны быть или таковы, какие могут обнаруживаться в кругу частного семейства, или таковы, какие требуют более обширного пространства. Положения, устанавливаемые первым родом отношений, можно назвать *домашними*; положения, устанавливаемые последним родом отношений, — *гражданскими*.

XXXIX.

Что касается домашних положений, то легальные отношения, которыми они устанавливаются, могут быть разделены на 1) такие, которые прибавляются к отношениям чисто естественным, и 2) такие, которые без всякого подобного естественного основания существуют чисто вследствие учреждений. Под чисто естественными отношениями я разумею те, которые могут считаться существующими между известными лицами в силу той связи, которую они сами или другие известные лица имели между собой в процессе, необходимом для продолжения вида. Эти отношения могут быть различаемы, во-первых, на смежные (*contiguous*) и несмежные. Несмежные существуют через вмешательство смежных. Смежные могут различаться, во-первых, на *брачные* и *послебрачные*²⁹. Брачных отношений бывает два: 1) то, какое может иметь мужчина к женщине; 2) то, которое может иметь женщина к мужчине³⁰. Послебрачные бывают или отношение продуктивное, или отношение происхождения (*productive and derivative*). Продуктивное отношение — то, которое упомянутые мужчина и женщина имеют к детям, составляющим непосредственный плод их соединения: это называется *родительским* отношением (*parentality*). Но родители, как и дети, бывают различного пола. Поэтому родительские отношения могут разделиться на четыре вида: 1) отношение отца к сыну, называемое *отцовским* отношением (*paternity*); 2) отношение отца к дочери, называемое также отцовским отношением; 3) отношение матери к сыну, называемое *материнским* отношением (*maternity*); 4) отношение матери к дочери, называемое также материнским отношением. Далее несмежные естественные отношения могут разделяться на *непосредственные* и *отдаленные*. Непосредственные — те, которые одно лицо имеет к другому вследствие того, что каждое из них имеет простое отношение к какому-нибудь третьему лицу. Таким образом, дед с отцовской стороны относится к внуку посредством двух отдельных отношений разного рода, которые оба они имеют к отцу; брат по отцу к брату — посредством двух отношений того же рода, которые оба они имеют к отцу. Таким же образом мы могли бы найти место в этой системе для бесконечно разнообразных

²⁹ Под выражениями «брачный» и «послебрачный» я понимаю в настоящем случае только чисто физическую связь, независимо от обрядов и легальных обязательств, которыми она сопровождается и которые будут рассмотрены дальше.

³⁰ Неясная и неопределенная природа фиктивной сущности, называемой отношением, имеет тенденцию в случаях, подобных обсуждаемому сейчас, производить немало путаницы. Об отношении говорят, что его носителем является один из объектов, выступающий его стороной, или другой или же что оно *существует между* ними. Последний способ выражаться является, скорее всего, более распространенным. В этом случае идея состоит в том, что из рассмотрения двух объектов возникает одно отношение, которое принадлежит — как общее — им обоим. В некоторых случаях это весьма целесообразно, однако не в данном случае. Для нашей цели необходимо, чтобы мы представили себе (существование) двух отношений, создаваемых двумя объектами, носителями которых — коли так уж говорится — выступают один объект по отношению к другому и второй — по отношению к первому. Это необходимо сделать по двум причинам. 1. Вследствие того, что сами отношения в разных случаях имеют различные наименования: к примеру, отношения опекунства (*guardianship*) и опеки (*wardship*). В данном случае говорить о них как об одном и том же отношении привело бы к большой путанице. 2. Потому что два разных отношения порождают много различных положений, и они настолько различны, что то, что утверждается как хорошее и является таковым для одних, не будет, как мы еще увидим, в разных своих аспектах хорошим для других.

отношений, происходящих от комбинаций, которые могут образоваться от смешения разных родов родства по *восходящей* линии, родства по *нисходящей* линии, родства по *боковой* линии и родства по *свойству* (affinity); и когда союз между двумя сторонами, посредством которого происходит это последнее, освящается брачными обрядами, он называется родством по *браку*. Но, к счастью, для нашей настоящей цели эта запутанная и скучная работа вовсе не нужна. Единственные естественные отношения, на которых нам нужно подробнее остановиться, — те, которые, будучи освящены законом, производят житейские положения мужа и жены, два отношения, поставленные в отдел родительских, и соответственные им отношения, называемые детскими, филиальными.

Какие же отношения легального рода могут быть прибавлены к упомянутым выше естественным отношениям? Они должны быть таковы, какие может произвести и установить природа закона. Но отношения, существующие чисто вследствие учреждений, как мы увидим, истощают весь запас отношений, какие может произвести и установить природа закона. Итак, отношения, которые могут быть прибавлены к отношениям чисто естественным, не могут быть сами по себе другими, кроме тех, которые принадлежат к числу отношений, существующих чисто вследствие учреждений: так что все различие, могущее быть между легальным отношением одного рода и легальным отношением другого рода, состоит в том, что в первом случае обстоятельство, производящее естественное отношение, служит указанием того, где нужно установить легальное отношение; в последнем случае место, где нужно связать легальное отношение, определяется не этим обстоятельством, а каким-нибудь другим. Из этих соображений окажется достаточно ясно, что для объяснения разных родов положений естественных и чисто условных в наиболее удобном порядке необходимо дать первое место последним. Держась постоянно этого правила, мы будем везде давать первенство не тем, которые суть первые по природе, но тем, которые проще для описания. Мы не находим другого средства избежать беспрестанных антиципаций и повторов.

XL.

Мы переходим теперь к рассмотрению домашних или семейных отношений, происходящих чисто от легального учреждения. В самом деле этому учреждению обязаны своим происхождением оба рода домашних положений, рассматриваемых как дело закона. Когда закон — все равно с какой целью — берет на себя действие в деле, в котором он не действовал прежде, он может действовать только наложением *обязательств*³¹. Когда на человека налагается какое-нибудь легальное обязательство, то оно может быть наложено в первой инстанции только двумя способами. Один способ — дать власть налагать это обязательство той стороне, в пользу которой оно налагается; другой — предоставить эту власть известным третьим лицам, которые в силу обладания этой властью называются служителями правосудия. В первом случае о покровительствуемой стороне говорится, что она обладает не только *правом* против обязанной стороны, но и *властью* над ней; во втором случае есть только право, не усиливаемое властью. В первом случае покровительствуемая сторона может быть названа *высшим* (superior), и так как они обе — члены одного семейства, то — *высшим домашним* относительно обязанной стороны, которая в этом же смысле может быть названа *домашним низшим* относительно покровительствуемой стороны. Говоря в смысле возможности, очевидно, что домашние положения, или род фиктивного владения, аналогичного домашним положениям, могли бы считаться установленными как посредством одних прав без власти какой-либо из сторон, так и посредством власти. Но в смысле принципа полезности³² это не кажется

³¹ См. гл. XIX (Границы), § 3.

³² Два лица, каким-нибудь образом принужденные жить вместе, никогда не могут прожить долго вместе без того, чтобы одно из этих лиц не нашло нужным сделать тот или другой акт, который бы другое из этих лиц не нашло нужным не делать. Когда это случится, как решить этот спор? Оставляя в стороне благородство и благовоспитанность, составляющие поздний и ненадежный плод издавна установившихся законов, очевидно, что здесь нет другого средства решения, кроме физической силы; и эта сила есть, действительно, то самое средство, которое должно было решать и семейные, и другие споры задолго до того, когда начала существовать деятельность вроде деятельности законодателя. Итак, если таков был порядок вещей, который законодатель нашел установленным самой природой, что мог он сделать лучшего, как не остановиться на нем? Лица, которые по влиянию причин, господствующих везде, обыкновенно живут вместе, бывают: 1) родитель и ребенок, в течение детства последнего; 2) муж и жена; 3) дети от одних родителей. Родитель и ребенок — по необходимости: потому что если бы ребенок жил не с родителем (или с кем-нибудь,

удобным; а на деле, вероятно, вследствие неизменного представления, которое люди должны были иметь об этом неудобстве, никаких подобных положений не было, кажется, никогда установлено такими слабыми связями.

Итак, из легальных отношений, которые могут быть устроены в кругу семейства, остаются только те, в которых обязательство налагается с помощью власти. Далее, везде, где кому-нибудь вручается подобная власть, цель или намерение этого вручения (если только можно представить, что законодатель действует без мотива) должны быть в том, чтобы произвести кому-нибудь благо или прибыль; другими словами, она должна быть вручена в чью-нибудь *пользу*. Лицо, в пользу которого она вручена, должно быть или одна из двух вышеупомянутых сторон, или же третья сторона: если одна из двух первых, то это должен быть или высший или низший. Если высший, то такой высший называется обыкновенно господином, а низший — его слугой, и власть может быть названа бенефициальной (доставляющей прибыль). Если она вручена в пользу низшего, то высший называется опекуном, а низший — находящимся в опеке; и власть, будучи соединена при этом с доверием, может быть названа *доверительной*. Если она вручена в пользу третьей стороны, высший называется *начальником*, а низший его *подчиненным*. Этой третьей стороной может быть или известный индивидуум, или собрание известных индивидуумов, или собрание индивидуумов неизвестных (которые не могут быть указаны). В этом последнем случае доверие бывает или публичное, или полупубличное; и положение, им создаваемое, бывает не домашнего, а гражданского рода. В первом случае эта третья сторона или *принципал*, как мы его назовем, или имеет над начальником бенефициальную власть, или не имеет: если имеет, то начальник есть его слуга, а следовательно, и подчиненный также — его слуга; если не имеет, то начальник есть господин подчиненного; и вся выгода, которую принципал имеет над начальником, заключается в том, что он владеет собранием прав, не усиливаемых властью, и потому не может составить положения домашнего рода. Но каково бы ни было положение, создаваемое этими правами, какого рода могут быть те обязательства, которым посредством их может быть подвержен начальник? Они ни более ни менее как те, которым человек может быть подвержен властью. Отсюда следует поэтому, что функции принципала и начальника совпадают с функциями господина и слуги и что, следовательно,

занимающим место родителя), то он не жил бы вовсе; муж и жена — по выбору, близкому к необходимости; дети от одних родителей — по необходимости каждому из них жить с родителями. Что касается отношений между родителем и ребенком, то необходимость власти, оказывающаяся на стороне родителя для сохранения ребенка, прекращает все дальнейшие рассуждения. Между мужем и женой этой необходимости не существует. Единственное основание, применимое к этому случаю, есть необходимость положить конец спорам. Мужчина хотел бы жареного мяса, женщина — вареного: неужели им поститься до тех пор, пока придет судья приготовить это мясо? Женщина хотела бы одеть ребенка в зеленое, мужчина — в синее: неужели ребенку оставаться голым, пока судья придет одевать его? Это предоставляет основание дать власть той или другой стороне: но это не предоставляет никакого основания дать ее лучше одной, чем другой стороне. Как же должен решить это законодатель? Предполагая, что эту власть одинаково легко дать и той и другой стороне, пусть он сколько угодно времени ищет основания, по которому бы он мог отдать эту власть скорее одной, чем другой стороне, и он будет искать напрасно. Но как уже стоит этот вопрос на деле? Потому что мужа и жены (или, что все равно, мужчины и женщины, живущие вместе как муж и жена) были прежде, чем были законодатели. Итак, осматриваясь кругом себя, он видит, что почти везде мужчина сильнее женщины и потому уже владеет чисто физическим путем той властью, которую законодатель думает дать кому-нибудь из них средствами закона. Что же он может сделать лучше, как не отдать легальную власть в те же руки, которые без всякого сравнения более способны владеть физической властью? При этом способе — мало нарушений и мало случаев для наказания, при другом способе — беспрестанные нарушения и беспрестанные случаи для наказания. Солон, как говорят, перенес ту же самую идею и в распределение государственной власти. Здесь было, следовательно, *обобщение*; здесь было дело гения. Но в распределении домашней власти всякий законодатель без малейших усилий гения был Солоном. Достаточно об *основаниях* (общественные мотивы: симпатия к публике, любовь к репутации и пр.): прибавим к этому *мотивы* (личные мотивы или общественные мотивы, которые общественны в меньшем объеме: симпатия к лицам известного частного разряда, к лицам того же пола) — законодатели все, кажется, были мужского пола, до времен Екатерины. Я говорю здесь о тех, которые составляют законы, а не о тех, которые прикасаются к ним скипетром.

преступления, относящиеся к двум первым положениям, будут совпадать с преступлениями, относящимися к двум последним.

XLI.

Преступления, которым подвержено положение господина, как и всякое другое положение, могут, как мы уже указывали (см. выше, § 27), быть разделены на такие, которые относятся к существованию самого положения, и на такие, которые относятся к отправлению его функций, когда оно существует. Итак, скажем, во-первых, о преступлениях, относящихся к его существованию. Довольно ясно, что услуги одного человека могут быть прибылью для другого: поэтому положение господина может быть *бенефициальным*. Поэтому оно подлежит преступлениям *злостного необлечения*, злостного устранения, узурпации, злостного облечения и злостного отнятия. Но как может оно быть подвержено преступлениям злостного отказа, *злостного уклонения и злостного наложения*? Конечно, само по себе не может, потому что услуги, когда человек имеет власть требовать их или нет, как он находит это удобным, — никогда не могут быть тягостью. Но если к той власти, которая составляет положение господина, закон находит нужным привязать какое-нибудь обязательство со стороны господина, например, обязательство давать содержание или жалованье слуге или платить деньги кому-нибудь другому, то очевидно, что в силу такого обязательства это положение *может* быть тягостью. Впрочем, в этом случае положение, занимаемое господином, не будет, собственно говоря, простым и чистым положением господина: это будет род сложного объекта, который может быть разложен на бенефициальное положение господина и на связанное с ним тягостное обязательство. Впрочем, если свойство обязательства имеет тесные границы и не мешает (как в том обязательстве, какое существует в доверии) выполнению той власти, которая составляет положение высшего, то это последнее, несмотря на эту чуждую примесь, все-таки сохранит название господства³³. Поэтому в таком случае — и только в таком случае — положение господина может быть подвержено преступлениям *злостного отказа, злостного уклонения и злостного наложения*. Далее, следует поведение лиц относительно их положения, когда оно существует. В силу того, что это положение есть прибыль, оно подвержено *помехе* (disturbance). Эта помеха будет или преступлением чужого человека, или преступлением самого слуги. Когда это есть преступление чужого человека и совершается посредством взятия или захвата лица слуги, то в таких обстоятельствах, где взятие предмета, принадлежащего к разряду вещей, составило бы акт воровства или кражи или (что едва ли стоит отличать от кражи) присвоения обманом, то преступление может быть названо *кражей слуги*. Когда это есть преступление самого слуги, оно называется *нарушением обязанности*. Но самый явный вид нарушения обязанности и действительно заключающий в себе все другие виды есть тот, который состоит в удалении слуги из того места, где должна быть исполняема его обязанность. Этот вид нарушения обязанности называется *самовольным бегством* (elopement). Далее, в силу власти, принадлежащей этому положению, оно способно со стороны господина к *злоупотреблению*. Но эта власть не соединяется с доверием. Поэтому положение господина не подвержено никакому преступлению, имеющему аналогию с нарушением доверия. Наконец, так как оно подвержено злоупотреблению, то оно может быть представлено — в возможности — подлежащим *подкупу*. Но, принимая в соображение, как мало лиц, могущих подлежать упоминаемой здесь власти, и как эти лица незначительны, это может считаться преступлением, которое — по причине отсутствия искушения — будет редко иметь примеры на практике. Таким образом, мы насчитываем тринадцать родов преступлений, которым подвержено положение господина, а именно: 1) Злостное необлечение положением господина. 2) Злостное устранение этого положения. 3) Злостное отняtie. 4) Узурпация. 5) Злостное облечение. 6) Злостный отказ от этого положения. 7) Злостное уклонение от него. 8) Злостное наложение его. 9) Злоупотребление положением господина.

³³ У наиболее цивилизованных наций существует род домашнего положения, где высший называется господином или собственно хозяином (master), а низший хотя и называется слугой, но чаще и в более специфическом смысле называется *учеником* (apprentice). В этом случае хотя высший по обычаю известен под тем же названием господина или хозяина, но отношение на самом деле бывает смешанное, слагаемое из *господина* (master) и *опекуна*.

В русском употреблении этих слов есть разница, которая в английском языке сливается в одно название «master»: мы поставили в переводе этого примечания оба русские значения — и господина, и хозяина. Замечание Бентама, конечно, относится к последнему. (Ред.)

10) Помеха положению господина. 11) Нарушение обязанности слугою. 12) Бегство слуги. 13) Кража слуги.

XLII.

Что касается *власти*, создающей положение господина, то эта власть может быть или *ограниченная*, или *неограниченная*. Когда она совершенно не ограничена, то положение слуги называется *полным рабством*. Но так как правила языка в этом случае не совершенно строги, то выражение «рабство» употребляется обыкновенно везде, где ограничения, наложенные на власть господина, считаются незначительными. И где налагается какое-нибудь подобное ограничение, то при этом создается род фиктивной сущности, который приписывается слуге в качестве невещественного объекта владения: этот объект принадлежит к разряду тех, которые называются *правами*, и в настоящем случае называется в более частном смысле *свободой*, а иногда *привилегией*, *льготой* (immunity) или изъятием. Но очевидно, что, с одной стороны, эти ограничения и, с другой — эти свободы могут быть столько же разнообразны, как те (положительные или отрицательные) акты, к совершению которых или к подчинению которым господин имеет или не имеет власть обязывать слугу. Поэтому соответственно с этим бесконечным числом свобод является бесконечное число видоизменений, которые допускает положение господина (или, как чаще говорится в этом случае, положение рабства). Очевидно, что эти видоизменения в разных странах могут быть бесконечно разнообразны. Поэтому преступления, охарактеризованные поставленными выше названиями, будучи рассматриваемы специфически, в разных странах будут допускать весьма различные определения. Если есть на земле такое отверженное место, которое бы представляло зрелище полного и абсолютно неограниченного рабства, то в этом месте не будет такой вещи, как злоупотребление положением господина; и это значит ни более ни менее как то, что в этом месте никакое злоупотребление положением господина не будет рассматриваться с точки зрения преступления. Что касается вопроса: есть ли какие-нибудь — и какие именно — способы рабского подчинения (сервитута), которые могут быть установлены или удержаны, то разрешение этого вопроса принадлежит гражданскому отделу законодательного искусства.

XLIII.

Далее, преступления, относящиеся к положению слуги. С первого взгляда может показаться, что такого рода положение не имеет ни малейшей доли прибыли, что оно не может сопровождаться никакими другими последствиями, кроме таких, которые делают его чистой тягостью. Но самая тягость может быть прибылью в сравнении с другой, большей тягостью. Представим себе, что обстоятельства человека таковы, что он должен быть во всяком случае в состоянии полного рабства. Для него все-таки может быть важно и в высшей степени важно, кто то лицо, которое он имеет своим господином. Поэтому состояние рабства при одном господине может быть для него прибыльным, бенефициальным состоянием в сравнении с состоянием рабства при другом господине. Итак, положение слуги подлежит различным преступлениям, которым подлежит положение в силу того, что оно бывает бенефициально³⁴. И этого мало: там, где власть господина ограничена и эти ограничения, а следовательно, свободы слуги бывают значительны, там сервитут может быть даже и положительно желаемым. Потому что в числе этих ограничений могут быть и такие, которые дают возможность слуге владеть своей собственностью, а будучи способен владеть своей собственностью, он может быть способен получать ее от своего господина; словом, он может получать *жалованье* или другое вознаграждение от своего господина; и прибыль от этого жалованья может быть так значительна, что может перевесить тягость сервитута, и таким образом, сделать это положение вообще более бенефициальным и более желательным, чем положение другого человека, ни в каком смысле не находящегося под властью какого-нибудь господина. Вследствие того положение слуги

³⁴ С первого взгляда может показаться, что лицо, находящееся в положении раба, не может принять такого способа действий, который был бы нужен для того, чтобы дать ему видимое право считаться в числе рабов другого господина. Но хотя он *по праву* раб, может случиться, например, что он убежит и не будет рабом фактически; или, если даже предположить его рабом фактически, и даже бдительно наблюдаемым, все-таки лицо, связанное с ним симпатией, могло бы сделать для него то, что он, хотя желал бы, не может сделать сам, — это лицо могло бы, например, подделать дарственную запись от одного господина другому.

может быть таким образом столь желательно, что вступление в это положение и пребывание в нем могут быть вполне результатом собственного выбора человека. Чтобы яснее представить свойство этих двух положений, может быть полезно показать род ответственности, существующей между теми преступлениями, которые касаются существования одного, и теми, которые касаются существования другого. Очевидно с первого взгляда, что эта ответственность должна быть весьма тесная. Это не значит, впрочем, чтобы данное преступление в первом списке совпадало с преступлением того же имени во втором списке; напр., узурпация положения слуги с узурпацией положения господина. А это значит, что преступление одного названия в первом списке будет совпадать с преступлением другого названия во втором. И это совпадение не постоянно и не несомненно, но, как увидим, подлечит случайностям.

Итак: 1) Злостное необлечение в положение слуги, если это есть преступление человека, который должен бы быть господином, совпадает со злостным уклонением от господского положения; если это есть преступление третьего лица, оно включает в себе необлечение в господское положение, и это необлечение бывает злостное в таком случае (и только в таком случае), когда это господское положение в глазах того, кто должен бы быть господином, есть положение бенефициальное или прибыльное. 2) Злостное устранение служебности или положения слуги, если это есть преступление человека, который бы должен был быть господином, совпадает со злостным уклонением от господского положения; если это есть преступление третьего лица и если господское положение есть вещь прибыльная, оно включает в себе злостное устранение господского положения. 3) Злостное снятие (ablation) служебности в том случае (и только в том случае), когда это есть преступление господина, совпадает со злостным отказом от господского положения; если это есть преступление постороннего человека, оно включает в себе снятие господского положения, и притом злостное, если это положение прибыльно. 4) Узурпация служебности необходимо совпадает со злостным наложением господского положения; оно может быть способно заключать в себе злостное отнятие господского положения, но только в таком случае, когда узурпатор до узурпации был в состоянии слуги у какого-нибудь другого господина. 5) Злостное облечение служебностью (считая ее вещью прибыльной) совпадает с наложением господского положения, и это наложение будет злостное, если в глазах мнимого господина господское положение должно быть тягостью. 6) Злостный отказ от служебности совпадает со злостным отнятием господского положения. 7) Злостное уклонение от служебности совпадает со злостным необлечением господским положением. 8) Злостное наложение служебности, если это есть преступление мнимого господина, совпадает с узурпацией господским положением; если это есть преступление человека постороннего, оно включает в себе наложение господского положения, и это наложение будет злостным, если в глазах мнимого господина это господское положение есть тягость. Что касается злоупотребления господским положением, помехи ему, нарушения обязанности слугою, бегства слуги и кражи слуги — это преступления, которые без всякой перемены названия одинаково относятся к обоим положениям. И таким образом, мы можем насчитать тринадцать родов преступлений, которым подвержено положение слуги, а именно: 1) Злостное необлечение служебностью. 2) Злостное устранение служебности. 3) Злостное отнятие служебности. 4) Узурпация служебности. 5) Злостное облечение служебностью. 6) Злостный отказ от служебности. 7) Злостное уклонение от служебности. 8) Злостное наложение служебности. 9) Злоупотребление господским положением. 10) Помеха господскому положению. 11) Нарушение обязанности в слуге. 12) Бегство слуги. 13) Кража слуги.

XLIV.

Мы переходим теперь к преступлениям, которым подвержено положение опекуна. Опекун есть человек, облеченный властью над другим человеком, который живет в границах того же семейства и называется находящимся в опеке (питомцем); и эта власть должна быть употребляема в пользу последнего. Итак, в каких же случаях может быть полезно человеку, чтобы другой человек, живущий с ним в границах того же семейства, мог иметь над ним власть? Рассмотрим каждую сторону отдельно и предположим, что по степени понимания обе стороны находятся на одном уровне; довольно очевидно, кажется, что такого случая иногда не может существовать³⁵. Для произведения

³⁵ В самом деле, рассмотрим их *вместе*, возьмем сумму двух интересов, и дело, как мы видели (выше, § 40), будет наоборот. Надо вспомнить, что этот случай происходит только тогда, когда предполагается, что обе стороны обязаны жить вместе; потому что, предположив, что им вольно разойтись, необходимость установить власть прекращается.

счастья на стороне известного данного лица (так же как для произведения всякого другого результата, составляющего следствие человеческой деятельности) необходимо должны действовать три вещи: знание, склонность и физическая сила. И как нет человека, который бы столь несомненно был *склонен* во всех случаях способствовать вашему счастью, как вы сами, так нет и человека, который бы вообще мог иметь столько возможности, как вы, *знать*, что всего лучше может вести к этой цели. Потому что кто же лучше вас может знать, что доставляет вам страдание или удовольствие?³⁶ Притом, что касается силы, то очевидно, что никакое превосходство в этом отношении у постороннего человека не может, конечно, восполнять того недостатка, который окажется у него относительно таких двух важных пунктов, как знание и склонность. Итак, если есть случай, где человеку может быть полезно быть под властью другого, то это должно быть в случае какого-нибудь явного и весьма значительного недостатка со стороны первого относительно ума или (что одно и то же) относительно знания и понимания. А есть два случая, где, как известно, является такой явный недостаток. Это бывает: 1) когда ум человека еще не дошел до того состояния, в котором он способен направлять свою собственную склонность к достижению счастья: это — случай *детства*³⁷; 2) когда вследствие какого-нибудь частного известного или неизвестного обстоятельства его ум или вовсе не достигал никогда этого состояния, или, достигнув его, потерял его: это — случай безумия.

Каким же образом узнать в таком случае, достиг ли ум человека этого состояния или нет? Для выяснения количества чувствительной теплоты в человеческом теле мы имеем весьма сносный инструмент — термометр, но для выяснения количества ума мы такого инструмента не имеем. Очевидно поэтому, что линия, отделяющая то количество ума, которое *достаточно* для целей самоуправления, от того количества, которое *недостаточно*, должна быть в значительной степени произвольна. Где недостаточность есть результат недостатка возраста, там достаточное количество ума, каково бы оно ни было, не окажется ни у кого в том же периоде жизни. Поэтому законодателям становится необходимо разрубить гордые узел и установить известный период, в который, и не раньше — все равно, справедливо или нет — всякое лицо должно считаться относительно возраста имеющим это достаточное количество³⁸. Итак, в этом случае проводится линия одна и та же для всякого человека, и в определении которой лица могут наверное согласиться: так как обстоятельство времени есть признак, по которому эта линия может быть проведена с крайней точностью. С другой стороны, где недостаточность есть результат безумия, там нет даже и этого ресурса: так что здесь законодателю не остается другого средства, как назначить какое-нибудь одно или несколько частных лиц давать частные решения этого вопроса в каждом встречающемся случае, смотря по его или по их частному и произвольному мнению. Довольно произвольно оно должно быть во всяком случае, потому что единственный способ получения его состоит в том, чтобы рассмотреть, подходит или не подходит доля понимания в известном индивидууме к той неопределенной и произвольной идее, которую этим особо назначенным лицам случится составить себе относительно количества, полагаемого достаточным.

XLV.

Итак, когда линия проведена или предполагается проведенной, то для человека, который не может быть безопасно для него самого предоставлен своей собственной власти, может быть полезно быть поставленным под власть другого. Но как долго он должен оставаться в таких условиях? Именно столько, сколько продолжается предполагаемая неспособность: т.е. в случае детства — до тех пор, пока человек достигает того периода, в котором закон считает его в должном возрасте; в

³⁶ См. гл. XIX (Границы), § 1.

³⁷ См. гл. XV (Случаи, не подлежа наказ.), § 3.

³⁸ У некоторых наций женщины, замужние и незамужние, находились в вечной опеке: это основывалось, очевидно, на понятии о том, что женщина стоит решительно ниже мужчины в умственном отношении, аналогично тому, как это бывает результатом детства или безумия у мужчины. Это — не единственный пример, где тирания извлекала выгоду из своего собственного дурного способа действий, приводя в основание своего господства те нелепости, которые, когда они и бывают действительно, производятся злоупотреблением той самой власти, которую она должна здесь оправдывать. Аристотель, увлеченный предрассудком своего времени, разделяет человечество на два особые вида: на людей свободных и на рабов. Известные люди родились, чтобы быть рабами, и должны быть рабами. Почему? Потому что они рабы.

случае безумия — пока он не будет в здравом уме. Но очевидно, что в случае детства этот период не может наступить раньше значительного промежутка времени, а в случае безумия, быть может, не наступит никогда. Поэтому продолжительность власти, принадлежащей этому доверию, в одном случае должна быть весьма значительна; в другом случае — неопределенна.

XLVI.

Дальше, мы должны рассмотреть: каков *может* быть объем этой власти? Потому что вопрос о том, каков бы он *должен* быть, должен решаться не в общем аналитическом очерке, а в частном и обстоятельном исследовании. Что касается возможности, то эта власть может иметь такой объем или пространство, какие только можно себе вообразить: она может простирается на всякие акты, которые, говоря физически, могли бы быть совершены властью самого питомца или совершение которых могло бы быть целью опекуна. Представим себе на минуту эту власть с такой точки зрения: положение питомца в этом случае будет вполне соответствовать положению полного рабства. Прибавим к этому обязательство, которым власть превращается в доверие: границы власти теперь весьма значительно суживаются. В чем же заключается значение обязательства? Какого свойства образ действий оно предписывает? Это такой образ действия, который всего лучше рассчитан на доставление питомцу наибольшего количества счастья, какое допускают его способности и те обстоятельства, в которых он находится: исключая всегда, во-первых, ту заботу, которую опекуну позволительно иметь о своем собственном счастье, и, во-вторых, ту заботу, которую для него обязательно, как и позволительно, иметь о счастье других людей. В самом деле, это не какой иной образ действий, как тот, которого при *благоразумии* должен бы был держаться и сам питомец, если бы только он знал, как это сделать: так что дело опекуна — управлять питомцем именно так, как бы он управлял собою сам. Но научать каждого индивидуума, каким образом управлять своим поведением в подробностях жизни, есть специальное дело частной этики; научать индивидуумов, каким образом управлять поведением тех, счастье которых в течение малолетства лежит на их заботе, есть дело искусства частного воспитания. Поэтому подробности правил, которые могут быть даны по этому предмету, как и самые акты, которые могут быть совершены против этих правил, не принадлежат к искусству законодательства: потому что, как мы увидим дальше³⁹, такие подробности не могут быть выгодным образом определены законодателем. Правда, некоторые общие черты могли бы быть проведены его авторитетом; и действительно, в каждом цивилизованном государстве некоторые черты таким образом и проведены. Но такие регламентации, очевидно, должны допускать великое разнообразие: во-первых, смотря по бесконечному разнообразию гражданских положений, которыми человек может быть облечен в каждом данном государстве; во-вторых, по разнообразию местных обстоятельств, могущих оказывать влияние на характер положений, которые могут быть установлены в различных государствах. Поэтому преступления, которые были бы созданы такими регламентациями, не могли бы быть подведены ни под какие точные и твердые наименования, способные к постоянному и обширному применению. Поэтому они не могут получить места и здесь.

XLVII.

Сказанное до сих пор поможет нам составить себе понятие о преступлениях, которым подвержено разбираемое теперь положение. Так как положение опекуна или опекунство есть частное доверие, то оно естественно подвержено тем и не каким-нибудь иным преступлениям, которым бывает подвержено частное доверие. Впрочем, некоторые из них по особенному качеству этого доверия допускают в своем определении некоторые дальнейшие частности. Во-первых, нарушение этого вида доверия может быть названо *дурным ведением* опеки. Во-вторых, какого бы свойства ни были обязанности, привязываемые к этому положению, часто должно случаться, что для исполнения их опекуну необходимо будет быть в известном особом месте. Когда дурное ведение опеки состоит в том, что опекун при этом упомянутом случае не был в упомянутом месте, это может быть названо *отлучкой* или бегством (*desertion*) от опеки. В-третьих, довольно ясно, что цель, которую опекун должен поставить себе при употреблении власти, с которой связаны эти обязанности, есть доставить питомцу величайшее количество счастья, какое может быть ему доставлено, совместимо с той заботой, какая должна оказываться другим упомянутым выше интересам: потому что такова цель, какую поставил бы себе сам питомец и какую он мог бы и имел бы право поставить себе, если бы

³⁹ См. гл. XIX (Границы), § 1.

способен был сам управлять своим поведением. Но для приобретения этого счастья необходимо, чтобы он имел известную власть над объектами, от употребления которых такое счастье зависит. Эти объекты суть или личность самого питомца, или другие объекты, ему посторонние. Эти другие объекты суть или вещи, или лица. Что касается *вещей*, то объекты этого класса, насколько от их употребления зависит счастье человека, называются его *собственностью*. То же самое надо сказать об услугах каких-нибудь *лиц*, над которыми ему может случиться иметь бенефициальную (или прибыльную; см. выше) власть или на услуги которых ему может случиться иметь бенефициальное право. Итак, когда какая-нибудь собственность, порученная по доверию, страдает вследствие правонарушения доверенного лица, у которого она находится в доверии, такое преступление (каково бы оно ни было в других отношениях) может быть названо *расточением* (dissipation) при нарушении доверия; и, если оно сопровождается прибылью для самого доверенного лица, оно может быть названо *расхищением* (peculation)⁴⁰. В-четвертых, для того, чтобы одно лицо могло пользоваться какой-нибудь властью над другим лицом, необходимо, чтобы это последнее само совершало известные акты по приказанию, данному первым, или чтобы оно по крайней мере переносило те акты, которые бы над ним совершались. В этом отношении питомец должен стоять наравне со слугой, и положение питомца в этом отношении должно быть подвержено тем же преступлениям, каким подвержено положение слуги, т.е. со стороны постороннего человека — *помехе* (disturbance), которая в частных обстоятельствах может дойти до *воровства*; со стороны питомца — *нарушению обязанности* (breach of duty), которое в частных обстоятельствах может быть произведено *бегством*. В-пятых, относительно опекунства нет, кажется, никакого преступления, соответствующего *злоупотреблению доверием*: я разумею в том смысле, которым ограничено было это последнее наименование (см. § 25). Причина этого в том, что опека в своем качестве частного доверия не сообщает доверенному лицу никакой власти ни над личностью, ни над собственностью какой-нибудь другой стороны кроме самого того лица, в чью пользу доверие установлено. Если при каком-нибудь случае это положение сообщает доверенному лицу власть над какими-нибудь лицами, услуги которых составляют часть собственности того, в чью пользу доверие установлено, то доверенное лицо делается при этом в некоторых отношениях господином этих услуг (см. § 40). В-шестых, подкуп есть также род преступления, к которому в этом случае бывает обыкновенно мало искушения. Но, впрочем, это преступление может принять и такое направление, и потому оно должно быть прибавлено к числу преступлений, которым подвержено положение опекуна. И таким образом, мы имеем всего семнадцать этих преступлений, а именно: 1) Злостное необлечение опекунством или опекой. 2) Злостное устранение опеки. 3) Злостное отнятие опеки. 4) Узурпация опеки. 5) Злостное облечение опекой. 6) Злостный отказ от опеки. 7) Уклонение от опеки. 8) Злостное наложение опекунства. 9) Дурное ведение опеки. 10) Отлучка от опеки. 11) Расточение в ущерб питомцу. 12) Расхищение в ущерб питомцу. 13) Помеха в опеке. 14) Нарушение обязанности к опекуну. 15) Бегство от опекуна. 16) Кража питомца. 17) Подкуп в ущерб питомцу.

XLVIII.

Далее — преступления, которым подвержено положение питомца. Преступления, которые прежде всего касаются самого существования этого положения, следующие: 1) Злостное необлечение положением питомца. Если это есть преступление того, кто должен бы быть опекуном, то оно совпадает со злостным уклонением от опеки; если это есть преступление третьего лица, оно заключает в себе необлечение опекой, которое бывает злостным, если опека есть вещь желательная в глазах того, кому бы следовало быть опекуном. 2) Злостное устранение положения питомца. Если это — преступление того, кому бы следовало быть опекуном, оно совпадает со злостным уклонением от опеки; если — преступление третьего лица, то оно заключает в себе устранение опеки, которое бывает злостным, если опека есть вещь желательная в глазах того, кому бы следовало быть опекуном. 3) Злостное отнятие положения питомца. Если это — преступление опекуна, но не иначе, оно совпадает со злостным отказом от опеки; если — преступление третьего лица, то оно заключает в себе отнятие опеки, которое бывает злостным, когда опека есть вещь желательная в глазах опекуна. 4) Узурпация положения питомца: преступление, совершение которого не весьма вероятно. Во всяком случае оно совпадает со злостным наложением опекунства; и если узурпатор был уже под опекой другого опекуна, то оно будет заключать в себе злостное отнятие такой опеки. 5) Злостное облечение положением питомца (считая это положение вещь бенефициальной или прибыльной).

⁴⁰ См. выше, § 35.

Это совпадает с наложением опекуна, и это наложение будет злостным, если опека кажется тягостью в глазах мнимого опекуна. 6) Злостный отказ от положения питомца. Это совпадает со злостным отнятием опекуна. 7) Злостное уклонение от положения питомца. Это совпадает со злостным устранением опеки. 8) Злостное наложение положения питомца. Если преступник есть мнимый опекун, то это преступление совпадает с узурпацией опекуна; если — человек посторонний, то оно включает в себе злостное наложение опекуна. Что касается тех преступлений, относящихся к этому положению, которые касаются последствий его, когда оно существует, то эти преступления такого свойства, что они без всякой перемены в названии одинаково принадлежат и к положению опекуна и к положению питомца. Поэтому мы можем насчитать семнадцать родов преступлений, относящихся к положению питомца: 1) Злостное необлечение положением питомца. 2) Злостное устранение этого положения. 3) Злостное отнятие этого положения. 4) Узурпация этого положения. 5) Злостное облечение этим положением. 6) Злостный отказ от него. 7) Злостное уклонение от него. 8) Злостное наложение его. 9) Дурное ведение опеки. 10) Отлучка от опекуна. 11) Расточение в ущерб питомцу. 12) Расхищение в ущерб питомцу. 13) Помеха в опеке. 14) Нарушение обязанности к опекуну. 15) Бегство от опекуна. 16) Кража питомца. 17) Подкуп в ущерб питомцу.

XLIX.

Мы переходим теперь к преступлениям, которым подвержено положение родителя, и, во-первых, к тем, которые затрагивают самое существование этого положения. В этом случае, чтобы лучше вникнуть в предмет, необходимо будет различать естественное отношение от легального, которое как будто прибавляется или накладывается на естественное. Так как естественное отношение создается особым частным событием, которое или потому, что оно есть уже прошедшее, или по какой-нибудь другой причине одинаково находится вне власти закона, то это отношение не делается и не может сделаться предметом преступления. Если известный человек *есть* ваш отец, то никакое преступление не может сделать вас не его сыном. Если известный человек *не есть* ваш отец, то никакое мое преступление не может сделать вас его сыном. Но хотя бы на деле он имел к вам это отношение, я в своем преступлении, быть может, могу так повести дело, что он не будет *считаться* имеющим к вам это отношение; а относительно каких-нибудь легальных выгод, какие он или вы могли бы извлекать из такого отношения, это обстоятельство будет равнозначно тому, как если бы он и не имел к вам этого отношения. В качестве свидетеля я могу побудить судей подумать, что он не есть ваш отец, и сообразно с этим решить дело; или в качестве судьи я сам могу решить, что он вам не отец. Оставляя, таким образом, в стороне чисто естественное отношение как вещь, одинаково стоящую вне области справедливости и несправедливости, легальное положение, очевидно, будет подвержено преступлениям столько же, ни больше ни меньше, как всякое другое положение, способное быть бенефициальным, или прибыльным, или же тягостным. Далее, относительно исполнения функций этого положения, когда оно считается существующим. В родительском положении должны занимать место два лица — отец и мать. Поэтому родительское положение включает в себе два положения: положение отца и положение матери относительно того или другого ребенка. Очевидно, что какая бы бенефициальная власть или другие права и, с другой стороны, какие бы обязательства ни были связаны с положением родителя, они могут быть распределены между этими двумя сторонами в таких пропорциях, какие только можно себе представить. Но если каждая из этих сторон имеет свою долю в этих различных предметах легального установления и если в какой-нибудь мере предусмотрены интересы всех этих сторон, то очевидно, что каждый из родителей будет относиться к ребенку в двух разных качествах: в качестве господина и в качестве опекуна. Итак, положение родителя, насколько оно создается законом, должно считаться положением сложным, составленным из положений опекуна и господина. Таким образом, для родителя в качестве опекуна является известное количество обязанностей, предполагающих и известную власть как необходимую для их исполнения; для ребенка в качестве питомца является известное количество прав, соответствующих обязанностям родителя, и известное количество обязанностей, соответствующих его власти. Далее, для родителя в качестве господина является известное количество бенефициальной власти без всякого другого необходимого ограничения (пока она продолжается), кроме того, какое связано с обязанностями, лежащими на нем в качестве опекуна; для ребенка в качестве слуги — известное количество обязанностей, соответствующих бенефициальной власти родителя, и без всякого другого необходимого обеспечения (пока они продолжаются), кроме того, какое связано с правами, принадлежащими

ребенку в качестве питомца. Поэтому положение родителя подвержено всем тем преступлениям, которым подвержены положения или опекуна, или господина: и так как каждый из родителей имеет более или менее долю в этих качествах, то преступления, которым подвержены оба положения, будут по имени, как и по сущности, одни и те же. Итак, соединяя их вместе, мы получаем следующие преступления, которым подвержено положение родителя: 1) Злостное необлечение родительским положением. 2) Злостное устранение этого положения. 3) Злостное отнятие его. 4) Узурпация этого положения. 5) Злостное облечение им. 6) Злостный отказ от него. 7) Злостное уклонение от него. 8) Злостное наложение его. 9) Дурное ведение родительской опеки. 10) Отлучка от родительской опеки. 11) Расточение в ущерб филиальному питомцу. 12) Расхищение в ущерб филиальному питомцу. 13) Злоупотребление родительской властью. 14) Помеха в родительской опеке. 15) Нарушение обязанности к родителям. 16) Бегство от родителей. 17) Кража ребенка. 18) Подкуп в ущерб филиальному питомцу.

L.

Далее — преступления, которым подвержено *филиальное* положение, или положение сына или дочери. Принципы, которым надо следовать в определении этих преступлений, были уже достаточно развиты. Поэтому довольно будет перечислить их без дальнейшего разбирательства. Единственные особенности, которыми преступления против этого положения отличаются от преступлений против всех предыдущих положений, зависят от того одного обстоятельства, что каждый несомненно должен был иметь отца и мать, но в то же время не несомненно, чтобы каждый должен был иметь господина, слугу, опекуна или питомца. Заметим вообще, что, когда лицо, от которого, если б оно было живо, должна бы получаться прибыль или на котором бы лежала тягость, умирает, — в той же степени прекращается вред вместе с объектом преступления. Но, впрочем, все-таки остается еще столько вреда, сколько зависит от выгоды или невыгоды, которые могли бы происходить от этого лица для лиц, с ним родственных или предполагаемых родственными в более отдаленной степени. Итак, список этих преступлений является в следующем виде: 1) Злостное необлечение филиальным положением. Если это есть преступление того или той, кто должен бы быть признан родителем, то оно совпадает со злостным уклонением от родительского положения; если это есть преступление третьего лица, то оно заключает в себе необлечение родительским положением, и это необлечение будет злостным, если это положение есть вещь желательная в глазах того или той, кто должен бы быть признан родителем. 2) Злостное устранение филиального положения. Если это есть преступление того или той, кто должен бы быть признан родителем, оно совпадает со злостным уклонением от родительского положения; если это есть преступление третьего лица, то оно заключает в себе устранение родительского положения, и это устранение будет злостным, если это положение есть вещь желательная в глазах того или той, кто должен бы быть признан родителем. 3) Злостное отнятие филиального положения. Если это есть преступление того или той, кто должен бы быть признан родителем, то оно совпадает со злостным отказом от родительского положения; если это есть преступление третьего лица, то оно заключает в себе отнятие родительского положения, т.е. отцовского или материнского или обоих вместе; и это отнятие будет в обоих случаях злостным, если это положение есть вещь желательная в глазах того или той, кто должен бы быть признан родителем. 4) Узурпация филиального положения. Это совпадает со злостным наложением родительского положения, т.е. отцовского или материнского или обоих вместе; и необходимо заключает в себе отнятие родительского положения, и это отнятие будет злостным, если бы это отнятое положение было вещью желательной для того или для той, у кого оно таким образом отнято. 5) Злостное облечение филиальным положением (когда это положение считается бенефициальным, прибыльным). Это совпадает с наложением родительского положения, и это наложение будет злостным, если бы это родительское положение было вещью нежелательной в глазах мнимого отца или матери. 6) Злостный отказ от филиального положения. Это необходимо совпадает со злостным отнятием родительского положения; оно может также заключать в себе злостное наложение родительского положения, — хотя не непременно в пользу или в ущерб какому-нибудь известному лицу. Потому что если человек, считавшийся прежде вашим сыном, оказывается после не вашим, то хотя несомненно, что он — сын какого-нибудь другого человека, но может остаться неизвестным, кто был этот другой человек. 7) Злостное уклонение от филиального положения. Это совпадает со злостным необлечением или злостным устранением родительского положения. 8) Злостное наложение филиальности. Если это есть преступление мнимого родителя, то оно необходимо совпадает с узурпацией родительского положения; если это — преступление третьего лица, то оно

необходимо заключает в себе наложение родительского положения, так же как и отнятие этого положения; и то и другое, смотря по упомянутым выше обстоятельствам, может быть или не быть злостным. 9) Дурное ведение родительской опеки. 10) Отлучка от родительской опеки. 11) Расточение в ущерб филиальному питомцу. 12) Расхищение в ущерб филиальному питомцу. 13) Злоупотребление родительской властью. 14) Помеха в родительской опеке. 15) Нарушение обязанности к родителям. 16) Бегство от родителей. 17) Кража ребенка. 18) Подкуп в ущерб родительской опеке.

LI.

Мы можем теперь с некоторым удобством заняться исследованием разных преступлений, которым подвержено положение мужа. Муж есть человек, между которым и известной женщиной, называемой в этом случае его женой, существует легальное обязательство с целью жить вместе и особенно с целью выполнения между ними половых сношений. Это обязательство, естественно, может рассматриваться с четырех точек зрения: 1) относительно его начала; 2) относительно того, на кого оно налагается; 3) относительно его свойства; 4) относительно его продолжительности. Во-первых, очевидно, что в смысле возможности можно было бы принять разные способы начала: время начала могло бы быть обозначено и одним родом события (или родом признака, сигнала, как можно было бы сказать), и другим. Но на практике обычным сигналом было, как и должно всегда быть с точки зрения полезности, условие или контракт, принятые обеими сторонами, т.е. собрание знаков, принятых законом, для выражения их *взаимного согласия* взять на себя это положение. Во-вторых, относительно того, на ком должны лежать обязательства, составляющие результат условия, очевидно, что они должны лежать или только на одной стороне, или взаимно на обеих. При первой гипотезе такое положение не отличается от полного рабства. В этом случае или жена должна быть рабой мужа, или муж рабом жены. Последняя из этих гипотез, быть может, никогда не имела примера на деле: не допускавшее того влияние физических причин было слишком всеобщее, чтобы его можно было преодолеть; но первое оказывалось на деле, кажется, слишком часто, — быть может, так было у древних римлян, и во всяком случае так было у многих варварских народов. В-третьих, относительно свойства обязательства. Если они не налагаются все на одну сторону, то тем самым даются другой стороне известные права. Поэтому с обеих сторон должны быть известные права. А где два лица владеют взаимными правами, как будто бы друг против друга, то к этим правам или привязывается власть, или нет. Но предполагается, что упомянутые лица должны жить вместе: а в этом случае, как мы уже объяснили выше, бывает не только полезно, но некоторым образом даже необходимо, чтобы на одной стороне была власть. Но власть может быть только на одной стороне: потому что предположите ее на обеих сторонах — и эти две власти уничтожат одна другую. Вопрос, следовательно, в том: которой из двух сторон должна быть вручена власть? Мы показали, что по принципу полезности она должна быть вручена мужу. Итак, если существующая власть принадлежит мужу, то является дальнейший вопрос: должен ли при выполнении этой власти приниматься в расчет интерес только одной стороны или обеих? Очевидно, что по принципу полезности должны приниматься в расчет одинаково интересы обеих: так как в двух лицах, взятых вместе, может быть произведено больше счастья, чем в одном. В таком случае ясно, что легальное отношение мужа к жене будет отношение сложное, составленное из его отношения к ней как господина и как опекуна.

LII.

Итак, преступления, которым подвержено положение мужа, будут суммой тех, каким подвержены положения господина и опекуна. До сих пор положение мужа в главных чертах стоит на тех же основаниях как положение родителя. Но есть, однако, известные взаимные услуги, которые, будучи главным предметом брачного контракта, составляют сущность двух брачных отношений и которых обыкновенно не позволено получать ни господину, ни опекуну как таковым и ни в каком случае — родителю. Эти услуги, разумеется, должны быть отличены от безразличного ряда услуг вообще, которых муж полномочен требовать в своем качестве господина, и от тех услуг, которые он обязан оказывать в своем качестве опекуна. Когда это различие сделано, то преступления, относящиеся к упомянутым двум положениям, во многих случаях, насколько они касаются этих особенных услуг, получают особенные наименования. Возьмем, во-первых, контракт, от празднования которого ведет свое начало легальное положение. Ясно в смысле возможности, что

этот контракт со стороны того или другого пола мог бы существовать в одно и то же время с несколькими лицами другого пола: муж может иметь несколько жен; жена могла бы иметь несколько мужей; муж мог бы войти в одно и то же время в контракт с несколькими женами, или, если бы вошел в контракт только с одной за один раз, он мог бы предоставить себе право войти после в подобный контракт с несколькими или только с тем или другим числом других жен во время продолжения каждого из прежних контрактов. На этом последнем основании, как известно, брак действительно и устроен во многих обширных странах, в особенности во всех тех, которые исповедуют магометанскую религию. В смысле возможности очевидно, что такая же свобода могла бы быть предоставлена и женской стороне; хотя на практике примеров такого устройства, кажется, никогда не встречалось. Какой из всех этих способов устройства самый удобный по принципу полезности — этот вопрос потребовал бы слишком долгого разбора, чтобы отвечать на него путем такого же аналитического процесса, как настоящий, и притом он принадлежит скорее гражданской, чем уголовной части законодательства⁴¹. В христианских странах празднество такого контракта устроено для того, чтобы исключить празднество другого, когда первый еще продолжается: в противном случае празднество следующего такого контракта преследуется как преступление под названием *полигамии*. Итак, полигамия со стороны мужчины есть во всяком случае особенное видоизменение того преступления, которое может быть названо узурпацией положения мужа. Что касается других действий этого преступления, то они могут быть различны, смотря по тому, один ли муж или одна жена или оба вместе уже были в брачном состоянии во время совершения преступления. Если один муж, то преступление его заключает в себе, *pro tanto*, злостное отнятие положения жены в ущерб его первой жене⁴². Если одна жена, то преступление заключает в себе, *pro tanto*, злостное отнятие положения мужа в ущерб ее первому мужу. Если они оба были уже в браке, то преступление заключает в себе оба упомянутые злостные отнятия. И с другой стороны — обратное всему этому может быть замечено относительно полигамии со стороны женщины. Во-вторых, так как обещание не вступать ни в какое последующее брачное соглашение в продолжение первого есть одно из условий, на которых закон дает свою санкцию первому, то другое условие, составляющее один из пунктов контракта, есть обещание не оказывать другому лицу и не принимать от него тех услуг, которые составляют характерную цель контракта: поэтому оказание или принятие таких услуг считается преступлением под именем *прелюбодеяния*; и под этим именем разумеется также преступление постороннего человека, который бывает необходимым соучастником при совершении упомянутого преступления. В-третьих, помеха, оказываемая той или другой стороне, заключающей соглашение, во владении этими характерными услугами может также быть отличаема от преступления, состоящего в помехе их пользованию теми смешанными выгодами, которые проистекают из того же положения; и на ком бы ни лежала вина, на той или на другой стороне или на третьем лице, преступление может быть названо *злостным отказом от брачных услуг*. И таким образом, мы имеем двадцать один род преступлений, которым при нынешнем состоянии закона в христианских странах подлежит положение мужа, а именно: 1) Злостное необлечение положением мужа. 2) Злостное устранение этого положения. 3) Злостное отнятие его. 4) Узурпация его. 5) Полигамия. 6) Злостное облечение положением мужа. 7) Злостный отказ от этого положения. 8) Злостное уклонение от этого положения. 9) Злостное наложение его. 10) Дурное ведение мужем опеки. 11) Отлучка мужа от опеки. 12) Расточение в ущерб лицу, находящемуся в брачной опеке (*matrimonial wardship*). 13) Расхищение в ущерб тому же лицу. 14) Злоупотребление мужа своей властью. 15) Нарушение опеки мужа. 16) Злостное прекращение брачных услуг. 17) Прелюбодеяние. 18) Нарушение обязанности к мужу. 19) Бегство от мужа. 20) Кража жены. 21) Подкуп в ущерб опеки мужа⁴³.

ЛIII.

⁴¹ См. гл. XIX (Границы), § 4.

⁴² В этом случае, если женщина не знала о прежнем браке, то это есть, кроме того, особый вид обольщения и, насколько это касается ее, принадлежит к другому отделу преступлений этого класса. См. выше, § 36.

⁴³ I. *Полупубличные преступления*. Обманы, оспаривающие действительность браков людей известного разряда, как евреи, квакеры, гугеноты и пр.; или преступления против правосудия, уничтожающего действительность этих браков.

II. *Личные преступления*. Неблагоразумный брак со стороны несовершеннолетних.

Далее — преступления, которым подвержено положение жены. Из образчиков, представленных нами выше, можно довольно легко без дальнейших повторений увидеть совпадения и ассоциации между преступлениями, относящимися к существованию этого положения, и преступлениями, относящимися к существованию положения мужа. Список преступлений, которым подвержено положение жены, будет совершенно тот же во всех статьях, как список, только что нами представленный.

LIV.

Мы сказали теперь о разных родах преступлений, относящихся к различным родам домашних положений, включая сюда те положения, которые создаются естественными отношениями (родством) смежного свойства. Остаются естественные несмежные отношения, и мы, конечно, должны остановиться на них, когда говорили столь много о первых. Они не представляют, впрочем, ничего, что необходимо для того, чтобы составить положение. На деле, кажется, ни к одному из них не привязано никакой власти. Может случиться, что закон пригласит деда взять на себя опеку над его осиротевшим внуком, но тогда власть будет принадлежать ему не в качестве деда, а в качестве опекуна. Правда, в смысле возможности к этим отношениям может быть привязана власть, как ко всяким другим. Но из нее все-таки не произошло бы нового рода домашнего положения, потому что выше было показано, что не может быть других положений, создаваемых властью, которые бы были отличны от положений, уже нами упомянутых. Впрочем, каковы бы они ни были, они имеют то общее с упомянутыми прежде отношениями, что они способны приносить или прибыль, или тягость: поэтому они подвержены разным преступлениям, которыми эти или всякие другие отношения могут быть затронуты относительно их существования. Можно было бы поэтому ожидать, что в силу этих преступлений они должны бы быть прибавлены к списку отношений, способных быть предметом правонарушения. Но дело в том, что они уже находятся в этом списке; и хотя они не названы там положительно, они тем не менее занимают там место столь же действительно, как если бы и были названы. С одной стороны, преступление, затрагивающее несмежные отношения (или несмежное родство), может иметь место только тогда, когда затрагивает то или другое смежное отношение (или смежное родство). С другой стороны, никакое преступление, затрагивающее существование смежных отношений, не может быть совершено, не затрагивая существования неопределенного количества отношений несмежных. Является ложный свидетель и уверяет положительно, что вы — сын женщины, которая на самом деле вовсе не ваша мать. Что следует из этого? Следует бесконечный ряд других ложных утверждений: что вы — внук отца и матери этой мнимой матери; что вы — сын какого-нибудь ее мужа или, по крайней мере, какого-нибудь человека, жившего с ней в связи; что вы — внук отца и матери этого человека и так далее; брат ее других детей, если таковые есть; шурин или зять мужей и жен этих детей, если они женаты или замужем; дядя детей этих детей и так далее. С другой стороны, что вы не сын вашей настоящей матери и вашего настоящего отца; что вы — не внук вашего настоящего деда и вашей настоящей бабушки и так далее без конца. И все эти утверждения заключаются в первоначальном ложном утверждении, что вы — сын этой вашей мнимой матери, и происходят из этого утверждения.

Поэтому с первого взгляда казалось бы, что никакое из преступлений против этих несмежных отношений (или несмежного родства) не может никогда само явиться на сцену: потому что если бы могло явиться одно, то могли бы на том же основании явиться и все, а преступления против несмежных отношений как бы распускаются в преступлениях против отношений смежных. Впрочем, на деле это вовсе не так, и, говоря о преступлениях этого рода, нередко приходится слышать много о том, что преступление затрагивает то или другое несмежное отношение (или родство), и между тем при этом не обращается никакого внимания на отношения смежные. Как же это случается? Это случается потому, что к несмежному отношению может привязываться какая-нибудь важная выгода или невыгода, между тем как все посредственные отношения (или степени родства) не имеют в сравнении с этим ничего подобного. Предположим, что Антоний или Лепид оспаривали родство Октавия (впоследствии Августа) к Гаю Юлию Цезарю. Как можно было сделать это? Это можно было сделать, только оспаривая или то, что Октавий был сын Ации, или что Ация была дочь Юлии, или что Юлия была дочь Луция Юлия Цезаря, или что Луций Юлий Цезарь был отец Гая. Но быть сыном Ации, или внуком Юлии, или правнуком Луция Юлия Цезаря было сравнительно весьма неважно. Эти промежуточные степени родства не имели, сравнительно говоря, никакого другого значения, как только в силу того, что они были необходимыми звеньями в генеалогической цепи, которая связывала их с повелителем империи.

Что касается выгод или невыгод, которые могут быть иногда связаны с каким-нибудь из этих несмежных отношений, то мы уже видели, что к их числу не относятся ни власть над каким-нибудь лицом, состоящим в несмежном родстве, и никакие соответственные обязательства. В чем же могут состоять эти выгоды или невыгоды? В сущности, могут быть только те выгоды или невыгоды, которые бывают результатом или местных и случайных учреждений, или какой-нибудь произвольной склонности, принятой нравственной санкцией. Поэтому мало было бы пользы в старании изложить их путем исчерпывающего процесса: все, что можно нам сделать теперь, это взять для образчика только некоторые из главных статей в каждом списке. Выгоды, которые способно сообщить данное родство, кажется, могут быть отнесены главным образом к следующим отделам: 1) Шанс наследования собственности или части собственности от лица, состоящего в несмежном родстве. 2) Шанс денежной поддержки, которая может быть получена от того же лица или по установлению закона, или добровольным даром. 3) Возвышение к легальному званию, включая сюда все законные привилегии, которые могут быть с ним связаны: как, например, возможность занимать какие-нибудь прибыльные должности, изъятие от каких-нибудь тягостных обязательств, напр., платежа податей, исполнения тягостных должностей и т.п. 4) Другого рода возвышение, в которое включается род репутации, по обычаю и произвольно привязываемой к знатному рождению и фамильным связям: от чего может зависеть шанс возвышения посредством брака и тысячу других, менее очевидных способов. Невыгоды, которые способно сообщать данное родство, главным образом могут быть, кажется, отнесены к следующим отделам: 1) Шанс быть обязанным или законом, или силой нравственной санкции доставлять денежную поддержку стороне, состоящей в несмежном родстве. 2) Потеря легального звания, включая сюда легальную неспособность и также тягостные обязательства, которые закон, иногда довольно несправедливо, может привязывать к низшим общественным положениям. 3) Потеря положения в обществе, доставляемого фамильными связями. 4) Невозможность вступать в брак с лицами, состоящими в несмежном родстве, где предполагаемая единокровность или родство лежат в черте степеней, запрещенных для этого законом⁴⁴.

LV.

⁴⁴ Продолжая план, принятый выше относительно полупубличных и личных преступлений, здесь может быть нелишним представить подобный же каталог различных родов или низших делений преступлений публичных.

I. *Преступления против внешней безопасности* государства. 1) Измена (в пользу иноземных неприятелей). Она может быть положительная или отрицательная (отрицательная состоит, например, в непротиводействии совершению положительной). 2) Шпионаж (в пользу иноземных соперников, еще не ставших неприятелями). 3) Оскорбления иноземцев вообще (включая сюда пиратство). 4) Оскорбления привилегированных иноземцев (как, напр., посланников).

II. *Преступления против правосудия*. 1) Преступления против судебного доверия (judicial trust), а именно: злостное необлечение судебным доверием, злостное устранение его, злостное отнятие, узурпация, злостное облечение, злостный отказ, злостное уклонение, злостное наложение, нарушение, злоупотребление, помеха ему и подкуп в ущерб судебному доверию.

Нарушение и злоупотребление судебным доверием могут быть намеренны или ненамеренны. Намеренное составляет вину во всяком случае. Ненамеренное может происходить или от невнимательности, или от дурного (неправильного) расчета: если невнимательность соединяется с легкомыслием или дурной расчет с безрассудством, они составляют вину; если нет, то не составляют... Частные акты, которые могут быть *помехой* выполнению судебного доверия, слишком разнообразны и слишком дурно снабжены (верными и точными) именами, и потому мы не будем говорить о них здесь.

Если человек не успевает выполнить обязанностей этого доверия и вследствие того приходит к нарушению его или злоупотреблению им, то это должно происходить от какого-нибудь недостатка в трех потребных и единственных потребных для этого качествах — в знании, склонности и силе (см. выше, § 27). Если какое-нибудь лицо виновно в этом недостатке, то эта вина может быть или его собственная, или тех, кто должен действовать вместе с ним или ниже его. Если виновные лица суть лица, облеченные судебным доверием, преступление подходит под отдел нарушения или злоупотребления доверием; если это — другие лица, то под отдел помехи доверию.

Мы переходим теперь к гражданским положениям: как легко себе представить, эти положения могут быть бесконечно разнообразны, как разнообразны акты, которых совершение или несовершение можно человеку приказать или допустить для его пользы или для пользы других. Сколько есть различных наименований лиц, различаемых ввиду таких приказаний или допущений (исключая только те наименования, которые относятся к положениям, упомянутым выше под названием домашних), столько можно насчитать гражданских положений. Можно, впрочем, найти более или менее положительные средства ограничить это бесконечное количество положений.

Какие бывают материалы (если можно так выразиться), из которых создаются положения или всякий другой род легального владения, мы уже видели; это — бенефициальная власть, доверенная власть, бенефициальные права, доверенные права, относительные обязанности, абсолютные обязанности. Но те положения, которые предполагают власть или право доверенного свойства, находящиеся во владении лиц разбираемого теперь положения, принадлежат к отделу доверий. Поэтому список преступлений, которым подвержены эти положения, совершенно совпадает со списком преступлений против доверия, где они рассматривались с общей точки зрения в отделе преступлений против доверия; а те из них, которые имеют свойство домашних, более частным образом рассмотрены в качестве преступлений против разных домашних положений. Положения, создаваемые такими обязанностями относительно разряда, которым соответствуют доверия, создаваемые доверенной властью, так же как права коррелятивной стороны и положения частного свойства, были уже рассмотрены под названием домашних положений. То же замечание может быть приложено к положениям, создаваемым такой бенефициальной властью над лицами, которая имеет свойства частной, а также к тем подчиненным коррелятивным положениям, которые создаются обязанностями, соответствующими этим правам и власти. Что касается абсолютных обязанностей, то, кажется, нет примера создаваемого таким образом положения, учреждения которого можно было бы оправдать по принципу полезности; если только как пример таких положений не принять некоторые религиозные положения монашеского свойства. Единственным материалом, из которого могут быть созданы положения, какие нам еще остается рассмотреть, остаются положения, создаваемые бенефициальной властью над вещами; положения, создаваемые бенефициальными правами на вещи (т.е. правами на власть над вещами) или правами на эти права и так далее; положения, создаваемые правами на услуги, и положения, создаваемые обязанностями, соответствующими этим разным правам. Отдельно от этих должны быть взяты те положения, материал которых бывает ингредиентом разных видоизменений собственности, разные положения собственника. Эти положения, если их можно так назвать на минуту, только иногда получают какие-нибудь специфические названия и обыкновенно не рассматриваются в смысле положений; так что акты, которые могли бы считаться преступлениями против этих положений, если бы подобные положения признавались, рассматриваются обыкновенно не иначе, как в смысле преступлений против собственности.

Но дело в том, что, как мы уже говорили⁴⁵ из этих гражданских положений те, которые рассматриваются обыкновенно под этим именем, не отделяются никакой однообразной и точной чертой от тех, материал которых относится обыкновенно к отделу собственности: в одном случае известное собрание прав будет считаться составляющим скорее статью собственности, чем положение; между тем как в другом случае известное собрание прав того же сорта считается составляющим скорее положение, чем статью собственности. Так обстоит дело, вероятно, во всех языках; и такие выражения в одном языке употребляются иначе, чем в другом. По этим причинам кажется неисполнимым подвергнуть класс гражданских положений какому-нибудь исчерпывающему методу; так что для полного собрания их нет, кажется, другого средства, как перебрать для них весь язык и брать их, когда они будут встречаться. Чтобы показать это замечание на примере, может быть, полезно раскрыть, так сказать, структуру двух или трех главных родов или классов положений, сравнивая их с двумя или тремя статьями собственности, которые будут представляться почти с тем же характером: таким образом можно яснее понять природу и операцию, если можно так выразиться, обоих этих классов идеальных объектов.

Разные роды гражданских положений не доверенного свойства, все, или по крайней мере большей частью, могут быть подведены под отдел звания (rank) или профессии, принимая это последнее слово в самом обширном смысле так, чтобы оно включало не только так называемые либеральные профессии, но и те профессии, которые исполняются разного рода торговцами, артистами, ремесленниками и другими лицами всякого положения в жизни, приобретающими

⁴⁵ См. выше, § 17.

прибыль своим трудом. Из этих профессий и возьмем для большей ясности для примера такие, которые всего очевиднее свободны от всякой примеси доверенной или бенефициальной власти. Как создано звание рыцарства? Запрещая всем другим лицам совершать известные акты, совершение которых есть символ ордена, и в то же время позволяя рыцарю и его сотоварищам, например, носить ленту известного цвета известным образом; называть себя известным титулом; употреблять гербовую печать с известным изображением на ней. Ставя под это запрещение всех лиц, кроме рыцаря, закон подвергает их известным обязанностям; и так как прибыль от исполнения этих обязанностей приходится тому, в чью пользу они установлены, т.е. прибыль пользоваться той долей особенной репутации и уважения, какую люди привыкли оказывать людям, таким образом отличенным, то исполнять эти обязанности — значит оказывать ему услугу; и так как эта обязанность есть обязанность отрицательного класса, обязанность, состоящая в совершении известных актов отрицательного рода⁴⁶, то эта услуга может быть названа *услугой воздержания* или терпимости (*forbearance*). Итак, оказывается, что для создания этого положения должны были быть два рода услуг: та, которая составляет его непосредственную причину, услуга отрицательная, должна оказываться обществом вообще; та, которая составляет причину этой услуги, услуга положительная, должна быть оказана законом.

Положение профессионального человека покоится на более узком основании. Чтобы создать это положение, нужно не более как позволение, даваемое ему законодателем, совершать те акты, в совершении которых заключается его профессия: давать или продавать свой совет или помощь в делах закона или естества, давать или продавать свои услуги в работе мануфактуры или в надзоре за ней или продавать изделие того или другого рода, те или другие товары. Итак, здесь требуется только один род услуги — услуга, которая может быть чисто отрицательного свойства и которая должна быть оказана законом, услуга позволения ему заниматься своей профессией, услуга, которая (если здесь не было прежде никакого запрещения) оказывается простым воздержанием от запрещения.

Итак, те идеальные объекты, о которых в приведенных сейчас случаях говорится обыкновенно, что они доставляются человеку упомянутыми различными услугами, в обоих случаях составляют не статью собственности, а статью положения. При другом способе действий закона, обратном тому, посредством которого эти положения были созданы, человек может быть приведен к потере их; и то, что он теряет при этом, ни в том ни в другом случае не называется его собственностью; но в одном случае это называется его званием или достоинством; в другом — его ремеслом или его профессией и в обоих случаях — его положением.

Далее, есть другие случаи, где закон таким же процессом, каким он создал первое из упомянутых выше положений, сообщает человеку идеальный объект, который законы языка ставят в отделе собственности. Закон позволяет человеку продавать книги, т.е. все роды книг вообще. До сих пор все, что сделал закон, было то, что он облек его положением; и человек одинаково владел бы этим положением, хотя бы таким же образом продавал книги и всякий другой. Но пусть закон примет какую-нибудь деятельную роль в его пользу и запретит всем другим лицам продавать книги известного разряда, а он будет свободно продавать их по-прежнему. Этим способом действий закон дает ему род исключительной привилегии или монополии, так называемое *copyright* (авторское право). Но когда закон облекает его этим правом, здесь не говорится, что он облекает его каким-нибудь новым положением; и то, чем он облекает его, называется предметом собственности, а именно: того рода собственности, который называется нетелесным⁴⁷; и точно так же бывает с гравюрой, механической машиной, лекарством — словом, со всяким предметом, который может быть продан. И тем не менее, если закон дал человеку исключительное право носить особого рода ленту, предмет, который давался ему, был не предмет собственности, а положение.

Воздерживаясь подвергать вас некоторым невыгодам, каким подвергается чужеземец, закон дает вам положение урожденного подданного; подвергая другого человека этим невыгодам, закон налагает на него положение чужеземца; давая вам известные привилегии или права, которых не получает *roturier*, закон дает вам положение *gentilhomme'a*: воздерживаясь давать ему эти привилегии, он налагает на него положение *roturier*. Права, из которых как будто составлены оба указанные здесь выгодные положения, имеют себе соответствие в некотором роде услуг

⁴⁶ См. гл. VII (Действия).

⁴⁷ Причина, почему объект этого рода относится в отдел собственности, вероятно, та, что главная ценность его происходит из того, что он способен сделаться источником собственности в более обыкновенных значениях этого слова, т.е. в значении денег, потребляемых товаров и т.д.

воздержания, оказываемых, как мы видели, не частными индивидуумами, а самим законом. Что касается обязанностей, которые создает закон, оказывая вам эти услуги, то они должны рассматриваться как обязанности, наложенные законодателем на служителей правосудия.

Надобно заметить относительно большей части положений, собранных здесь под общее название *гражданских*, что отношения, соответствующие тем, которыми созданы каждое из этих положений, не имеют своих нарицательных имен. Отношение, имеющее имя, есть то, которое занимает сторона благоприятствуемая к стороне обязанной; то отношение, которое занимает сторона обязанная к стороне благоприятствуемой, никакого имени не имеет. Это обстоятельство может помочь отличить их от тех положений, которые мы назвали домашними. В домашних положениях, если одна сторона, *которой* дана власть, называется господином; то другая сторона, *над* которой дана власть, сторона, составляющая предмет этой власти, называется слугой. В гражданских положениях этого нет. С одной стороны, человек в силу известных услуг воздержания, которые обязано оказывать ему остальное общество, называется рыцарем того или другого ордена; но, с другой стороны, эти услуги не дают никакого особенного названия тем лицам, от которых эти услуги ожидаются. Другой человек в силу того, что законодатель оказывает ему род отрицательной услуги, состоящей в незапрещении ему известного промысла, принимает на выбор положение какого-нибудь промышленника: он называется поэтому фермером, булочником, ткачом и т.д.; но служители закона в силу того, что они оказали этому человеку этот род отрицательной услуги, не приобретают для себя никакого особенного имени. Предположите даже, что промысел, которым вы имеете право заниматься, становится предметом монополии и что законодатель, кроме того что он оказал вам услугу, которую вы извлекаете из данного им позволения, принуждает и других лиц оказывать вам те дальнейшие услуги, которые вы получаете от запрещения им заниматься тем же промыслом; эти лица и в таком случае не приобретают никакого особенного названия в силу того, что они были таким образом связаны.

Из того, что сказано нами о свойствах разного рода гражданских положений, имеющих названия, можно без большого труда представить себе преступления, которым они могут быть подвержены. Взятое само по себе, всякое положение, таким образом создаваемое позволением, даваемым владельцу, естественно, бывает бенефициального свойства: поэтому оно подвергается всем тем преступлениям, которым подвержено владение прибылью (*benefit*). Но или вследствие того, что человек обязывается оставаться в нем, раз за него взявшись, или вследствие других подобных обязательств, какие могут быть привязаны к владению им, или вследствие некоторой другой дурной репутации, которая может привязываться к нему от нравственной санкции, такое положение может быть иногда тягостью: по этой причине оно может быть подвержено преступлениям, которым подвергается, как мы видели, всякая вещь, имеющая свойство тягости. Что касается преступлений, которые могут касаться исполнения принадлежащих к этому положению функций, то, если к этому положению привязываются какие-нибудь обязанности, напр., такие, какие создаются правилами занятия известным промыслом, это положение подвергается известным нарушениям обязанности; и, наконец, каковы бы ни были принадлежащие к нему функции, оно во всяком случае подвергается *помехе*.

Впрочем, в составлении этого списка преступлений точность тем меньше необходима, что известный акт, если бы он не попал в этот список и имел, однако, в каком-нибудь отношении вредный характер, наверное окажется в каком-нибудь другом отделе системы преступлений: если булочник продает дурной хлеб за ту же цену, как хороший, это — род подлога, совершенного по отношению к покупателю, и, быть может, это будет также простое телесное оскорбление или вред здоровью индивидуума или группы; если портной выдает дурное платье за хорошее в своей стране, то это — подлог; если — иностранцам за границу, то это, кроме и больше подлога, совершаемого по отношению к иностранцам, может иметь и другие вредные последствия для процветания этого промысла в своей стране и через это сделаться преступлением против национального богатства. Точно так же и с *помехой*: если человеку оказывается помеха в исполнении его промысла, то преступление будет, вероятно, злостным *устранением прибыли*, какую он бы, вероятно, получил посредством своего промысла; и, если бы в каком-нибудь случае оказалось, что человек занимается промыслом или (что менее невероятно) либеральной профессией, не имея в виду прибыли, тогда преступление все-таки сведется к *простому оскорбительному удержанию или простому оскорбительному принуждению*.

Может быть, будет излишним сказать несколько слов, чтоб дать общий взгляд на принятый здесь метод деления и на те выгоды, которые он представляет. Заметим, что целая система преступлений делится на пять классов. В трех первых подчиненные деления берутся из того же самого источника, а именно: из соображения разных пунктов, относительно которых может страдать интерес индивидуума. Это однообразие бросает, кажется, значительный свет на целую систему; в особенности на преступления, подходящие под третий класс: предметы, которые до сих пор не были приведены ни в какой порядок. Относительно четвертого класса, устанавливая порядок между разными подчиненными делениями, всего естественнее и удовлетворительнее казалось поставить прежде всего те, из которых связь их с благосостоянием индивидуумов казалась всего более ясной и непосредственной. Вредные действия тех преступлений, которые стремятся непосредственно лишить индивидуумов покровительства, даваемого им против нападений другого, и вредные действия тех, которые стремятся навлечь на них нападения иноземцев, кажутся одинаково ясными и осязаемыми. Вредное качество тех преступлений, которые стремятся ослабить силу, существующую для отражения этих нападений (особенно последнего рода), хотя и бывает достаточно очевидно, но составляет дальнейшее звено в этой цепи причин и действий. Плохое действие таких преступлений, которые бывают вредны только тем, что уменьшают особенный фонд, откуда должна черпаться эта сила, это дурное действие хотя и бесспорно, но еще более отдаленно и теряется из виду. То же можно заметить относительно тех преступлений, которые вредны только тем, что затрагивают общий фонд. Преступления против верховной власти вообще не были бы вредны, если бы не были вредны преступления разных предыдущих разрядов. Точно так же, со светской точки зрения, преступления против религии не приносят вреда, кроме тех случаев, когда, удаляя, ослабляя или дурно применяя одно из трех главных побуждений к добродетели и препятствий пороку, эти преступления стремятся открыть дверь различному вреду, производить который свойственно всем этим другим преступлениям. Что касается пятого класса, то, как мы уже заметили, он представляет на первый взгляд неправильность, которая, впрочем, кажется, не неизбежна. Но эта неправильность теперь исправлена, когда анализ возвращается после двух-трех шагов назад на ту дорогу, с которой заставила его на минуту сойти тирания языка.

Он должен был необходимо иметь в виду две цели: одна — представить более или менее подробным образом систематическое исчисление различных возможных видоизменений правонарушения, имеющих названия или не имеющих его; другая — найти место в этом списке для таких названий преступлений, какие есть в общем употреблении; для первой цели должна была быть указана природа; для второй — обычай. Если бы единственным руководством служила природа самих вещей, то основание для особого названия преступления должно бы было являться только из такого отличия в способе его совершения, которое бы сопровождалось отличием в действии. Впрочем, одного этого никогда бы не было достаточно: потому что, с одной стороны, новый язык, который необходимо было бы для этого изобрести, был бы странен и в известном смысле непонятен; с другой стороны, имена, которые были прежде в общем употреблении и которые назло всем системам, хорошим или дурным, должны были оставаться в общем употреблении, оставались бы необъясненными. Принять исключительно господствующий язык было бы также дурно с другой стороны: потому что в таком случае каталог преступлений, в сравнении с каталогом вреда, могущего быть произведенным, был бы совершенно нарушен и неполон.

Поэтому для примирения этих двух предметов, насколько они казались примиримыми, употреблено было следующее средство. Логическое целое, образуемое всей суммой возможных преступлений, было разделяемо на две равные части (bisected) в стольких различных направлениях, сколько их было необходимо, и в каждом направлении процесс доводим был до той ступени, где разделенные таким образом частные идеи находили для себя готовые имена в тех именах, какие были уже в общем употреблении. На этом я остановился, оставляя исчисления всяких более подробных различений как видов известного рода до главного моего труда. Если в ходе подобного процесса исследования мне встречался известный способ действий, который, хотя и должен был быть замечен и, быть может, действительно был замечаем во всех законах в качестве преступления, до сих пор в разных кодексах выражаем был разными оборотами речи, но никогда не получал

названия, способного играть во фразе роль существительного имени, я часто решался давать ему новое имя, такое, какое могли допускать формы языка...⁴⁸

При выборе имен, находящихся в общем употреблении, я старался избегать всех тех, какие основывались на местных отличиях, — быть может, они дурно составлены и для той нации, в которой они получили свое начало, и во всяком случае они неприложимы к обстоятельствам других стран.

Анализ, насколько он нами проведен, приложим одинаково к легальным целям всякой страны; и там, где он перестал бы быть приложимым, если бы вошел в дальнейшие подробности, я всегда старался остановиться: вот почему он вышел гораздо подробнее в классе преступлений против индивидуумов, чем в каком-нибудь другом классе. Итак, одна польза этого порядка исследования (если бы оказалось, что он реализован правильно) будет та, что он будет указывать то, в чем сходятся легальные интересы всех стран, и то, в чем они могут различаться: насколько правило, годное для одной страны, будет служить или не будет служить для другой. Что легальные интересы всех веков и стран не имеют ничего общего или что в них все общее, эти два предположения одинаково далеки от истины⁴⁹.

LVII.

Естественный метод, который мы здесь пытались провести, имеет, кажется, четыре основных преимущества, не упоминая о других меньших выгодах. Во-первых, он представляет такую помощь для понимания и для памяти, какой эти способности напрасно искали бы в любой другой технической классификации⁵⁰. *Естественным* может, кажется, быть названо такое распределение предметов науки, которое берет для характеристики их такие свойства, на какие люди привыкли обращать внимание по обыкновенному характеру человеческой природы, независимо от всяких случайных впечатлений, какие они могли получить от влияния каких-нибудь местных или других особенных причин; одним словом, такие свойства, которые *естественно*, т.е. тотчас и с первого взгляда, привлекают и твердо останавливают внимание всякого, кому они были раз указаны. Но каким другим способом известный предмет может привлечь и остановить внимание человека, как не интересуя этого человека? Но какое обстоятельство, принадлежащее действию, может быть интереснее, или, лучше сказать, какое другое обстоятельство, принадлежащее ему, может быть вообще интересно для человека, как не обстоятельство того влияния, какое это действие обещает иметь на его собственное счастье или на счастье близких ему? Итак, по какому другому признаку он может легче найти место, занимаемое преступлением в системе, или по какой другой нити он может легче возвратиться к нему?

LVIII.

Далее, этот метод не только с первого взгляда дает общее указание о природе каждого отдела преступлений, постольку, поскольку эта природа определяется каким-нибудь одним характерным свойством; но он дает простор для составления множества общих положений, относительно частных преступлений, входящих в этот отдел; при этом эти общие положения могут представить другие разнообразные свойства, которые могут принадлежать данным частным преступлениям вообще. Поэтому он дает возможность для составления множества таких положений о преступлениях, которые, хотя и будут весьма общи, потому что будут служить предикатом для большого числа статей, будут в той же мере верны⁵¹.

⁴⁸ В переводе этих слов, как и вообще в целом переводе, мы старались по возможности вернее передавать мысль, как хотел ее выразить Бентам, и старались, вместе с тем, остаться ближе и к «формам» русского языка. Если перевод иногда читается тяжело, вина, быть может, во многих случаях принадлежит только характеру подлинника. — Прим. перев.

⁴⁹ Выше приведенные указания представляются на соображение тем немногим, ум которых окажется склонен к исследованиям столь непривлекательного свойства; разбор этого предмета до дна и подробное его объяснение потребовало бы больше места, чем мы могли бы предоставить в настоящем случае.

⁵⁰ См. *Fragment on Government*, Pref. p. XLVII, ed. 1823.

⁵¹ Представим себе, в каком состоянии должна быть наука, когда в ней не будет ничего такого, что составляло бы в ней какое-нибудь обширное положение или правило и что было бы в то же время

LIX.

В-третьих, этот метод придуман так, что то самое место, которое занимает какое-нибудь преступление, указывает основание, почему оно на это место поставлено. Он не только указывает, что известные акты полагаются преступлениями, но и указывает, *почему* они *должны* полагаться преступлениями. Таким образом, обращаясь к уму, он в некоторой степени обращается и к чувствам. Давая понять природу и тенденцию каждого вредного акта, он объясняет и в некоторой степени защищает или оправдывает тот способ, как можно адекватно отнестись к этому акту посредством наказания. Итак, для подданного это есть род постоянной апологии (закона), показывающей необходимость всякого ограничения, которое для безопасности и блага каждого индивидуума должно быть сделано относительно свободы всякого другого. Для законодателя это есть род постоянного урока, служащего одновременно и исправлением его предрассудков, и сдержкой для его страстей. Если есть вред, который ускользнул от него, в естественном распределении предмета (если в то же время это есть распределение исчерпывающее) он непременно найдет его. Если он пытался когда-нибудь поставить невинность в область преступления — трудность найти для нее место предупредит его об его ошибке. Такова польза карты всеобщего правонарушения, начертанной на основании принципа полезности; таковы выгоды, которые могут извлечь из нее как законодатель, так и подданный. Держитесь этой карты, и всякий произвол в законодательстве исчезает. Законодатель с дурными намерениями или с предрассудками не осмелится взглянуть на нее прямо. Он должен был бы запретить ее, и правильно: это была бы сатира на его законы.

LX.

В-четвертых, естественное разделение, управляемое принципом, признаваемым всеми людьми, будет одинаково служить для юриспруденции всех наций. В системе закона, составленной по такому методу, язык будет служить словарем, которым могли бы быть объясняемы все системы положительного закона, между тем как содержание служит образчиком, по которому эти системы могут проверяться. Объясненный таким образом, способ действий каждой нации мог бы быть уроком для всякой другой: и человечество при взаимном обмене опытом и усовершенствованиями могло бы двигаться вперед в этой области науки так же легко, как во всякой другой. Если какая-нибудь из этих целей будет достигнута в какой-нибудь степени, то труд этого анализа, как он ни был суров, не пропадет даром.

§ 5. Отличительные черты пяти Разрядов

LXI.

В числе выгод, представляемых этим методом и не представляемых никаким другим, упомянуто было то, что предметы, принятые им, распределяются на группы, к которым могут быть

верно; когда какое-нибудь положение или правило, верное для некоторых принадлежащих к нему частных, будет ложно для других. В каком положении была бы, например, ботаника, если бы классы растений были придуманы в ней так, что для них не находилось бы никаких общих черт? И, однако же, в таком положении — и не лучше — находятся, кажется, все системы уголовного закона, авторитетные и неавторитетные, какие только появлялись до сих пор. Попробуйте, например, можно ли иначе сказать о *delicta privata et publica*, *publica ordinaria* и *publica extra-ordinaria* в Римском Праве (см. Heinecc. Elem. p. VII, § 79, 80). Все это от недостатка метода: и отсюда необходимость постараться придумать новый.

И этот недостаток метода не удивителен. Такая новая наука, как наука уголовного законодательства, едва ли бы могла быть в лучшем состоянии. Пока предметы не отличены один от другого, они не могут быть приведены в порядок. Таким образом, *истина и порядок* идут рука об руку; только по мере того, как открывается первая, может быть улучшаем последний. Прежде чем установлен известный порядок, истина может быть указана только несовершенно; но порядок не может быть установлен прежде, чем не будет развита и указана известная доля истины. Открытие истины ведет к установлению порядка, и установление порядка утверждает и распространяет открытие истины.

прилагаемы вообще разнообразны общие положения. Собрание этих положений, прилагаемых к различным разрядам, может считаться представляющим отличительные черты каждого разряда. Сколько этих общих положений можно применить к преступлениям, принадлежащим к какому-нибудь данному разряду, столько же свойств окажутся у них общими; сколько можно приписать разным разрядам этих общих свойств, столько же свойств могут быть выставлены как *характерные* черты разряда. Здесь нелишним будет представить собрание этих характерных черт. Чем больше мы можем собрать их, тем яснее и полнее можно будет понять природу разных разрядов и составляющих эти разряды преступлений.

LXII.

Характерные черты I Разряда, состоящего из *частных* преступлений или преступлений против индивидуумов, которые известны или могут быть указаны.

1. Когда эти преступления достигают своей последней степени или степени *совершения* (consummation)⁵², все они производят вред и первичный и вторичный⁵³.

2. Индивидуумы, которых они затрагивают в первой инстанции (т.е. своим первичным вредом), бывают постоянно *известны* или могут быть указаны. Это простирается на все, на *попытку* и на *приготовление*, так же как и на те преступления, которые дошли до степени *совершения*.

3. Вследствие этого они допускают *вознаграждение* (compensation)⁵⁴, и этим они отличаются от преступлений всех других разрядов как таковых.

4. Они допускают также *возмездие*⁵⁵, и этим они также отличаются от преступлений всех других разрядов.

5. Всегда есть какое-нибудь лицо, имеющее естественный и особенный интерес преследовать их. В этом они отличаются от личных преступлений, также и от полупубличных и публичных преступлений, насколько эти два последние имеют шанс заключать в себе частный вред.

6. Вред, производимый ими, очевиден; более очевиден, чем вред полупубличных преступлений, и еще более очевиден, чем вред личных преступлений или даже публичных.

7. Они бывают везде и должны всегда быть вредны, по мнению света; более вредны, чем полупубличные преступления, и еще более, чем публичные.

8. Они более *постоянно* вредны, по мнению света, чем личные преступления; и были бы таковы вообще, если бы не было влияния двух ложных принципов — принципа аскетизма и принципа антипатии⁵⁶.

9. Они меньше полупубличных и публичных преступлений требуют разных определений для разных государств и стран⁵⁷; в этом они очень сходны с личными преступлениями.

10. По известным обстоятельствам отягчения они способны превращаться в полупубличные преступления; а по некоторым другим — в публичные.

11. Для наказания их не может быть основания до тех пор, пока не доказано, что они причинили или готовы были причинить какой-нибудь частный вред какому-нибудь частному индивидууму. Этим они отличаются от полупубличных преступлений и от публичных.

12. В легких случаях *вознаграждение*, даваемое лицу, затронутому этим преступлением, может быть достаточным основанием для отмены наказания; потому что, если первичный вред не был достаточно велик, чтобы произвести тревогу, все количество вреда может быть исправлено посредством вознаграждения. Этим они также отличаются от преступлений полупубличных и от публичных.

⁵² См. гл. VII (Действие), § 14.

⁵³ См. гл. XII (Последствия), § 3.

⁵⁴ См. гл. XV (Случаи, не подлежа. наказ.), § 2, прим.

⁵⁵ См. гл. XVII, § 8. Говоря о возмездии, я разумею то, что оно *способно* быть прилагаемо в этих случаях, а не то, что оно всегда *должно* быть прилагаемо. Оно не может также прилагаться во всяком индивидуальном случае каждого преступления, но только в некоторых индивидуальных случаях каждого *вида* преступления.

⁵⁶ См. гл. II.

⁵⁷ Вероятно, вследствие этих трех последних качеств произошел обычай называть эти преступления или, по крайней мере, многие из них преступлениями против *законов природы*: выражение неопределенное и производящее много ошибок. См. гл. II.

LXIII.

Характерные черты II Разряда, состоящего из *полупубличных* преступлений или преступлений, затрагивающих целый подчиненный класс лиц.

1. В своем качестве полупубличных преступлений они не производят никакого первичного вреда. Вред, производимый ими, состоит из одной или другой или из обеих ветвей вторичного вреда, производимого преступлениями против индивидуумов, без вреда первичного.

2. В той мере, в какой преступления считаются принадлежащими к этому классу, лица, затрагиваемые ими в первой инстанции, не могут быть указаны индивидуально.

3. Впрочем, они способны заключать в себе какой-нибудь первичный вред первого порядка или завершаться этим вредом, и, когда это бывает с ними, они переходят в первый разряд и становятся частными преступлениями.

4. В качестве полупубличных они не допускают вознаграждения.

5. И не допускают возмездия.

6. При их качестве полупубличных преступлений иногда не бывает никакого частного индивидуума, который бы мог иметь исключительный интерес в их преследовании: впрочем, всегда можно бывает указать круг лиц, где могут найтись такие лица, которые имеют больший интерес преследовать их, чем имеют какие-нибудь другие лица вне этого круга.

7. Вред, ими производимый, бывает вообще довольно очевиден; не столько, правда, как вред частных преступлений, но в целом более очевиден, чем вред личных и публичных преступлений.

8. Во мнении света, они бывают скорее менее вредны, чем частные преступления; но более вредны, чем личные; они были бы также более вредны, чем личные, если бы не было влияния двух ложных принципов — принципа симпатии и антипатии и принципа аскетизма.

9. Они больше, чем частные и личные преступления, могут требовать различных определений в различных странах, но меньше, чем публичные.

10. Для наказания их может быть основание прежде, чем было доказано, что они произвели или готовы были произвести вред какому-нибудь частному индивидууму; чего не бывает с частными преступлениями.

11. Удовлетворение, даваемое какому-нибудь частному индивидууму, затронутому этим преступлением, ни в каком случае не может быть достаточным основанием для отмены наказания: потому что этим удовлетворением исправляется только одна часть его вреда. Этим подобные преступления отличаются от частных, но сходны с публичными.

LXIV.

Отличительные черты III Разряда, состоящего из *личных* преступлений — преступлений против самого себя.

1. В отдельных случаях часто будет сомнительно, производят ли они какой-нибудь первичный вред⁵⁸; вторичного вреда они не производят никакого.

2. Они не затрагивают никакого другого индивидуума, который может или не может быть указан, кроме того, что они затрагивают самого преступника; исключение возможно разве в особых случаях; и только весьма легким и отдаленным образом они затрагивают целое государство.

3. Поэтому они не допускают *вознаграждения*.

4. И также *возмездия*.

5. Никакое лицо не имеет, собственно, какого-нибудь особенного интереса в преследовании этих преступлений, разве настолько, насколько, в силу какой-нибудь связи, какую это лицо может иметь с преступником или путем *симпатии*, или путем *интереса* (см. гл. VI, § 25, 26), на это лицо может пасть какой-нибудь вред *производного рода* (гл. XII, § 4)⁵⁹.

⁵⁸ Потому что лицо, которое вообще всего вероятнее будет чувствительно ко вреду (если таковой есть) преступления, именно лицо, которое им всего больше затрагивается, показывает всем поведением, что оно не чувствует этого вреда.

⁵⁹ Впрочем, в числе преступлений, принадлежащих к этому разряду, есть несколько таких, для преследования которых в иных странах находятся нередко лица, расположенные к этому преследованию без всяких искусственных побуждений, а чисто только в силу *антипатии*, возбуждаемой такими актами. См. гл. II, § 11.

6. Вред, производимый ими, может быть не замечен и вообще более сомнителен, чем в каких-нибудь преступлениях других разрядов.

7. Впрочем, многие из них могут, во мнении света, быть более вредны, чем публичные преступления, вследствие влияния двух ложных принципов — принципа аскетизма и принципа антипатии. Некоторые из них бывают даже более вредны, чем полупубличные или даже частные преступления.

8. Они меньше, чем преступления какого-нибудь другого класса, могут требовать различных определений для разных государств и стран⁶⁰.

9. В побуждениях⁶¹ наказывать эти преступления антипатия против преступника способна иметь большую долю, чем симпатия к публике.

10. Самое лучшее оправдание их наказания основывается на той слабой вероятности, что они могут произвести вред, который, если бы он произошел действительно, поставил бы их в разряд публичных преступлений: главным образом в тот отдел этих последних, который состоит из преступлений против народонаселения и преступлений против национального богатства.

LXV.

Отличительные черты IV Разряда, состоящего из *публичных* преступлений или преступлений против *государства* вообще.

1. В качестве таких преступлений они не производят никакого первичного вреда; и вторичный вред, производимый ими и состоящий часто из опасности без тревоги, хотя и бывает велик *по ценности*, весьма неопределен *по виду* (in specie).

2. Индивидуумы, которых они затрагивают в первой инстанции, постоянно бывают неизвестны, т.е. не могут быть указаны, кроме случаев, где им приходится заключать в себе (или оканчиваться ими) какие-нибудь преступления против индивидуумов.

3. Вследствие этого они не допускают вознаграждения.

4. И также возмездия.

5. Нет также никакого лица, которое бы имело, собственно, какой-нибудь особенный интерес преследовать их, разве только тогда, когда они затрагивают власть или каким-нибудь образом затрагивают частный интерес какого-нибудь авторитетного лица.

6. Вред, производимый ими в качестве публичных преступлений, бывает сравнительно неочевиден; более неочевиден, чем в частных преступлениях, и более также, чем в полупубличных.

7. В качестве публичных они, во мнении света, гораздо менее вредны, чем частные преступления; менее даже, чем полупубличные или даже чем личные преступления, кроме разве частных случаев — по симпатии к известным авторитетным лицам, частный интерес которых они могут затрагивать.

8. Они больше, чем какие-нибудь преступления других разрядов, допускают различные определения в различных государствах и странах.

9. Во многих случаях эти преступления создаются какими-нибудь отягчающими обстоятельствами, которые присоединяются к частному преступлению; и потому в этих случаях они заключают в себе вред и представляют другие отличительные черты, принадлежащие обоим разрядам. Впрочем, даже в таких случаях они довольно справедливо причисляются к IV разряду, так как вред, производимый ими в силу их свойств, заставляющих причислять их к этому разряду, затмевает и поглощает в себе тот вред, который производят они в силу свойств, заставляющих причислять их к I разряду.

10. Для наказания их может быть достаточное основание и без доказательства того, что они причинили или готовы причинить какой-нибудь частный вред частному индивидууму. Этим они отличаются от частных преступлений, но сходятся с полупубличными. Здесь, как в полупубличных преступлениях, *объем* (extent) вреда заменяет его *неизвестность* или сомнительность (uncertainty).

11. Удовлетворение, даваемое какому-нибудь частному индивидууму, ими затронутому, ни в каком случае не может быть достаточным основанием для отмены наказания. Этим они отличаются от частных преступлений, но сходятся с полупубличными.

⁶⁰ Поэтому большая часть из них может считаться в ряду преступлений против «законов природы». См. выше, § 62, примеч.

⁶¹ Под побуждениями я разумею те хорошие или дурные соображения, которые побуждают или располагают законодателя рассматривать их в смысле преступления.

LXVI.

Отличительные черты V Разряда или Прибавления, состоящего из *многообразных* или *аномальных* преступлений и заключающего преступления посредством обмана и преступления относительно доверия.

1. Взятые коллективно, в частях, обозначаемых данными им популярными названиями, они не могут быть собраны в одно целое по какому-нибудь аналитическому методу распределения, основанному на вреде преступления.

2. Впрочем, они могут быть разбиты на подразделения, которые могут быть собраны по такому методу.

3. Эти подразделения естественно и легко подойдут под отделы разных предыдущих разрядов этой системы.

4. Каждый из двух больших отделов этого разряда распространяется, таким образом, на все предыдущие разряды.

5. В некоторых актах этого разряда отличительное обстоятельство, составляющее существенную черту преступления, в некоторых случаях будет необходимо входить в качестве преступного обстоятельства в образование преступления; так что без участия этого обстоятельства преступление этого наименования вовсе не может быть совершено⁶². В других случаях преступление может существовать без этого обстоятельства; и там, где оно присоединяется, оно является случайным независимым обстоятельством, могущим составить основание для отягчения⁶³.

⁶² Пример: преступления посредством обмана в случае *подлога*.

⁶³ Пример: преступления посредством обмана в случае простых телесных оскорблений и других преступлений против лица.

Глава XIX

§ 1. Границы между учением о частной нравственности и искусством законодательства

I.

До сих пор мы говорили о делении преступлений вообще. Но, далее, преступление есть акт запрещенный или (что одно и то же) акт, противное которому повелевается законом; и что же может делать закон кроме запрещения и повеления? Итак, по этому взгляду на дело, казалось бы, что если бы мы установили, что может быть правильно сделано относительно преступлений, то тем самым мы установили бы все, что может быть правильно сделано посредством закона. Между тем та отрасль, которая имеет дело с преступлениями и которая называется *уголовной* (criminal penal) отраслью, всеми считается только одной отраслью из двух, составляющих целый предмет искусства законодательства; другая отрасль называется *гражданской*¹. Довольно очевидно, что между этими двумя ветвями не может не быть весьма тесной связи; и она в самом деле так тесна, что вовсе не легко определить границы между ними. То же самое надо сказать в известной мере о целой задаче законодательства (в гражданской и уголовной отраслях вместе) и о задаче учения о нравственности, или этики. Нам необходимо, впрочем, составить некоторую идею об этих различных границах: с одной стороны, для того, чтобы не показалось, что мы оставили нетронутой какую-нибудь часть предмета, о которой *должны* были сказать, или, с другой стороны, что мы где-нибудь уклонились на дорогу, на которую *не должны* были уклоняться.

В течение этого исследования — я разумею той части его, которая относится к границам между гражданской и уголовной отраслью закона, — необходимо будет установить много пунктов, связь которых с главным вопросом с первого взгляда может оставаться совершенно незамеченной. Определить, что за вещь есть *вообще закон*; какие в нем можно найти *части*; что должен он заключать в себе, чтобы быть *полным*; какая есть связь между той частью законодательного кодекса, которая относится к *судопроизводству* (процедуре), и остальными законами вообще — все это, как мы увидим, составляет задачи, которые должны быть решены, прежде чем может быть дан ответ на главный вышеупомянутый вопрос.

Но это — не единственная польза такого исследования: потому что довольно очевидно, что сначала должно быть твердо установлено понятие о полном законе, прежде чем законодатель может в каком-нибудь случае знать, что ему надо делать или когда его дело сделано.

II.

Этика вообще может быть определена как искусство направлять человеческие действия к произведению величайшего возможного количества счастья на стороне тех, интерес которых имеется в виду.

III.

Какие же бывают действия, направлять которые во власти человека? Это должны быть или его собственные действия, или действия других агентов. Этика, в смысле искусства управлять собственными действиями человека, может быть названа искусством *самоуправления, или частной этикой*.

IV.

¹ «А где же отрасль конституционная?» — могут спросить многие из читателей. На это можно было бы отвечать, что предмет ее мог бы без большого насилия быть разделен между двумя этими отделами. Эта отрасль, при всей ее важности и при всей возможности для нее занять отдельное место, в это время, сколько я помню, едва ли представлялась мне в качестве отдельной отрасли: нить моих исследований еще не доходила до нее. Но в заключительном примечании к этой самой главе, в параграфе 22 до конца, это опущение в некоторой степени пополнено.

Какие же есть другие агенты, которые, будучи под влиянием управления человека, в то же время бывают способны к счастью? Они бывают двоякого рода: 1) другие человеческие существа, называемые лицами; 2) другие животные, которые вследствие того, что их интересы были пренебрежены бесчувственностью старых юристов, унижены до класса *вещей*². Что касается других человеческих существ, то искусство направлять их действия к вышеупомянутой цели и есть то, что мы считаем (или что, по крайней мере, есть единственная вещь, которую по принципу полезности мы *должны* бы считать) искусством правления, которое в том случае, когда меры, в каких оно выражается, бывают постоянного свойства, обозначается обыкновенно именем *законодательства*; а когда эти меры бывают временного свойства и определяются событиями дня, называется *администрацией*.

V.

Но человеческие существа, рассматриваемые относительно зрелости их способностей, бывают в совершеннолетнем или в несовершеннолетнем состоянии. Искусство правления, когда оно относится к направлению действий людей несовершеннолетнего состояния, может быть названо искусством *воспитания*. Когда эта задача вверяется тем, кто в силу каких-нибудь частных отношений бывает вообще всего больше расположен взять на себя эту обязанность и бывает всего больше способен исполнить ее, оно может быть названо искусством *частного воспитания*; когда эта задача исполняется теми, кому принадлежит руководство поведением целого общества, оно называется искусством *публичного воспитания*.

VI.

Что касается этики вообще, то счастье человека будет зависеть, во-первых, от таких частей его поведения, в которых заинтересован только он сам; во-вторых, от таких, которые могут касаться счастья его окружающих. Насколько его счастье зависит от первой упомянутой части его поведения, то говорится, что оно зависит от его *обязанности к самому себе*. Итак, этика в смысле искусства направлять действия человека в этом отношении может быть названа искусством человека исполнять обязанности к самому себе; и качество, которое человек обнаруживает исполнением этой ветви

² В магометанской и других религиях к интересам остальной части животного царства относились с некоторым вниманием. Почему относительно их универсально не делали тех же поправок и скидок на различия в разумности, какие делаются в отношении человеческих существ? Потому что существующие законы произведены взаимным страхом: чувство, извлечь выгоду из которого менее рациональные, чем человек, животные не имели достаточных средств. Но почему они *не должны*? Нет доводов в пользу этого. Если всех едят, то ясно, почему мы едим тех, кого хотим: нам от этого лучше, а им — не хуже. У них нет никаких из тех томительных ожиданий будущих бедствий, какие имеем мы. Смерть, которую они претерпевают от нас, обычно является (и всегда может быть таковой) более скорой и менее болезненной, чем та, которая ожидает их при естественном ходе дел в природе. Если всех убивают, ясно, почему нам приходится убивать тех, кто нападает на нас: нам было бы хуже, если бы они жили, а им — не хуже от того, что они мертвы. Но есть ли какое-нибудь основание, по которому мы мучаем их? Я не могу привести ни одного. А есть ли такие, по которым мы не должны мучать их? Да, несколько. Было время — и я с грустью говорю, что во многих местах оно еще не прошло, — когда большую часть вида под названием рабов третируют согласно закону так, как, к примеру, в Англии все еще третируют низшие виды животных. *Может* наступить день, когда остальная часть мира живых тварей обретет те права, которые не могут быть отняты у них иначе, как рукой тирании. Французы уже открыли то, что чернота кожи не есть основание для того, чтобы оставить человеческое существо капризу мучителя без какой-либо компенсации. *Может* наступить день, когда признают, что количество ног, наличие шерсти на коже или завершение *os sagittum* — столь же недостаточные основания для того, чтобы предоставить чувствующее существо такой же судьбе. Что еще должно прочерчивать эту непреодолимую линию (между человеком и животным. — Б.К.)? Способность разума или, возможно, способность речи? Но взрослая лошадь или собака несравненно более рациональные и общительные существа, чем младенец в возрасте одного дня, одной недели или даже одного месяца. Но предположим даже, что верно обратное. Что это дает? Вопрос не в том, могут ли они *рассуждать* или могут ли они *говорить*, но в том, могут ли они *страдать*.

обязанности (если это можно называть обязанностью), есть качество *благоразумия*. Насколько его счастье и счастье всякого другого лица или лиц, об интересах которых идет речь, зависит от тех частей его поведения, которые могут касаться интересов окружающих его лиц, можно сказать, что оно зависит от его *обязанности к другим*, или (употребляя выражение, теперь несколько устаревшее) от его *обязанности к ближнему*. Итак, этика в смысле искусства направлять действия человека в этом отношении может быть названа искусством исполнения обязанностей человека к ближнему. Но счастье ближнего может быть принимаемо в соображение двумя способами: 1) отрицательно, воздерживаясь уменьшать его, и 2) положительно, стараясь его увеличивать. Вследствие того обязанность человека к ближнему бывает отчасти отрицательна и отчасти положительна: исполнение отрицательной ветви этой обязанности есть *честность*; исполнение положительной ветви есть *благотворительность*.

VII.

Здесь могут спросить, каким образом по принципу частной этики, оставляя в стороне законодательство и религию, счастье человека зависит от таких частей его поведения, которые касаются, по крайней мере непосредственно, только счастья его самого: это все равно, что спросить, какие мотивы (независимо от тех, которые могут быть иногда доставлены законодательством и религией) может иметь человек для того, чтобы принимать в соображение счастье другого человека? Какими мотивами или (что одно и то же) какими обязательствами он может быть вынужден повиноваться требованиям *честности и благотворительности*? В ответ на это нельзя не допустить, что единственные интересы, для соображения с которыми человек, наверное, найдет *достаточные* мотивы во все времена и при всех случаях, суть его собственные интересы. Несмотря на то, нет случаев, где бы человек не имел каких-нибудь мотивов для того, чтобы соображаться со счастьем других людей. Во-первых, он при всех случаях имеет чисто общественный мотив симпатии или благосклонности; во-вторых, в большей части случаев он имеет полуобщественные мотивы любви к дружбе и любви к репутации. Мотив симпатии будет действовать на него с большей или меньшей силой соответственно *наклонности* его чувствительности³; два другие мотива — соответственно разным обстоятельствам, главным образом — соответственно силе его умственных способностей, твердости и постоянству духа, количеству его нравственной чувствительности и характерным чертам нации, в которой он живет.

VIII.

Далее, частная этика имеет своей целью счастье; другой цели не может иметь и законодательство. Частная этика имеет в виду каждого члена, т.е. счастье и действия каждого члена общества; и законодательство также имеет это в виду. Итак, до сих пор частная этика и искусство законодательства идут рука об руку. Цель, которую они имеют (или должны иметь) в виду, — одного и того же свойства. Лица, счастье которых они должны иметь в виду, так же как лица, поведение которых они должны направлять, совершенно одни и те же. Даже сами акты, которыми они должны заниматься, *в большой степени* одни и те же. Где же поэтому заключается разница? Разница в том, что акты, которыми они должны заниматься, хотя в большой степени, но не *совершенно и не вполне* одни и те же. Нет такого случая, где бы частный человек не был должен направлять свое поведение к производству своего собственного счастья и счастья его ближних: но есть случаи, где законодатель не должен (по крайней мере прямо и посредством наказания, прилагаемого непосредственно к частным *индивидуальным* актам) пытаться направлять поведение разных других членов общества. Каждый индивидуум должен сам собою совершать всякий акт, который обещает быть вообще благодетельным для общества (включая его самого): но не всякий такой акт законодатель должен побуждать его совершать. Каждый индивидуум должен сам собою воздерживаться от всякого акта, который обещает быть вообще вредным для общества (включая его самого): но не от всякого такого акта законодатель должен побуждать его воздерживаться.

³ См. гл. VI (Чувствительность), § 3.

IX.

Итак, где же провести эту черту? Нам придется искать ее недалеко. Задача в том, чтобы дать идею о тех случаях, в которые вмешивается этика и в которые не должно бы замешиваться (по крайней мере прямым путем) законодательство. Если законодательство вмешивается прямым путем, то это должно быть через наказание⁴. Но мы уже указывали (в гл. XV) те случаи, в которых не должно быть налагаемо наказание, разумея наказание политической санкции. Итак, если есть такие случаи, где, хотя законодательство и не вмешивается, вмешивается или должна вмешаться частная этика, — эти случаи и послужат нам указанием границ между двумя искусствами или отраслями науки. Вспомним, что эти случаи бывают четырех родов: 1) где наказание было бы неосновательно; 2) где оно было бы недействительно; 3) где оно было бы неприбыльно; 4) где оно было бы ненужно. Разберем все эти случаи и посмотрим, нет ли в каких-нибудь из них места для вмешательства частной этики, притом что в них нет места для прямого вмешательства законодательства.

X.

1. Итак, во-первых, случаи, где наказание было бы *неосновательно*. В этих случаях очевидно, что ограничивающее вмешательство этики было бы также неосновательно. В целом нет такого зла в действиях [человека], которое законодательство не должно пытаться предотвратить. По той же причине должна делать это и частная этика.

XI.

2. Далее случаи, где наказание было бы *недействительно*. Заметим, что эти случаи могут быть разделены на два класса. Первые вовсе не зависят от свойства акта: они основываются только на недостатке в своевременности наказания. Само наказание не больше, чем оно должно бы быть для подобного акта. Но оно должно бы быть применено в другое время, именно не раньше, чем оно было должным образом объявлено. Таковы случаи закона *ex-post-facto*; судебного решения, выходящего за пределы закона, и закона, недостаточно обнародованного. Таким образом, акты, о которых идет речь, могут относиться даже к области принудительного законодательства: они, конечно, относятся и к области частной этики. Что касается другого класса случаев, где наказание было бы недействительно, они также не зависят от свойства акта, т.е. от *рода* акта; они основываются только на каких-нибудь посторонних *обстоятельствах*, которыми имеет шанс сопровождаться акт *всякого* рода. Впрочем, эти случаи такого свойства, что они не только исключают приложение легального наказания, но и вообще оставляют мало места для влияния частной этики. Это — случаи, где воля не может быть удержана ни от какого акта даже при чрезвычайной силе искусственного наказания, как, напр., в случаях крайнего детства, безумия и полного опьянения: естественно, что воля не может быть удержана от этих актов и такой незначительной и сомнительной силой, какая может быть употреблена частной этикой. То же самое повторяется в этом отношении в случаях ненамеренности относительно исхода события, неосознанности относительно существования обстоятельств и дурного (неправильного) расчета относительно существования обстоятельств, которых не существовало; как и в тех случаях, где даже сила чрезвычайного наказания оказывается недействительна перед высшей силой физической опасности или угрожающего вреда. Очевидно, что если в этих случаях оказываются бессильны громы закона, то шепот простой нравственности может иметь только очень мало влияния.

XII.

3. Далее случаи, где наказание было бы *неприбыльно*. Это — случаи, представляющие обширное поле для исключительного вмешательства частной этики. Наказание бывает неприбыльно или, другими словами слишком дорого, потому что зло наказания превышает зло преступления. Но

⁴ Я ничего не говорю здесь о награде: потому что она может быть прилагается только в немногих чрезвычайных случаях и потому что даже там, где она прилагается, быть может, возможно сомневаться, — может ли, собственно говоря, приложение ее быть названо актом законодательства. См. ниже, § 3.

зло наказания, припомним⁵, разделяется на четыре ветви: 1) зло принуждения, включающее понуждение или удержание, смотря по тому, бывает ли требуемый акт положительного или отрицательного рода; 2) зло предвидения; 3) зло перенесения; 4) производное зло, происходящее для лиц, находящихся *в связи* с теми, кем выносятся три упомянутых первоначальных рода зла. Но относительно этого первоначального зла люди, подвергающиеся ему, могут быть двух весьма различных родов. Во-первых, люди, которые, быть может, действительно совершили или готовы были совершить акты, положительно запрещенные. Во-вторых, лица, которые, быть может, совершили или готовы были совершить такие другие акты, о которых они опасаются, что они также подлежат наказанию, назначенному только для первых. Но из этих двух родов актов вредны только первые: поэтому задачей частной этики может быть только старание предотвращать одни эти первые акты. Если предполагать, что последние не вредны, то старание предотвращать их так же мало может быть задачей этики, как и задачей законодательства. Остается показать, каким образом может случиться, что есть акты, положительно вредные, которые, хотя весьма правильно подлежат осуждению частной этики, могут, однако, не быть предметами, подлежащими контролю законодателя.

XIII.

Наказания, прилагаемые к правонарушению, могут быть неприбыльны двумя способами, вместе или отдельно: 1) по той издержке, до которой бы оно дошло, если бы даже предположить, что приложение его вполне ограничивалось правонарушением; 2) по опасности вовлечь невинного в судьбу, назначенную только для виновного. Итак, во-первых, о случаях, где издержка наказания, прилагаемого к виновному, перевесила бы ту прибыль, которую оно должно было принести. Очевидно, что эти случаи основываются на известной пропорции между злом наказания и злом преступления. Теперь, если бы преступление было такого свойства, что наказание, которое бы относительно *объема* (magnitude) только что превысило его прибыль, было бы достаточно для его предотвращения, то было бы, кажется, трудно найти пример, где бы такое наказание могло ясно показаться неприбыльным. Но на деле есть много случаев, где наказание, чтобы иметь шанс быть действительным, должно относительно объема быть поднято значительно выше этого уровня. Так это бывает везде, где опасность улики бывает (или, что одно и то же, представляет вероятность быть) так мала, что делает наказание в высокой степени сомнительным. В этом случае, как мы показали⁶, бывает необходимо возвысить наказание (если только оно употребляется) относительно объема настолько, насколько оно теряет относительно несомненности. Очевидно, впрочем, что все это может быть только догадкой и что разные обстоятельства будут делать действие этой пропорции сомнительным, напр., такие обстоятельства, как недостаток в должном обнародовании на стороне закона⁷; особенные обстоятельства искушения⁸ и обстоятельства, оказывающие влияние на чувствительность разных индивидуумов, которые ему подвергаются (см. гл. VI). Если *соблазняющие* мотивы будут сильны, преступление непременно будет совершаться часто. Правда, вследствие более или менее чрезвычайного совпадения обстоятельств оно будет от времени до времени обнаруживаемо и таким образом наказываемо. Но в целях примера, составляющего главную цель, акт наказания, взятый сам по себе, не приносит никакой пользы; польза его вполне зависит от того, что оно возбуждает ожидание такого же наказания в будущих случаях того же правонарушения. Но это будущее наказание, очевидно, всегда должно зависеть от обнаружения или улики. И если недостаток обнаружения таков, что оно должно вообще (особенно в глазах, очарованных силой соблазняющих мотивов) казаться слишком невероятным, чтобы на него можно было рассчитывать, в таком случае наказание, хотя бы и должно быть наложено, может оказаться бесполезным. Итак, здесь будет два противоположных рода зла, совершающихся в одно и то же время, причем ни один не уменьшает количества другого: зло болезни и зло тягостного и недействительного лечения. Кажется, что отчасти вследствие некоторых подобных соображений происходило то, что, напр., прелюбодеяние или непозволительные связи между двумя полами или проходят обыкновенно совершенно безнаказанными, или наказываются ниже той степени, в которой бы законодатель расположен был наказывать их по другим причинам.

⁵ См. гл. XV (Случаи, не подлежа. наказ.), § 4.

⁶ Гл. XVI (Пропорц.), § 18, правило 7.

⁷ Гл. XV (Случаи, не подлежа. наказ.), § 3.

⁸ Гл. XI (Расположение), § 35 и пр.

XIV.

Во-вторых, случаи, где политическое наказание, прилагаемое к правонарушению, может быть неприбыльно в силу могущей явиться опасности вовлечь невинного в судьбу, назначенную только для виновного. Откуда же должна являться эта опасность? От могущей явиться трудности установить идею преступного действия, т.е. от трудности подвергнуть его достаточно ясному и точному определению, которое бы могло успешно предохранить от дурного применения. Эта трудность может являться из двух источников: одного постоянного, т.е. из свойства самых *действий*; другого случайного — я разумею качества *людей*, которым придется разбирать эти действия правительственным путем. Когда трудность является из этого последнего источника, она может зависеть отчасти от того употребления языка, которое *способен* делать *законодатель*; отчасти от того употребления языка, которое, по мнению законодателя, расположен делать из него *судья*. Относительно самого законодательства эта трудность будет зависеть от степени совершенства, до которого язык дошел, во-первых, в нации вообще, во-вторых, у самого законодателя в частности. Сознанию этой трудности мы можем, кажется, приписать ту осторожность, с которой большинство законодателей воздерживалось предавать осуждению со стороны закона такие действия, которые подходят под понятие, например, грубости, или предательства, или неблагодарности. Попытка подвести такие неопределенные и сомнительные акты под контроль закона будет свидетельствовать или о весьма незрелом веке, когда еще не замечены трудности, порождающие эту опасность, или о весьма просвещенном веке, когда эти трудности побеждены⁹.

XV.

Чтобы приобрести более ясную идею о границах между искусством законодательства и частной этикой, теперь пора вспомнить выше установленные отличия относительно этики вообще. Степень, в которой частная этика нуждается в помощи законодательства, бывает различна в трех выше различенных ветвях обязанности. Из правил нравственной обязанности всего меньше, кажется, нуждаются в помощи законодательства правила *благоразумия*. Если человек когда-нибудь может недостаточно исполнить свою обязанность к самому себе, это может быть только вследствие какого-нибудь недостатка в понимании. Если он делает дурно, то это может быть не по какой-то иной причине, кроме как какой-нибудь *невнимательности*¹⁰ или какого-нибудь *дурного* (неправильного) *расчета* относительно обстоятельств, от которых зависит его счастье. Жалоба, что человек мало знает самого себя, стала общим местом. Положим, что и так: но неужели так несомненно, что законодатель должен знать больше?¹¹ Очевидно, что законодатель не может ничего знать об индивидуумах; очевидно поэтому, что относительно тех пунктов поведения, которые зависят от частных обстоятельств каждого индивидуума, он не может сделать никаких удачных определений. Он может иметь какое-нибудь притязание на вмешательство только относительно тех широких

⁹ В некоторых странах, где голос народа имеет особенную власть над рукой законодателя, ничто не может сравниться с силой тех опасений, которые испытывают люди при виде каких-нибудь слишком положительных мероприятий, делаемых под заглавием *диффамации*, особенно той ветви ее, которую можно назвать *политической*. Эти опасения основываются, кажется, отчасти на том, что люди находят благоразумным предполагать недостаток искусства или прямоты на стороне законодателя (относительно этого предмета), отчасти на том, что они таким же образом предполагают недостаток прямоты на стороне судьи.

(Смысл замечания Бентама состоит в том, что закон о диффамации при малейшем недостатке его редакции или при малейшем недостатке в его применении судьями может стать орудием одной (т.е. обыкновенно сильнейшей) политической партии против другой и в особенности подорвать свободу слова и свободу печати. — Прим. перев.)

¹⁰ См. гл. IX (Сознательность).

¹¹ В подобных случаях никогда не должно забывать известной истории об окулисте и пьянице. Один поселянин, повредив свое зрение пьянством, пришел за советом к знаменитому окулисту. Он нашел окулиста за столом и за стаканом вина. «Вам надо перестать пить», — сказал окулист. «Как так? — отвечал поселянин. — Вам это надо, и мне кажется, что ваши глаза тоже не в лучшем состоянии». — «Это совершенно справедливо, приятель, — возразил окулист, — но вы должны знать, что я люблю бутылку больше, чем свои глаза».

линий поведения, которые могут быть приняты всеми лицами или весьма обширными и постоянными разрядами лиц; и даже здесь уместность его вмешательства во множестве случаев будет весьма подлежать спору. Во всяком случае он никогда не должен ожидать, что получит совершенное согласие с собой одной только силой санкции, автор которой есть он сам. Все, на что он может надеяться, — это увеличить действенность частной этики, давая силу и направление влиянию нравственной санкции. Какой бы шанс успеха мог, например, иметь законодатель, если бы он взялся искоренять пьянство и незаконные половые связи силой легального наказания? Этого не могли бы достигнуть никакие мучения, которые бы могла выдумать людская изобретательность: и прежде, чем он бы получил какой-нибудь успех, это наказание произвело бы такую массу зла, которая бы в тысячи раз превзошла величайшее возможное зло от самого преступления. Чрезвычайно трудно было бы искать доказательств — вещь, которой нельзя было бы предпринять с какой-нибудь вероятностью успеха, не распространяя ужаса в каждом семействе¹² не разрывая уз симпатии¹³ и не искореняя влияния всех общественных мотивов. Итак, все, что он может сделать с какой-нибудь надеждой на успех против преступлений этого свойства путем прямого законодательства, — это подвергнуть их в случае публичности легкому осуждению, чтобы этим набросить на них легкую тень искусственной дурной репутации.

XVI.

Можно заметить, что относительно этой ветви обязанности законодателя, вообще говоря, расположены были вести свое вмешательство именно до тех пределов, пока это было полезно. Великая трудность состоит здесь в том, чтобы убедить их остаться в известных границах. Тысяча мелких страстей и предрассудков побуждали их стеснять свободу подданного в этом направлении — в таких случаях, где наказание или вовсе не сопровождается никакой прибылью, или не сопровождается такой, которая бы вознаградила издержку.

XVII.

Вред этого рода вмешательства в особенности виден в законах по предмету религии. Рассуждение в этом случае бывает следующего рода. В предметах веры есть известные ошибки, к которым склонны все люди; и за эти ошибки в суждении Существо бесконечной благосклонности определяет наказывать их бесконечными мучениями. Но сам законодатель бывает необходимо свободен от возможности этих ошибок: потому что люди, которым случается быть его советниками, будучи людьми совершенно просвещенными, ничем не связанными и свободными от всяких предубеждений, имеют такие преимущества перед остальным миром, что когда они принимаются исследовать истину относительно столь ясных и всем знакомых предметов, то они не могут не найти этой истины. В таком случае, когда правитель видит, что его народ готов с головой погрязнуть в огненной бездне, не должен ли он протянуть руку для его спасения? Таков, кажется, был, например, ход рассуждения и таковы мотивы, которые побудили Людовика XIV к его принудительным мерам для обращения еретиков и утверждения истинно верующих. В основе — чистая симпатия и милосердие; в результате — все ужасные бедствия, какие только могла бы придумать самая решительная злонамеренность¹⁴.

¹² Зло предвидения; третья ветвь зла наказания. См. гл. XV, § 4.

¹³ Производное зло; четвертая ветвь зла наказания. Там же.

¹⁴ Я не думаю этим сказать, чтобы в развитии упомянутого предприятия не могли участвовать другие мотивы менее общественного свойства и чтобы они, вероятно, и не участвовали в нем на деле. Но в смысле возможности вышеупомянутого мотива, сопровождаемого такой нитью рассуждений, и без всяких других мотивов было бы достаточно, чтобы объяснить все упомянутые результаты, из него происшедшие. Если вмешиваются какие-нибудь другие мотивы, их вмешательство, как оно ни естественно, может считаться случайным, а не существенным обстоятельством, необходимым для произведения этого результата. Симпатия, внимание к опасности, которой люди, по-видимому, подвергаются, порождает желание освободить их от нее; это желание обнаруживается в форме приказания; это приказание производит неповиновение; неповиновение с одной стороны производит разочарование в другой; страдание разочарования производит недоброжелательство к тем, кто производит его. Эти чувства часто могут сменить друг друга скорее, чем мы это описываем. Чувство

XVIII.

Правила *честности* суть те, которые — относительно полезности — всего больше нуждаются в помощи со стороны законодателя и в которых на деле его вмешательство было самое обширное. Бывает мало случаев, в которых *было бы* полезно наказывать человека за вред *самому себе*; но бывает мало случаев (если только они есть), где *бы не было* полезно наказывать человека за вред его ближнему. Относительно той ветви честности, которая противопоставляется преступлениям против собственности, частная этика самым существованием этой ветви обязана некоторым образом законодательству. Законодательство должно сначала определить, какие вещи должны считаться собственностью каждого человека, прежде чем общие правила этики могут иметь какое-нибудь частное приложение к этому предмету. То же самое бывает с преступлениями против государства. Без законодательства не было бы такой вещи, как © государство; не было бы особенных лиц, облеченных властью, которая должна употребляться для блага остальных. Ясно поэтому, что в этой ветви нигде нельзя обойтись без вмешательства законодателя. Мы должны сначала знать, в чем состоят требования законодателя, прежде чем можем знать, в чем состоят требования частной этики¹⁵.

XIX.

Что касается правил благотворительности, то они в своих подробностях необходимо должны быть в большой мере предоставлены юрисдикции частной этики. Во многих случаях благотворительное качество актов существенно зависит от расположения агента, т.е. от мотивов, которыми он, по-видимому, руководствовался при их совершении, от их принадлежности к отряду симпатии, любви к дружбе или любви к репутации, а не к какому-нибудь отряду личных мотивов, приведенных в действие силой политического принуждения — одним словом, от того качества актов, по которому поведение человека называется *свободным и добровольным*, в одном из многих смыслов, даваемых этим двусмысленным выражением. Впрочем, границы закона в этом отделе способны, кажется, быть распространены значительно дальше, чем они распространялись до сих пор. В частности, в тех случаях, где лицо находится в опасности, как не сделать обязанностью для каждого человека спасти другого от вреда, когда это может быть сделано им без ущерба самому себе; или как не сделать обязанностью воздерживаться от причинения другому человеку этого вреда? Эта идея и принята в главном нашем труде.

XX.

Чтобы закончить этот отдел, соберем и сведем в один пункт разницу между частной этикой, рассматриваемой как искусство или как наука, с одной стороны, и той ветвью юриспруденции, которая заключает в себе искусство или науку законодательства, с другой. Частная этика научает, каким образом каждый человек может располагать собой (направлять себя), чтобы принять образ действий, наиболее ведущий к его счастью, посредством тех мотивов, которые представляются сами собой; искусство законодательства (которое может считаться одной ветвью науки о праве, или юриспруденции) научает, каким образом масса людей, составляющих общество, может быть расположена и (направлена) принять такой образ действий, который в целом наиболее ведет к счастью целого общества, посредством мотивов, которые прилагаются законодателем.

Мы переходим теперь к определению границ между уголовным и гражданским правом или юриспруденцией. Для этой цели может быть полезно дать ясное, хотя только самое общее понятие о

задетой гордости и другие видоизменения любви к репутации и любви к власти прибавляют в огонь горячих веществ. Род мщения усиливает суровости политики принуждения.

¹⁵ Но предположим, что требования законодательства не таковы, каковы бы они *должны* быть: каковы тогда будут или (что в этом случае одно и то же) должны быть требования частной этики? Совпадают ли они с требованиями законодательства, или противоположны им, или остаются нейтральны? Это вопрос весьма интересный; но он не относится теперь к нашему предмету. Он принадлежит исключительно частной этике. Принципы, которые могут повести к его решению, изложены мной во «Фрагменте о правительстве» р. 150, изд. 1776; р. 114, изд. 1823.

главных отраслях, на которые обыкновенно делится юриспруденция, рассматриваемая в самом обширном объеме.

§ 2. Юриспруденция, ее отрасли

XXI.

Юриспруденция есть фиктивное понятие; и для этого слова нельзя найти никакого значения иначе, как поставив его вместе с каким-нибудь словом, которое бы означало реальное понятие. Чтобы знать, что такое юриспруденция, мы должны, например, знать, что понимается под книгой о юриспруденции. Книга о юриспруденции может иметь одну из двух целей: 1) определить, что такое закон¹⁶; 2) определить, каков он должен быть. В первом случае она может быть названа книгой об объяснительной (expository) юриспруденции; в другом случае она может быть названа книгой о критической (sensorial) юриспруденции или книгой об искусстве законодательства.

XXII.

Книга об объяснительной юриспруденции может быть *авторитетной* или *неавторитетной*. Она называется авторитетной тогда, когда составлена человеком, который, представляя такое или другое состояние закона, бывает виновником этого состояния, т.е. когда она составлена самим законодателем; она называется неавторитетной, когда она есть произведение какого-нибудь другого лица вообще.

XXIII.

Но *закон*, взятый неопределенно, есть выражение отвлеченное и собирательное, которое, если оно что-нибудь значит, может значить ни больше ни меньше, как целую сумму множества индивидуальных (отдельных) законов, взятых вместе¹⁷. Отсюда следует, что, какие бы видоизменения ни способна была принять книга о юриспруденции, все они должны быть взяты из какого-нибудь обстоятельства, которое способны принять такие индивидуальные законы или собрания, в которые они могут быть распределены. Обстоятельства, породившие главные отрасли юриспруденции, о которых мы привыкли слышать, кажется, следующие: 1) *распространение* (extent) этих законов относительно господства; 2) *политическое качество* лиц, поведение которых они берутся направлять; 3) *время*, когда они находились в силе; 4) способ, в каком они были выражены; 5) их отношение к предмету *наказания*.

XXIV.

Во-первых, относительно распространения то, что говорится о законах, может относиться или к законам той или другой нации или наций в частности, или к законам всех наций вообще: в первом случае о книге можно сказать, что она относится к *местной* юриспруденции; во втором — ко *всеобщей*.

Но из бесконечного разнообразия наций, существующих на земле, нет двух, которые бы вполне были согласны в своих законах; конечно, нет двух, которые были бы согласны в целом, быть может, даже и в одной статье; и, если бы даже они были согласны сегодня, они не будут согласны завтра. Это довольно ясно относительно *сущности* законов; и было бы еще более удивительно, если бы они соглашались в *форме*, т.е. если бы они выражались именно теми же оборотами фраз. Этого мало: так как языки наций обыкновенно различны, как и их законы, то, строго говоря, они редко

¹⁶ Значение слова «закон», которое само нуждается в определении, мы указываем дальше: потому что нельзя всего сделать за один раз. А пока читатель пусть соединяет с ним то понятие, какое он привык соединять.

¹⁷ В большей части европейских языков есть два разные слова для различения отвлеченного и конкретного смысла этого слова: эти слова так различны, что не имеют даже этимологического родства. Напр., в латинском есть *lex* (закон) для конкретного смысла, *jus* (право) для отвлеченного; в итал. *legge u diritto*; франц. *loi u droit*; нем. *Gesetz u Recht*. Английский язык не имеет теперь этого преимущества.

имеют даже одно общее *слово*. Впрочем, в числе слов, принятых в предмет закона, есть несколько слов, которые во всех языках довольно точно соответствуют друг другу: так что они почти как будто одни и те же. Таковы, например, слова, соответствующие словам «*власть*» (power), «*право*» (right), «*обязательство*» (obligation), «*свобода*» (liberty) и многие другие.

Отсюда следует, что если есть какие-нибудь книги, которые, собственно говоря, могут назваться книгами о всеобщей юриспруденции, то их надо искать в весьма узких границах. Между объяснительными не может быть авторитетных и даже неавторитетных, насколько речь идет о *сущности* законов. Для того, чтобы иметь всеобщее приложение, все, что может излагать книга объяснительного рода, — это излагать значение слов: чтобы быть всеобщей в строгом смысле, она должна ограничиться терминологией. Поэтому те определения, которые нам случилось помещать иногда в течение нашего настоящего изложения, и в особенности дальнейшее определение слова «*закон*», могут считаться предметом, принадлежащим ко всеобщей юриспруденции. Так это надо понимать в строгом смысле: хотя обыкновенно, когда человек, излагая свои понятия о законе, расширяет свой взгляд на несколько наций, с которыми всего ближе связана его собственная нация, его сочинение довольно часто считается относящимся ко всеобщей юриспруденции.

Самое большое место для исследований, применимых к обстоятельствам всех наций одинаково, является в критическом направлении: и в этом направлении ко всеобщему применению бывают способны как *сущность* разбираемых законов, так и слова. Чтобы законы всех наций или даже каких-нибудь двух наций совпадали во всех пунктах — это и нежелательно, да и невозможно; но есть, кажется, несколько основных пунктов, относительно которых законы всех цивилизованных наций могли бы без неудобства быть одни и те же. Обозначить некоторые из этих пунктов, насколько это возможно, составляет содержание настоящей работы.

XXV.

Во-вторых, относительно *политического качества* лиц, поведение которых есть предмет закона. Эти лица во всяком данном случае могут рассматриваться или как члены одного и того же государства, или как члены разных государств: в первом случае закон может быть отнесен к отделу *внутренней*, во втором — к отделу *международной* юриспруденции.

Но что касается каких-нибудь дел, которые могут иметь место между индивидуумами, подданными разных государств, то эти дела управляются внутренними законами и решаются внутренними трибуналами одного из этих государств: то же бывает, когда государь одной страны имеет какие-нибудь непосредственные дела с частным человеком другой страны, причем государь вступает, *pro te nata*, в положение частного человека и передает дело тому или другому трибуналу, или требуя прибыли, или защищаясь от тягости. Остаются, наконец, взаимные дела между государями как таковыми, и эти дела составляют предмет той отрасли юриспруденции, которая может быть собственно и исключительно названа *международной*¹⁸.

Насколько верно или удобно правила для поведения лиц этого рода могут подойти под название *законов*, это вопрос, который можно будет решить тогда, когда более подробно разъяснится свойство предмета, называемого законом.

Довольно ясно, что как внутренняя, так и международная юриспруденция может быть объяснительной и критической, авторитетной и неавторитетной.

XXVI.

¹⁸ Во времена Иакова I английского и Филиппа III испанского некоторым лондонским купцам случилось иметь претензию к Филиппу, которую его посланник Гондемар не находил нужным удовлетворять. Они обратились за советом к Сельдену, который посоветовал им призвать испанского государя к суду King's Bench и преследовать его в смысле outlawry, поставления вне закона или лишения прав. Они так и сделали; лондонские шерифы получили, как следует, приказание в обычной форме схватить ответчика Филиппа, если бы он оказался где-нибудь в их округе. Филипп, вероятно, не очень боялся шерифов: но то, что отвечало той же цели, заключалось в том, что ему случилось со своей стороны иметь претензию к другим купцам, против которых он не мог действовать судом, пока оставалось в силе упомянутое лишение прав. Гондемар заплатил деньги (Selden's Table-Talk, tit. Law). Это была внутренняя юриспруденция: если бы спор происходил между Филиппом и самим Иаковом, то это была бы юриспруденция международная.

Далее, внутренняя юриспруденция может относиться или ко всем членам государства безразлично, или только к тем, которые привязаны к какому-нибудь частному округу или своим местопребыванием, или иным образом. Поэтому юриспруденция различается иногда на национальную и провинциальную. Но так как эпитет «провинциальный» едва ли приложим к таким небольшим округам, каковы часто бывают многие округа, имеющие свои особенные законы, как, напр., города, приходы и т.п., то более удобно может быть слово «местный» (где, очевидно, о всеобщей юриспруденции не может быть речи) или слово «частный» (particular), хотя это последнее не очень характерно.

XXVII.

В-третьих, относительно *времени*. В книге объяснительного рода разбираемые законы могут быть или такие, которые еще имеют силу, когда книга пишется, или такие, которые уже утратили эту силу. В последнем случае предмет книги может быть назван *древней*; в первом — *настоящей* или *живой* юриспруденцией, т.е. если существительное «юриспруденция», а не какое-нибудь другое должно быть непременно употреблено, и притом с эпитетом в обоих случаях. Но в сущности книга первого рода есть скорее книга об истории, чем об юриспруденции; и если это последнее слово может выражать предмет, то только с прибавкой таких слов, как *история* или *древности*. Если же речь идет именно о тех законах, которые еще имеют силу, а не о других, то слова «настоящий» или «живой» обыкновенно не прибавляются.

Когда книга бывает в таких обстоятельствах, что законы, составляющие ее предмет, хотя и находятся в силе, когда она пишется, но после не имеют этой силы, то книга не есть книга о живой юриспруденции, ни книга об истории юриспруденции; она уже не есть первая и никогда не была последней. Очевидно, что вследствие перемен, которые должны от времени до времени происходить в большей или меньшей степени во всяком кодексе законов, — всякая книга о юриспруденции объяснительного свойства должна в течение нескольких лет также разделить это положение.

Самая обыкновенная и самая полезная цель истории юриспруденции есть представить обстоятельства, сопровождавшие установление законов, действующих теперь. Но изложение вымерших законов, замененных другими, неразрывно переплетается с изложением живых, которые их заменили. Большая польза обеих этих отраслей науки — та, что они доставляют примеры искусства законодательства¹⁹.

¹⁹ Какого рода работы Гроция, Пуфендорфа и других? Являются ли они политическими или этическими, историческими или юридическими, объяснительными или критическими? Иногда — одним, иногда — другим: кажется, сами авторы не уяснили себе этого. Это — недостаток, которому подвержены все те книги, которые берут своим предметом поддельный «закон природы»: смутный фантом, который в воображении всех тех, кто начинает преследовать его, иногда указывает на манеры, иногда — на *законы*, порой — на то, каковы законы *есть*, порой — на то, какими они *должны быть*. Монтескье настроился на критический план: но задолго до того, как он достиг заключения, он забыл о первоначальном замысле, отбросил подход критика и принял подход антиквара. Книга Беккариа, первая из всех, которая является единообразно критической, завершается, как и начинается, уголовным законодательством.

XXVIII.

В-четвертых, относительно *выражения* законы могут существовать или в форме *статут*ов, или в форме *обычного* закона.

Что касается различия между этими двумя отраслями (касающимися только формы или выражения), то она может быть объяснена, когда несколько более определится значение закона.

XXIX.

Наконец, всего запутаннее и всего чаще является на сцену то различие, которое делается между *гражданской* отраслью юриспруденции и *уголовной*.

Что такое кодекс уголовных законов? Что такое гражданский кодекс? Какого свойства их содержание? Есть ли это два рода законов — одни уголовные, другие гражданские, так что в уголовном кодексе все законы уголовные, а в гражданском — все гражданские? Или же во всяком законе бывает нечто, имеющее уголовное свойство и поэтому принадлежащее к уголовному кодексу, и в то же время есть и нечто, имеющее гражданское свойство и потому принадлежащее к гражданскому кодексу? Или же так, что некоторые законы принадлежат тому или другому кодексу исключительно, между тем как другие разделяются между обоими? Чтобы отвечать на эти вопросы сколько-нибудь удовлетворительно, необходимо определить: что такое *закон*, разумея один целый, но отдельный закон; и на какие части закон как закон может разделяться; или, другими словами, определить: какие свойства должен иметь всякий предмет, который может правильно получить название закона? (Это будет задачей третьего или четвертого отдела; что касается слова «криминальный» в применении к закону, то это будет разобрано особо в пятом отделе.)

(На этом заканчивается первоначальный труд, в том положении, до какого он был доведен в ноябре 1780 г. Следующее дальше добавление сделано в январе 1789 г.)

1. Третий, четвертый и пятый отделы, которые должны были быть прибавлены к этой главе, не будут прибавлены ни теперь, ни позднее, потому что для того, чтобы дать их сколько-нибудь полным и удовлетворительным образом, потребовалось бы значительная книга. Эта книга составит особое сочинение.

Следующие дальше замечания дадут легкое понятие о свойствах задачи, которую должен разрешить труд; в то же время они доставят вовсе, конечно, не удовлетворительный ответ на упомянутые в тексте вопросы, но общее и легкое указание на тот путь, которым нужно идти к этому ответу.

2. Что такое закон? Каковы части закона? Предмет этих вопросов, заметим, есть логическое, идеальное, интеллектуальное целое, но не *физическое*: *закон*, а не *статут*. Исследование об этом последнем предмете не представляло бы трудности и не требовало бы знаний. В этом смысле все, что выдано за закон лицом или лицами, за которыми признана власть делать законы, есть *закон*. Метаморфозы Овидия, если бы они были даны таким образом, были бы законом. То, что было принято одним и тем же актом легализации, что за один раз получило прикосновение скипетра, есть *один* закон, целый закон. Статут Георга II, изданный для того, чтобы поставить «или» вместо «и» в одном прежнем статуте, есть полный закон; полнее этого не был бы статут, заключающий целое собрание законов, совершенных во всех своих частях. Итак, под словом «*закон*», как оно встречается дальше, разумеется идеальный предмет, которого часть, целое или множественность или собрание частей, целых, множественностей, соединенных вместе, представляются статутом, но не статут, представляющий их.

3. Всякий закон, когда он полон, бывает принудительного или непринудительного свойства.

Принудительный закон есть *повеление*.

Непринудительный (или, скорее, разрешающий принуждение, *uncoercive*, *discoercive*) закон есть *отмена* принудительного закона в целом или в части.

4. То, что называется *декларативным законом*, когда он отличается и от принудительного и от непринудительного закона, собственно говоря, не есть закон. Это не есть выражение акта воли, действующей в это время: это только извещение о существовании закона принудительного или непринудительного рода, который уже есть извещение о существовании какого-нибудь документа, выражающего акт воли, действовавшей не в это время, а в какой-нибудь прежний период. Если этот закон больше, чем только извещение об этом факте, т.е. о прежнем существовании закона того или

другого рода, — он *pro tanto* перестает быть декларативным и принимает качество принудительного или непринудительного.

5. Всякий принудительный закон создает *преступление*, т.е. превращает акт того или другого рода в преступление. Только этим способом он может налагать *обязательство* или *производить принуждение*.

6. Закон, ограничивающийся созданием преступления, и закон, повелевающий налагать наказание в случае совершения такого преступления, суть два разных закона: это не части (как это, кажется, до сих пор вообще объяснялось) одного и того же закона. Акты, которые они повелевают, совершенно различны; лица, к которым они обращены, совершенно различны. Пример: «Пусть человек не ворует»; и: «Пусть судья велит повесить всякого, кто уличен в воровстве».

Эти законы могут быть названы, первый — *императивным* законом, второй — *карательным* (*punitory*); но если карательный повелевает наложение наказания, а не просто допускает его, то он есть также императивный, как и другой; только он при этом еще карательный, тогда как первый — нет.

7. Закон непринудительного рода, рассматриваемый сам по себе, не может иметь карательного закона, который бы принадлежал к нему: чтобы получить помощь и поддержку карательного закона, он должен сначала получить помощь императивного или принудительного закона, и к этому закону, а не к непринудительному присоединится карательный. Пример — непринудительный закон: «Шериф имеет власть вешать всякого, кого судья, поступая должным образом по закону, велит ему повесить». Пример принудительного закона, сделанного в поддержку упомянутого непринудительного закона: «Пусть никто не мешает шерифу вешать всякого, кого судья, поступая должным образом по закону, велит ему повесить». Пример карательного закона, сделанного в поддержку упомянутого принудительного закона: «Пусть судья велит заключить в тюрьму всякого, кто попытается мешать шерифу повесить кого-нибудь, кого судья, действуя должным образом по закону, велит ему повесить».

8. Но хотя императивный закон и присоединенный к нему карательный так отличны один от другого, что первый не заключает в себе ничего из последнего, а последний в прямом своем смысле не заключает в себе ничего из первого; но по связи смысла — и притом необходимой — карательный закон включает в себя значение простого императивного закона, к которому он присоединяется. Сказать судье: «Вели повесить всякого, кто должным образом по закону будет уличен в воровстве», — значит, хотя не прямым, но все-таки столь же понятным образом, внушить людям вообще, что они не должны воровать, как сказать им прямо: «Не воруйте»; и легко видеть, насколько вероятнее, что первый способ будет более действителен.

9. Казалось бы поэтому, что везде, где к простому императивному закону должен быть прибавляем закон карательный, можно бы совсем обойтись без первого: и в таком случае, исключая только (и это исключение, естественно, кажется, не встречалось бы часто) закон, способный отвечать своей цели без подобного прибавления, — во всем кодексе не было бы необходимости в других законах кроме карательных или, другими словами, законов *уголовных*. И быть может, это бы так и было, если бы не было необходимости в обширном количестве содержания *объяснительного* рода, о котором мы и будем теперь говорить.

10. Когда речь идет о повелениях, налагаемых с силой публичного закона, то во многих примерах, и, вероятно, в большей части, а быть может, и во всех примерах таких повелений, будет случаться, что при выражении такого повеления необходимо будет прибегать к терминам, слишком запутанным по своему значению, и излагать требуемые идеи без помощи большего или меньшего количества материала *объяснительного* рода. Такие термины, вроде условных алгебраических символов, представляют скорее замену и указание терминов, которые бы, собственно говоря, могли выразить требуемые идеи, чем реальное и непосредственное изображение этих идей.

Возьмите, например, закон: «Ты не должен воровать». Если бы такое повеление на том и остановилось, оно никогда бы не могло достаточно выполнить намерение закона. Такое неопределенное и неясное слово может выполнить это намерение не иначе, как внушая общим образом разнообразные положения, из которых каждое, чтобы перейти в понимание, требует более особенного количества терминов. Например, воровство (по определению, собственно, не довольно точному, но достаточному для настоящей цели) есть «взятие вещи, принадлежащей другому, человеком, который не имеет *права* (*title*) так делать» и «с сознанием, что этот человек не имеет этого права». Предполагая, что это объяснение правильно, можно ли полагать, что даже при этом объяснении закон выражен полно? Конечно, нет. Потому что, что значит: «человек, который не имеет *права* взять вещь»? Чтобы быть полным, закон, кроме множества других вещей, должен был

представить два каталога: во-первых, каталог тех событий, которым дано свойство *сообщать право* в таких случаях; во-вторых, каталог событий, которым дано качество *взятия*. Что же следует из этого? То, что для того, чтобы человек *своровал*, чтобы человек не имел права на то, что он взял, нужно, чтобы ни одна из статей первого каталога не пришлась в его пользу, или, если бы пришлась, нужно, чтобы какая-нибудь статья второго каталога пришлась не в его пользу, против него.

11. Итак, свойство общего закона таково, что, когда императивная часть его, так сказать, *punctum saliens* этого искусственного целого, может не превышать двух-трех слов, его объяснительное прибавление, без которого эта императивная часть не могла бы правильно исполнить своего назначения, может наполнить значительную книгу.

То же самое может быть и в частном приказании, даваемом в домашней жизни. Так, книгопродавец говорит своему приказчику: «Перенеси из этой лавки в мою новую лавку все мои книги согласно этому печатному каталогу». «Перенеси из этой лавки в мою новую лавку все мои книги» — есть императивная часть приказания; упомянутый каталог включает в себе объяснительное прибавление.

12. Одна и та же масса объяснительного материала может служить вместе для многих повелений, для многих масс императивного материала. Так, между прочим, два упомянутые (см. выше, § 9) каталога событий, дающих *право*, и событий, определяющих *взятие*, будут принадлежать вообще всем или большей части законов, создающих различные преступления против собственности. Так, в математических чертежах одно основание может служить для множества треугольников.

13. Когда этот объяснительный материал так непохож по своему составу на императивный, неудивительно, что связь первого с последним ускользала от наблюдения: и это в самом деле случается почти постоянно. И до тех пор, пока представляется какая-нибудь масса законодательного материала, которая сама по себе не императивна, и наоборот, или такая, связь которой с материалом того или другого рода остается непонятой, до тех пор истина положения, что «*Всякий закон есть повеление или его противоположность*», будет оставаться незамеченной или будет казаться сомнительной; до тех пор может оставаться также неоткрытой и неполнота большей части тех масс законодательного материала, которые носят характер полных законов, как будет оставаться неоткрытым и тот метод, посредством которого их можно было бы сделать действительно полными.

14. Обстоятельство, которое естественно будет увеличивать трудность открытия, есть большое разнообразие тех способов, которыми может передаваться императивность закона, большое разнообразие форм, которые может безразлично принимать императивная часть закона и которые выражают его императивное качество, одни — более прямо, другие — менее прямо. «Ты не должен воровать». «Пусть человек не ворует». «Кто ворует, тот будет наказан так и так». «Если кто-нибудь будет воровать, тот будет наказан так и так». «Воровство есть то, когда человек делает так и так; наказание за воровство бывает такое и такое». «Ведение таких-то и таких-то преступлений», именно «воровства», «принадлежит судьям», так и так называемым, так и так назначаемым, и пр. Это только часть из того множества форм, которыми может одинаково быть выражено повеление, запрещающее воровство; и ясно, до какой степени в некоторых из них императивное качество затуманено и скрыто от обыкновенного понимания.

15. После этого разъяснения одно или два общих положения, которые могут быть выведены, помогут нам несколько лучше понять структуру и содержание полного состава законов. Сколько создано разных родов *преступлений*, столько есть разных законов *принудительного* разряда; сколько сделано *исключений* в определениях этих преступлений, столько есть законов *непринудительного* рода.

Поэтому делить на классы *преступления* (как мы старались сделать это в предыдущей главе) — значит делить на классы *законы*; представить полный каталог всех преступлений, созданных законом, включая сюда всю массу объяснительного материала, необходимого для установления и выражения значения терминов, заключающихся в разных законах, которые создают эти различные преступления, — представить этот каталог значило бы представить полное собрание находящихся в силе законов; словом, представить полный кодекс законов, *панномиион*, если можно так сказать.

16. Из той неясности, в которой лежат границы *закона* и различие между законом гражданского или простого императивного рода и законом карательным, следует неясность границ между гражданским и уголовным *кодексом*, между гражданской и уголовной отраслями закона.

Вопрос: «Какие части целой массы законодательного материала принадлежат гражданской отрасли и какие — уголовной?» — предполагает, что есть разные государства или, по крайней мере, одно такое государство, которое имеет и гражданский, и уголовный кодекс, каждый полный в своем

роде и определенный известными границами. Но до сих пор такого государства еще не существовало.

Чтобы поставить вопрос, на который можно было бы дать верный ответ, мы должны заменить предыдущий вопрос другим, как, напр., следующим.

Предположим, что в настоящую минуту надобно составить две массы законодательного материала, одну — под именем гражданского кодекса, другую — под именем уголовного кодекса, считая каждый полным в своем роде: какой естественно предположить общий способ, по которому бы следовало распределить между ними эти разные роды материала, как они различены выше?

На этот вопрос следующий ответ, кажется, всего больше подходит к истине.

Гражданский кодекс не состоял бы из собрания гражданских законов, которые были бы полны сами по себе и совершенно отделены от всех уголовных законов.

И *уголовный* кодекс так же точно не состоял бы (мы видели, что он и не может состоять) из собрания карательных законов, совершенно полных сами по себе и отдельных от всех гражданских законов.

17. Гражданский кодекс состоял бы главным образом из одних масс объяснительного материала. Императивный материал, к которому принадлежали бы эти разные массы объяснительного материала, находился бы — не в том же самом кодексе — не в гражданском кодексе — и не в чистом состоянии, свободный от всякой примеси карательных законов; но в уголовном кодексе — в состоянии комбинации, — заключенный вышеобъясненным образом в разных соответственных карательных законах.

18. Итак, уголовный кодекс состоял бы главным образом из карательных законов, заключающих в себе императивный материал всего числа гражданских законов; вместе с которым находились бы, вероятно, и разные массы объяснительного материала, принадлежащего не гражданским, но карательным законам. Кодекс уголовных законов, изданный императрицей Марией Терезией, довольно хорошо подходит под это определение.

19. Масса законодательного материала, изданная на французском и немецком языках по воле Фридриха II прусского под названием Кодекса Фридриха, но никогда не получавшая силы закона²⁰, почти вполне состоит, например, из масс объяснительного материала, отношение которых к какому-нибудь императивному материалу понималось, кажется, только весьма несовершенно.

20. В этой огромной массе запутанности и несостоятельности в древнем Римском праве, или, как оно называется по преимуществу *гражданском* праве, императивный материал и даже все следы императивного характера, кажется, наконец, были поглощены объяснительным. *Esto* — был способ выражения древней простоты; *esto* — был способ выражения в двенадцати таблицах. Во времена Юстиниана (такой густой мрак произведен был туманом комментаторов) уголовный закон был свален в незанятый угол гражданского — целый каталог правонарушений или даже преступлений лежал в куче обязанностей — воля была скрыта под мнением — и первоначальное *esto* превратилось в *videtur* даже в устах самых деспотических властителей.

21. У варварских наций, выросших на развалинах Римской империи, закон, высвободившись из горы объяснительного хлама, снова принял на короткое время повелительный язык: и тогда его рекомендовала по крайней мере простота, если не что-нибудь другое.

22. Кроме гражданской и уголовной отрасли всякий полный кодекс законов должен заключать третью отрасль — *конституционную* (учредительную).

Конституционная отрасль посвящена главным образом определению — для особенных классов лиц — *власти*, которая должна употребляться для блага целого общества или значительных частей его, и предписанию *обязанностей* лицам, облеченным этой властью.

Эта власть создается главным образом, во-первых, непринудительными или дозволительными законами, действующими в виде исключений к известным законам принудительного и повелительного рода. Пример: «Сборщик податей в этом качестве может в таких и таких случаях брать такие и такие вещи без всякого другого *права* (title)».

Обязанности создаются императивными законами, обращенными к лицам, которым вручена власть. Пример: «При таком и таком случае такой и такой сборщик податей может брать такие и такие вещи». «Такой-то судья в таком-то случае должен велеть вешать лиц, совершивших такое-то преступление».

Те части, которые служат указанием, кто те индивидуумы, которые должны считаться принадлежащими к этим классам, не имеют ни позволительного, ни императивного характера.

²⁰ Mirabeau, Sur la Monarchie Prussienne, t. V, liv. 8, p. 215.

Они составляют массу объяснительного материала, принадлежащего всем законам, в составе которых встречаются имена этих классов лиц. Пример — императивный материал: «Пусть судья велит повесить всякого, кто должным образом по закону будет уличен в воровстве». Характер объяснительного материала: кто есть лицо, понимаемое под именем *судьи*? То лицо, которое было таким-то образом *облечено* этой должностью и относительно которого не случилось никакого *события* из числа тех, последствием которых считается приведение его в положение лица, *лишенного* этой должности.

23. Таким образом, в одном и том же законе, в одном и том же повелении материал будет разделяться не только между двумя большими кодексами или главными отраслями целого свода законов, гражданских и уголовных; но между тремя этими отраслями, гражданской, уголовной и конституционной (учредительной).

24. В тех странах, где значительная часть закона существует не в какой иной форме, как в форме того, что называется в Англии «Common law», но точнее могло бы называться «судебным» законом, должно быть множество законов, значение которых не может быть достаточно объяснено для практики, не прибегая за объяснительным материалом к этому «Common law». Так, в Англии нигде больше нет объяснения слова «title», составляющего основание всего здания законов о собственности. И так как неопределенность есть сущность всякой подобной части закона (в настоящую минуту он одет в известную авторитетную форму слов, отчего он изменяет свое свойство и переходит в другой разряд), то большая часть законов в подобных странах остается неопределенной и неполной. Какие эти страны? В настоящую минуту все страны на земном шаре.

25. Чем была бы наука архитектуры, если бы она не имела своей номенклатуры, если бы у нее не было установленных имен для различения разных родов зданий или разных частей одного здания? Она была бы тем, что есть теперь наука законодательства, рассматриваемая относительно ее *формы*.

Чем были бы архитекторы, если бы они не сумели отличать дома от риги и стены от потолка? Они были бы тем, что есть все законодатели в настоящее время.

26. Из этого весьма легкого и несовершенного очерка могут быть извлечены не ответы на поставленные в тексте вопросы, но указание — и только несовершенное указание — на то, каким путем надо идти к этим ответам, и во всяком случае — некоторая идея как о трудности, так и о необходимости подобного труда.

Если бы сочтено было необходимым получить доказательство этой трудности и этой необходимости, то в этих доказательствах вовсе нет недостатка.

Возьмите, например, многочисленные благонамеренные старания со стороны народных обществ и благонамеренные советы в умных книгах удерживать высшие представительные собрания от составления законов в таких-то случаях и для таких-то результатов. Такие законы, чтоб отвечать предположенному намерению, требуют совершенного мастерства в науке закона, рассматриваемого относительно формы, — в этой своего рода анатомии; но совершенное или даже умеренное понимание этой науки не допустило бы выражения законов теми темными и несвойственными выражениями, в которых, как известно, они так часто излагаются; а совершенное знакомство с требованиями полезности по этому предмету также во многих, если не в большей части этих случаев отсоветовало бы эту попытку. Возьмите дело буквально, и, пытаясь предотвратить составление дурных законов, можно запретить им составление самых необходимых, быть может, даже всяких законов; оставьте букву, и они выразили бы не что иное, как если бы каждый человек сказал: «Ваши законы сделаются пустыми *ipso facto*, как скоро они заключают в себе что-нибудь не по моему вкусу».

Примеры таких неудачных попыток можно встретить в законодательстве многих наций; но нигде так часто, как в той новосозданной нации, которая в настоящее время есть одна из самых просвещенных, если не самая просвещенная нация на всем земном шаре.

27. Возьмите, например, *Декларацию Прав*, введенную законодательством собрания штата Северной Каролины в сентябре или около того в 1788 г. и которая, говорят, за небольшими исключениями, скопирована с такой же декларации, введенной штатом Виргиния²¹.

Не заходя дальше, первая и основная статья говорит, что:

«Есть известные естественные права, которых люди, составляя общественный договор, не могут отнять у своего потомства, и к числу этих прав принадлежит право пользования жизнью и свободой посредством приобретения, владения и защиты собственности и посредством поиска и обретения счастья и безопасности».

²¹ Recherches sur les Etats Unis, 8, 1788, I. p. 158.

Не останавливаясь на том недосмотре, что благо от объявленных таким образом прав ограничивается одним потомством, — что отсюда следует? Что — относительно тех, кого включает доставляемое таким образом покровительство, — всякий закон или другой порядок, *отнимающий* у человека *пользование жизнью* или *свободой*, остается без действия.

Поэтому остаются без действия, между прочим, все принудительные законы.

Поэтому относительно покровительствуемых таким образом лиц остается без действия всякое распоряжение, например, о том, чтобы платить деньги в качестве подати, или платить долги одного индивидуума другому, или еще как-нибудь иначе: потому что результатом этого распоряжения, если бы оно исполнялось, было бы *«отнимать»* у человека, *pro tanto*, пользование свободой, т.е. свободой платить или не платить, как он вздумает, — не говоря о том, что это препятствовало бы, напр., заключению в тюрьму в случае, если бы прибегнуто было к этому способу принуждения; точно так же это значило бы отнимать у человека собственность, которая сама есть «средство для приобретения, владения и защиты собственности и средство для искания и приобретения счастья и безопасности».

Поэтому относительно таких лиц остается без действия и всякое приказание напасть на вооруженного неприятеля во время войны; потому что необходимым результатом такого приказания было бы *«отнять»* у некоторых из этих лиц «пользование жизнью».

Упомянутых заключений может быть достаточно для примера — из бесчисленного множества других подобных примеров.

Известный танцовщик Марсель, опершись на локоть в позе глубокого и торжественного размышления, воскликнул: «Как много заключается вещей в *менуэте!*» Можем ли мы теперь прибавить — *«и в законе!»*

Упомянутая сейчас Виргинская декларация прав, изданная, как говорится в указанном выше французском сочинении, 1 июня 1776 г., не помещена в книге под заглавием «The Constitutions of the several independent States of America etc. Published by order of Congress. Philadelphia printed: Reprinted for Stockdale and Walker, London 1782», хотя эта книга содержит в себе форму правления, установленную в том же собрании между 6 мая и 5 июля того же года.

Но в этом издании помещена «Декларация прав» штата Массачусетс, составленная в 1779 и 1780 годах и в первой статье несколько похожая на приведенную выше; и «Декларация» Пенсильвании, изданная между 15 июля и 28 сентября, в которой это сходство кажется более значительным.

И кроме того, знаменитая «Декларация Независимости», изданная конгрессом 5 июля 1776 г., в которой после введения говорится следующее: «Мы считаем совершенно очевидными те истины, что все люди созданы равными; что они одарены Создателем известными неотъемлемыми правами; что к числу этих прав принадлежат жизнь, свобода и искание счастья».

Виргинская декларация есть, кажется, та, которая заявляет притязание на честь быть образцом для деклараций других штатов и относительно упомянутой основной статьи, по крайней мере, образцом и для названной сейчас общей Декларации независимости (см. Recherches etc. I, 197).

Кто не пожалеет, что такое разумное дело утверждалось на основаниях, которые до такой степени были способны скорее породить возражения, чем удалять их?

Но когда люди совершенно согласны и единодушны относительно мер, то нет таких слабых вещей, которые бы не могли сойти у них за *основание*; и это не первый пример на свете, когда заключение поддерживало собой посылки, а не посылки поддерживали заключение.